

Юлия Ник

Хроники любви провинциальной

Том 2

ЛИКИ СТАРЫХ
ФОТОГРАФИЙ,
ИЛИ
АНГЕЛЬСКАЯ
ЛЮБОВЬ

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

Книга 1

18+

Юлия Ник
Хроники любви
провинциальной. Том 2.
Лики старых фотографий,
или Ангельская любовь

*http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=57144950
SelfPub; 2020*

Аннотация

«Казачий пляс» – первая книга романа «Лики старых фотографий, или Ангельская любовь». 70-е годы. Молодой, амбициозный и талантливый везунчик по жизни, но слегка ею побитый, приехал к бабушкам изживать в пасторальной сельской тишине свои обиды. Юная девчонка, зализывает раны судьбы и притулилась в этом селе, как в уютной норке. Взрослый мужчина, обречённый жить в этом захолустье, внезапно обретает в этой девочке смысл жизни. Совсем не классический любовный треугольник. Две вершины из трёх должны соединиться для счастья. Всё закончится самым неожиданным образом уже в наше время. Но об этом в последней книге романа «Сквозь пепел цветы прорастают». Содержит нецензурную брань.

Содержание

Пролог	5
Книга первая	36
Глава 1. В наши дни	36
Глава 3. Письма деда	78
Глава 4. Неожиданные обстоятельства	105
Глава 5. Мститель	151
Глава 6. Карьеры бывают разными	178
Глава 7. Начало	236
Глава 8. Младшая сестра	259
Глава 10. Подарок	318
Глава 11. Первый успех	354
Глава 12. Новые возможности	377
Глава 13. Храмы Кхаджурахо и Короли	434
Глава 14. Принцесса	490
Глава 15. Колесо фортуны	544

Посвящается великим учёным и создателям, строителям и рабочим первого города атомной промышленности и атомной энергетики в СССР, городу, в котором была создана начинка атомной бомбы РДС-1, навсегда похоронившей мечту англосаксов разрушить и уничтожить Советский Союз. Городу Челябинск-40, его жителям и специалистам, всем людям, которые заслонили собой нас от атомной аварии 1957 года, посвящается.

Пролог

Существует множество книг о самых разных событиях, интересных судьбах, свершившихся в жизни чудесах, подвигах и предательствах. Только послевкусие от прочитанного со временем приобретает один вкус и смысл. Один. Но времени для понимания этого требуется разное в зависимости от жизненного опыта человека, от пережитого и прочувствованного.

Все книги об одном – о любви. Земной шар вертится вокруг любви человеческой. И эта книга тоже о ней. Но давно известно, что, даже слушая или читая одни и те же слова и фразы, каждый читатель воспринимает каждый звук, или даже букву, по своему, налагая их на свой личный опыт. Поэтому, если быть точным, ни один человек не в состоянии понять другого до конца. Совершенно понять. Даже самого близкого и любимого. Мать не до конца понимает своё дитя, а он – свою мать. Всегда остаются непонятые закоулки, логические ударения и, в конце концов, смысл, заложенный одним человеком в какую-то фразу, изменяется другим человеком иногда до неузнаваемости. Именно так, благодаря субъективному «недопониманию», или же сугубо сознательно, и меняется изложенный кем-то исторический смысл событий, их причины, их следствия. Но и смысл-то тоже меняется, и неизменно из-за чьей-то любви. Обязательно из-за

любви. «Ищите женщину!» – известный посыл французов, искушённых в изложении перипетий человеческих страстей.

И только сама любовь человеческая, как острая вершина, прорывается через все недоразумения, недомолвки, искажения, через всё – и непреодолимая и животворящая устремляется ввысь, вызывая к лучшим чувствам человека. Она одна остаётся, неизменная и сияющая, сокрушающая всё своей мощной силой притяжения и вечной юностью чувств.

Это основное чувство, владеющее человеком, – главный стимул его поступков. Всех поступков: от самых высоких вершин духа до самых низких, грязных и позорных.

Бог – есть любовь. Бог – это всё, что нас окружает.

И что ты сам, в котором обязательно есть Его частица, творишь с собой, со своей частицей Бога, того ты и достоин.

Меня окружает моя семья. Мой дом. Мой сад. Мой город. Мой лес. Мои озёра. Моя страна – Родина моя. Это – мой Бог. И всё, что есть в ней хорошего – сохранили и сделали люди. И всё, что есть в ней гадкого и позорного – натворили и творят люди.

И я.

Нет, в принципе, я – человек хороший, не жгу лесов, не выбрасываю объедки с балкона, даже не курю и не пью. Но иногда. ... Да нет, вру я. Но часто я – просто молчу, не хочу связываться с теми, кто выбрасывает помои, мусор прямо из окна на газон. Прохожу мимо, когда орут на ребёнка. Стараюсь забыть спящего у цыганской или таджикской

«мадонны» опоенного опиумом малыша. Стыдливо бросаю со- сиску брошенному котенку. Брошенному ЛЮДЬМИ котенку, но себе его не забираю, и не устраиваю его в приют, ибо уже живёт у нас в семьях четыре таких. У нас всегда такие потеряшки жили, и мне некогда проявить любовь ещё к одному несчастному существу. Нет времени.

У нас сегодня ни на что не хватает времени. А ведь: «... есть только миг – за него и держись...»

Во время войны оставалось огромное количество оставшихся без дома животных. Некоторым везло, проходившие мимо наши солдаты забирали их с собой, кормили, «усыновляли» котами или «псами полка», взвода, роты, Находили для них минуту ласки, кормили своим пайком, сохраняли им жизнь. Они сохраняли не просто жизнь щенку или котенку, не говорю уже о детях, легендарных «сынах полка». Эти солдаты, обожженные ненавистью, яростью убийства врагов, потерей друга, который тебе в окопе последний табачок в газетку для «козьей ножки» ссыпал, задыхаясь неизбывным горем от потерь близких, жен, детей, матерей и отцов, от сожженных дотла, с таким трудом и любовью построенных для самых своих любимых, домов, – живые солдаты в этом котенке, ребёнке, щенке Родину свою сохраняли. Бога в своей душе оберегали. Для дальнейшей жизни оберегали. Для нас с вами. Для меня.

Они уже далеко от нас.

Я стою на коленях перед их памятью. И плачу. Плачу о

Победителях, сражавшихся на войне и со звериным упорством работавших в тылу. Сколько любви, тепла и нежности они не получили? Сколько часов недоспали, сколько лет недолюбили? Они рядами уходили из жизни: в сорок первом проклятом, в сорок втором замороженном, в сорок третьем решающем, в сорок четвертом победном и в сорок пятом, особенно обидном... Ведь до Победы уже рукой дотронулись.

А шестого и девятого августа сорок пятого года на Хиросиму и Нагасаки были сброшены две бомбы с шутивными и миленькими названиями: «Малыш» и «Толстяк».

Не для добывания Квантунской армии сбросили их. Для русских были сброшены эти «шутивные ребята». Просто тогда, в сорок пятом, весь МИР, спасенный русскими от фашизма, встал бы на дыбы, если бы англосаксы осмелились сбросить бомбы туда, куда политически метились. Не случайно взрыв первых в истории современного человечества атомных бомб был произведён в дни проведения Потсдамской конференции, на которой главы стран-победительниц договаривались о послевоенном переустройстве мира.

Да, конечно, англосаксам тогда можно было за содеянное зверство прикрыться реваншем за Пирл Харбор. Да, конечно, Япония – союзник Гитлера, да, конечно, опыты японских учёных-изуверов, вздымающие ужасом волосы на голове, над захваченными в плен «брёвнами» – так назывались у них люди, предназначенные для опытов по быстрому высу-

шиванию в камере, например, куда японцы однажды поместили мать и дочку, и мать пела своей дочурке высыхающим горлом колыбельную, пока та ещё была жива. Для опытов по определению порога жизни при обескровливании, по определению болевого порога смерти и прочих «научных опытов».

Всё так.

Только БОМБА начала создаваться ЗАДОЛГО до всех этих «объясняющих» причин. Уже в тридцать девятом году все научные разработки на «атомные» темы в Америке были засекречены. А начались они и до этого, ох! как задолго! Все научные силы Америки были нацелены на этот проект.

А в сорок третьем стало очевидным поражение Фашистской Германии.

– Ну и что ж?! Прекрасно! – распухшая от жирных военных заказов промышленная Америка, выплывшая из своего кризиса и депрессии тридцатых годов за счёт исполнения военных заказов для всех сторон, воюющих между собой (бизнес – есть бизнес, и ничего личного, как говорится), удовлетворённо потирала руки, как плотоядно потирает свои лапки удовлетворённая навозная муха. Просто очевидно вырисовался следующий соперник англосаксов за владение Миром. И уже к этому времени интеллигентный с виду и тяжело больной Рузвельт, страна которого потеряла в той войне лишь около 400 000 человек, и бороваобразный, хлещущий с утра коньяк, английский аристократ-интеллектуал Черчилль, страна которого имела разрушительные по-

следствия немецких бомбардировок лишь в юго-восточной части Англии, имели на своих столах несколько планов расчленения России на тучные жирные колонии для властителей Мира.

«Народ этой огромной страны, – наверное предполагали они, – измотанный войной, внутренним перенапряжением всех сил: мужиковских, женских, детских, стариковских, – уже не сможет выдержать ещё одну и решающую битву». – и рузвельтам и черчиллям, с их разжиревшей на военных заказах экономикой, это казалось ясным, как Божий день.

«Пусть позабавляются, повосстанавливают свой Сталинград. Тем великолепнее будет фейерверк! Небывалый на этой планете!!» – потирали свои навозные, пропитанные японской кровью Хиросимы и Нагасаки, ручонки организаторы всемирной бойни, а потом – наши невольные бывшие союзники. Очень им хотелось подербанить Европу!

И останутся, на этой Земле, – по их мнению, конечно, – наконец, только те, кто «достоин». А это всего нескольких сотен тысяч власть предержащих. И те, кто будет жизненно необходим для obsługi «истинных хозяев жизни»: обеспечения их высококачественными продуктами питания; лечения самыми высокими медицинскими технологиями. А ещё останутся и те, кто будет назначен к сдерживанию нескольких миллионов недовольных и рабочих, если такое недовольство возникнет.

Но навряд ли. Генетической селекцией и психологической

обработкой можно кого угодно создать. Бессловесных, самовоспроизводящихся рабов – тоже можно. И все будут абсолютно счастливы. Одни от того, что имеют всё, что только можно желать, а другие тоже счастливы, потому, что сами не умеют ничего желать. Зомбирующие всех наркота, водка, секс, еда и обслуживающий кого-то там, в недостижимых для смертных облаках, труд – будут в изобилии.

Только эти «мечтатели» тогда ещё не знали о «Вселенной 25» – логическом тупике зажавшейся ветви млекопитающих.

И именно на это направлены и сегодня огромные запасы золота, собранного со всего мира в закромах нескольких тщедушных семейств, поклонников каббалы, которые возомнили себя властителями мира, а на самом деле – всего лишь металла золота, которое, благодаря своей химической устойчивости к коррозии, признано за наивысший эквивалент ценности на этой грешной Земле. Правда не всеми.

Но клюют, ведь, на золотишко, и на зелёный бумажный эквивалент его, сильные умы, физики, литераторы, журналисты и режиссёры, искусные биологи и химики, врачи и политики!! Клюют! Политики – это-то самые главные интересанты человеконенавистнической теории уменьшения «поголовья людей» – прежде всех клюют и служат мамоне! Для чего? Зачем? Многие даже и не понимают, что их покупают за фантики бумажные на самом деле, и что фантики

эти – дело временное.

Всего интереснее вопрос, а за что, собственно, продаются-то эти люди, презрев Богом данные понятия чести, человеколюбия, достоинства?

Просто обеспечить себе большую безопасность? От кого?

Обеспечить детей? Чем?

Просто нажраться и напиться на всю оставшуюся жизнь? Это невозможно никогда.

Наτραхаться досмерти? Так всё равно старость всё приколотит к вонючему креслу, если ни ты, ни тебя, никто не любит просто так. Задаром.

Напробоваться всяческих извращений и в старости смаковать это в своих мерзких воспоминаниях? А Бог? Надеются выслужиться, остаться в числе выживших, гарантированных от уничтожения людей, для которого они и создают продукты своего труда? Зря надеются.

На этой планете уже всякое бывало, как показывают раскопки. Бог – Он не ерошка, и всякому, кто покушается на Его Творение, воздаст! Сторицей!

Может быть так и было бы. Англосаксы, прибрежная халдянная цивилизация, всегда жили за счёт рабов, воровства и грабежей на морях и в колониях. Иногда они через несколько десятков лет, признавались в допущенном геноциде, американских индейцев, например. Но в некоторых убийствах

и устроенном в пользу Британской армии, например, многомиллионном голодоморе в Бенгалии, – Великобритания признаваться не хочет. Это же так давно было, и где доказательства? Где потерпевшие с их обращениями в суд? Британия вообще держит пальму первенства в самых античеловеческих экспериментах. Опиумная война против Китая, например? Чем не образчик стандартного подхода к людям и народам? А отношение к близким к ним географически ирландцам, которых первыми стали заковывать и увозить в «Америки»? Первыми рабами на плантациях были белые соседи наглосаксов – ирландцы. Первые концлагеря были организованы не в Германии, а в Англии.

Думаете что-то вдруг у них изменилось? После разгромы фашизма?

Да ладно!

Таких чудес не бывает, ребята! Так точно и было бы, если бы они победили в конце концов.

Было бы! Если бы только не было у нашей Родины верных и самоотверженных сынов и дочерей, а потом и друзей в том же Лос Аламосе, отчётливо понимавших, кто и какими краплеными картами играет в Мировой Покер.

А если бы те, кто охранял наши секреты и главные силы страны, раздолбаями и недоумками были, нас с вами тоже бы уже не было бы. И детей наших не было бы.

Но наши предки никогда не были наивными и тупыми.

Добрыми? Да, были очень добрыми, частица Бога в чело-

веке об этом же вопиет: «Будь добрым к ближнему своему»?

Идея получения неисчерпаемого источника атомной энергии для человечества терзало умы учёных очень давно. А попутно решалась и задача «обуздания» неуправляемого атома.

Невдомёк было «их» разведке, какой институт с тридцать шестого года под Москвой работает в неказистом административном лабораторном корпусе, какие задачи там решает ещё молодой физик И.В.Курчатов со своими соратниками, с ясно осознаваемым чувством абсолютного самопожертвования, наслышавшись и убедившись в проводимых опытах учёных Америки, подпитываемых деньгами Манхэттенских воротил с их неуёмными аппетитами и мечтами о мировом господстве.

Никто из учёных и исследователей, изучающих процесс получения энергии атома, доподлинно не знал тогда смертельной угрозы делящегося атома, убившего первой своего первооткрывателя – Марию Кюри. На бегу учились всему. Но от атома не убежишь. Некоторые в рабочем запале так и умирали на бегу, получив смертельную дозу облучения. Пали. А на их место вставали другие. Такие же упёртые и убеждённые. Бесстрашные и, конечно, очень любящие жизнь и понимающие, что такое – жизнь, эта уникальная и неповторимая для каждого человека ценность. Иначе бы они свои маленькие и хрупкие жизни за жизнь своих любимых и всего человечества бы не отдавали.

Если бы действительное положение дел в нашей науке англосаксам стало известно, если бы они узнали про институт, вернее тогда ещё только опытную лабораторию, на нас ещё в сорок четвертом бы сбросили «Малыша», или его толстого братишку. Прямо на институт, который сейчас носит имя Курчатова И.В. Если бы долетели, конечно, со своей бомбой до цели. А самолёты у них были тогда, кстати, гора-а-аздо лучше наших.

Но НЕ узнали. И НЕ долетели. Наш народ умеет охранять своё самое важное.

И встал на далёком от столицы седом Урале Первый Атомный Город. Потом, почти одновременно с ним, было ещё много подобных Городов построено для развертывания начатого дела обороны страны атомным щитом – Городов Героев.

Но этот был Первым Городом, самым важным, определяющим. Городом Добровольных Смертников. Кладбище сразу было заложено, недалеко от бани и вытрезвителя, и это при том, что сначала планировалась вахтовая смена работающих, постоянная ротация людей, чтобы жертв меньше было от смертельных доз радиации, поскольку конкретно этот вопрос был не изучен совершенно.

Много книг написано об этом Городе, об его улицах, названных в честь его Героев и Первопроходцев, о площадях и парках. Написано с искренней любовью и восхищением его жителями. Его строили не только для работы, но и для

достойной полноценной жизни, с организацией всех доступных тогда возможностей восстановления утраченного здоровья и нормального полноценного отдыха. И хотя остальная страна ещё задыхалась в жестких путах нехваток продовольствия, «мануфактуры», как тогда называли товары ширпотреба, жителям этого Первого Города всё доставляли в достаточном количестве и лучшего сорта из доступного и возможного. Страна компенсировала им и их семьям, что могла, взамен здоровья и даже их жизней. И они, жители Города, чувствовали себя особенными, призванными, избранными нести именно эту жизненную долю, защищая свою любимую Родину. А с иными мыслями и настроениями людям Города просто было бы не вынести той физической, психической и моральной нагрузки, что выпала на их долю.

Создав первый, Главный Атомный Объект страны, некоторые научные корифеи перешли на следующие объекты, ставшие теперь самыми необходимыми для развития атомного оружия и развития атомной энергетики, как сопутствующей отрасли.

А здесь, на уже налаженном объекте, отцы-первооснователи появлялись реже, зато возникла целая плеяда блестящих руководителей и организаторов одного из самых сложных и опасных производств. Их имена живут в улицах города. Исчезли в жестоком колючем тумане истории главный двигатель этого уникального в истории строительства Первого Атомного промышленного реактора, Объекта «А»,

«Аннушки», как ласково называли объект и сопровождающих его производств – его Создатели-заложники, и оболганное измышлениями хрущёвской команды (по приказу вашингтонского обкома, разумеется – главным интересантам предания забвению гения Сталина и его команды) Сталин Иосиф Виссарионович с его гениально воплощённым в самые короткие сроки, экономическим планом восстановления страны после войны, и Берия Лаврентий Павлович – главный двигатель воплощения в жизнь уникальной, никогда доселе не осуществляемой в мире задачи: создание за пару военных и трёх послевоенных лет Атомной Бомбы, без которой нам быстро пришёл бы конец. Всей нашей огромной стране пришёл бы конец. Берия головой отвечал за судьбы Мира.

Этому Главному человеку-двигателю все подчинялись беспрекословно и тотчас.

Даже у Бороды – такая кличка, добрая и свойская, была здесь у Игоря Васильевича Курчатова – подрагивали нервно пальцы, когда он разговаривал с Лаврентием Палычем. Дисциплина была непререкаемой. И единоначалие – тоже. Иначе не удалось бы обойти остроносых пингвинообразных трумэнов и толстоносых высокомерных черчиллей на целых тринадцать лет – именно столько времени предположительно «давалось» СССР этими гигантами политических авантур на создание оружия, хотя бы приближенно походившего на их «Малышей» и «Толстяков», сброшенных на Хиросиму

и Нагасаки. А за эти тринадцать лет-то... Ого-го! чего можно ещё напридумывать и создать, чтобы навсегда уничтожить эту «заразу социализма», так пленяющего обездоленных и обокраденных рабов во всём мире.

И о гибели которого, всего через сорок лет после этой героической трудовой эпопеи, так пафосно и торжественно объявил с американской трибуны бывший коммунист, и некогда первый секретарь Свердловского обкома партии, гг. Ельцин, (а ныне и навсегда записанный в предатели Родины и жополизы американских задниц,) когда нанёс первый удар по Великой стране вместе с Шушкевичем и Кравчуком в Беловежской пуще за стаканом недоброго вина.

Мда.

С такими руководителями наша страна была, конечно, обречена окончательно, после идиотских, реконструирующих всё подряд, опытов Хрущева над здравым смыслом людей построивших социализм в отдельно взятой стране и за пять лет восстановивших жизнь после разрухи войны. Но тогда с народом был Сталин – умный, хитрый политик и глава государства. Был, пока его не отравили.

Отравили.

В Потсдаме, во время ведущихся переговоров о переустройстве послевоенного мира, Трумэн сообщил И.В.Сталину о созданном ими оружии невиданной силы разрушения, с которым теперь от любых посягательств на мировое господство будет покончено в один миг.

И Сталин был очень обрадован таким поворотом дел!

– Ну? И что он сказал? Какое впечатление? – спросил нетерпеливо Трумэна Черчилль, наблюдавший со стороны за их диалогом.

– Да никакого. Он, по-моему, вообще не понял, о чём я ему сказал, – ответил Трумэн.

Разумеется! У нас был тогда умный руководитель страны.

В феврале ещё 1943 года, при первой возможности вздохнуть, разжав клещи фашистов на своём горле, был создан научный центр по разработке атомного оружия, над теорией которого уже несколько лет работали многие видные учёные всего мира и наши деятели науки во главе с Капицей, Иоффе, Келдышем и совсем молодым тогда гением родом из горнозаводской зоны Урала Игорем Васильевичем Курчатовым.

Несколько месяцев в течение 1945 года группа геодезистов и метеорологов подыскивала место для будущего производства, о котором было точно известно только одно – такому производству надо будет очень много воды для охлаждения реактора. Или реакторов. В Челябинской области множество прекрасных озёр с чистой водой. Именно поэтому выбор пал на прекрасные тайгу и леса в глубине Уральских гор, подальше от чужих глаз. Эти нетронутые человеком места поражали своей красотой и богатствами. Сапоги изыскателей «были красными от ягод», по которым они ходили, прикидывая, где и что тут будет воздвигнуто через несколько месяцев.

Красоту в расчёт не брали.

Зато сразу взяли в расчёт то, что здесь, в Челябинской области, за время войны был сформирован самый трудоспособный, обкатанный в деле, класс превосходных специалистов, решающих в самые короткие сроки важнейшие вопросы снабжения фронта снарядами, танками, «Катюшами», и инженерно-технических работников, и рабочих, которым было предназначено начинать всё это делать. В 1941 году из-под Сталинграда(!!!!)в Челябинск была переведена Пятая саперная Армия для строительства челябинского металлургического завода. На основе этой военно-строительной группировки было образовано объединение Челябметаллургстрой НКВД – одно из лучших в стране строительных предприятий. Именно ему предстояло встать во главе осуществления самых важных строительных проектов по созданию атомного щита СССР. Потом сюда приехали грамотные люди отовсюду.

Но это было потом.

Мой суровый, по-русски терпеливый и молчаливый город Че! Ты четырежды спасал Россию. Во времена революции именно здесь решилась битва между белыми и красными. Отсюда погнали деникинцев, колчаковцев и чехов, которые заключили военный договор с Антантой, чтобы разгромить Россию, разорвать её в куски – розовая мечта англосаксов!

Во времена Отечественной войны именно тебя, мой Че, называли Танкоградом. Здесь делали танки и «катюши». За

годы войны Урал стал самым мощным промышленным районом страны. Именно в Челябинске всю войну находились наркоматы танковой промышленности и боеприпасов. Уже тогда здесь были заложены принципы и правила соблюдения уровня сверхсекретности. В 1945 году война для уральцев-челябинцев не закончилась. Под видом восстановления разрушенного хозяйства и конверсии промышленности эта война тихо, мощно и молча ушла глубоко в Уральские горы.

И именно ты, мой Че, стал ядерным щитом страны, отдал самое лучшее, что у тебя было – людей, прекрасную природу, напряг все свои силы и возможности, чтобы освоить тот поток грузов, оборудования, материалов и, главное, тот поток людей, которых надо было накормить, обогреть, хоть как-то, дать ночлег. Без наших людей всё это – сохранение мира на нашей земле – было бы невозможным.

И в четвёртый раз ты защитил всех от вырвавшейся из-под власти человека ядерной заразы... Защитил ценой жизни многих, и здоровья десятков тысяч людей, прежде всего – своих граждан, жителей области. Но об этом – позже.

В октябре 1945 года была намечена строительная площадка в тех местах, где было несколько мелких деревенок и хозяйств общей площадью в 200 квадратных километров.

А через год, – всего через год!!! – здесь жили, питались, работали на нескольких огромных, сложнейших и опаснейших для человека, дотоле не создаваемых в стране объектах, более 40 000 человек.

За два года люди нашего Первого Города должны были, обязаны были, создать бомбу, исходя из результатов опытов, проводимых курчатовской лабораторией.. Создать бомбу и сохранить это до поры до времени в глубочайшей тайне. Нам надо было обогнать само время, чтобы выжить.

Создали бомбу с опозданием в несколько месяцев, против запланированного срока. У Америки со всей её индустриальной мощью и огромным штатом учёных на это ушло 14мирных, а потом и очень жирных от военных заказов лет.

Да, наши учёные использовали сведения разведки, но параллельно с изучением их опыта, наши учёные разрабатывали совершенно новые и более экономичные и действенные технологии. И наша первая бомба была мощнее их «толстяков» в двадцать раз! Сразу!!!

Работали, не считались ни с чем: ни с морозами до минус сорока, ни со снегом, в котором тяжёлые танки и тракторы тонули с крышей, ни с весенней грязью разливов рек и болот, в которой эта техника тоже тонула и была бесполезной.

Не считались ни с чем! Работали.

Нет!! Не так!!

Те, кто волею судеб оказался на этом пяточке нашей земли, СРАЖАЛИСЬ за Родину. У этих людей война продолжалась ещё несколько лет!

И мёрзли!

И работали по столько часов, сколько надо было в этот момент!

И гибли!

Да, умирали. За нас. За наших детей, которые даже не знают сегодня, кто такие Сталин, Рокоссовский, Курчатov, Жуков, Музруков, Царевский, Славский и многие другие люди, из которых можно было делать гвозди!

Зато знают, как называются модные стили и бренды в танцах, одежде, музыке, рэпе. Это, само по себе, ни о чём не говорит, разумеется.

Но забвение памяти о тех, кто сохранил нам всем жизнь – вопиёт!

А все те тысячи вторично мобилизованных – они тоже хотели жить, любить, петь, спать в тепле, вкусно есть – как и все обычные люди. Но они отправились в нехоженую уральскую тайгу. Им выпало – пахать! Работать, выбиваясь из сил, спать в сырых постелях полуземлянок рядом с обледеневшими изнутри стенами. Через «не могу», через полный отказ от обычных самых насущных потребностей человека: семьи, детей, любимых. Сегодня нам, привыкшим к хорошим дорогам, клянушим их за выбоины и ямки, даже невозможно представить, что вынесли на своих плечах они. Первопроходцы.

Снежные заносы глубиной до двух-трёх метров были абсолютно непроходимы для тяжелых танков и тракторов, которыми первоначально предполагалось вывозить стройматериалы и оборудование. Топи – то же самое, были абсолютно непроходимы для тяжелой техники, как оказалось.

Ничего!!!

Это великое русское слово «Ничего!» – которое немецкий канцлер Бисмарк некогда взял за пароль жизни в трудных ситуациях – выручало всех многие месяцы строительства объекта.

На лошаденках грузы возить начали. На лошаденках!! То, что должны были перевозить сотни тяжелых машин, вывозили первое время по снегу на терпеливых гужевых лошадках. Потом оттаявшие от снегов и размокшие от летних и осенних дождей земли образовали под колёсами машин весеннюю и осеннюю грязь такую, что она доходила до кабин! Лежнёвки-временки (дороги из деревянных настилов поверх болот) повсеместно стремительно строили и постоянно их обслуживали, ремонтировали, добавляли «разъезды», вытаскивали съехавший на обочину транспорт. И долгое время обходились только ими. Хорошие дороги не строили специально, чтобы исключить вероятность попадания случайных и неслучайных любопытных туда, куда им было нельзя попадать ни в коем случае.

А желающих туда попасть, во что бы то ни стало, было немного – всего лишь несколько сильнейших разведок мира.

Только в 1961 году проложили первые нормальные бетонированные дороги под тяжелый транспорт. Но это тогда случилось, когда бомбу уже всему миру представили четырнадцать лет тому назад.

Намечая строительство, проектанты и исполнители про-

ектов не считались и с тем, что первым жильём были приспособленные под жильё старые коровники и новые землянки, вырытые разом на сотни людей. На четыре кровати в общежитии, построенном через год, приходилось семь сменяющих друг друга специалистов. График выхода каждого из них на работу рассчитывался, исходя из этих реалий

Никакой переписки с внешним миром.

Никаких звонков и возможности выехать даже на похороны близких.

Здесь работали исключительно добровольцы и спецпереселенцы, заключенные лагерей Челябинга, уголовники (политических на эти объекты почти не допускали) и военные. А о сумасшедшем двенадцатичасовом рабочем дне, если того требовала ситуация, никто и не заикался вообще. Никакого партаппарата и профсоюзных «ребят» – только военный приказ, и судебный указ. Но и поощрение отличившихся в этой сумасшедшей гонке было по тем временам значительным. Да! Тогда нарушались многие нормы обычного трудового законодательства. В этом Городе сохранялось Чрезвычайное Военное Положение и после войны.

Берия Лаврентий Павлович, который полностью курировал Специальный Комитет в КГО, по полномочиям приравненный к Совету Министров, имел совершенно исключительные полномочия от И.В. Сталина.

Только совсем недавно, за давностью лет и истечением срока секретности, стали приоткрываться истинные масшта-

бы тогдашнего напряжения сил. По материальным затратам создание атомного производства для получения чистого плутония для первой бомбы обошлось нашему народу во столько же, во сколько нам обошлась война с фашизмом за четыре года военных действий и восстановление всего разрушенного хозяйства.

ДВЕ ВОЙНЫ, получается, вынес мой Великий Народ на своих плечах. Речь шла о выживании страны, поэтому и вынес!!

Страна жила двойной жизнью. Внешне она зализывала раны, нанесенные войной, восстанавливала там, где было нужно, и возможно, разрушенные города, деревни. Здания школ освобождались из-под госпиталей, и в них снова открывались школы для детей. Производство снарядов и танков сокращалось, промышленность переходила на выпуск мирной продукции. Уходили в прошлое талоны на продовольствие. Снижались цены. Рождались дети. А под этой внешне спокойной жизнью страны разворачивалась поистине драматическая борьба за выживание страны в глубине наших Уральских гор.

Игорь Васильевич Курчатов так и сказал своим друзьям-коллегам, когда прогремели взрывы в Хиросиме и Нагасаки: «Это они нам под нос свой кулак сунули!»

Сомнений в намерениях наглосаксов ни у кого из здравомыслящих людей тогда не было. И все понимали, что нам придётся заплатить за жизни будущих советских детей боль-

шую цену.

Мы за ценой не постояли.

Работать с атомом начинали вручную. Индикаторы опасности просто ещё не существовали в приемлемых количествах – только засвеченная изотопами фотоплёнка могла косвенно свидетельствовать о дозе радиации, полученной человеком. И, если честно, то, теоретически допуская опасность от облучения, фактически о его губительном воздействии на организм точно никто ничего не знал. Из лабораторных опытов известно было очень мало. Этот опыт, очень тяжелый и трагически печальный, тоже пришлось получать первопроходцам этого Города. Серьёзно заниматься безопасностью смогли лишь в пятидесятом. Уже после создания бомбы. Ремонты оборудования делали тоже вручную. Сам Курчатов участвовал в *ручной* разборке отказавших узлов первого рабочего реактора. Его рабочий стол «фонил» много лет и после его смерти. «Отказов» техники было много. В промышленных, а не в лабораторных, масштабах всё делали в Первый Раз. Уровень секретности был таков, что чертежи, которые делались всего в одном экземпляре, после использования их в рабочем процессе тут же уничтожались. Специалисты ВСЁ! держали в голове. И были эти специалисты на вес золота. Их охраняли, как главную ценность страны. Страна молча и тайно, напрягая все силы, строила этот Город и этот Объект.

Я помню, как в моём детстве образовался вдруг чуть ли

не двухгодичный дефицит медицинских ртутных термометров, а тогда только такие и были. За ещё уцелевшими стеклянными градусниками соседки друг к дружке бегали, а чаще наощупь температуру у детишек меряли.

А на самом деле, просто вся ртуть, которую тогда страна могла добыть, шла на технологические нужды Объекта.

Много уже написано книг об этом подвиге Победителей в глубоком уральском тылу. В основном пишут участники этой эпопеи или историки. Наверное поэтому так стеснительно в них упоминаются жены, мужья, истории семей и подвиг «Озёрска», тогда называвшегося «Челябинск-40». Сорочковка. Предприятие «Маяк». А это был Великий Подвиг моего народа на нашей территории Божественной Красоты.

И в четвертый раз, в 1957 году, мой Че встал грудью защищая, как мог, людей и мир от радиации. Рванула одна из «банок» с отходами производства.

Не удивительно, что рванула. Оставлять такие вещи, как изучение технологии хранения отходов, «на потом» – это явный недостаток опыта и недостаток средств. Но в основном – это недостаток внимания к вопросам ядерного развития со стороны нового руководства страны, недоучек-политиканов, сменивших суперпрофессиональную команду Сталина. Как они это сделали – забрались на самый верх власти, – это история ещё разберётся. И уже разобралась во многом. Авария по сути своей была предопределена. Не хватило ни степеней защиты, ни надежного оборудования, ни опыта, ни надеж-

ных технологий, которые, разумеется, требовали огромных вложений в их развитие.

Сейчас странно это представить, – я тогда была маленькая – но я точно знала, почему с одной и той же стороны летят, фантастические тогда для нас ребятишек, огромные стрекозы-вертолёты с люльками по бокам на вертолётную площадку областной больницы, где срочно возводился «лучевой корпус», как мы его называли между собой – а вот иностранная разведка, зная в принципе о существовании где-то «ядерного центра Москвы», узнала точно о нашей трагедии только тогда, когда на фото, сделанных со спутников своих недосчиталась на картах деревень, снесённых несколько лет назад. Даже дети, получается, умели держать язык за зубами, когда чувствовали Беду, умели тайну хранить.

Другое дело, что наше руководство старательно замыливало тогда эту историю. Надо же! Прямо накануне 40-летия революции взорвалось! И Первый Спутник был почти готов к запуску. А тут такой «казус».

«Подстава!!» – орал рассвирепевший Хрущёв на Микояна.

И Чернобыль потом, спустя десятки лет, – туда же. Накануне майских праздников рванул, 26.04. 1986 года. Как договорились! Правда по поводу Чернобыльской трагедии есть и конспирологическая версия намеренного вредительства, причём вредительства и измены на самом вершине власти и руководства этой отрасли. Специалисты не верят в случай-

ность, пошагово разбирая технологические команды, которые спускались сверху во время запуска реактора после ремонта.

Только Чернобыль – известная трагедия, Европа рядом, учуяли. Не замылишь.

Когда мы в 1949 году взорвали, наконец, нашу первую бомбу, америкосы, конечно, поняли, что проморгали они всё, что могли. И аварийный взрыв 1957 года на «Маяке» учуяли, уловили приборами, он обернулся три раза вокруг нашего шарика всё-таки, но они решили, что это на Новой Земле нашей где-то там, на северах, испытания проводятся.

А «Маяк»? Ну что «Маяк»? Там, на Урале, от Москвы это очень далеко, да тем более в уже истерзанном промышленной нагрузкой «нестоличном» глубоко провинциальном и терпеливом Челябинске.

Ну, есть у нас «приговорённые территории», чего теперь? Кто не хочет – могут уезжать. Кто остаётся – пусть йод глотают. Вольному – воля!

Только недавно признали эти территории и население этих территорий подвергшимися серьёзной техногенной катастрофе, и что-то там стали выплачивать тем, кто ещё жив. И некоторым детям тех, кто уже умер, но оставил в своих потомках изуродованные гены навсегда. Чернобыль признали сразу зоной катастрофы всемирного масштаба. А «Маяк» – нет. Не сразу.

Спустя десятилетия.

Я всё детство йод глотала. А моя кошка воровала у меня йодные шарики из коробочки, если я забывала её закрыть. Тоже, видно, болела. А, ведь, радиоактивное Облако обошло мой Че стороной. Пожалело нас.

«Ну, а что вы хотите? Горная область, йода мало», – так объясняли тогда ситуацию врачи. И сами тоже глотали йодные шарики вместе со своими детьми, чтобы снизить нагрузку на щитовидку, предотвратить рак, нейтрализовать стронций, попавший в организмы самыми разными путями. Кто проверял то молоко, которое мы покупали в магазине. А мясо? Ведь те районы не были признаны серьёзно пострадавшими довольно длительное время. Режим «тайны позора»!

А ведь не позор это был.

В любом опасном и серьёзном деле присутствует непредсказуемый из-за новизны проблемы риск. Какой тут «позор»? Это была огромная беда, она и сейчас не изжита. Страна и тогда, и сейчас стеснительно отворачивается от неё, как от брошенного котенка, бросая для отмазки совести какую-нибудь «сосиску» в виде нескольких рублей на поддержание подорванного здоровья десяткам тысяч людей.

А на всех морях и океанах мира в бирюзовых лагунах стоят яхты русского олигархата, который ещё яростнее, чем англосаксы, выщедил из одураченного простодушного терпеливого русского народа все живительные соки и кровь за эту перестройку-грабительницу.

На днях пронеслось по интернету, что вводится и допускается в документообороте звание ПРОСТОЛЮДИНА. Приехали! Здрассьте вам !И кто эти новшества вводит-то?! Отребья человеческие!!! Да ни у одного из образованных людей бывшего дворянского сословия, отличавшегося понятием чести, разума и грамотности и мысли такой не возникнет, ибо эти самые обычные люди в 1917 году сумели сохранить Великую Страну, которую коллаборационисты-богачи предали, разграбили и готовы были распродать за личное состояние безопасности и никчемной своей жизни.

А если бы там, наверху, в Кремле, или где там наши правители тогда заседали, со всей серьёзностью восприняли ту трагедию пятьдесят седьмого года, как личную, как общую народную, как жестокий урок, – так, глядишь, и с Чернобылем бы ловчее справились? Кое-кто предполагает, что Припять отмыть можно было. Отмыть! На «Маяке» такой опыт был накоплен тогда. Огромный опыт! Необходимый и политый кровью! Отмыли огромный комбинат, на который в основном и пришелся удар радиации от взрыва. Отмыли, ни на минуту не прекращая деятельность комбината, потому что не было такой возможности! Просто такой возможности не было!!!!

Бери, пользуйся!

Нет, стыдливо, как грязную тряпку, мешающую проведе-

нию Славной Годовщины 40-летия Октября, они, тогдашние правители наши, за спину всё это спрятали, а с тряпки той до сих пор капли крови капают, капают... капают...

Бедная моя, Великая Родина, управляемая после Сталина жадными и ленивыми недоучками. Бедный мой Че, задыхающийся в гари Коркинского разреза, выбросов с ЧЭМКа (такие предприятия во всём мире давно вынесены за пределы жилых мегаполисов), Карабашского ядовитого дыма, бедный мой Че, находящийся под угрозой отравления городского водохранилища строящимся Томинским ГОКом. Во имя чьей любви – и к кому – всё это творится? Любви к каким дамам с собачками на руках, живущих в Италиях и Грециях, в Майами и Флориде, на Гаити и на Сейшелах? Каких нелюдей и драконов Мира?

Господи, дай нам силы и возможности для борьбы с этими бедами и нелюдями, выпученными от жадности глазами засмотревшимся на нашу Родину.

Сегодня Территория Челябинска признана одной из самых грязных в стране.

Никто из нас не удивился. Рабы нЕмы?!

Никто из «тех, кто наверху» не возмутился, не озаботился.

Мы не рабы. Мы можем покинуть эти загаженные, брошенные на растерзание территории. Вполне можем. И движение в эту сторону уже началось. Уезжают сотни семей. Жильё дешевеет!

И что вы тогда будете делать, безмозглые и жадные, трусливые и ленивые олигархи (и почему мне всё время хочется их назвать олигофренами)? Баблом завалите желающих работать? Кто тут будет работать? Тут одного желания получить бабло маловато будет. Тут надо ЗНАТЬ! Тут надо УМЕТЬ! Тут надо ЛЮБИТЬ своё дело и понимать меру ответственности. Тут только грамотные специалисты-патриоты смогут! Баблосоискатели мгновенно это всё развалят и взорвут целую планету уже. Они, как и вы – временщики.

Конечно, скорее всего, вы все за границу поедете. Вряд ли всех поймаем. Разобщены-с. Пока разобщены.

Ладно, тем, кого не поймаем, скатертью, как говорится, ничемным вашим душонкам дорога со всеми вашими выкормышами, девками и собачонками с бантиками и лизоблюдами. Прямо в объятия тех, кто так нуждаются в верноподданнической обслуге. И очень радуется, что там вам, так или иначе, с фундаменталистами ислама дело придётся иметь. Плотно иметь. Они, ж, ребята борзые, захватчики по менталитету, как и наглосаксы. Они вас научат. Вперёд баблодержатели!!

А мы?

А что мы? Мы опять соберёмся с силами и начнём чистить авгиевы конюшни, строить Государство Света, Совесть, Справедливости и Разума.

Идеализм?

Разумеется.

Только человеческая, искомая многими идея, возникшая в чьей-то голове и охватившая тысячи и миллионы людей, преодолевая наивность идеализма, но сохраняя железную логику равенства людей перед Богом, становится непреодолимой силой.

Большие деньги и богатство, существующие для ублажения капризов и страстей тела не решают у русских людей ничего. И никогда не решали. У русских всё решают дух – совесть и справедливость, земля родная, хлеб свой – всё вместе это разумом называется. И ещё любовь!

Всё это я к тому тут говорю, что сотни столетий от выпавших нам испытаний нас спасает только высокодуховная человеческая любовь. Только любовь. Я в этой книге буду писать о ней. О любви человеческой. Вчерашней и сегодняшней, и даже о завтрашней.

Книга первая

Казачий пляс

Глава 1. В наши дни

Закончив службу, он долго ещё что-то делал в алтаре, пока помощник прибирал всё по своим местам, сегодня торопиться было некуда. Потом вышел, подождал, пока Венька закроет за ним тяжелые двери и, привычно благословив парнишку, простился с ним. Неторопливо обошел храм вокруг, отдал ключи церковному сторожу, кивнул головой, прощаясь с ним, и остановился, выйдя за ограду. Вид с церковного холма открывался замечательный.

Поместите здесь ваш текст

Поместите здесь ваш текст

Усмехнулся: «Умели место лучшее выбирать».

Село растекшееся несколькими разнодлинными параллельными улицами вдоль реки, пересеченными переулками, смотрелось отсюда, как раскрашенные клеточки с цветной мозаикой крыш среди необильной зелени садов и участков.

– И почему в деревнях не любят плодовые деревья сажать? Неправда, что не растёт тут ничего. Растёт. У Христиана всё растёт. У Демьяновых даже Мелба, в стланец посаженная, не

переводится, сколько уж лет. А у новых – всё ели да сосны. И лужайки вокруг домов с дорожками. Никаких тебе яблонь, слив, как в Англии какой-то.

Солнце садилось, освещая всё косыми нежаркими уже лучами: дома, заборы, людей редко появляющихся то тут, то там.

– За телевизорами сидят. Не. Не все сидят, – Илларион усмехнулся, увидев издалека, среди редкой и лёгкой ещё зелени недавно распутившейся листвы, мелькнувшую фигуру племянника, нёсшего два сверкающих боками оцинкованных ведра от колодца. – У этого интернет всё заменяет. Воду в баню таскает, не иначе. Вот, ведь, упрямый... – Илларион перевел глаза левее, Тут, на улице доминировал дом Лавровых, «дворянское гнездо», как его называли в деревне.

– Женька и Владимир – эти, как тяжелые валуны, среди речной гальки выделяются. Пока такие есть – ничего не страшно, – священник удовлетворённо вздохнул.

За «дворянским гнездом» приземисто и основательно белел на главной улице дом Колотовкиных Степана и Людмилы.

Илларион прищурился, фокусируя зрение на копошащихся в их огороде двух фигурках: «Ясно. Вечные работнички. Вот чего людям не хватает, чтобы на себя работать? Всё есть. Даже домишко кое-кашный есть. Нет. Ошейник нужен, что Сеньке, что Верке. Бабы – они ещё хуже, если пьют. А Ируся-то пользуется их слабиной. Пользуется. Всё -то ей

мало...».

Илларион вспомнил, как в последнюю Пасху шла Ируська в храм подчеркнута яркая и нарядная, не смешиваясь с толпой: «Красива бы была, если б не спесь, не дурь. Так и стояла всю службу наособицу, куличи да яйца святить – это для неё лишний повод всем соседкам нос утереть».

Таких красивых яиц ни у кого не было. И самые большие и высокие куличи были тоже всегда у неё. И прикрыто это всегда было самыми красивыми и белоснежными до неестественности кружевными салфетками.

– И всё-то у тебя напоказ, Ируська. М-да, – Илларион перевел глаза на другую группу людей.

На улице, спускавшейся к мосту через реку, и потому называвшейся «Мостовой», появились высокий седой мужчина с женщиной, опирающейся на его руку и двое мальчишек-подростков. Мальчишки тащили сумки и пакеты, путались под родительскими ногами и шли спиной вперёд. Там явно шел весёлый разговор.

– Бердышевы. Вот уж где порода, – старик вспомнил, как венчал их. Полина непременно хотела венчаться. – Одними из первых они тогда венчались. Мальчишкам уже теперь двенадцать лет. Славные.

На углу «Нижней» и «Дальней» улиц обживали старый дом новые хозяева.

– Эти случайно сюда залетели на венчание, но, смотри-ка, приросли. Дачники. Участок разгребают. Много у них на-

роду. Дружные. Мальчишка у них тоже славный. Не понять только – брат ли, сын ли? Шафером был у жениха, – вряд ли сын. Ну, с этими ещё познакомимся. Скоро крестить принесут.

Мужчина, бережно усаживал беременную жену в старое кресло, подставляя стул ей под ноги и укутывая их.

С холма было интересно наблюдать, как быстро в последнее время меняется село. Раньше все крыши были стандартно-серого цвета. Шиферные. Теперь глаз радовали самые разные крыши. Оригиналлов сразу было видно – с оранжевыми крышами. В основном крыши были бордовыми, или зелёными. А в последнее время много синих появилось. У тех, кто побогаче – пестрые, из нового материала. Красиво крыши смотрятся. Весело. И дома наружность сменили.

Длинные вечерние тени. Крыши.... – из памяти Иллариона выплыли события тоже с вечерними тенями и шиферной крышей его дома. Той шиферной крыши давно уже нет. Сменили на профнастил. Он легко отыскал крышу своего дома. Темно-зелёная, высокая под мансарду, двускатная.

– И какого же числа я её тогда привёз? Экзамен у неё был. Английский сдавала. Надо же – помню. Чего только память не держит? – Илларион присел на лавочку у ворот ограды. Торопиться было некуда. С коровой соседка обещала управиться. Ей, давно уже городской, – это в забаву, и молоко парное тоже не каждый день пьют. Вспомнив, хлопнул себя по карману брюк под рясой, – телефона не было. Наморщил-

ся, вспоминая, а брал ли он его вообще сегодня с собой? Похоже, тот так и остался на зарядке дома.

– Ну и ладно. Некому звонить. Старшие были на Пасху, не соскучились ещё. А Степка вчера отзвонился, что мать встретил, – руки мужчины, загоревшие на солнце, с тонкими «музыкальными» пальцами, спокойно легли на колени., прижав колышущуюся на легком тёплом ветерке рясу.

Утомленный ранней майской жарой день сходил «на нет», заменяясь прозрачными майскими сумерками, всё оживало после пыльного дневного зноя и к вечеру одурело застыло в предвестии летней роскоши тепла и цветения.

Высокий и сухопарый, священник легко встал и не торопясь пошел к тропинке, ведущей с холма вниз.

– И тогда тоже стояла такая же жара, только тогда-то уже на июнь перевалило. Хорошо, что гравия подсыпать Степан распорядился, хоть старухи теперь не будут скользить тут по спуску. Такое простое дело, а денег уйма ушла. Дорого всё стало.

Надо же, помню всё. Видно правду говорят, что суждено – того не минуешь. Не минуешь, как ни крутись, – он хмыкнул, покачивая головой, и осторожно пошел вниз, гравий под ногами ещё шатался, не улежался. – Как вчера было... Жизнь пролетела, как рукой махнул... Тогда-то бегом сбегал под горку... не как сейчас. Сорок с лишним лет, как и не было. А тот день, как вчера был... – он, прикрыв рукой глаза от солнца, снова отыскал свою крышу...

Глава 2. Надежды юношей питают

Двигатель работал ровно и сильно, чувствовалась мощь великолепной темно-вишневой «Явы», с хромированными деталями, ярко сверкавшими на солнце – предмета зависти всех пацанов их большого старого двора. Скорость, как и раньше, приносила чувство свободы.

Ларик, пока служил, часто думал о таком вот мгновении, когда только ты и ветер, и километры, проглатываемые колёсами, лужи на дорогах и перелески по краям дороги, и этот дурманящий запах поля, травы, дождя и сила в руках. Ларик опять ехал далеко за город к своим бабулям, рубаха на спине надувалась пузырьём, встречный тёплый ветер сильно бил, иссушая и выветривая кожу лица.

На последнем светофоре города Ларик притормозил на желтый. Солнце почти склонилось к закату. Он не торопился, он наслаждался и этой минутой ожидания. Он вообще последнее время наслаждался жизнью и абсолютной свободой.

Справа послышался вскрик и матерная ругань, Ларик оглянулся. Парень, явно пьяный, на обочине пересекающей дороги вырывал у девушки тряпичную сумку из рук. Толкнув девчонку, он бросился наутек по тропинке в сторону пригородного поселка. Не раздумывая, Ларик, забыв о кодексе чести крутого «водилы» начисто, рванул с места на красный. Парня Ларик догнал в мгновение ока, хотя тот, услышав треск мотоцикла, и попытался уйти в высокие ку-

сты ивняка справа от тропинки.

Чтобы остановить беглеца, Ларик «ткнул» его слегка передним колесом и парень с пьяным воем свалился, неловко взмахнув руками.

Ларик соскочил с мотоцикла, заорав: «Ну и чо? Куда бежишь, сука ё****я? На водку не хватило?» – и, пнув пьяно скулящего подонка, вырвал у него из рук болоньевый мешочек.

Маленький девчачий самодельный кошелёк с молнией и вышивкой на боку, бумажный пакетик с чем-то, похожим на бутерброды, два вареных яйца, удачно не разбившаяся бутылка кефира с бирюзовой алюминиевой крышечкой, пара тетрадок, носовой платок, книга, похожая на учебник, авторучка и карандаш – вот и вся сорвавшаяся добыча пьяного дебила была.

– Ещё раз увижу, жаловаться будет нечем, все зубы выбью! – пнув ещё раз для убедительности притворно воющего уроды, Ларик развернулся, объехав пьяную тварь вокруг и резко разгоняясь, презрительно обсыпал того песком из-под колёс.

Девчонка стояла на том же месте и всхлипывала, дергая плечиками.

– На, не реви, – Ларик остановился возле неё.

– Спасибо, Ларик, – вытирая нос рукой, ответила девушка, и виновато посмотрела на него...

– О...! Вот так встреча. Ты чего тут одна делаешь в такое

время? – Ларик обалдел. Перед ним, шмыгая носом, стояла Настюха. Девчонка из соседнего подъезда. Не далее, как третьего дня они поздоровались, как старые друзья...

Он тогда обсыхал после душа под жарким солнцем на балконе, блаженно вспоминая забытые за четыре года ощущения, запахи, вещи, вечно загромождающие, непонятно зачем, балкон. На правой стороне перил Ларик увидел обрывок шпагата, иссохшего, давно потерявшего цвет, но, тем не менее, крепко державшийся на перилине, благодаря узлу, которым Ларик когда-то его привязал. Тогда он учился классе в седьмом и, дразня девчонок, привязывал к другому концу конфету и закидывал её на нижний балкон справа, где они играли в куклы или в шахматы. Настюхе тогда было лет десять-девять. Она была смешливой и весёлой девчонкой, дочкой их завуча, Петра Алексеевича, а попросту «одноглазого». Петр Алексеевич потерял глаз во время войны. Иногда он рассказывал ребятам, как служил разведчиком. Хоть у него и был вставлен неподвижный искусственный серо-голубой глаз после чёрной тряпицы впоследствии, но он и с одним глазом прекрасно и сходу разбирался во всех пацанских перипетиях, периодически потрясавших школу, и был неоспоримым авторитетом у пацанов. Настюха гордилась им и обожала отца, как и он её.

Иногда она тоже пыталась забросить к Ларику на балкон яблоко из их сада или конфету. Со временем это у неё стало даже хорошо получаться. А потом они выросли, и эти дет-

ские забавы и заигрывания ушли сами собой в прошлое. Он поступил в училище, и сидеть на балконе времени у него не оставалось. А после училища, он сразу пошел в армию. Ему очень хотелось увидеть море. Морячки служили по четыре года. К подводному флоту Ларик был не очень пригоден из-за роста. А вот в морской десант – в самый раз, там потолки высокие – всё небо. И все четыре года он занимался «строевой, боевой и политической», как и все. А со второго года, обвыкнув и освоившись, выполнял ещё обязанности хударука хора их крейсера, раз уж успел на гражданке стать «специалистом». Его хор постоянно, и потом даже уже нудно-постоянно, завоёвывал призовые места в смотрах самодеятельности частей флота, дислоцированных в Крыму. Ларику даже предлагали навсегда связать свою музыкальную судьбу с Морфлотом, такие люди везде нужны, «для поднятия настроения, воспитания стойкости и патриотизма силой искусства», как ему тогда говорили. Он не согласился, он посмотрелся на море, очень соскучился и рвался домой. У него были причины торопиться не только потому, что он соскучился по дому.

Ларик счастливо улыбнулся. Пока всё шло, как по маслу. Обсыхая и блаженно шурясь на солнце, крутя в руках оторванный обрывок веревки и вспомнив свои проказы по закидыванию соседского балкона то конфетами, а то и обманками, камешками, завернутыми в фантики, он глянул вниз на правый балкон. Там, прикрываясь от чужих глаз старым

зонтом со сломанными спицами, кто-то сидел и загорал, вытянув ноги сквозь прутья балкона. Судя по ногам – девушка.

– Настюха? – негромко окликнул он на всякий случай. Из-под зонта выглянула девушка. Это, конечно, Настюха была. Но теперь она была не той девчонкой, злящейся на него из-за фальшивых конфет и показывающая ему язык. На него из-за зонта смотрело очень даже симпатичное создание лет шестнадцати с толстой русой косой, небрежно заколотой на затылке тяжелым разваливающимся узлом.

– Ларик?! Ты уже приехал?

– Приехал. Месяц почти уже, как приехал. Привет. Ты где теперь?

– Я?! Я экзамены сдаю. Привет.

– Какие?

– Я же десятый окончила. Выпускные.

– Как ты вообще?

– Да так. Помаленьку, – Настя потупилась, – папа умер. Знаешь?

– Нет. Когда?

– Два с половиной года уже, как умер. Осколок тронулся и всё, не смогли помочь ему, – девушка совсем опустила голову.

– Жаль. Хороший он был учитель.

– С кем это ты там лясы точишь? – раздался грубый мужской голос из глубины её квартиры. Настя, забыв и про Ларика, и про всё остальное, стала лихорадочно натягивать на

себя платьице и, не попрощавшись, ушла в комнату. Ларик ещё подумал тогда: «Чего это она, так испугалась? И кого?» – но за делами этот эпизод совсем забылся.

И вот Настюха стоит перед ним и, достав из возвращенной ей сумки носовой платочек, вытирает заплаканное лицо.

– Я автобус ждала, а он не пришел. Я и пошла одна.

– Какой автобус? Куда пошла?

– В сад. У нас там сад, – Настюха махнула рукой в сторону заходящего солнца.

– В такое время?

– Ну да. Мама на ночной смене. Я одна.

– И что? Приключения ищешь на свою голову? Садись. Куда везти? – Ларик терпеливо ждал, когда она залезет на сиденье за его спиной.

– Туда. Я там выйду.

– Ага. Выйдет она. Я тебе автобус, что ли? Командуй, – мотоцикл взревел хорошим мощным звуком, поднимавшим Ларику настроение.

– Туда, – Настюха махнула рукой вперед.

Мотоцикл быстро проскакивал мимо проселочных дорожек, придорожных канав заполненных болотцами, поросшими тростником, мимо рощиц и кустов, удаляясь от города. На пятом, примерно, километре Настя хлопнула его рукой по плечу: «Всё. Спасибо. Приехала я», – девчонка слезла с сиденья и отошла к обочине.

– Куда приехала? – недоуменно оглядываясь, спросил её

Ларик.

– Да вон, видишь за лесочком домики такие игрушечные? Это и есть наш сад. Там у нас вагончик и участок.

– Ну, так поехали, чего ты тут одна будешь идти? Солнце-то уже село почти. Поехали, доведу.

– Да нет, я сама уж тут.

– Да нет уж, – саркастически усмехнулся Ларик, – сдам тебя с рук на руки и по своим делам поеду. Садись! – он приказал тоном, не терпящим возражений. Это он всегда умел. Девушка послушно села снова и уцепилась руками за тёплое обтянутое пористой гладкой резиной кольцо перед своим сиденьем.

– Куда дальше? – спросил Ларик, когда они доехали до «ворот», представляющих из себя просто перекладину, объехать которую ничего не стоило.

– Второй поворот налево, – тихо сказала Настя, она уже не знала, как от Ларика отделаться. Мотоцикл, тихо урча, медленно повернул в проулок налево.

– Почти до самого конца. Там кусты, а дальше я сама. Там не проехать.

За кустами действительно была ещё с весны большая невысохшая лужа, или протока болотца, через неё люди пробирались по наложенным кем-то крупным камням.

– Ноги повыше подними, – скомандовал Ларик, заранее представляя, на что будет похож его бордовый глянец сверкающий «друг» после этой лужи. Лужу они проскочили по-

что уверенно, немного занесло юзом на самом выезде, но, заехав длинными ногами в крутых ботинках на «тракторах», которые он привёз из Одессы, в самую слякоть, Ларик мотоцикл удержал. Не посрамил-таки их с «коником» чести.

– Ну, и где они?

– Кто?

– Ну, к кому ты тут ехала? – Ларик недоуменно оглядывался. Нигде не было ни души. В редко разбросанных деревянных будках-домиках не светилось ни одно окошко. У самой дорожки притулился старый строительный железный вагончик. «Душегубка», как его называли строители. Днём в нём было невыносимо жарко, а в холод так же невыносимо холодно, и печку топить надо было круглосуточно, это ему рассказывал отец, работавший всю свою жизнь начальником какой-нибудь очередной важной стройки.

– Я тут одна буду, – Настюха, смущенно потупилась, чувствуя, что как-то она его немного обманула в ожиданиях благополучного исхода путешествия.

– Как... одна? – Ларик слез и оперев мотоцикл на откинутую ногой «подножку», подошел к вагончику, удостоверившись, что он действительно пуст и темен. Столбы для проводки электричества только начали вкапывать, он это заметил у «ворот» ещё, и это было по тем временам роскошью – свет в пригородном саду.

– И что ты тут собиралась делать?

– Ничего. Спать. К экзамену последнему готовиться ...

ещё, – совсем тихо добавила она.

– А дома чего тебе не сидится?

– Я же говорю, мама в ночную сегодня.

– И что?

– Ничего. Отчим дома.

– И что?

– Ничего, – Настюха отвернулась и пошла к калиточке, закрывающейся проволочной петлей, накинутой на столбик.

– Настя, я не понял? – Ларик заступил ей дорогу. Это было невозможно оставить её тут одну в темени. Она подняла на него глаза, полные слёз.

– Не могу я там дома быть. Понимаешь? Он выпьет и совсем... – она оборвала разговор, – ты езжай. Я уже ночевала тут. Тут не страшно. Нет никого. А в выходные вообще народу много. На обратную дорогу у меня деньги есть. И салаты уже выросли, и редиска. Спасибо тебе, Ларик. Пешком я бы ещё и половины пути не прошла бы, – девчонка почти весело улыбнулась такой своей удаче.

– Так он, что? Пристаёт к тебе? – Ларик испытывал смущение от разговора, слышал о таком и раньше, но столкнулся впервые. – А мать что?

– Она верит ему, а не мне. Она ему лучший кусок оставляет. Говорит, что у неё новая жизнь началась, как папа умер. Папа же долго болел, – как бы извиняясь за отца, добавила Настя.

– Ясно. А мать тебя не потеряет? – Ларик смотрел на по-

что погасшую вечернюю зарю и уже понимал, что просто так оставить девчонку здесь он не может.

– Нет, не потеряет. Я в кухне сплю, мешаю им постоянно. У нас же «полупортка». Я ей записку оставила, что у подружки буду готовиться к экзамену три дня. Она мне, наоборот, говорит, что мне надо с жильём куда-нибудь устраиваться, хватит на её шее сидеть. Вот сдам экзамены, устроюсь на работу, буду искать что-нибудь с общежитием.

– А учиться ты не хочешь? – почти утвердительно и рассеянно предположил Ларик.

– Хочу, конечно, но только на заочном смогу. Кто меня содержать-то будет?

– А куда ты хочешь поступить? – он почти механически задавал ей вопросы, лихорадочно соображая, что же делать с ней дальше.

– Куда? – Настя невесело засмеялась, хмыкнула, покачав головой, – все в актрисы хотят, и я тоже, – она искоса посмотрела на него, понял ли он шутку? Но Ларик о чём-то сосредоточенно думал. – Но если серьёзно, то в педагогический. В медицинском только очно можно учиться, в политех – не уверена, что завод люблю. Нет, не люблю. Я людей люблю хороших. Дети в основном – это хорошие люди. Буду, как папа, учителем.

– Так, ясно. Три дня, значит. Хочешь, я тебя к одной старушке, даже к двум старушкам, отвезу на эти три дня? Потом домой привезу. Он часто пьёт?

– Всё время, – Настя вздохнула, – но уже немного осталось, как-нибудь выдержу. Выпускной на носу, я в пионерский лагерь хотела техничкой устроиться на лето, но вступительные надо сдавать. Не знаю пока, как получится работать, а денег не хватает. Пенсия маленькая у меня от папы.

– Ладно, Настя, я тут тебя не оставляю – это точно. Поехали к моим бабулям, потом дальше видно будет. Это он тебя тогда с балкона звал?

– Мм. Он с работы пришёл, есть захотел. Мне неудобно стеснять незнакомых людей, Ларик, я не поеду. Ты не переживай...

– Настя, ты кончай выгибаться, я тебя тут не оставляю, темно скоро совсем будет, пошли, – он нетерпеливо взял её за локоть и повел к мотоциклу, – скажем, что ты моя девушка, и у вас в квартире случился небольшой пожар, ремонт, ну ври, что хочешь, короче. Скажем, что тебе надо готовиться к экзаменам. У них там малуха есть, в ней тебе будет нормально и со светом, между прочим. А не так... – Ларик кивнул на вагончик. – Всё. Решено. Поехали.

Старушки встретили их охами и ахами, накормили горячей картошкой, поджарили яиц, взбив их с молоком, и подали душистый травяной чай с мёдом. «Это трава такая, душица называется. А это вот, – ткнув пальцем в сковороду, – омлет называется», – усмехаясь, пояснила бабушка Пелагея, бравируя новым словом. – Раньше-то просто яишенкой с молоком называлась. Теперь – омлет, ишь ты, подишь ты!

В малуху отправили спать Ларика. А Насте постелили на полатах и уложили её на старом овчинном тулупе большом и теплом, поверх которого постлали белоснежные льняные грубые мягкие простыни, («старинного заводу», как опять пояснила бабушка Пелагея) пахнущие воздухом деревни и сеном. Настя уснула крепко и безмятежно, передернувшись перед сном от оставшегося где-то далеко позади ужаса ночи в темном пустом вагончике.

Утром она проснулась, разбуженная разговором старушек, принявших её вчера, как родную, и уже успевших напечь в летней кухне под навесом во дворе вкусных оладушек, запах которых доносился даже сюда в дом. Через окно Настя видела, как старушки накрывали на столике веранды чай. На столе стояла старинная глиняная кринка с парным молоком, как оказалось впоследствии, которого Настя ни разу в жизни до того не пила. Тут же дымил трубой самовар, в старинную вазочку из темно-зелёного стекла было налито варенье из лесной земляники, и на блюдечке лежал, оплывая от жары, мёд, привлёкший несколько ос.

Это было сказкой, счастливой сказкой про несчастную девочку. Насте казалось, что это сон, в котором её все любили, и она не хотела просыпаться, не хотела, чтобы исчезли эти смешные старушки-феи. Она, улыбаясь, прижалась щекой к подушке, зажмурил глаза. Но Ларик своим громким голосом мог разбудить кого угодно, и её тоже окончательно разбудил, бесцеремонно заглянув на полати, и приказал спускаться и

идти умываться.

Он чувствовал себя здесь великолепно и свободно, приехал, наконец-то, к своим родненьким бабушкам. В письмах он клятвенно им обещал, что и забор поправит, и крышу починит, и вообще поживёт у них с недельку, как минимум. Он приехал вчера выполнить все свои обещания.

Усердно уничтожая оладушки с мёдом, сливками и вареньем и запивая всё это парным молоком, он весело балагурил со старушками, которые не могли оторвать от любимого внука глаз и только подкладывали ему еду и подливали, улыбаясь, молоко, незлобиво отгоняя настырных ос.

– Ну, всё, бабули, спасибо, наелся, как никогда. Я с крыши начну. Сейчас на чердак слажу, посмотрю, где там дыры насквозь.

– Так их приметить сверху надо, Ларивоша. Давай-ка я с тобой полезу, – забеспокоилась бабушка Марфа.

– Ну, нет, только не ты, ба. Настюха, ты мне не поможешь? Это недолго, снизу мне прутиком ткнёшь в дыры, а я сверху их помечу, потом буду листы менять. Ба, это когда так побилло? Градом?

– Как ты уехал, Алипушко через год прибрался, так на следующий год после него и побилло. Отца-то нет, вечно на стройках своих. Носит его по белу свету, – отца и сейчас командировали в Казахстан, почти что «на целину», и мать дожидалась только Ларика из армии, чтобы уехать за мужем вслед, как всегда оставляя Ларика на старшую сестру Эльку,

как панибратски называл её младший брат. Элька давно вышла замуж и сейчас воспитывала двоих пацанов и его, Ларика, заодно по привычке.

– Мы уж нанимали тут ремонтников. Ну, увидишь сам. Они там подоткнули кое-как куски, а всё одно – бежит! Видишь? – бабушка Марфа, жена деда Алипия Илларионовича, бывшего когда-то настоятелем местного храма, давно заброшенного и полуразрушенного сейчас, подняв голову к потолку, показала пальцем на белоснежный потолок с размытыми желтыми пятнами, проступающими то тут, то там.

– Не забелить уж теперь будет. Перемазывать придется, – сокрушенно вздохнула бабушка Пелагея.

– Вижу. Пошли, Настя. Поможешь, а потом – зубрить! Бабули, она тут заниматься будет, у неё экзамен через три дня, вы её не занимайте ничем. Я сделаю, если что надо. И пол я сам помою, научился палубу драить.

– Да идите, идите. Мы сейчас творожку сварим, крошечку соберем, только постную, Ларивоша, пост, ведь, никак.

– Давайте. Постную, так постную. А творожок-то причём тогда? – он лукаво улыбнулся. – И омлетиками нас вчера потчевали?

– Так вы, ведь, пост-то не держите, греховодники, а мы уж по-другому не умеем. У нас – пост. Идите, идите. А ты Настя, можешь и в малухе, и на верандочке тут, где уж тебе лучше, там и садись учить свой экзамен.

– Давай, лезь вперёд, а то свалишься ещё ненароком, от-

вечай потом за тебя, – подтолкнул Ларик Настю к лестнице.

– Нет. Я за тобой, – смущенно отступила Настя назад, убирая его руку и прижимая подол платья к коленкам.

– А, ... понял. Погоди, я сейчас, у тебя же нет ничего с собой, я и не подумал. Сейчас я. У меня тут где-то мои старые детские вещички есть, тебе в самую пору будут, наверное, – Ларик, оставив её в смущении перед высоченной лестницей, побежал в дом. Скоро на крыльцо вышла бабушка Марфа и махнула ей рукой: «Иди, милая, обряжу тебя на ваш манер, мы-то в длинных юбках ходили, а вы-то нынче все в штаны забрались. Ну, иди, иди...»

Когда Настя вышла на крыльцо в новом облачении, Ларик захохотал. То, что ему было давным-давно мало, ей было на «большой вырост». Тренировочные трикотажные штаны она подвернула и сверху, и снизу, чтобы можно было передвигаться нормально. Его старые кеды смотрелись на ней, как башмаки рыжего клоуна в цирке, футболка старательно прикрывала попытки Насти подогнать «формочку» под себя и доходила ей почти до колен.

– Во, теперь нормально, на человека похожа, – ухмыльнулся Ларик, – только вместо кедов давай-ка бабулины калоши надевай, а то точно сверзишься, запутавшись носами.

Калоши, торчащие на колышках плетня, были черными, горячими от солнца и удобными. Часа два Ларик лазал по шиферу, скидывая разбитые обломки вниз, обнажая пробоины. Настя длинной тонкой лозой попадала в светящиеся в

темном чердаке дырки по порядку, Ларик что-то там отмечал, ругался и ворчал про себя. Наконец они закончили это тягостное дело. Старушки позвали их пить чай с ватрушками, которые они пекли только для них.

– Ба, я пойду Степку позову, мне, ведь, шифер наверх надо тягать, вы не помощники, вы уж сварите нам чего поплотнее, он мне обещался помочь.

– Может быть, я смогу помочь? – робко предложила Настя.

– Ты занимайся. Без тебя разберемся, тут мужская работа, я с ним в прошлое воскресенье ещё договорился. Он мне много должен остался за последний сенокос. Укосились вусмерть тогда на двух-то его коров, да нашу Милку.

– А ты не считайся. Где ты ему, где он тебе. Друзья поди, – покосилась на внука Пелагея.

– Дружба дружбой, а долг платежом красен, – обстоятельно и ворчливо возразил Ларик.

До самого вечера Ларик со старинным своим деревенским приятелем, весело балагурия, перекрывали крышу. Они аккуратно снимали ломаные листы и аккуратно поднимали новые листы шифера. Где-то они экономно смещали и закрывали дыры старыми листами, где-то меняли старые листы на новые, заранее привезенные отцом Ларика ещё в «позатом» году.

За обедом Степка, когда он думал, что никто на него не смотрит, не сводил глаз с Насти. Но все всё заметили. Сliš-

ком восторженно у него рот приоткрывался при взгляде на гостью Ларика.

– Это твоя, что ли? – спросил Степка у Ларика, когда они вышли из дома с кружками горячего чаю и присели на лавочку в тени большого куста сирени.

– Да нет. Это я бабулям просто сбрехнул, что моя, – Ларик мелкими обжигающими глотками прихлёбывал чай. – А на самом деле у неё дома вечно пьяный отчим, а ей экзамен последний сдать надо. Вот я и привез, чтобы она нормально готовилась. Соседка по дому, в одной школе учились, отец её завучем в нашей школе был. Умер недавно. Хороший мужик был. Её мать другого привела. Хмырём оказался. А чо, понравилась что ли?

– Клёвая. Сразу от наших отличается.

– Чем это? – Ларик внимательно посмотрел на Настю, проворно помогающую бабулям убирать со стола посуду.

– Да всем. Сорт другой. Есть ранетка, а есть яблоко. Есть сыроежка, а есть подосиновик, оба – грибы, а сорт – другой.

– Да? – Ларик вновь оценивающе посмотрел на Настю. – А я ничего такого не вижу. Зелёная ещё. Ей только вот шестнадцать исполнилось, или нет ещё даже. Всегда после школы у неё день рождения, помнится, отмечали. Весь двор на рисовые котлеты с киселём приглашала.

– Ничо ты не понимаешь, – Степка хмыкнул, – самое то, что надо. Год присматриваешься, год охмуряешь, а там и замуж пожалте. Самый сок.

– Да ладно! Губу свою закатай. Ходишь с Нюськой – и ходи. А эту не трогай, она на моей территории, значит под моей защитой. Усёк?

– Усёк. Собака ты на сене, я тебе скажу. И сам – не ам, и другому не дам, – ослабился беззлобно Степка на приятеля.

– Да. Я такой. Пошли, хватит тут чаи распивать, – Ларик, залезши на крышу, ещё раз посмотрел вниз на Настю, которая пристроилась в тенечке на той же лавочке под сиренью: «Ничего особенного. Ну, симпатичная. Ну, коса. Грудь – так себе. Рост? Говорить не о чем. Пигалица смешная. Ей до моей, – как до Луны. Скорей бы уж Алька приехала».

Крышу закончили в сумерках. Напрасно Степка ждал, когда Настя выйдет к ужину. Он, всё-таки, втайне хотел бы обратить на себя внимание стройной городской девчонки с городскими привычками, городским разговором и утонченностью. Степку Колотовкина всегда неумолимо тянуло на утонченных городских девчонок, такой вот прибабас у него был: «А Нюська? Ну, а чо? Потанцевать-то можно, танцы – это ни о чём, жениться же не обещал?» – совесть у Степки была абсолютно спокойна.

Настя от ужина заранее отказалась, только квасу ледяного выпила и ушла в малуху, где под низким потолком висела экономная лампочка ватт на сорок. Настя свернула из тетрадного листа «кулёчек» и прикрепила его верёвочкой над лампой, как маленький абажур. На пятнышке стола, где были разложены тетради и учебник, стало значительно светлее.

– Настюха, а ты чего есть отказалась? – спросил Ларик, зайдя в малуху, нарядный и причесанный, перед тем, как пойти в клуб, куда его потащил Степка вечером.

– Спасибо. Я не хочу. Жарко. Ларик, ты вот возьми, передай бабушке деньги за еду. Я потом тебе остальное отдам, – Настя протянула ему два рубля.

– Насть, ты чо? Просто ты моя гостья, не принято с гостей деньги брать за угощенье.

– Да нет, Ларик. Гостья – это когда тебя приглашают заранее. А я сама... навязалась. Мне неудобно.

– Ладно, тогда с другого бока зайдём. Ты мне сегодня помогала? Помогала, – ответил он за неё, – завтра ещё поможешь. Мне там слези поддержать надо будет, когда забор поправлять буду. Но это недолго. Часик, от силы – полтора.

– Да хоть три, Ларик. Я тебе так благодарна, я сегодня больше половины прошла, но тут воздух такой, что даже голова заболела. Это, говорят, кислородное отравление такое бывает с непривычки.

– Сильно болит?

– Ну, да. Сильно. Даже подташнивает.

– Поэтому и ужинать не пришла?

– Мм. Да я и не хочу есть совсем.

– Ну, Настюха, и смешная же ты, как неродная. Так ты бабушкам-то скажи, они тебя быстро вылечат от головы твоей. Ну, я пошел тогда, раз договорились.

– А Степа тоже завтра будет с тобой?

– А что такое? Он тебе понравился, что-ли? – Ларик, остановившись на пороге, внимательно посмотрел на Настю, и подумал про себя: «Вот все они такие. Чуть только глаза на них поднимаешь, начинают воображать, фиг знает что. Потом страдать ещё начинают. Хоть не смотри».

– Нет. Совсем не понравился, глаза такие... упрется и смотрит, неприятный он какой-то.

– Да, нет. Зря ты это про него так. Он нормальный, и даже очень симпатичный парень. Просто молодой и сильно неженатый после армии. Тоже в институт собрался поступать. Но он больше и не придёт. Помог уже. Ну, ладно, лечи иди голову да занимайся, пошел я, – Ларик вышел из малухи и, широко шагая, направился к мосту через Колгу, заранее предвкушая радость от встречи со старыми приятелями его детства.

Стало совсем темно, Настя закрыла учебник и, потянувшись, поднялась со стула. Пора и на полати, пока у бабушек горит свет, и они не легли, читая свои молитвы, как и вчера.

– Это мы с Палашей повечерие читали, – объяснила ей вчера бабушка Марфа.

Сели втроём «вечерять», как тут говорили про вечерний чай с оладушками и ватрушками для Насти и Ларика. Ларика за столом не было, он, прибежав с вечеринки в клубе, побыстрому заглотил на ходу несколько ватрушек и смылся от женщин, пока бабушки в хлеву возились с коровой и не припрягли его опять к чему-нибудь. Настя так и не разобралась,

кто тут кому кем приходится. Решила спросить об этом завтра за завтраком. И ещё она решила, что завтра вымоет, как следует, пол во всём доме: и в сенях, и на веранде. Дом давно уже не мыли целиком, и это чувствовалось.

– И почему это помещение «сени» называется? С сеном что-то связано, что ли? – было последней её сознательной мыслью. Чай из травы, которым её «от головы» напоили старушки, подействовал на неё усыпляюще и очень быстро снял боль. Ей снилось, что она сидит на самом коньке бабушкиного дома и видит всё на несколько десятков километров, как с воздушного шара. А Ларик помахал ей снизу рукой и ушел прочь от дома, не оглядываясь. Ей стало грустно во сне.

Утро на следующий день занялось знойное. Куры, изнемогая от жары, с самой рани забились под крыльцо и, вырыв там себе ямки в пыльной земле, ложились, распутив веером перья, чтобы немного охладиться. Завтрак прошел быстро и молчаливо. Ларик как-то виновато отводил от бабуль глаза. Неизвестно, о чём они там в малухе говорили, но чувствовал он себя не в своей тарелке с того самого момента, как бабушка Марфа каким-то особенным тоном позвала его: «А ну-ка, пойдём, Финист- ясный сокол, поговорим-ка с тобой!» – для Ларика это всегда означало головомойку. О чём она с «Финистом» говорила, никто не спрашивал. Да и зачем?

Лаги на столбики для нового забора, поднявшись пораньше, пока не припекло до одури, Ларик вдвоём с Настей наколотил за полтора часа. Закончив работу и обливаясь по-

том, оба спрятались в тени на веранде, Ларик опорожнил целый кувшин с квасом, ядреным, бодрящим и щиплющим за язык, настоящим с хреном.

Позанимавшись зубрёжкой до полудня, Настя «засучила рукава» и, как вчера и решила, взялась за тряпку, и часа три, не разгибаясь, наводила порядок в доме старушек, залезая туда, куда они уже не могли дотянуться. Быстро обмела чистым веником высокие углы от тенет, перетрясла всё с полатей, собрала самотканые дорожки и, вытряхнув, вывесила их проветриваться на плетень, отделяющий дворик от огорода и сада со старыми яблонями, усыпанными маленькими красновато-зелеными завязями яблок. Бабушки, ободренные такой помощью, пошли наводить порядок в хлеву и в сарае. Дело у всех спорилось. Ларику пришлось ещё и навоз вывезти, и сложить его в кучу на задах огорода. Чего за кампанию не сделаешь? И его одолевали странные мысли: «Вот интересный факт: русские, живущие в очень холодной стране мира в самую жару под сорок, пашут на огородах, «как не в себя», когда привычные к солнцу южане устраивают себе сиесты. А в мороз под сорок, русские лижут на улицах мороженое, когда те же южане почти умирают от холода, надевая две шапки на голову. Мороженого бы сейчас. Да где взять его в этой глуши? Редко привозят, холодильников, видать не хватает. Квасу разве пойти выпить?»

Он снова зашел в дом выпить квасу и чуть не столкнулся с Настей. Она, мурлыкая себе что-то под нос, пятилась на

него спиной и размашисто развозила мокрой тряпкой воду по полу. Его огромные штаны, которые ей и ходить-то мешали, а что уж о мытье пола говорить, она скинула. Футболку, широкую и длинную она подоткнула краем под резинку трусиков и в таком виде и хозяйничала. Ларик застыл, увидев вдруг перед собой не просто соседку Настюшку, а умелую молодую женщину сноровисто, как это умеют только женщины, моющую пол, и быстро переступающую босыми, почти прямыми, ногами по мокрым доскам назад. И ноги эти были стройными и сильными.

– Черт, а она взрослая почти, и нифига не ребенок, – и чего бабуля на него накинулась за неуважение к его гостье? И никакая она ему не гостья, а просто так... Но ноги у неё стройные, и Степка это вчера сразу разглядел, – а он, Ларик, только сейчас. – И что? Сидеть с ней теперь, что-ли? И бедра у неё женские. Узенькие стройные, но точно женские. Красивые. Господи, когда же Алька приедет, наконец?! – у Ларика всё тело сжало в пружину при воспоминании об Альке, об её закинутой назад голове, с песчинками в волосах. В такие минуты, там на берегу, он чувствовал себя властелином вселенной, а не только любимой им юной женщины.

Так Ларик и не попил квасу, с позором изгнанный из сени своими собственными греховными мыслями и стройными ногами и бедрами ничего не заметившей Настюши.

– А вы бы на речку-то сходили, охолонулись в воде, жарко ведь? – обмахиваясь платком посоветовала бабушка Пе-

лагея.

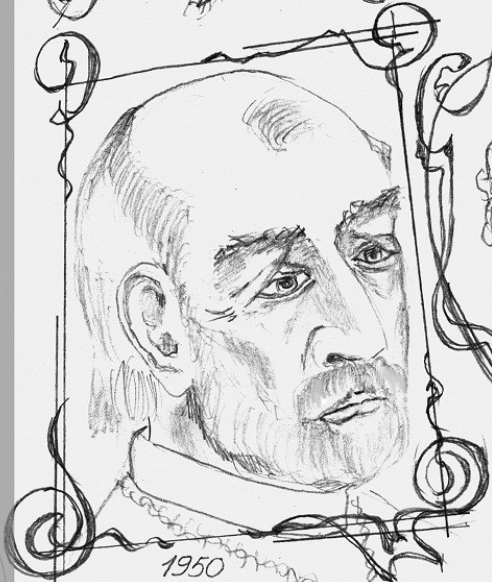
– Да нет, я не пойду, – сразу отказалась Настя, – я купальник не взяла. Если можно, я в бане просто окачусь водой.

1974

1974

1950

1950

Бабули Марфа и Пелагея, дед Алипий и Ларик

– Можно, конечно, только баню надо затоплять, да помыться как след, сразу прохладней станет, кожа-то чистая лучше дышит. Давай, Ларивоша, затопляй, суббота сѣдня в аккурат, – утвердительно попросила бабушка Пелагея.

Деловой деспотизм бабуль Ларик переносил стойко, только дурачился за их спинами, поджимая саркастически, и упрямо по-старушечьи, уголок губ, когда бабули не видели. Это было смешно, и он нарочно смешил этим Настю, когда видел, что она весело наблюдает за ними за всеми.

Печь топилась до самого вечера, нагоняя сумасшедший жар в бане. Часов в семь, после работы, перед чаем и «Вечерней», как объяснили бабушки, все с превеликим блаженством помылись в горячей бане, смывая пот и соль, выступившую от работы и изнуряющего жара. Но после бани, выплавляющей из распаренной кожи текущие по телу струйки пота, тридцатиградусная жара в тени и вправду показала Насте прохладой. Настюша мылась последней, бабушка Марфа научила её, как плескать воду на каменку и не ошпариться выбивающейся струей пара. Потом Настя развесила свое постиранное бельишко в листве сирени за малухой на просушку.

Этим вечером Ларик в клуб не пошел. Старушки каждый вечер, по неизвестно когда заведенному порядку, вставляли на молитву два раза. На «Вечернюю» и на «Повечерие». На-

стя уже поняла, «когда», и совсем не понимала, что и зачем. Видимо заметив в её глазах недоумение, бабушка Пелагея мягко и терпеливо объяснила ей, что с тех пор, как закрылся храм их, они взяли на себя труд творить молитву, как раньше в храме бывало. Настя не запомнила ни одного святого из тех, что ей не торопясь называла старушка, осеняя себя крестом при упоминании некоторых. Знакомыми кое-как были только два имени: Иисус и Богородица .

– Раньше-то батюшка наш Алипий, родной брат мой, службу в храме служил. Под защитой мы жили. А вот уж сколь лет, как сироты живём. Только Алипий его восстановил после войны, – и опять отобрали. Из-за этого он так мало и пожил, не перенёс второго раза. Только и жил, что надеждой на Ларика нашего.

– А я-то причём? – видно было, что не в первый раз затевается этот разговор и что он был Ларику крайне неприятен.

– Ладно, спать давайте ложиться, – не собираясь пререкаться с внуком, миролюбиво сказала Пелагея. – Ларик, ты там веник из полыни-то повесь в малухе, да лавровый лист по углам кинь, всё комары не так будут зудеть. Дома-то мы давно уж повесили, и запах хороший, и комар не летит. А сегодня у нас и вовсе праздник Настя устроила, свежими досками-то как приятно пахнет. И так прохладно от свежей воды стало.

– Руки, небось, ободрала голиком? – участливо спросила бабушка Марфа, подливая ей чай.

– Да нет. Не ободрала. Да и пол у вас чистый, не «заношенный». Так, немного пошоркала. Моя бабушка, когда-то так же мыла. Я у неё один раз маленькой была в гостях на каникулах. А потом она умерла, и тот дом кто-то из её близких родственников, наверное, забрал себе. Помню, что пол был желтым тогда после мытья. И у вас он сначала тоже желтым был, теперь вот белый. Высох.

– Спасибо, Настенька. Храни тебя Господь.

Предпоследнюю ночь Настя «растягивала», как только могла, утомленная работой, баней и занятиями английским языком она задремала, вдыхая запах воздуха и чистого пола, лёжа на этих чудесных полатях, вспоминая своё сегодняшнее знакомство с чудесным душистым домом, которое ей устроила бабушка Марфа.

В доме было пять комнат, кроме кухни. В одной спали бабушки. Там всё было идеально чисто и «кИпенно бело», как сказала бабушка Пелагея: «Это уж мы сами себе праздник делаем. Взглянешь – и душа поёт».

У них даже в коровнике на окошке висели беленькие в цветочек ситцевые занавесочки.

Во второй довольно большой комнате, напротив кухни и комнаты бабушек никто не жил. Там стоял огромный обеденный стол посередине. Вокруг него десятка полтора старых стульев с высокими спинками и с шишечками по углам спинок. В проёмах между окон стояли высокие узенькие старинные тумбочки-треножки с цветами в горшках, стояв-

ших на накрахмаленных салфетках с пышными волнистыми краями. В углу занимал всё место огромный старый фикус с большими лаковыми листьями, прочно устроившийся в большой деревянной кадучке на большом старом табурете. В простенках висели старинные фотографии в старых тёмных широких и простых рамках. У холодной стены дома стоял огромный буфет, тоже тёмный и старый, но крепкий и тяжёлый с многочисленными дверцами, стеклянными и деревянными. И всё в нём блестело, как будто бы всё вчера перешили. В простенке напротив двери стояло огромное, тусклое от времени зеркало. Вдоль остальных стен стояли высокие узкие жесткие диванчики. Всё здесь было прочно и капитально сработано, служило сто лет, и ещё было готово служить столько же

– Тут человек по двадцать сиживало когда-то. Разъехались все. Слава Богу, живы все, работают, детей уж вырастили. Ларивоша у нас последненький. Вся наша надежда на него. Как уж Бог даст, – бабушка Марфа перекрестилась на висящий в красном углу комнаты образок.

– А в чём надежда-то? – Настюша, поставив на пол ведро, полное свежей холодной воды, оглядывалась и искренне не понимала, о какой надежде на Ларика говорят бабули.

– Как в чём, девонька?! А храм-от наш? Только ему это будет поднять. Так мой Алипий Илларионыч сказал. А это уж непременно так будет. Что уж он сказал, то непременно и происходит. Всегда так было. И это будет. Когда вот толь-

ко? Молодой он, Ларивоша наш, глупенький ещё. Не внемлет пока. Ну, ничего. Призовёт в храм и его Господь, как и всех призывает, кому положено. Всех. Рано или поздно, а в храм призовёт. Женится, наверное, так и призовёт сразу. Это со всеми в роду нашем так было.

В третьей небольшой комнате пахло чем-то очень знакомым, душистым.

– Это чем так приятно пахнет? – спросила Настя.

– Это-то? – Марфа округло обвела рукой около головы, – это воском пахнет и ладаном. Здесь мой Алипий Илларионович занимался, людей принимал, когда надо было. Видишь – вход-от отдельный из прихожей сразу, чтобы посторонние в дом не входили. Там-то ещё две комнаты, – старушка махнула рукой вдоль коридора, – закрыты сейчас, раньше мы и там жили, когда Коля и Тимоша с нами-то были. На дрова много денег уходит. И там чисто, пыль только смахнуть, почти не бываем, да масла в лампадку подлить, – бабушка показала на лампадку, горевшую крошечным, почти не видимым днём огоньком. – А как же? Пост нынче идёт. Алипий-то он с нами. Иной раз бывает, что и шаги его слышу. Ждёт он Ларивошу. Ждёт. Дождется и тогда, уж, совсем уйдёт. Он и умер-то, когда Ларивоша в армию ушел. Тосковал сильно. Мог бы и жить ещё, ему всего восемьдесят пять было. Отец его до девяноста семи дожил, так в алтаре и помер, когда второй-от раз начали церкви рушить. Прости их, Господи, не ведают, что творят, – старушка, мелко крестясь, пошла из комнаты. –

Ты тут сильно-то не натруждайся. Смахнешь пыль и ладно. Сойдёт, ... уж и не знаем, как тебя благодарить.

Настя сочувственно посмотрела вслед старушке. Тут так пахло патриархальной стариной из всех углов. И разговоры тихие, и запахи незнакомые, будоражащие, и шепот старушек, стоящих на полу на коленях перед образами в своей, «кипенно белой» комнатке; ватрушки, парное молоко и тонкий запах мёда, оплывшего от жары в вазочке; кринка с молоком с запотевающими боками, когда её доставали из глубокого погреба в темных сенях, – Насте казалось, что всё это она когда-то уже видела, знает, любит, слышала. И сейчас с ней происходила наяву такая счастливая детская сказка.

Тело, расправившееся на прохладных толстых простынях, млело от берёзовой воды в бане. Запах веника, запаренного в воде для ополаскивания волос, носился легким ароматом вокруг головы. Настя блаженно потянулась и согнулась калачиком, сон закрывал веки. Старушки, готовясь ко сну, уже закрылись. В сенях тихо скрипнула дверь, Настя услышала шаги босых ног по полу и приподняла голову. Ларик, стараясь не шуметь в сенях, открыл дверь и зашел в дедову комнату. Из-под двери пробилась полоска света.

– Лампу настольную зажег, – поняла Настя.

Сон у неё прошел от невольно нахлынувших детских воспоминаний. Каким же заводилой был Ларик на всех школьных концертах вместе со своей сестрой Элькой, пока не поступил в музыкальное училище.

И Ларик, и Элька легко и сразу подбирали на слух мелодию любой песни. А частенько во время репетиций школьных концертов устраивали настоящее попурри, сменяя один другого за пианино на сцене школьного актового зала. Настя всегда восхищалась ими, наблюдая из-за кулис за шумными, веселыми выходками брата и сестры

Они были своего рода тогдашним брэндом школы. На всех смотрах художественной самодеятельности они и пели, и играли, и всегда брали призовые места. И Элька, и Ларик учились в музыкальной школе. И, конечно, никто не удивился, когда после восьмого класса Ларик пошел в музыкальное училище. В школе тогда сразу образовалось пустое, никем незаполнимое место. А Элька ушла за два года до этого, она была старше, и после школы тоже училась в музыкальном училище.

Утром за завтраком Настя узнала, что деда Ларика, священника Алипия, как и прадеда Ларика, священника Иллариона, два раза осуждали за «религиозную пропаганду». Узнала, что они сидели в лагерях, и что отца Ларика, Николая, дедова сестра Пелагея Илларионовна успела увезти на время в гости на Украину подальше от знакомых. В доме остался «для пригляда» троюродный брат Алипия с семьёй. А когда началась война, Пелагея с Колей одними из первых попали под бомбежку, потеряли документы, и потом бабушка Пелагея записала Николая своим сыном на свою фамилию Удаловых, пока родители мальчика сидели в лагере. Кое-как,

с пометкой: «Проживала на оккупированной территории», Пелагея сумела попасть с Колей «в ссылку» в забытые Богом Берлуши. Сюда же вернулся с фронта, муж Пелагеи, Тимофей Удалов, весь израненный. Своих детей они так и не завели, и жили всегда рядом с Коленькой. Поэтому вместо фамилии Арсеничев и отчества Алипиевич, мальчик Коля получил фамилию Удалов и отчество Тимофеевич. Для Удаловых Коленька и его дети были самыми, что ни на есть, «родненькими». И Алипий, и отец его Илларион к концу войны вернулись из лагерей, им разрешили церковь восстановить. Троюродный брат, от верующих родственников, как от греха, подальше уехал, завербовавшись, как знатный плотник по призыву, восстанавливать Сталинград. Там и остался. Героем труда стал. Потом и Марфа приехала домой. В Берлуши. Только детей Алипий уже не мог иметь, из-за побоев стал инвалидом. И нога, сломанная ему «вертухаями», всю жизнь у него так и болела. Менять из осторожности ничего не стали и после пятьдесят третьего года, когда вроде «разобрались» со священством, вернули им некоторые свободы и права. И не напрасно не поменяли. Вскоре началась новая, хрущевская уже «атака» на церковь. Поэтому никакой разницы между бабушками Ларик и не делал. Одна родила его отца, а другая сохранила его живым и вырастила, пока первая бабушка лес валила на лесозаготовках в Сибири.

– И вот на этого балагура и весельчака, Ларика, бабули возлагают надежды, как на будущего священника?! – Настя

невесело усмехнулась своим мыслям. – Нет. Это, конечно, бред. Ну, какой из Ларика священник?

Настя, никогда раньше и не слышала о том, что дед у него – священник. Отец – строитель, обычный инженер. Мать – учитель музыки, концертмейстером ещё подрабатывала, когда не уезжала за мужем в очередную строительную командировку, оставляя ребят на бабушек, то на одну, то на другую, но Настюша их не помнила, как и они её.

Девчонки и в школе за Лариком хороводом ходили, а в музыкальном училище каждый парень всегда на вес золота был. Избалован был Ларик девчачьим вниманием.

Но Настюшка об этом никогда не думала, изредка встречаясь во дворе с повзрослевшим Лариком, очень вытянувшимся, ставшим серьёзным и вечно куда-то спешащим, и уж, конечно, не оборачивающимся на неё мелкую, когда она, обернувшись, долго провожала его восхищёнными глазами.

Никто его сердца так и не завоевал до армии. Он был свободен, как альбатрос над морем, пока не встретил там, в Керчи, Альку. Вот она ему за всех безнадежно влюблённых в него девчонок и отомстила. Он не мог дожидаться очередной увольнительной, которые им иногда после походов давали. Все его мысли были заняты только ей. Парни завидовали ему, что такую красивую девчонку отхватил.

В день увольнительной он появлялся у неё с самого утра, и потом они уединялись где-нибудь на укромном берегу в какой-нибудь бухточке. Он забывал с ней и про обед, и про

ужин не вспомнил бы, если бы она не приносила с собой в пакетике помидоры, вареные яйца и пару горбулок. Ему казалось, что он сыт морским воздухом, запахом её мокрых волос и кожи, золотившейся загаром под горячим солнцем юга. В холодное время они бродили по окрестностям, по дальним окраинам города и говорили, говорили, говорили... О чём говорить, ему было практически всё равно, лишь бы её голос слышать и глаза видеть. Иногда они пели, и он хохотал, восторженно ужасаясь, как можно так безбожно перевернуть мелодию?! А она спокойно и кошмарно её перевирала, несколько не смущаясь и не комплексуя, наоборот, смешивала его до колик в животе. Время от времени она куда-то исчезала без предупреждения. Потом появлялась, не объясняя, куда и зачем уезжала, мучила его своей независимостью и решительной самостоятельностью. Ларик противился, требовал объяснений, прощал, вырывал у неё слова признания в любви и верности. Она раскаивалась, обещала и потом была по-особенному нежной и мягкой под его руками. Так продолжалось три года до его отъезда. На вокзале Алька плакала, прощаясь и одновременно улыбалась сквозь слёзы. Её мать тоже стояла рядом, утирала слёзы, провожая будущего зятя.

Теперь Ларик нетерпеливо ждал, когда его оформят руководителем хорового коллектива и дирижером струнно-инструментального оркестра по совместительству на работу во дворец машиностроителей. Договоренность на этот счёт у

матери с директором дворца, где иногда его мать вела кружок фортепиано и детский музыкальный коллектив, когда отец приезжал сюда из своих командировок, была железная. Но для работы во дворце этого «обычного» завода в городе Че нужен был «допуск», чтобы иметь возможность проходить на заводскую территорию, а это, разумеется, было нужно.

Ларик даже заранее набросал эскиз, какие подставки для хора надо будет сразу же заказать и сделать, чтобы смотрелось всё солидно и красиво. Он и над репертуаром ночами голову ломал и почти уже составил, но разрешение на допуск всё не приходило.

Документы его уже полмесяца проверялись в каких-то инстанциях.

А они сразу договорились, что как только он оформится на работу, Алька тут же приедет и тоже устроится куда-нибудь на работу, туда, конечно, где не требуется музыкальный слух. Здесь город большой, не то что там. Там городок, можно сказать, с богатой историей, конечно, но городок. А тут-то – один из крупнейших городов- миллионников. И начнется у них настоящая жизнь, и они уже будут вместе навсегда, и днём, и ночью. А в Керч они будут ездить в отпуск каждый год.

Пока же Ларик готовился очень всерьёз заняться работой со своими будущими коллективами, и взрослым, и детским тоже, конечно. Он прочел в газете «Культура и жизнь» и в

журнале «Театральная жизнь» обо всех конкурсах и юбилейных событиях планирующихся в этом году. Амбиции у Ларика были большими: «Выйти на всесоюзный уровень – это уж обязательно. А там видно будет. И в институт готовиться надо. Элька вон выскочила замуж и прощай-прости высокое искусство, и оперный хор, и даже оркестр оперного театра, и всё такое. Здравствуй, племя младое любимое. Два пацанчика-погодка», – так очень логично рассуждал и мечтал Ларик.

С рождением своих детей Ларик заранее решил не торопиться. Успеется. Им бы с Алькой поездить по белу свету с гастролями, на людей посмотреть, себя показать.

Глава 3. Письма деда

Сегодня ночью, когда все уснули, Ларик решил залезть в стол деда и открыть, наконец, тот пакет, который лично ему завещал дед, и который лежал в верхнем ящике стола, перевязанный крест-накрест бечевкой. Этот пакет бабушка Марфа в первый же день, как Ларик приехал к ним после дембеля, подала ему в руки. Но тогда Ларик не захотел второпях «встретиться» с дедом. А то, что он с ним «встретится», никакого сомнения у него не было. Дед был из тех людей, у которых каждое слово тяжело весило и много значило, и хотел или нет дедов собеседник, он невольно попадал под влияние его рассуждений, которые врезались в сознание, как горячий нож в масло.

С этим эффектом Ларик был знаком слишком хорошо, чтобы и сейчас, когда дед уже не здесь, легкомысленно предположить, что такой пакет ничего существенного в себе не содержит. Ларик внутренне отодвигал этот момент встречи с дедом, но и готовился к его неизбежности. Поэтому и выбрал ночное время, когда ничто и никто не мешает ему прочесть послание деда.

«Здравствуй, дорогой мой мальчик. Наверное не дождусь я тебя, совсем плохой что-то стал. Жаль. Но ты же помнишь, как к тебе во сне приходил дед Илларион? И то, что он тебе рассказывал, потом подтвердилось. Мы нашли с тобой его

клад. Это ли не доказательство, посланное тебе, как избранному из нас? Не бойся, мой мальчик, что оно, это избранство, с детства присутствует в тебе. Присутствует, и даёт мне твёрдое основание в том, что я правильно выбрал наследника дела моего. Все старшие дети нашего рода от моих дядек и братьев ранены временем тем безбожным. Ранены и больны. Хотя, уверен, что все они молятся перед сном, как и в детстве, но молятся тайком даже от себя. Господь их не оставит своей милостью, но дал мне упование в тебе. Твоё личико, просветленное во время служб и сейчас стоит передо мной, как же мне жаль, что не увижу его более на этом свете. Светлый ты мальчонка был. Уверен, что светел ты и сейчас, хотя творишь ошибку. Что же ты без венца с ней сошелся? Грех это. И на ней грех, а на тебе-то больше. Ты же мужик. Но напрасно ты надеешься, что Господь такое попустит. Не попустит. Вместе вы не будете никогда. Да и к лучшему. Она на жизнь, которая тебе уготована, не годится. Совсем не годится. Ты отпусти её с миром, как уйдёт от тебя – не гневись. Ты-то не лучше.

А ты счастлив другой будешь. Всю жизнь счастлив будешь...» – Ларик обомлел, отбросил письмо деда в сторону и резко встал из-за стола: «Ну, дед! Ну, ты даёшь. Так и знал, что об этом начнешь. И по-прежнему уверен, что не случайно тогда этот сон приснился про церковный клад. А где это всё сейчас, интересно? Выкопал, или так и оставил? И, главное про Альку! Вот, ведь, ты штырь! И так уверенно... Ну,

нет, дед! Алька – это моё. И ничего ты не знаешь. Так, на понт меня берешь...» – Ларик даже не сразу понял, что ведёт диалог с давно ушедшим дедом, как с живым, и снова присел перед столом и взял в руки листок.

Дед, как чувствовал, что с ним сейчас происходит: «Клад я для тебя оставил на том же месте. Тебе про него сказали, тебе и доставать. Но доставать-то куда? Нет алтаря. Стало быть, на тебя это возложено. Тяжела эта ноша. Согласен. Но и благодатна она. Всё она тебе даст. По белу свету хочешь поездить? Зачем? В себя для начала загляни до самого дна. Многое увидишь. Везде всё едино. Что наверху, то и внизу. Что внутри, то и снаружи. Только от тебя зависит, как твоя жизнь красками заиграет, и какими. Для этого никуда и ездить не надо. Ты вот точно знаешь, как одуванчик устроен? Можешь навскид нарисовать? То-то. Вроде и прост, а как совершенен! Это великое творение Его. Ты думаешь, музыка только в концертных залах звучит? Да нет. Искони она в церкви звучала. В каком это зале она так-то звучит, как у нас тогда звучала, или в другом соборе каком? Нигде больше. Да и дар тебе музыкальный не из рода, а в род дан. Всегда бабушки в нашем роду регентами хоров были. Ты церковь-то восстанавливать с хора начни. Поправить окна и двери недолго. Купол почти цел. Мы там с мужиками перекрытия-то толем закрыли от дождей и снегов кое-как. До тебя дотянут. А тут уж ты сам, сынок, поднапрись. В епархию запрос сделай на восстановление служб в храме. Мужиков,

главное, привлеки к этому делу, без них ты ничего не сделаешь. Одним кулаком с ними становись, пробьёшься, хоть и тяжело будет. В хор пригласи братьев из семей Строгиных, ещё Мятлевых, Бредихиных, Масловых, Жилиных – эти всегда пели. У них голоса великие бывали в роду. Да что я это тебе советую, ты и сам найдёшь лучше меня. В епархии тебя быстро рукоположат, сейчас им там не до переборов, а ты коренной. Это там, в управлении, знают, я записку на днях отослал.

Только жену выбирай по совету Марфы моей и Пелагеи нашей. Они не ошибутся, изнутри это дело знают, и все тяготы его для матушки понимают, в этом вопросе ошибиться нельзя никак. Это доля с тяжелым крестом, но и благодатная для женщины в муже и детях. Дорогого это стоит нынче-то. У тебя наследник будет тебе подстать, даст его Господь с Элиной стороны, но не надолго. Потом другой появится. Надёжный. Элька и хор тебе поможет наладить. Как рукоположат, храм вымели, освятили с Божьей помощью, – и сразу крестить начинай и отпевать. Это первое, что людям надобится. Службу ты раньше наизусть знал, вспомнишь быстро. Книги все оставляю тебе с памятками. Закладки не теряй, пока сам не научишься нужное быстро искать. А проповеди на первые года три я тебе наготовил, потом своё добавишь, как в полный ум войдёшь, настоятелем настоящим станешь. Оно само придёт к тебе, только перо в руку возьмёшь – оно и придёт. Я с тобой по первости буду. За спиной

встану. Почувствуешь. Ты в надежде будь, всё хорошо будет, даже и лучше, чем хорошо. Господь с тобой, мальчик мой дорогой. Марфа не уйдёт, пока третьего ребёнка на ноги не поставишь. Тогда уж ко мне уйдёт. Потом ещё дети будут, там Палаша поможет, но не долго. А там и сами справитесь. Вот, вроде всё сказал. Что не ясно – спрашивай, найду, как ответить, не одни мы с тобой, с нами Господь наш. И Аминь. Целую тебя, мальчик мой дорогой. Живи долго. Алипий, дед твой любящий тебя.

Да, совсем забыл... Ты не тужи, коли не по-твоему с работой твоей будет. И с девицей твоей тоже. Не тужи, принимай всё, как есть. Вспомнишь меня потом. И на меня не сердчай, я тут ни при чём. В любимчиках ты у Него ходишь, вот и помогает Он тебе. Да, патлы свои можешь не состригать, украшают они священника».

Ларик жестко усмехнулся. Прошелся рукой по оставшимся листам и тетрадкам, некоторые вытаскивал на свет. Проповеди были написаны в пронумерованных тетрадках, также аккуратно пронумерованных постранично. В конце каждой стояла печать архимандрита. Иначе проповедь сразу же и запрещалась во времена Хрущёва. Некоторые, самые старые из них, Ларик вспомнил, детская память услужливо вытаскивала их на поверхность. Недаром он оттягивал этот момент, чувствовал, что внесёт он в его душу гнев и разлад: «Да кто ты такой, дед Алипий?! Ну, священник потомственный. Все вы раньше потомственными были. Тоже мне пред-

сказатель!» – Ларик мерял шагами комнату и остановившись перед образом в углу, слабо освещаемом лампадкой, зло посмотрел на него. Пламя лампадки, до этого малюсенькое и едва заметное при свете настольной лампы, вдруг взметнулось и весело затрещало, как бы зайдясь в смехе. Ларик невольно по детской привычке перекрестился, в ответ пламя ещё раз высоко взметнулось, сильно осветив темный лик в потемневшем до черноты серебряном окладе, и Ларику показалось, что лик мягко и лукаво-ободряюще улыбнулся.

– Ну, это мы ещё посмотрим! – прошипел Ларик и, засунув всё комком в стол деда, погасил лампу и вышел из комнаты, взглянув в проём кухни. С полатей, освещённая через окно Луной, на него смотрела Настюха.

– Ты чего не спишь? – спросил он, невольно вздрогнув.

– Я от шагов твоих проснулась. Дом-то не закрыт на крючок. Я не привыкла.

– Да тут никогда никто дома не закрывает. Все свои. Спи давай, – раздраженно проговорил Ларик и нырнул в проём сеней, прикрыв дверь за собой.

Насте в окно было видно, как он в сердцах рубанул рукой по толстым перилам из тяжелой лиственницы. Как объяснила ей бабушка Пелагея: «Это из листвяницы сделали, чтобы под дождём не сгнило. Дому-то уж сто с лишком лет, поди, ещё мой дед его тут налаживал, брёвнышки катал. Вишь, какой подбор-то высокий? До окна с земли рукой и не дотянуться. Это чтобы светло в окнах было. Для себя делали, да

для деток своих. Тут всё руками наших мужиков сделано, брёвна-те далёко выставляли, помню, прирубали потом потихоньку комнату за комнатой. Народ-от прирастал, кучно тогда жили, а мирно жили, чисто. Алипий вот крыльцо лет тридцать, как обновил, крышу навесил. Как новое стоит».

Ларик лежал в малухе, сон совсем не шел: «Это надо же так! Вздумал судьбой моей распоряжаться. И командует, главное, как боцман. Ничего. Я тоже не пальцем деланный», – Ларик бесился от самоуверенности деда и тона его письма: « Вот откуда он про Альку знал? Я сам её ещё не знал тогда, когда письмо писалось. Конечно, она в попадьи не годится. Да и кто из сегодняшних девчонок годится в попадьи? Вообще всё это архаизм смешной. Мало ли что я в детстве с ним везде таскался. Ребенок был глупый. Хорошо, что в школе никто не знал про это. Хрен бы тебе, а не пионерия-комсомолия. Всё, к чёрту это! Музыка – и только музыка!»

Ни о чём другом Ларик никогда не думал, хотя отец ему несмело намекал, что очень неплохо было бы приобрести профессию строителя, например: «Всегда будешь с работой, а значит, всё у тебя будет нормально, как у всех трудящихся нашей великой страны».

Но у музыкантов этой страны, если они были большими, или хотя бы, хорошими музыкантами, тоже было всё в порядке и с работой, и со всем прочим. А Ларик планировал стать большим музыкантом, и пока Ларик ни разу не пожалел о своём выборе.

Перед глазами вдруг возник дед Алипий в своём праздничном облачении, сшитом тогда Марфой к Пасхе из двух свадебных парчовых платьев, купленных по дешевке в комиссионке. Запах дыма от тлеющего ладана, запах свечей и куличей почти реально пронесся мимо лица Ларика. Самодельно катанные свечи, которые он подал Алипию, исполняя обязанности служки на Воскресной Литургии, приятно-мягко шершавили ладони рук Ларика, и он боялся сделать что-нибудь не так.

А вскоре приехали из города несколько человек и предупредили о закрытии храма, пригрозив, что все тут нарушают закон, пуская детей в церковь, поэтому она будет закрыта.

Первый раз (как рассказывала бабушка Марфа) храм закрыли в двадцать четвертом, потом открыли, собрав кое-как по домам казаков иконы, спрятанные старухами. Снова в тридцать девятом закрыли и угнали в лагеря и прадеда Иллариона, и деда Алипия, и его жену Марфу. Старшего сына Алипия, Николая, забрала к себе Пелагея. Младшенького грудного двухмесячного Филиппа мать взяла с собой в ссылку, там он и умер.

Во время войны под молчание верхов, или решение самого Сталина, как поговаривали в обескровленном, измотанном войной народе, стали открываться уцелевшие храмины. И в Берлушах снова открыли храм. Вернули Алипия с женой, и Иллариона тоже вернули. Прибрали и восстановили всё кое-как своими силами. Устранили бардак, устро-

енный сначала кузней, расположившейся в опустевшем капитальном помещении на отлете у деревни, потом склады. То овощной, то материально-технический склад для расположившейся в двух шагах от храма ремонтной мастерской попеременно устраивали в храме.

А с приходом Хрущева, храм совсем закрыли. Это Ларик хорошо помнил, как плакала бабушка Марфа, и сник дед, ушедший в себя глухо и безнадежно. А старый Илларион сумел вынести храмовую утварь. Уж, как ни сторожили храмовое имущество активисты из ячейки партийной, а не усторожили. И замок на двери не тронут – а в алтаре и нет ничего. Алипия вызывали на допрос, но он говорил, что ничего не знает. Да и зачем ему воровать? Понятно, что на него первого подумают. Но не поверили. И весь двор у них перерыли тогда, и огород разорили. Все грядки потоптали и перекопали. Не ясно разве, что за ночь лук не мог вырасти. И в хлеву всё перерыли. На старого Иллариона и не подумал тогда никто. Уже еле по алтарю ходил, сыну всё помогал службы править.

Он приснился правнуку, когда Ларику исполнилось шестнадцать лет. А самого Иллариона уже года четыре, как в живых не было. Долгую жизнь прожил он, крестя и отпевая людей в этом храме. Он был чуть младше храма на несколько лет, а до него служил в нём отец его, Филипп.

Ларик просто так рассказал деду, что сон видел про утварь. К удивлению внука дед оживился небывало и стал

расспрашивать, как да что он запомнил из сна. А что там запоминать? В лесу недалеко от старого развалившегося скита «бегунов», под валуном, с северной стороны и зарыто было всё во сне Ларика. Вечеру дед с внуком пошли за грибами, прикрыв в корзинке кайло со сломанной рукоятью. Утварь лежала бережно укутанная масляной бумагой так, что дождь стекал, не попадая. Стар, немощен был Илларион, но всё толково сделал.

Грибов они мало наломали, но Алипий ожил с того времени, стал меньше прихрамывать на больную ногу, целыми вечерами просиживал за столом, что-то писал и не велел его тревожить напрасно. Днём занимался хозяйством, траву подкашивал, кур кормил, корову выводил на пастьбу, к тому времени уже разрешили в деревне держать личный крупный рогатый скот, дрова заготавливал и со своими любимцами-пчёлами каждый погожий денёк разговаривал и благоустраивал их сложный пчелиный быт. Николай родителям помогал, сколько мог. У сестры деда, Пелагеи, была небольшая пенсия за мужа, так и выживали. Ни Алипий, ни Марфа не получали ни копейки пенсии, сама церковь нуждалась тогда во всём, чтобы хоть самые простые требы совершать. Да и колхозникам не так давно стали пенсии начислять. Никому дела не было до того, как живут-выживают пережитки прошлого, захребетники, отравляющие народ религиозным опиумом.

Иногда маленький Ларик, спавший на полатах, слышал по

ночам, как кто-то приходил к деду, о чём-то говорили, а потом дед уходил и возвращался под утро, уставший, но довольный. Иной раз и наперсточную стопочку «пропускал», налив из старинного зелёного стекла штофчика: «За нового раба Божьего, дай ему, Господи, здоровья и родителям его», – это означало, что дед кого-то подпольно крестил. Также подпольно он и соборовал, причащал и отпевал. Про отпевания знали и в партячейке, шила в мешке не утаишь, но не трогали. И всё-таки кто-то из местных написал донос в город. Приехал уполномоченный, громко поговорил с дедом, поорал в партячейке, да так и уехал. А дед продолжил отпевать. Денег не брал никогда: «Я не в храме это делаю», – сердито говорил он. Но на крыльце в старом сундуке по утрам старики находили милостыню: то кулёк с мукой, то несколько десятков яиц в решете, то сметаны кринку, то масло. Благодарили селяне, как могли своего подпольного попа-батюшку.

Все требы дед Алипий справлял, кроме венчания. Не было желающих венчаться. В те времена и в загсе-то расписывались по пути на работу или с работы. В деревне конечно «гуляли» свадьбы. С бражкой, холодцом и винегретом, с роскошными по тем временам пельменями, если зимой, и с окрошкой, если летом. Но чаще по осени, на Покров. Только вслух про Покров ничего не произносили. Никому это не надо было знать. И храм-то раньше назывался Покровским, в честь Покрова Пресвятой Богородицы.

В пятьдесят девятом году приехали в Берлуши представители всё того же управления по делам религии и привезли с собой в маленьком автобусе отряд деловых суетливых ребят, которые быстренько оцепили храм вокруг, собрав целую толпу любопытных. Трое из приехавших долго копались в самом храме, потом вышли, размотав катушку со шнуром.

Взрыв тряхнул весь холм, на котором стоял храм, вышиб двери и окна из старинных рам, а храм, подпрыгнув, целехоньким на месте остался стоять.

Но разрушения были серьёзные. Рухнул коровник из бута, что несколько лет назад поставили почти вплотную к ограде храма. Потеря для совхоза немалая, но народ, прикрыв рты, ухмылялся, а кто похрабрее и в открытую ржал.

Коровник так и не восстановили. Бетон в моду входил. Бут, из которого был сложен коровник, как-то незаметно растащили по нуждам. У кого сарайчик новый появился, у кого фундамент, а у кого и забор. А что добру пропадать? В народе такие постройки в шутку так и называли потом «храмовыми». Все, кому надо было, натаскали себе темными ночами бута с разрушенного в хлам коровника. В копеечку подрыв храма обошелся совхозу.

«А неча ограду храма коровниками подпирать. Бог-от всё видит», – шипели злорадно старухи, проходя мимо по дороге, и по укоренившейся детской привычке украдкой молились на полуразрушенную колокольню. Так и стояла храмина, как раненый одинокий воин без глаз-окошек, без дверей,

защищающих его от снега, пыли и навоза от скота, заходившего туда прятаться от оводов и мух в летний зной.

Нет, однозначно, Ларик в этот раз деду не подчинится. Это маленьким он за ним по пятам ходил и в храме прислушивал охотно. Ребятишки сельские дразнили его «поповичем» или «подсвечником», когда дрались, но дразнились не зло, а даже с завистью. Он при деле был, а они просто в толпе с бабками стояли. Стояли, пока на родителей их не стали доносить, куда надо. Прошел слух, что где-то так вот и лишили родительских прав, закостенелых несознательных убожников.

Ларика, опасаясь доносов, бабушки тоже стали потихоньку со служб выпроваживать. Во всё другое время Ларик с пацанами дружил, таскал им яблоки из дедова сада, сладкую репку и горох, буйно росший вдоль заборчика из тонких жердей и веток, отделяющий чистый уютный дворик от огорода. Вместе с ними рыбачил, таскал морковь с совхозного поля и невиданную тогда кукурузу. Они её варили в котелке на костре и ели сладкие гладкие зерна, вышелушивая их зубами из горячих початков. Потом Ларик искренне каялся деду на ежемесячной исповеди во всех своих пацаньих грехах и с облегчением продолжал грешить дальше.

Всё. То давно закончилось, пришли другие времена. Всё другое. Люди космос осваивают давным-давно, и бога этого нигде не видели.

Ларик встал с кровати и вышел из малухи на воздух, здесь

дул ветерок, было прохладнее и свежее. Невольно он бросил взгляд за реку. Храм стоял освещённый полной луной. Крыши издали были темными, и провалы окон тоже. А стены казались белоснежными в этом неверном свете ночной волшебницы, и весь храм казался весёлым и новым, как раньше в престольные праздники. Ларик вздохнул и пошел спать. Нет, священником он не будет, как бы этого не хотели от него дожидаться такие любимые и дорогие люди, с которыми у него связано самое лучшее в детстве. Но детство давно кончилось. И та жизнь кончилась. Впереди у него была совсем другая и обязательно счастливая жизнь.

Утром Ларик пришел к завтраку поздно, сам на себя не похожий. Мрачный и злой. Отвечал отрывисто, раздраженно и, едва проглотив завтрак, схватил инструменты и ушел доделывать начатый вчера забор. Штакетник надо было ставить срочно. Чужие козы с удовольствием набредали на посадки в аккуратных грядках, сделанных старушками. Жердины, кое-как притороченные хозяйками, чтобы перекрыть прорехи, положение не спасали. Бабушка Марфа ироничным взглядом проводила внука, характер его она знала не понаслышке. Весь в деда пошел со своим длинным подбородком и крылатыми ушами. Такой же упрямый и настырный. Если что не по нём – святых из дому выноси.

– Ничего, перебесится. Настя, он случаем вчера к Алипию не заходил ли? – пытливно спросила Марфа подружку Ларика.

– Заходил, когда совсем уже темно было, – ответила девушка, вытирая чистенькой вехоткой крошки со столика.

– И долго был?

– Долго. Час. А может и дольше. Я уснула, пока он там что-то делал. Свет горел долго.

– Ну и ладно. Пусть подумает, – Марфа ещё раз посмотрела на внука с остервенением прибывавшего штaketины к лагам. – Ну, ну, поработай руками, соколик, в голове прояснится.

– У тебя завтра экзамен-то? – спросила бабушка Настю.

– Ага. С десяти часов.

– Ну и ладно. Куда ты думаешь устроиться работать? Ларик говорил, что ты работать дальше думаешь.

– И работать, и учиться. Я на заочное буду сдавать. Пенсия от папы через два года кончится. И маленькая она совсем. Только поесть и за квартиру заплатить хватает. Мне самой надо будет себя содержать.

– А мать?

– Мама замуж вышла, ну не вышла пока, но собирается. Ей для себя пожить хочется, сказала. Папа долго очень болел. Два года лежал. Устала, говорит.

– А... Ну тогда... А что бы тебе у нас не пожить, Настюша? Я к тебе за эти дни так привыкла, как к своей. Тут тебе и комнату можно сделать. Открыть одну их тех вон, сама же видела, – хорошие комнаты-то, светлые, в сад выходят. – Марфа кивнула в сторону закрытых за ненадобностью комнат. –

На дрова зарабатываешь. А можно и в школу устроиться или в больничный городок. Тогда и дрова можно будет бесплатно получать, им положено, вроде, говорят.

– Спасибо. Но я к городу привыкла. Устроюсь куда-нибудь на завод, где сразу дадут общежитие.

– И-эх, милая ты моя, не дело это по общежитиям в таком возрасте мотаться. Молоденькая ты ещё совсем. Ну, да ладно, как знаешь. а то – подумай. Вместе-то, да в покое – оно куда лучше. И друг другу помочь сможем, стар да млад.

И Ларивоша вон тоже только в город тянется. А чего там лучше-то? Шум, гам, пыль, да выхлопные газы. Как приеду туда, аж, дышать не могу. А вы привычные, видать, или терпите уж, молодые, выносливые. Вам кино да танцы подавай, знамо дело. Так кино и тут бывает. И танцы, чай, каждое воскресенье. Ну, ты подумай. А мы тебе всегда рады будем, – ловко подхватив ведро с процеженным молоком, бабушка пошла в дом, оставив Настю на веранде, где она повторяла последние билеты.

Экзамена она совсем не боялась. Стараясь не подводить отца, Настюша была, как тогда говорили, «круглой» отличницей. При воспоминании о доме сердчишко сжалось: «Ну как мама могла после папы, такого умного, чуткого, доброго человека выйти за такого мерзкого упыря?» – у Насти в голове это не укладывалось. Уже год, как жизнь её превратилась в кромешный ад, а мама не желала видеть ничего. Или так боялась остаться одна?

Настя вздохнула. Работу себе она давно присматривала, часто останавливаясь около газетных стендов у проходной ближайшего к ним завода «Калибр». Общежитие обычно обещали, судя по объявлениям в газетах, через несколько недель, после устройства на работу. Или давали сразу, но там, где были вредные условия работы. Выбор был небольшим. Совсем практически никакого выбора и не было. Придётся идти на вредное производство на самой окраине города в другом незнакомом районе, где она и не была ни разу за всю свою жизнь. Ещё и экзамены надо сдать как-то. Девушка снова вздохнула, мельком взглянула на Ларика, молча прошедшего в дом, потного и злого: «И чего он такой сегодня? Ему-то чего нервничать? И квартира вон какая, хот в футбол играй – три комнаты, пока родители в командировке, и работа чистая и приятная, в красивом месте, с интересными людьми», – Настя опустила глаза в учебник и до обеда, ни на что не отвлекаясь, повторила всё на два раза уже..

А после обеда Настя взяла тяпку и вместе с бабушкой Пелагеей пошла окучивать картошку. Ларик остервенело приколачивал штакетник уже на другой стороне забора, где они вчера вдвоём с Настей прибивали новые лаги к столбикам.

– Слышь-ко Настюша, а у тебя с Ларионом серьёзно, или как? – вдруг спросила её Пелагея.

– Да нет, что вы. Мы просто соседи, с детства друг друга знаем. Просто эти дни я дома не могла находиться. Вот он и предложил мне здесь у вас ... ну, побыть. К экзамену

подготовиться нормально. Бабушка, Вы меня извините, что так вот получилось. Я вам заплачу за всё, деньги передам с Лариком...

– Да что ты это, матушка. Я же не к тому, что ты? Это мы тебе за помощь должны остаёмся. Ты подготовилась, я чай? Или отдыхаешь просто?

– Ну да. Подготовилась уже, надо немного отдохнуть, – усиленно и не очень умело окучивая картошку тяпкой, ответила Настюша.

– А давай-ка мы с тобой встреч пойдём, лицом к лицу. Ты с этой стороны, с моей, гребь на себя. А я с твоей стороны на себя буду гресть. Так-то быстрее дело пойдёт и крутиться не надо.

– Давайте, – охотно согласилась Настя. Дальше работа пошла гораздо скорее, к вечеру с окучиванием картошки всё было закончено. Ровные, вытянутые в ниточку рядки картошки нарядно зеленели и радовали глаз. Вторая бабушка топила баньку не до пара – просто помыться в теплой воде, да ужин готовила для всех работничков своих. Ларик весь день молчал, а когда закончил латать забор, отнес инструменты на место в сарай дедов, быстро помылся и молча ушел куда-то. Бабушки только взглядом из-под руки провожали его, пока он не скрылся за поворотом.

– И куда это он?

– Не знаю, Марфуша. Знать, в кабинете деда побывал. Не иначе. Надо бы сходить посмотреть, – бабушка Пелагея сня-

ла с головы беленький платочек и обмахивалась им, сидя в тенечке.

– Он вчера был в комнате Вашего брата, – сказала Настя, помогая Марфе накрывать на стол.

– Ночью?

– Мм. Я почти заснула, а может и спала, просто проснулась от шагов.

– И долго был там? – довольно насмешливо спросила бабушка Пелагея.

– Долго. Я уже снова спала, когда уходил, злющий был, а я доносчиком получаюсь, – Настя улыбнулась и внимательно осмотрела стол, всё ли она сделала из порученного.

– Доносчики – это когда из корысти на кого-то наговаривают. А у тебя-то какая корысть, милая? Сочувствуешь нам просто, как я маю. Злющий, говоришь? Это хорошо. Значит, серьёзно ко всему относится. Да как бы и не относился, а всё будет, как Алипушка мой сказал, – бабушка Марфа светло улыбнулась, как будто Алипушка её только что рядом был.

– Ну, давайте-ко помоемся, и Ларион придёт к тому времени, потрапезуем, да и пора нам на молитву вставать.

Но не всё так просто получилось, как бабушка планировала. И помылись они, и «потрапезовали», а Ларик так и не появился. Он пришел уже затемно, весёлый, мокрый весь и пьяный вдрабадан. Степка проводил его до угла, а потом быстренько убежал, увидев три женских силуэта у ворот, застывших, как на карауле.

– Ой, бабули вы мои дорогие, – Ларик, нетвердо стоя на ногах, попытался обнять всех бабушек разом. Настя проворно отскочила, чтобы не оказаться третьей бабулей. – Ну вот. Всех друзей сегодня встретил. Они меня по-прежнему подсвечником зовут. Представляете? Подсвечником! А я не подсвечник давно. Я же музыка-а-ант, бабули, – Ларик с трудом уселся на низенькую лавочку у ворот, чуть не упав с неё при этом, но удержался, опершись рукой о землю.

– Вот... А один раз упал отсюда и колени расшиб... Помню коленки-то с кашей зелёной из подорожника. Ты помнишь, ба? – поднял внучок своё лицо к бабулям. Они то сливались у него в одно целое, то разбивались на целых три штуки.

– Пойдём-ка, милоч, во двор, там мы тебя чайком напоим, горячим, да сладким, ты и отудобеешь маленько. И спать. Ты мокрый-то почто?

– Я мокрый? – Ларик с удивлением оттянул прилипшую к телу голубую китайскую рубашку.

– Ну не я же. Купался что ли? – Марфа попыталась поднять тело внука, которое было, как на шарнирах и легко склонялось в любую сторону.

– Купался? Ага, купался я. Я же совсем солью изошел с забором этим. Вот видишь, ба, – он опять с трудом сфокусировался на чьём-то платочке, – я обещал, я починил. И всё. И никакого опиума для народа больше. Я дирижер, ба. Понимаешь?

– Да как не понять? Ясно, что дирижёр ты, пойдём, Лари-воша, пойдём, милоч.

– А мокрый я, ба, потому, что чуть не утоп, с моста скатился. Степка меня спас. Вот так. А чо меня спасать? Тут в Колге мне везде по грудь. Где мне тут тонуть-то? Вот он дурак, ба! Да, ведь? – Ларик еле двигал ногами, но всё-таки двигал. Минут через двадцать его уложили в кабинете деда, – чтобы был под присмотром, рядом, – напоили горячим сладким чаем, и он уснул, погрозив перед сном лампадке или иконе, никто не понял, кому, только огонек в лампадке встрепенулся и затрещал, как бы смеясь этому детскому озорству. Бабули перекрестились суеверно и вышли, оставив двери везде открытыми, только входную закрыли на ключ в этот раз, чтобы бычок молодой и бодливый не убодался куда спьяну.

Настюшке не спалось. В голове теснились мысли, перебивая друг друга. Мама, отец, державший её за руку и ободряюще улыбающийся: «Ты у меня обязательно счастливой будешь, малыш. Ты не тревожься. Маму поддержи. Намучилась она со мной», – и улыбнулся. Он так и умер, слегка как бы улыбаясь. Сейчас Настя отчетливо понимала, что он не хотел её пугать, даже в последнюю минуту он думал о ней, преодолевая боль. Когда её не было рядом с ним, из-за двери комнаты слышались иногда глухие стоны, но стоило ей войти, и отец ей улыбался, только лоб был покрыт крупными холодными каплями пота.

– И этот... недочеловек, – сначала она думала, что он её

просто не выносит, пока однажды, когда мать была на работе, он не навалился на неё, когда она уже почти спала в кухне на диванчике. Спас её тогда нож, большой кухонный нож, который она машинально схватила со стола. Случайно он оказался там, обычно всё со стола убиралось на ночь. Почувствовав слегка воткнутое лезвие в шею, тот отпрянул, зажав ранку рукой.

– Сучка, да ты....

– Не подходи, убью, – Настя сказала это, не узнав своего голоса, и не помня, как она сумела его так сильно оттолкнуть, что он даже улетел в комнату на пол. С того дня дверь на кухню в отсутствие матери закрывалась на ножку стула, и нож всегда был с ней. Отчим и днём иногда пробовал к ней приставать, зажимая, как бы ненароком, но стал побаиваться, увидев однажды в её руке тонкий маленький скальпель, который легко бы вошел в него далеко вглубь, в этом глаза Насти, так похожие на глаза её отца, военного разведчика, сомнения не оставляли. И порез на шее оставил едва заметный след

На попытку Насти объясниться с матерью, та отреагировала смехом: «Настя, ну что ты выдумываешь? Тебе не стыдно? Я понимаю, что ты ревнуешь меня, обижаешься за отца. Но пойми, это мой последний шанс. Понимаешь? У тебя вся жизнь впереди, а у меня – ничего впереди, кроме него, нет. Он очень хорошо ко мне относится, в каком-то смысле я для него тоже спасение, он же без жилья остался. Всё оставил

детям. Этот факт тоже свидетельствует о нём положительно. Ему не везло в жизни. И ты скоро уйдёшь от меня. Не век же тебе в нашей кухне обитать. Надо общежитие искать. Я устала, Настя.»

Завтра предстоит снова увидеть эту рожу, так нагло кричащую за спиной матери. Девушка вздохнула и, вспоминая день сегодняшней и все последние дни у бабулек, уснула, сморенная жарой, усталостью и вчерашними волнениями за Ларика.

Они очень обеспокоились, когда он не явился к ужину, чего с ним никогда не бывало, как утверждали бабули, поджидая внука у ворот и отмахиваясь от туч комаров. Комары искуса́ли Настю всю, легко протыкая свои длинные хоботы-иголки сквозь тонкий трикотаж старой одежонки Ларика. Всё тело чесалось, бабушка Пелагея дала ей бутылёк с растворенной содой и чистенькую тряпицу, чтобы мазалась, если уж сильно зачесется. Всё тело от комаров горело, пришлось обмазаться почти всей. Зуд и вправду успокаивался. Всю ночь ей снился материн сожитель, гоняющийся за ней с пучком крапивы. Это был плохой, внушающий тревогу, сон.

Утром Настюша проснулась вместе с бабулями, солнце только взошло, и в воздухе ещё оставались следы ночной свежести. Комары в прохладе и тени зловеще звенели и кусались, пока женщины накрывали немудреный завтрак. Оладушки с мёдом и молоком, да яйца, сваренные вкрутую. Ларика долго ждать не пришлось. Несмотря на вчерашние при-

ключения, он встал рано, не поняв спросонок, где это он спит. Вышел в одних трусах, молча вылил себе на голову полведра ледяной воды из колодца во дворе, жадно попил и ушел в малуху, где лежали все его вещи, унесенные им туда на время гостевания. Женщины только молча обменялись взглядами.

Настюша впервые ощутила явственно, как жизнь в этом доме наполняется и живёт заботами женщин о мужчине. Это было стержнем существования этой семьи – мужчина, который делал самую тяжелую и необходимую работу и женщины, выстраивающие весь ритм хлопотливой жизни дома под него – мужчину.

У неё дома сейчас происходило, наверное, то же самое. Мать выстраивала ритм жизни под своего сожителя. А под папу ритм никогда не выстраивался. Он сам его выстраивал под своих любимых женщин, и выстоял тогда очередь, которую он из окна увидел, чтобы купить Настюшке персиков, которые она так любила. Через два дня слёг окончательно, врачи сказали, что он жестко нарушил режим покоя.

И никогда больше Настя не ела персики. Они ей в горло не лезли.

Ларик вышел из малухи, надев трикотажный тренировочный костюм: «Ба, где мои брюки? Мне сегодня на завод идти в отдел кадров», – не глядя на старушек спросил он, неся в баню большую охапку дров.

– А вон они висят. Не высохли, поди, ещё. Я их тебе за-

верну в мешочек, чтобы не запылились по дороге, – махнула рукой бабушка Марфа на веревку, натянутую около куста сирени у бани.

– Не, я их сразу надену. Они из лавсана, по дороге высохнут и не жарко будет. Пыль стряхну. Настя, ты готова? Пораньше поедем.

– Да. Я готова, сложила всё уже, – послушно ответила Настюша, едва сдерживая вздох печальки, охватившей её вдруг. Вот и уезжает она навсегда из гостеприимного домика от двух замечательных старушек-волшебниц, рядом с которыми так спокойно и надежно.

– Ты давай-ка, Финист, позавтракай, – бабушка Пелагея налила ему парного молочка.

– Вы что, смерти моей хотите, что ли?! Я не смогу. Я с собой возьму, банку молока налейте и ладно. Вечером поем. Сейчас только чаю. Сладкого крепкого. Один стакан, – деловито добавил Ларик, таща очередную охапку дров, как заведенный.

– Прокиснет оно по дороге. Не довезёшь.

– Ничо, я и простоквашу люблю. Не знаю, когда теперь и выберусь сюда, дров натаскаю на подольше, – проговорил Ларик, как бы заранее предупреждая могущие возникнуть вопросы.

– Так скоро ты приедешь, – без всяких обиняков утвердительно произнесла бабушка Марфа, – через недельку-другую, я чай. А молока-то не жалко. И то правда – простоки-

шечка-то полезная. Нальём.

– Вот-вот, налейте. А насчет «через недельку», это вы зря горячитесь. Я уже работать буду к тому времени. И так три недели прохлаждаюсь. Весь срок почти вышел. Устраиваться край надо, – Ларик, натаскав дров, весь потный и взмыленно-помятый присел, залпом выпил чашку крепкого чая, пахнувшего травами и, хлопнув себя по коленям встал: «Ну, всё, дорогие мои. Не скоро мы увидимся. Если что надо будет, из правления позвоните. Я договорился вчера с секретаршей, соединят. Или Степке скажете. Он часто в город в институт ездит. Заскочит».

– Ты о нас не переживай. Сам там устраивайся. Мы позвоним, спросим, как и что там у вас. Элочке привет передавай. Она с ребяташками собиралась на недельку приехать. Передай, что ждём мы их.

– Передам, – Ларик по очереди обнял своих бабушек и пошел к «Яве», укрепить холщевую сумку с банкой молока на багажнике. Проверил бензин в бачке, попинал колёса неизвестно зачем. – Если тут кто спрашивать меня будет, скажите, что не знаете, когда приедет. Ты готовься, – обратился он к Насте, – я сейчас переоденусь и поедем.

Ехали они быстро, солнце светил сбоку, не в глаза, как в тот раз. Машин в этот час на этой неустроенной пыльной грунтовой дороге совсем не было, ехали быстро. От волос Ларика пахло свежей водой и от рубашки его, пузырьем вздувающейся пред Настей, – тоже. Ларик так дернулся с места,

выезжая из двора, что Настя резко качнулась и даже ухватилась за него, чтобы не упасть. Она не успела помахать бабушкам на прощание. Представила себе, как они дружно ахнули, возмущившись его выходке.

Глава 4. Неожиданные обстоятельства

Доехали очень быстро. Ларик, высадив Настю у подъезда, поручил свой мотоцикл мальчишкам, ранней стайкой собравшимся в тени дворовых кустов пыльной сирени. Ларик невольно вспомнил свежую листву на деревьях в селе и взлетел на свой четвертый этаж. Надо было пораньше сегодня в отдел кадров попасть. Документы уже должны были прийти. В положительном ответе Ларик не сомневался ничуть. Но вот брюки... Кажется вся пыль Берлушовского «тракта» засела в них, и плотно въелась во влажную ткань. Просто почистить не удалось. Надо было тщательно высушить штаны и прогладить с тряпкой, смоченной в растворе стирального порошка. Это он помнил ещё со школы, как можно быстро освежить цвет. Элька его тогда научила, а с мылом и стрелки лучше держались. Вывесив брюки для просушки на балкон, Ларик взялся за телефон, обещал же Эльке позвонить. Да и просто поболтать захотелось. Отвязаться от неприятных размышлений, по поводу дедова письма. Элька, как никто его поймет. Ларик всей шкурой своей ощущал, их родство душ с сестренкой.

– Привет, Эль. Как дела?

– Ты приехал уже? Дела нормально. Воюю. Хорошо, что иногда они отвлекаются друг на друга, а то бы ничего не

успевала.

– От бабулек тебе привет. Ждут они вас.

– Да, я знаю. Коля страшно занят. Везти нас некогда, но планирует. Это же целый день уйдёт по такой дороге.

– Да нет. Дорога нормальная сейчас, прошлись грейдером. Я же сегодня оттуда. Пыльно только. Штаны сушу. Сейчас поглажу и пойду на завод.

– Тебе сколько ещё можно не работать?

– Полторы недели. Думаю, успею.

– В этом году точно поступать никуда не будешь?

– Неа. Дай отдохнуть-то немного. А то сразу и работа, и учеба, и Алька приедет. Не, лопну.

– А что это у тебя голос грустный?

– Да так. С бабушками почти поссорился.

– Из-за чего это ты с бабушками-то вдруг поссорился?

– Да они, как из ума выжили. Представляешь, они мечтают, чтобы я попом, как дед, стал. И храм восстановил. Прикинь? Кому это нужно вообще, кроме таких же древних бабулек? Я им чо, пастух?

– А ты знаешь новость, которая тебя непосредственно касается?

– Новость? Меня? Это какая же такая новость?

– Это не телефонный разговор. Приедешь, поговорим. Твоей работы может коснуться. Да даже точно коснется. Приезжай побыстрее, и лучше, если прямо сейчас.

Ларик поехал к сестре, как был: в трикушках и в майке.

По дороге он прикидывал, какая это новость может «так» его коснуться. Но ничего не мог придумать. Поцеловав сестренку и посадив на руки племянников, которым привез кулечек ирисок, он вперился взглядом в сестру.

– Ты о чем, Эль? Какая новость?

– Простая. Папа решил восстановить свою фамилию. Дедушкину. Арсеничев. Подал заявление. Бабушки это знают. Они тебе не говорили ничего?

– Не-а. Ничего. И что теперь будет?

– Ничего особенного, кроме строки в автобиографии. Мало того, что он был в оккупации какое-то время, он теперь ещё и сыном священника станет. А ты внуком священника. А я – внучкой. Ты говорил, что ты заполнял подробную анкету?

– Да. Заполнял. Аж четыре страницы мелким шрифтом.

– Теперь будешь переделывать. И не факт, что возьмут.

Понимаешь?

– Да ладно. Брось. Я-то причем?

– А это никого не интересует, что ты ни при чём. Кстати, ты же в храме прислуживал дедушке?

– Ну. Так я же маленький ещё был?

– Смешной ты, Ларька. Есть факт. Есть свидетели. Тебе мало?

– И что? Теперь я на всю жизнь прокаженный? – Ларик не находил слов от возмущения. – Я же и пионером был, и комсомольцем.

– Если бы тогда кто-нибудь удосужился проверить твоё времяпрепровождение на каникулах у деда, – не был бы ты ни пионером, ни комсомольцем. Понятно? И в армии ты бы не на крейсере военном служил, а в стройбате. Вот так. Это мне Коля сказал. Его в отдел кадров и в партком уже вызывали. Я, конечно, не знаю, какое это отношение имеет к Коле, но он мне только печально улыбнулся. Идет новая компания против «опиума для народа.» Понимаешь? Мы попали под раздачу. Просто тупо попали и всё. Машина крутит, механически всё пережевывая, ей всё равно. Это машина. Но ты сходи, конечно. Тебе на сегодня назначили?

– Да. Через три часа надо быть там. У меня брюки сохнут. Вчера в речку свалился одетым.

– Как это? Свалился?

– Да так. Случайно с ребятами встретился, ну и выпили за встречу. Вот и свалился. Случайно.

– Возьми Колины штаны. У него от выходного костюма брюки вторые есть.

– Давай. Чо-то ты меня озадачила, Элька.

– На, возьми, – Эля подала брату брюки мужа. Но, как и следовало ожидать, они были ему слишком коротки.

– Ладно, если что, буду девчонок шокировать своей форменкой. Головы отворачивают, когда видят. Чувствую себя, как на сцене.

– Давай. Чувствуй. Позвони мне, пожалуйста, а лучше приедь ещё.

– Ладно. Но, по-моему, ты нагнетаешь, – Ларик чмокнул сестру в щёку и умчался.

О бельевых прищепках в принципе Ларик знал, и о ветре тоже подозревал, но то, что его штаны сдует с балкона в неизвестном направлении, для него было полной неожиданностью. Полчаса ушло на поиски злополучных брюк, их сдуло к самому фундаменту дома и прямо под водосточную трубу. И то, что в этой трубе была какая-то вода в такую сушь, тоже было полной неожиданностью. Про росу он тоже забыл. Накапало немного. Только на одну половину штанов.

Утюг разогревался медленно. Это был подарок родителям на свадьбу – шикарный по тем временам электрический утюг на пружинной проволочной подставке. Ему было «в обед столет», но его не меняли, как неломаящуюся реликвию с несомненным знаком качества, хотя никто тогда этих знаков не ставил. Это сейчас такой знак начали шлепать везде, куда ни плюнь, везде стоял этот пятиугольничек.

Ларик поставил утюг на мокрую штанину, утюг разогревался как черепаха, даже пар не поднимался от ткани. Перебивать его толку не было. Надо было ждать, пока он нагреется. Ларик вышел на балкон собраться с мыслями.

Визг Настёны, донесшийся до него из её квартиры, вышиб все мысли разом из головы Ларика. Он не помнил, как вылетел на улицу, как взлетел на третий этаж соседнего подъезда и нажал кнопку старенького звонка, прижавшись ухом, на звонок никто не открывал, а в квартире снова раздался крик

девчонки. Жаль, что на ногах у него были только кеды, но и в них он со второго удара хорошо поставленной ноги морского пехотинца вышиб замок и ворвался в квартиру. Отчим прижал её на кровати за горло, а второй рукой торопливо расстегивал штаны.

Ларик его не ударил, он просто отшвырнул его в сторону и схватил Настю, почти задохнувшуюся и уже не оказывающую сопротивления.

– Эй, Настюха, ты в порядке? – у Ларика тряслись руки, он приподнял её, но девчонка обмякла и была почти без сознания. – Настюшка, не бойся. Я тут. С тобой. Всё нормально, он положил девушку на кровать, толкнул ногой пытавшегося подняться толстого с красно-синим лицом мужика, жестко ударив его об стену, и пошел за водой. Сбрызнул лицо и шею Насти, покрывшуюся багровыми пятнами.

– Ну, как ты? – улыбнулся Ларик Настюхе, приоткрывшей, наконец, пустые мутные глаза. – Давай, собирайся. Ко мне пойдём, я тебя с этим уродом не оставлю. У тебя экзамен-то когда? – поправляя на ней разодранное платье, спросил он спокойно, как будто бы ничего и не произошло в этой комнате.

– В два часа начнется. Перенесли почему-то, – хрипло и тихо ответила Настя.

– Вот и хорошо. Где тут твои вещички, сумка? Давай собирай всё и пойдём. Лежи, сука ё*ная, – выругался Ларик, ещё раз толкнув ногой валяющееся тело толстого борова,

цепляющегося за спинку кровати.

– У меня сумки нет. Я так пойду.

– В разорванном платье? Другое есть?

– Есть... я сейчас, – Настя медленно оглядывалась вокруг. – Я в простыню всё заверну.

– Вот. Давай, а я тут с этим говном пока поговорю.

Настя ушла в ванную комнату, потом прошла на кухню, собирая свои вещи, попадающиеся под руку. Она явно плохо соображала. Ларик, поддав для обездвижения кулаком в красную пьяную рожу насильника, подошел к шкафу, открыл дверцы.

– Где тут твоё лежит?

– Вот, на полке, – Настя начала приходить в себя и вдруг с бешено колотившимся сердцем стала лихорадочно сгребать всё в кучу, на простынку, принесенную из кухни с диванчика. До неё, видимо, дошло, из какой передраги вытащил её Ларик.

Ларик расположил её в бывшей комнате Эльки. Времени было совсем в обрез. О брюках речь уже не шла.

Утюг всё-таки раскалился. И сильно.

Дыра в форме утюга была сквозная, на обеих частях брюк, и на левой, и на правой, и на гладильной доске тоже была подпалина до самой доски. В комнате невыносимо пахло гарью. Открыв настежь все окна и балкон Ларик попытался рассмешить Настюху, посмотрев на неё сквозь отверстие в штанах, но закашлялся от запаха и увидел только печальные

глаза девчонки: чему тут смеяться, когда штаны пропали?

Насте нужно было прийти в себя и привести себя в порядок. Для начала Ларик загнал её в ванну, под прохладный душ. Горячей воды летом не давали, но, нагретая в водохранилище вода даже в трубах не остужалась. Из кранов шла вода комнатной температуры, пахнувшая хлоркой, как всегда. А потом Ларик надавал Насте кучу поручений по хозяйству часа на два, чтобы отвлечь её от одиночества и мыслей.

Ларик уже со спокойной безнадежностью достал свою форменку, надел бескозырку с надписью «Неугомонный», хотя и берет тоже хорошо бы смотрелся, но бескозырка больше подходила к гюйсу, и вышел, заперев дверь снаружи.

Выйдя из квартиры, он приложил ухо к двери. Было тихо.

Моряк на мотоцикле только в Крыму смотрится логично, но Ларику было не до соответствия месту. Четко стояла одна задача: быстрее решить свои дела и как можно быстрее вернуться домой. Он побаивался за Настюшку, хотя, вроде, она всё понимала и разумно отвечала на его вопросы и выполняла его указания. Но стресс-то у девчонки однозначно был. Это не сегодня и не завтра выветрится. Милицию он решил не вызывать. Настя просто позвонила матери и попросила сегодня не задерживаться, ничего не объясняя. Это уж дело матери Настиной и самой Насти, заявить на мерзавца. Он будет свидетелем. Разумеется. Будет. Обязательно.

– А решения по моему заявлению нет? – спросил Ларик у секретарши, толстой медлительной тетки, в круглых очках

сильно увеличивающих глаза, делая их очень выпуклыми.

– Почему нет-то? Есть. Поэтому вас и примут лично. Подождите, молодой человек и не мешайте работать. Вам всё скажут, и чем так от вас пахнет? Вы были на пожаре? – сердце Ларика дрогнуло от нехорошего предчувствия.

Личное дело Ларика с подробной анкетой завернули с отметкой «отказать».

– Вы можете попытаться устроиться куда-нибудь в другое место, где нет таких жестких требований...

– Требования к чему? – не выдержал Ларик.

– К чему-у-у? – начальник отдела кадров посмотрел на него, высоко подняв брови в недоумении, – да к благонадежности твоей. Это главное на нашем предприятии. Это тебе не кораблик, – начальник с усмешкой посмотрел на бескозырку.

«Знал бы ты хоть что-то о военных кораблях! Приду-рок!» – но вслух Ларик ничего не сказал, просто встал и, оглядев этого щедушного седого мужичонку с ног до головы, вышел.

– Мало вас таких сгноили по лагерям, выбл*дки, – просипел начальник и, подбежав к окну, проводил взглядом Ларика, закусившего ленточки бескозырки и стремительно удаляющегося на своей «Яве» прочь.

Настя, освеженная душем, сидела в кухне. Она согрела чайник, достала из маленького холодильничка «Саратов», который отец Ларика где-то достал по знакомству, плавлен-

ные сырки, банку сгущенного молока и коричневую жестяную банку с растворимым кофе «Касики», на боку которой индеец с пером в волосах являл дружественный профиль угнетенного народа Северной и Южной Америк. Этот дефицит отец привез из Ленинграда, из командировки.

– Не замерзла под душем-то? – спросил Ларик, увидев влажные волосы на спине Насти, раскинутые для просушки

– Нет. Я привыкла, и жарко очень. Даже хорошо так, – Настя, мельком взглянув на него, опустила голову. – Ларик, ты прости, что так получилось опять. Навязалась я на твою голову.

– Это мы ещё посмотрим, кто кому навязался. Мать во сколько домой приходит?

– Когда как. Обычно в шесть вечера с дневной. А с дежурства утром.

– Сегодня во сколько придёт? – Ларик серьёзно смотрел на девчонку.

– Не знаю, обещала в шесть.

– Ну и лады. Тебе до экзамена ещё... – Ларик выглянул в гостиную – три часа. Давай повторяй пока, время не теряй. А сейчас кипяток наливай, у нас целый пир будет. Где-то ещё мороженое валяется тут, – Ларик открыл холодильник и вытащил две эскимошки на палочке. – Любишь? – протянул он один брикетик девочке.

– Люблю. Мы с папой всегда покупали, если попадалось. Я с изюмом люблю очень, – разглядывая обертку из фольги,

печально вспомнила Настя.

– И я люблю. Но эти без изюма. Тоже ничего. Сейчас я тебя буду учить кофе с мороженым пить. Пробовала?

– Нет. Я и кофе растворимый всего один раз в гостях пробовала. Вкусно, – Настя смущенно улыбалась слабой вымученной улыбкой.

– Вот и давай. Накрывай на стол, чтобы все чин-чинарём было. Бутербродики там сообрази. А где колбаса? Была, вроде.

– Да. Есть. Я думала тебе на обед оставить. Больше же нет ничего?

– А мы на обед с тобой в одно место в гости пойдём, но это уж после экзамена. Ты сможешь его быстро сдать, одной из первых? Или слабо? – Ларик помнил, как его городская интеллигентная бабушка Лира говорила: «Чтобы человек почувствовал себя в гостях свободно и не смущался, нужно его привлечь к полезным и простым делам, чтобы голова у него работала в нужном направлении, отвлекаясь и от смущения, и всего ненужного», – вот этим Ларик интуитивно и занимался: привлекал, отвлекал и поручал.

– Смогу. Я всегда одной из первых сдаю. Не люблю растягивать. Это, как у зубного, всё равно придется лечить. Чего тянуть? – Настя улыбнулась, а Ларик с уважением посмотрел на неё: «А я тяну до последнего. Боюсь. Как услышу звук бормашины – всё, капец, пропал мужчина в расцвете сил!» – они дружно рассмеялись, представив дрожащего Ла-

рика. Настюша почти бодро встала и начала накрывать на стол «чин-чинарём», как у бабушек.

Следы от пальцев на шее у Настюхи багровели: «Не дай Бог и синяки ещё останутся», – тревожно подумал Ларик, открывая шифоньер в спальне родителей, на перекладине дверцы висел материн газовый платочек, прозрачный изящный и голубой, прям в цвет Настюхиному ситцевому платишку.

Форменку свою он аккуратно сложил и убрал на полку, засунув бескозырку в старую наволочку. Натянув трико и рубашку, достал коробочку с деньгами, сунул сиреневую «двадцатьпятку» в нагрудный карман. Много денег ему не оставляли: «если что – у Эли возьмёшь, и всё будет под контролем», – Ларик усмехнулся наивности родителей, да если надо, он за одну ночь двадцать заработает на разгрузке арбузов, например, или дынь. И ещё с собой вкусноты прихватит.

Ларика всегда удивляло: и куда эти фрукты-ягоды деваются? Редко где продают, но то там, то сям люди тащат и дыни, и арбузы. А очередей почти нигде не видно. Очереди сразу выстраивались, когда что-нибудь вкусненькое появлялось, например, болгарские помидорки. «И кто их так тщательно укладывал в эту синюю бумажку? Каждую помидорку в отдельности?» – этих ящиков с помидорами Ларик за свою недолгую грузчицкую жизнь тоже перетаскал немало. Их бы и так раскупили, и без упаковки такой. Они были все одинакового размера, сладковатыми на вкус и плотная ко-

жица звонко лопалась, когда помидорку надкусывали. Ларик сглотнул слюну от воспоминаний. До помидоров ещё надо было дожить.

– На, Насть, надень. К платью подходит, и ссадин не видно будет, – Ларик подал Насте платок. Девушка взяла косыночку, даже не взглянув на Ларика. Шея болела.

– Ну, и что ты тут наприготовляла? Во, нормально. Теперь берём ложку мороженого и опускаем в горячий кофе. И сразу пьём понемногу. Вот так, – Ларик, показывая, втянул слишком сильно и обжегся, смешно выплюнув всё обратно.

– Фу ты, горячий гад какой! Я думал, что похолодней будет. Не рассчитал.

– А ты часто так кофе пьёшь? – с улыбкой, сипя, как простуженная, спросила Настя, пытаясь, как могла, поддержать настрой разговора, как-будто и не было ничего...

– Так? Так первый раз, но много раз слышал. Ничо особенного. Холодный кусочек, вернее лужица среди кипятка. Да ерунда это всё. Давай пей, как хочешь, и съешь, хоть кусочек чего-нить, главное. Не боишься экзамена-то?

– Экзамена? Да нет. Я хорошо подготовилась. Только из головы всё вылетело, – Настя опять опустила виновато голову.

– Слышь, Настёна, а я фокус один знаю. Если попросить другого человека назвать тебе цифру или открыть страницу учебника наугад, то он тебе точно назовёт или номер билета твоего, или тему. Хочешь попробовать?

– Хочу, – просипела Настя. – А кого попросить надо?

– Ну, кого? Ну, меня попроси. Я же тоже «другой». Не сдаю же? Ну, давай проси, ... – Ларик, сложив руки на груди, сделал серьёзный вид и важно насупился.

– Ларик, слушай, а как у тебя полное имя?

– Илларион Николаевич. Давай, проси!

– Илларион Николаевич, откройте, пожалуйста, вот эту книгу на какой-нибудь странице?

– Хорошо, давайте, – Ларик на полном серьёзе закрыл глаза и протянул руку, к учебнику, потом крепко схватив корешок, резко открыл книгу.

– «Мой город!» – улыбнулась Настя, – Я наизусть помню этот текст и вопросы к этому билету тоже.

– Вы знаете, девушка, – это усыпляющая простота. Мне, кажется, вы совсем нечетко знаете ответ на одиннадцатый вопрос, – Ларик «лепил горбатого», чтобы только отвлечь её, сбить с той трагической печали, что застыла в её глазах.

– На одиннадцатый билет? Или на одиннадцатый вопрос по тексту? – Настя невольно увлеклась игрой.

– И то, и то повторите на всякий случай. И если я окажусь прав, вы выполните одну мою просьбу.

– Какую?

– А это мы узнаем после экзамена. То есть, это вы узнаете, я-то сам знаю. Короче, у тебя час всего. Давай, чеши мозги по-быстрому. Я в магазин слетаю. Сжег штаны-то. Совсем не ношенные, от костюма выпускного. А в форменке не везде

пойдёшь. В общем так, ты за хозяйку остаёшься, на телефон не отвечай. Окна не закрывай, пусть продувает гарь эту. К двери не подходи. Вопросы есть? Вопросов нет. Я – одна нога там, другая – уже здесь, – Ларик снова закрыл её на ключ снаружи, прислушался прижав ухо к двери. За дверью было тихо.

Вовремя Ларик вышел за штанами. В магазинчике на углу выбросили в продажу «техасы», некоторые шутники их ещё называли «чухасы». Так назывались штаны из толстой жесткой бязи. Все карманы были укреплены по углам блестящими заклепками, все швы отстрочены грубой и рельефной строчкой. В американских боевиках такие показывали. И почти такими же, только синего цвета фарцевали в Одессе на Привозе ребята, те, кто приходил из заграники. Но стоили они гораздо дороже, чем весь его выходной костюм. Он, увидев такие, тогда лишь присвистнул: «Это кто же такие покупает-то?»

Эти же, попавшиеся ему на пути поисков подходящих штанов, собрали толпу зевак. Они, эти случайно выкинутые в свободную продажу штаны, были прекрасны. Но были они яркого оранжевого цвета. Потому их и выкинули, наверное, как «неликвид», в свободную продажу.

Толпа собралась, видимо, чтобы первыми увидеть смельчака, который такие штаны не побоится купить. И их терпение было вознаграждено. Этот парень не побоялся. Мало того, что не побоялся, он купил их даже две штуки, утвер-

ждаясь в своём намерении носить только их. А ещё этот выпендрёжник купил себе – на оставшиеся одиннадцать рублей – «штормовку» светло-серого, тоже пижонистого диковатого цвета. Обычные, привычные для нормальных людей «штормовки» были тогда цвета защитного, как в обычном кино.

–Эй, пацан, ты бы ещё розовые трусы купил в придачу, – крикнул кто-то из толпы. Но Ларик на дураков и сроду внимания не обращал.

– Так он клоуном устроился, я видел, – подхватил шутку другой мужик.

– Точно, он и ботинки с носами кувырдесятого размера купил. Я тоже видел, – зашелся смехом третий зевака.

– А это ты видел, – перед носом задиры образовался кулак, он у Ларика был очень большой и увесистый. – Закрой пасть и займись делом, болтун, – Ларик не торопясь взгромоздился на «Яву» и, сделав плавный поворот, отъехал, оставив толпу в недоумении: неужели этот придурок действительно натянет на себя эти штаны?

Ларик сам себе не поверил, эти штаны, за которые «там» брали сотню, а то и две, здесь стоили всего семь рублей! Правда, те «там» были темно-синими, и бывали они только на Привозе, и уж оттуда добирались до редких счастливыхчиков, но уже за «двести рябчиков». Ну и что, что эти оранжевые?!

Настя не успела дойти до конца темы, а Ларик уже вернулся, довольный и даже, можно сказать, счастливый. Он молча

прошел в свою комнату и переоделся.

– Шик! – серая рубашечка с коротким рукавом и серая ветровка, если, наконец, придёт прохлада, решали все вопросы его очень даже стильного гардеробчика. – Вот бы Алька обрадовалась! – писем от Альки не было уже две недели. – Надо написать. Может, случилось что? Вот сегодня утрясу вопрос с Настей и напишу, – решил Ларик, надевая «рубашку на каждый день» брусничного цвета и с карманами, что было очень удобно. А Настю он решил до вечера одну не оставлять, там мать её придёт, пусть и решают, как им быть с этим ублюдкой.

– Ну, как я выгляжу? – Ларик прошелся, как по подиуму, перед Настеной. Она выпучила глаза и вдруг хрипло расхохоталась. Чего, чего, а такой реакции Ларик не ожидал.

– Ты чо ржешь, как ненормальная? Это модно сейчас там, на западе. Там все так ходят, – но Настя не унималась. Тогда Ларик насупился: «Деревня ты необразованная. Давай собирайся, в школу пора», – но про себя Ларик возликовал: «Настена вроде в порядке пока, а про голос скажет, что простыла, и всё тут».

После экзамена он её ждал на другой стороне улицы, в тени густых лиственничных посадок. Эти деревья он с классом сажал, ещё когда был в первом классе. Седьмая лиственница была его. Он её нес из питомника, он сам для неё яму копал, сам кол вбивал, сам привязывал и поливал водой из придорожной канавы. Теперь она была метров семи в высоту.

Настя вышла из школы быстро, оглянулась и остановилась в растерянности. Она не увидела Ларика за деревьями. Он подкатил на мотоцикле с выключенным двигателем, здесь ехать было под горку, и сам поймал себя на мысли, что ведет себя, как мальчишка. Настя отпрыгнула от неожиданности, но тут же улыбнулась, увидев своего оранжево-красно-бордового мотоциклетного друга.

– Ну? Как?

– Нормально. Пятерка. Да! Ты представляешь, Ларик, действительно был одиннадцатый билет! Но я и другие все знаю, – как бы оправдываясь сказала она, всё ещё сипя. – Ты знаешь, мне директор сказала, что у меня будет медаль. Только у меня есть одна четверка. Не знаю, будет ли ещё медаль-то?

– А по какому у тебя четверка?

– По рисованию.

– Ну! Это серьёзно. Могут и не дать. Как пить дать – не дадут. Может... взятку предложить? – тихо проговорил Ларик. Настя вытаращилась на него и смотрела, пока он не прыснул, не выдержав её наивной и возмущенной им серьёзности.

– Фу ты! Ларик, ты вообще уже...

– Неужели поверила?

– Нет, но...

– Поверила, значит, в мою испорченность. А я тебе сюрприз приготовил, ты обещала выполнить мою просьбу, если я правильно номер билета угадаю. А я угадал.

– Какую просьбу?

– Так это, ... поехали на чертовом колесе, что ли, пока-таемся. На карусели. Ещё куда-нибудь сходим, там раньше комната смеха была... последний же экзамен сдала? – Ларик смотрел, как Настя мрачнеет и грустнеет.

– Ты мне об этом сюрпризе сказать хотел дома у тебя?

– Да нет вообще-то. Но и об этом же можно подумать?

– А о чём ты хотел сказать?

– Да я хотел тебя покатать просто, куда захочешь, туда и поедем.

– Точно? Ты не врешь? – глаза девочки засветились какой-то надеждой.

– Точно. Хочешь куда-то?

– Да. Только это место, – Настя потупилась, как бы не решаясь сказать.

– Да говори. У нас ещё два часа до званого обеда.

– Я на кладбище к папе хочу съездить. Я уже год там не была. И мама на родительский день не была у него. Могилку надо прибрать. Там и веник у нас есть. То есть был... наверное. И грабельцы детские мои... маленькие, – неуверенно добавила она, глядя на то, как изменилось лицо Ларика. Что-то, а на кладбище сегодня он никак не планировал ехать. Но слово не воробей. И Настька, как в воду опущенная, стоит.

– Так поехали. Ты там ориентируешься? – он ободряюще взглянул на девчонку.

– Да, квартал третий, вторая дорожка. Там памятник при-

метный есть такой. Я всегда находила.

– Ну, лады. Кладбище, так кладбище.

Большие, давным-давно посаженные тополя были бы настоящим лесом, если бы не их строгие ряды, заваленные их же сучьями, легко ломающихся от порывов ветра, самых распространенных и быстрорастущих дешевых деревьев. Железная пирамидка, покрашенная голубой краской, с красной звездой на вершинке – вот и всё, что осталось от Петра Алексеевича, командира разведроты, отчаянного красавца, смельчака и весельчака, пока осколок не попал ему в глаз и не застрял там, в черепной коробке, мучительно царапая и разрушая мозг. И сейчас его любимая дочка, старательно обтирала пирамидку от пыли, от стручков тополиного пуха, застрявшего в лучах красной звездочки, подметала облезшим старым веником площадку внутри оградки и о чем-то шепталась с отцом. Ларик отошёл подальше, чтобы не смущать её, и только видел, как шевелятся её губы, то улыбаются, то кривятся в попытке сдержать слёзы. Он отвернулся.

Этого никто не должен видеть – это святые минуты.

– Ларик, я всё закончила, можно ехать. Хорошо, что мусору немного. Кто-то и дорожку промел около папы, – Настя понесла случайно подобранный большой бумажный мешок с собранными ветками к ближайшей свалке, которые тут нагребали после каждого родительского дня. – Мне бы только руки сполоснуть. Где тут вода есть, интересно?

– Нет тут воды нигде. В сторожке спросим, может у сто-

рожа есть. Пьёт же он что-нибудь? И руки моет тоже.

Сторож, пожилой дядька с внимательными глазами, казалось заглядывающими к тебе прямо в душу, показал Насте, где висит летний уличный рукомойник за домиком.

– Слышь, парень? Ты её не обижай. Она у тебя, чо-то, как без кожи. У меня, аж, сердце зашлось, как на неё посмотрел. А я таких за километр чую. Чо с ней это такое?

– К отцу привозил. Хороший он мужик был. Разведчик. Нам, пацанам в школе часто про войну рассказывал. А у неё мать в дом привела кабана вонючего. Вот сейчас и надо мне её куда-то пристроить, – Ларик поделился с этим стариком своей заботой, как иногда делятся со случайным попутчиком в поезде самыми насущными проблемами.

– Твоя, что ли?

– Да нет. Просто с детства знакомы. Она же маленькая совсем. У меня другая. Приедет скоро, – Ларик улыбнулся, представив Альку, всегда такую неунывающую и неожиданную.

– Ну, ты этой горя не добавь. Человек он, знаешь, не железный. Терпит, терпит, а потом вот такая капелюшечка упадет – и всё. Как раз и хватит, чтобы убить нахрен, – сторож показал на кончике пальца, какая капелюшечка иногда убить может, потом отвернулся, и Ларику показалось, что голос у него дрогнул.

– Ладно, езжайте. Аккуратно, гляди, – не оборачиваясь и сторбившись, мужик вошел в сторожку и прикрыл за собой

дверь. Ларик ощутило почувствовал, до холодного ветерка на затылке, что только что тут пронеслось воспоминание о большой беде.

У каждой могилы своя история беды.

До города доехали за полчаса. Дорога была неплохой, ехали в основном по полевой, заросшей травой дороге, идущей параллельно основной. На ней и ровнее, не так трясет, и не так пыльно, как на большой, посыпанной дресвой и выровненной грейдером.

Эля ждала Ларика с приятелем. Он по телефону сообщил, что приедет не один и просил не сильно удивляться. Эля очень удивилась и сразу послала его за квасом к бочке, стоявшей на пяточке около магазина, всучив ему в руки алюминиевый бидон с крышкой.

Очередь шла быстро, кто-то пил стаканчик, кто пивную кружку, квас шел нарасхват, рядом стояла уже следующая привезенная бочка. И каждый спрашивал у отходящего: «Ну, хороший, или подкисший?» – квас был хорошим, свежим, без переброда. Когда он вернулся, выпив большую кружку сладковато-кислого щиплющего за язык кваса, Эля с Настей уже заканчивали крошить овощи на окрошку. Ничто другое в такую жару просто не лезло в горло.

Поели, и Настя, чтобы не мешать брату и сестре, и хоть как-то отблагодарить их, вызвалась мыть посуду, тут уж какой труд – под проточной-то водой. Это не то, что у бабулек было: налей – вылей, налей – вылей. И так, – пока не забле-

стит всё.

Впрочем, Насте у бабулечек нравилось всё, даже их старенький, мятый и не до конца выправленный алюминиевый тазик, для мытья посуды отчаянно и наивно блестящий, как бы извиняясь за свою помятость и неказистость. Сейчас, их домик вспоминался ей, как пряничный чистенький игрушечный домик, пахнувший подошедшим на оладушки тестом, мёдом и парным молоком. И тулупом на полатах. Тулуп пах чем-то основательным, теплым, надежным.

– Настюшка, нам с Лариком поговорить тут надо на семейные темы, ты с мальчишками не сходишь погулять во двор? – Эля сложила руки лодочкой в просьбе.

– Да, конечно, схожу. А им где можно играть? – всё так же хрипя спросила Настя.

– Да везде, но ты следи, чтобы они рядом были всё время, а то, если разбегутся – не собрать полчаса будет. Они такие.

– А сказки они любят?

– Это самое их любимое занятие. Могут час в песочнице сидеть и слушать.

– Ну, тогда справлюсь, я много сказок знаю, – Настя, взяв малышей за руки, вывела их во двор. И пока Ларик рассказывал свою невесёлую историю и про Настину беду, Эля, не отрываясь, по привычке следила из окна за своими мальчишками и за Настей, которую она и помнила-то только потому, что та была дочкой их завуча и маленькой соседской девчонкой, пока Эля училась в школе.

– И что мне делать, Элька? – Ларик был растерян.

– Ты насчет работы сейчас?

– Ну, хотя бы?

– Давай, братишка, рассуждать здраво. Если ты хочешь руководить каким-нибудь значительным коллективом, то, во-первых, все места давно заняты. Ну, денежные места, скажем, рублей на сто пятьдесят, и где есть заводские премии плюсом. Это раз. С этим местом тоже, ведь, мама договаривалась?

– Да. Она.

– Во-вторых, на все подобные места назначение идёт через управление культуры. А там уже всё знают, как пить дать. Мама же тоже решила сменить фамилию вместе с отцом. Это ясно. И никто тебя просто не возьмёт сейчас.

– Эль, но ведь, оттепель же объявили? Живут же и здравствуют Евтушенко, Рождественский, Ахмадулина, Друнина?

– В-третьих, никто ничего никому не объявлял. Это так, разговоры досужие. И ты не путай, Ларик, немного зарвавшуюся молодежь, которую можно и бульдозером смахнуть, если что так, и мощный идейный противник – священство. Священство всегда в оппозиции к власти было по определению. На местах, где не было ни радио, ни газет, ни уж тем более телевизоров, куда в последнюю очередь доходили книги, и одна-две газеты в партком – там священник был для многих окном в мир внешний. И Хрущёв на весь мир объявил, что сам скоро покажет по телевизору последнего свя-

щенника в нашей стране. Ты никогда не задумывался, почему к нам, к «поповскому отродью», так сказать, люди очень хорошо относились. Ну, если не считать самых идейных партийцев. Да и то, идейные они были, пока кто из родни не умер. Ночью они тайком приходили, чтобы отпел дед наш преставившегося крещёного раба Божия. Партия партией, а Бог-то выше в сознании людей.

И вот ты, Ларик Удалов, хочешь стать художественным руководителем целого коллектива советских людей, да? Их наставником в чём-то быть? И неважно, в чём ты им будешь наставником. Важно, что ты вряд ли будешь заучивать и повторять цитаты из программы партии, чтобы всех убедить, что ты – праведный комсомолец, а не потомок рода священников.

Сейчас такое вот в Китае поднялось. Цитатники, как молитвы. А по сути – это и есть молитвы. Что же это ещё? Их заучивают и хором молятся. И буржуазных «бесов» в деревни изгоняют на перевоспитание. Так насаждается идеология. И так она всегда насаждалась. Сначала, как случайная фраза. Потом, как обычная фраза. А потом... Как обязательная. Всё известно со времен Конфуция.

– Кто это такой? – спросил уныло Ларик

– Да так, древний китайский мыслитель. Сейчас его цитаты китайцы растаскивают по кусочкам. Неглупый человек был. Я нашла в книгах о нём, покажу тебе потом, где можно прочитать. Но вернемся к нашим баранам, Ларик. Как я по-

нимаю, пока ветер не задует в другую сторону, не видать тебе здесь ничего хорошего. Никакие цитатники не прокатят. Или привсенародно, через газету, например, отречься от нашего папы – технология не изменилась – или пойти рабочим и менять профессию, учиться заочно на каком-нибудь нейтральном факультете. Биолог, физик, математик. Но не философ и не политэконом, и не историк, понятное дело. Такие вот дела, братишка.

Ничего страшного. Хрущёва ушли, слава богу. Сейчас уже Брежнев царствует. Этот не так лютует против идеологических врагов. Он их прикармливает и делает своими. Но люди-то на местах остались те же. Приученные и выслуживающиеся перед любым начальством, с оглядкой, кабы чего где не вылезло. «Лучше перебдеть, чем недобдеть», как Коля мой говорит. Так было, так есть и так будет ещё очень долго. Пока человек не ощутит себя духовно свободным. А церковь не прикормишь. У неё история поглубже будет, чем история партии. И аудитория – дай Боже. Причем давно идейная по своему и очень упертая. Я тут как-то с Егорушкой по деревне гуляла, так со мной все здороваются и спрашивают, не думаем ли мы – ты только вдумайся, Ларик, – «мы!!!» – церковь восстанавливать? И крестятся на обрушенный купол церкви, где вороны себе гнёзд навили. Понимаешь? Не хватает людям тёплого душевного обновления что-ли? Закостенело всё. Ведь многие сегодняшние лозунги, правильные по сути, произносятся людьми очень дежурно. Походя-привычно. А

на разговор по душам, как дед наш говорил, только свистни – и люди пойдут. Сначала бабушки, потом с внуками, потом с их матерями. Крестить этих самых внуков. Так и пойдут. Уверена. Если бы я была мужчиной, то вполне возможно, что я на это бы решилась.

– Эля! Ты сейчас о чём?! Ты сейчас рассуждаешь, точно так же, как бабушки. Ты читала письмо деда?

– Нет, конечно. Это же только тебе было написано. Даже обидно, что только тебе. Это секрет, о чём он написал?

– Секрет! – Ларик был зол. – И зачем отец всю эту мутовень с фамилией затеял? Жили – не тужили. Чем ему фамилия Удалов не нравится? Люди рисковали, между прочим, усыновляя его. Теперь вот ни за что, ни про что отдувайся.

– Ты не прав, братик. Мы за свою кровную родню сейчас отвечаем. Понимаешь? Нельзя предавать родных людей. Так никакой народ не выживет, если будет предавать. Выживает только тот, кто свою историю помнит. Мы с Колей решили, что наши дети будут знать и гордиться своими предками. Что плохого сделал Алипий, наш дед? Школу воскресную, пока её не закрыли, поддерживал вместе со своим отцом Илларионом, в честь которого тебя называли? Приход создали такой, что два раза он сам возрождался? Знаешь, как раньше говорили?

– Как?

– Каков поп, таков и приход! Вот как. В храм же со всей округи люди съезжались. И казаки бывшие, и селяне про-

стые. Ты вспомни, сколько на Пасху народа наезжало. Куличи негде было ставить на столах уличных. И всё благодаря Иллариону и Алипию. Они держали всех. А сколько вдовам они помогали? И отпевали заочно и панихиды служили. Вещи сиротам собирали по дворам ходили. А чем ещё можно было утешить таких, мужей потерявших, трудившихся до изнеможения женщин? Вон, Пелагея рассказывала, как на себе лемеха они тянули. Взвоешь тут, когда ни слова утешения, ни ободрения ни от кого не услышишь, всем было плохо. А они, Алипий и Илларион, утешали. Утешали. Потому и ехали сюда люди, пока церковь открыта была. Дед сам удивлялся, что власти их так долго терпели. Везде, ведь, церкви закрыли вблизи города. Они одни оставались, поэтому и церковь более-менее сохранилась. В Баландино такой красивый храм был. Меня однажды возили туда, но и тогда, когда он уже был полуразрушен, чувствовалась его красота и мощь, как раненый исполин стоял на коленях. И что? Я вот себе не представляю, что было в головах у людей, когда они кирпичи из кладки воровали и растаскивали по дворам. Как они не боятся проклятия предков своих, которые по крохе собирали и строили годами этот их храм? Просто не было у них Иллариона и Алипия. Всё от человека зависит. Сейчас это называют человеческим фактором. А раньше просто совестью называли, а не фактором.

Да, ладно... Давай по существу. Надо бы тебе куда-нибудь устроиться в ПТУ какое-нибудь, что ли? Туда никто добро-

вольно не идёт работать с таким специфическим контингентом. А ты – десантник, моряк, – это для любых пацанов приманка. Справишься, я думаю

Или в пригородную школу. Там тоже народу вечно не хватает. В город все стараются уехать, отработают три года – и всё. Ты подумай. Просто надо переждать. Изменится всё. Вот говорю так, а самой страшно даже стало. А как изменится? И как они не понимают, что нельзя впроголодь людей держать в таком богатом государстве. Хлеб по норме выдают опять в стране, которая весь мир когда-то хлебом кормила. Это же давно очевидно, что кормят, кормят и кормят, задабривают союзников. Я не политик, конечно. Наверное, и так можно друзей иметь, но в крайней ситуации такие друзья предадут, если им что-то вкуснее предложат. Ох, чувствую, хлебнем мы ещё! – Элька замолчала, глядя, как мальчишки сидят в песочнице и ковыряют лениво песок, почти не отрывая глаз от Насти.

– Так, всё! Нервы в сторону. Это враз не решиться. Можно завтра за один день обзвонить все клубы, музыкальные школы и дома культуры, и тебе всё станет ясно, какие им специалисты нужны.

Теперь об этой девочке. Почему ты её привёз и что случилось вообще?

Пришлось Ларику вкратце всё объяснить Эльке. Никто, кроме неё, сейчас ему не помог бы в этом, внезапно возникшем, вопросе.

– Кошмар какой-то! Дикость. Ладно, я сегодня подъеду к пяти, Колина мама приедет, посидит с мальчишками пару часов. Надеюсь, что мать у этой девочки ещё разумная женщина. Поговорим.

– Я бы так не надеялся на хороший исход. Насте поступать ещё предстоит. Она хочет на заочный поступить и работать, чтобы место в общаге получить. Мать её к порогу подталкивает потихоньку, чтобы не мешала ей с новым мужиком семью строить. Как думаешь, реально это?

– На каком-нибудь очень вредном производстве – вполне реально. Это в дальних пригородах, на окраинах такое располагается. С транспортом будут огромные сложности. Времени будет прорва уходить. Но другого не дано. А на обычном производстве через полгода, не раньше, дадут. Она же не спец там какой-то?

– Да какой она спец? Пол, правда, мыть умеет.

– Не смешно. Ладно, давай до её матери доживём, по крайней мере. Может быть всё решиться, как нельзя лучше, и Настя будет поступать на очный. А какую медаль ей грозит получить?

– Не знаю. Но с одной четверкой по рисованию думаю, что и золотая может быть. Посмотрим.

– Слушай, Ларик, а ей лет-то сколько, выглядит, как подросток?

– Шестнадцать в июле будет, говорила.

– А как же она школу окончила?!

– Она с пяти или шести лет пошла учиться, говорила. Отец её устроил. Мечтал, чтобы она при нём поступила в институт. Умереть раньше боялся. Вот и накликал. А что?

– Да ничего, – Эля, расстроенная, отошла от окна. – Не возьмут её ни на какое вредное производство. Там всё под расписку. Только для взрослых тётенок. Пусть забудет о работе с общежитием, – Элеонора, вопреки своему романтическому имени была прожжённым прагматиком.

Элеонору таким именем назвала их с Лариком мама, а сына Илларионом назвал отец, чтивший, оказывается, родные корни больше личных удобств и спокойствия. Маму их звали тоже не «так себе», а Лирой Евгеньевной. И у неё тоже была романтическая мама, то есть бабушка Ларика и Эльки, с колыбели определившая Лиру, а за ней и внуков потом, в музыканты. Эту бабушку вообще звали Музой. Так что Элеонора считала, что ей ещё повезло. Хотя ей нравилось другое имя, совсем простое, как ей казалось. Виолетта, имя героини одной из опер. И вопреки своему романтическому имени и увлечению музыкой, с детства Элька всегда была в самом центре всех дворовых разборок. Лира Евгеньевна очень переживала за её музыкальные руки, но даже когда Элька выросла, то от своих «миротворческих» привычек не отвыкла, а наоборот, распространяла их по мере возможностей и за пределы их двора.

Элька не боялась ни пьяниц, ни хулиганов, лезла на защиту слабого, как на идейную амбразуру. Таким характером

она удалась в Алипия, в деда.

Того за один его взгляд серых глаз в своё время на Соловках пообещали сгноить, но не успели. Вождь умер. И Соловки вскоре потеряли своё огромное «воспитательное» значение для народа. Дед Алипий вернулся домой, но ничего хорошего надвинувшаяся эпоха правления Хрущёва ему не обещала.

Вождя, поднявшего страну до индустриального гиганта, обвинили во всём, в том числе и во всех преступлениях шайки, выслуживающейся перед вождём, трусливой своры человеконенавистников, с каждым годом всё раскрывающих и раскрывающих заговоры против диктатуры пролетариата и мирового интернационала, дабы зачистить для себя политическое поле до утрамбованной глины гулаговских могил. Хрущёв омыл свои руки, которые были по локоть в крови репрессированных, разоблачительно-наступательным докладом на двадцатом съезде КПСС.

В этот раз Элька успела перехватить руку Настюшиной матери у самого лица Ларика.

– Как ты посмел, мерзавец. А ты? Что ты своей головой думала? Тебе же нет шестнадцати. Если ребенок будет, я на вас пожалуюсь, – Настина мать, вытаращив страшно глаза, вперилась в Ларика, – я вас засужу. Интеллигенция!

– Вы с ума сошли, гражданочка? – заученной фразой из

милицейского лексикона резко оборвала её Элька. – С большой головы на здоровую хотите переложить? Где будем разбираться? У вас в комнате или у нас в квартире? – голос Эльки звучал, почти как приговор.

– Вот, правильно, Эличка, – неслось от толпы зевак-соседей, который целый день ждали развязки эпизода с вышибанием двери на третьем этаже ногой Ларика. Пока Ларик тащил узел с Настюхиными вещами, только уж совсем ленивая и нелюбопытная бабулька не вышла на лестничную клетку вместе с другими бабульками, взбудораженными таким грохотом и рыданиями Насти, увлекаемой Лариком прочь от её квартиры.

В те времена на шум в подъезде люди выходили все дружно. Послевоенное население, ещё сохраняя в сердцах гордость победителей, готово было фашистов голыми руками душить, а уж своих-то дебоширов и подавно.

– Давно пора приструнить этого пьяницу.

– Эля, пойдемте к вам, пожалуйста, – голос у Насти дрожал.

– Хорошо, Настюша, к нам, так к нам. Но милицию я вызову сейчас же, зря ты, девочка её утром не вызвала. Твою маму надо бы прав родительских лишать за такие вещи. Но для начала мы сами разберемся!

– Вот так! Так, Эличка! Жаль, что ты от нас уехала. Ей

мужик давно дороже дочери. Муж не успел остыть, а уж привела себе хахалю. Да что там говорить. Ледащая баба! – голоса были одобрительными, но и несколько разочарованными, кино уплывало из-под носа.

Как приятно со стороны наблюдать, когда кого-то учат быть человеком!

За дверью Лариковой квартиры Настина мать резко изменилась. Она не пыталась больше хватать Ларика за ворот. Просила прощения, плакала без конца, винулась, но крепко стояла на том, что Насте надо уходить из дома, потому что она сама провоцирует мужика своим видом, особенно, когда он выпьет с устатку. У кого не бывает?

– Да куда же вы её гоните, она же ребёнок совсем?! – возмутилась Элька.

– А что же мне-то делать? Я же вижу, что когда она дома, у него голова всё время в её сторону повернута. Я ж с ним говорила. А он только смеётся, что я от ревностидохну. Да! Дохну я!

Несмотря на требование Эли вызвать милицию, чтобы зафиксировать побои и синяки на шее от рук этого мерзавца, Настя пожалела мать, которая умоляла оставить её сожителя, ибо без него она грозилась наложить руки на себя: «Настенька, доченька, я же бабьего счастья не знала почти. Отец же больной совсем с войны вернулся. Инвалид и голова у него болела через день, да каждый день. Какая там любовь? Быть бы живу. Хоть тебя-то родили, слава Богу. Пожалей ты

меня!»

Настя мать брезгливо пожалела. Но её собственное положение к лучшему от этого не менялось, и мерзкий осадок от позорного поведения матери остался. И у Насти, и у Ларика с Элькой тоже. Так ронять себя из-за мужика?!

Рыдающую и ползающую на коленях, её, наконец, выпроводили из квартиры, потребовав немедленно принести все Настины документы, вещи, которые попросила Настя и Настино пенсионное удостоверение для получения пособия за отца.

Много позже Ларик понял, на что некоторые женщины из-за мужиков идут.

Настину судьбу на первые две недели Эля решила быстро: на время зачисления в институт, она забрала её к себе, не отдавать же её в детский дом, студентку без пяти минут. И возня с лишением матери её материнских прав затянулась бы на месяцы, если не случится действительно трагедия. Всё смешалось в жизни этой девочки, всё выходило как-то боком. На первое время спальное место ей организовали прямо в детской, с мальчишками. И за вечерним чаем договорились, что она поможет Эле с ребятишками по вечерам. С этими алаярами и к зубному врачу, ведь, не просто выбраться.

– А там, дальше видно будет. Если точно, что медаль дадут, то и вступительные экзамены не надо сдавать, тем более, что на заочный редко медалисты идут, а может и на очный ещё захочет? Может и с общагой устроиться можно будет?

Хотя навряд ли, – Николай сомневался в таком благополучном исходе дела. Трудно тогда городским было получить общежитие.

Две оставшиеся недели, чтобы не потерять непрерывный стаж, – в те времена это большим делом было – Ларик метался по клубам, музыкальным школам и по общеобразовательным школам. Но нигде вакансий не было. Люди за работу держались, и ценились тогда трудовые книжки с одной единственной записью о приеме на работу, – такие трудовые книжки считались идеальными для настоящего достойного советского человека. Просто так работу не меняли.

У Ларика опускались руки. Он каждый день накручивал с утра диск телефона. На приглашение прийти на собеседование, он тотчас срывался и мчался туда. Но мчался он в своих оранжевых штанах, сексуально застрявших на бедрах. А в это время серьёзные молодые люди носили брюки целомудренно затянутые ремнём на талии. На что вообще мог рассчитывать такой «оранжевый» парень? Разве можно было допускать его к воспитательной работе с людьми?

Единственным светлым пятном от этого времени остался в памяти Ларика выпускной вечер Насти, на который она и идти не хотела, потому что не было у неё платья для выпускного бала. Но, к счастью, в её судьбе уже присутствовала Элька, и Ларику досталось лишь объехать обувные магазины в пригородах на случай обнаружения вдруг завалившейся там пары подходящих светлых туфель.

В городе всё подчистую было выметено мамами выпускниц ещё за полгода до этого события для десятиклассниц. И даже на барахолке ничего не было подходящего. А в деревнях и мелких посёлках пригорода иногда что-то дорогое, что по разнарядке им было распределено, не всегда находило покупателя и иногда задерживалось. Знающие люди этим широко пользовались.

Воспользовался этим и Ларик с Элькиной наводки. Нашел, и привез-таки, туфли тридцать седьмого размера – размеры тогда были абсолютно стандартными и точными – светло серого цвета за двадцать два рубля. Белых и в деревнях нигде уже не было. А эти, зато, были на шпильках, этот факт искупал на Элькин взгляд «небелизну» туфель. Они стройнили Настины ножки и вгоняли её в краску смущения и удовольствия.

Элькино выпускное платье пришлось немного укоротить, чтобы было модным, и ушить в талии. Настюшка чувствовала себя царицей бала, восторженно прижимала кулаки к щекам и клятвенно пообещала все деньги, потраченные на неё братом и сестрой, вернуть сразу же, с первой зарплаты или очередной папиной пенсии, что, уж, раньше получится.

Эти мелкие хлопоты и радости немного отвлекали Ларика от невеселых дум, с которых у него начиналось каждое утро. Он раньше никогда не задумывался, каково было жить тем, раскулаченным, униженным и разоренным, вернувшимся «оттуда», аким, как его дед и прадед Илларион?

Где же они брали силы, чтобы вот так, практически в одиночку, восставать из пепла, чувствуя вокруг себя только равнодушные в лучшем случае? А они как-то умудрялись сохранять своих детей, любовь, доброту.

Ларику это было неведомо. Ему казалось, что этот морок выталкивания его из привычной человеческой среды вот-вот кончится, как недоразумение, и все просто улыбнутся, похлопают его дружески по плечу, и всё встанет на свои места. В конце концов, ему совсем не обязательно даже фамилию менять. Ну и что из того, что в глубине души он не верил, что когда-то где-то, миллионы лет назад, колышущийся минеральный бульон океанов родил в своём непрерывном стихийном бултыхании живую клетку?

– Это такая же вероятность, – цитировал кого-то Элькин муж Николай на сумеречных кухонных посиделках с близкими друзьями за чашкой изначально жидкого грузинского чая, – что и обезьяна, тыкая беспорядочно пальцем, создаст роман «Война и мир».

Нет, Ларик никогда ни с кем не вступал в споры на эти темы. Да и с кем было спорить? О чём спорить-то? И зачем? И, уж, тем более сейчас. Лучше было потратить время на решение практических насущных вопросов Настюхиной жизни. Они с Элей невольно оказались втянутыми в самый эпицентр жизни этой хрупкой девчонки. Необходимо было устроить её на работу как-то, хлеба насущного ради, и определить с жильём.

Но вот как раз это-то и затягивалось неопределённо. Настя обзвонила много предприятий, в принципе общежитиями располагающих. Но, где было общежитие – нужны были опытные рабочие, или хотя бы выпускники ПТУ. Где могли взять на работу по сокращенному графику несовершеннолетнего, там мест для них в общагах не предусматривалось. Дети должны жить дома с родителями. Всё – просто.

Приехал из командировки Николай, он ездил на конференцию психотерапевтов в Питер. Он долго сидел с женой и своим другом в кухне при закрытых от Насти дверях. С девочкой что-то надо было решать кардинально, вступительные экзамены на носу.

Наутро Эля позвонила бабушкам. Она ещё в прошлый приезд обсуждала с ними, что в Берлушевской школе было вакантным место уборщицы. Местные, кто был в силе, искали место позарплатистее, попрестижнее. Кому-то из бабушек и неплохо было бы устроиться туда, очень уж они переживали, что висят на шее у Коленьки. Да так и не договорились ни о чём: дома-то огород, коровка, да и возраст у бабушек уже не молодой, не потянуть им шум и гам ребячьей толпы.

Но сейчас было совсем другое дело, по закону одна из бабушек могла устроиться на работу техничкой, а вот работу за неё выполнять никому не возбранялось. Так на «закрытом» от Насти совещании и порешили – шестьдесят рублей в месяц тоже нигде не валяются. А с пенсией за отца получалась

вполне нормальная сумма для девочки. Но жильём будущую «техничку» – так называли тогда технический персонал работников ведра и тряпки на предприятиях – естественно, не обеспечивали.

Настя сначала обрадовалась такому предложению, но потом чуть не заплакала. Где она там себе комнату найдёт, в деревне? Или угол хотя бы. И много ли за комнату она платить-то сможет? Но Элька успокоила её слёзы тут же: бабулечки, узнав о судьбе девочки, с огромной радостью согласились помочь Насте и с работой, и приютить её на неограниченный срок. Она им нравилась. И помощница по хозяйству иногда будет, и для веселия души, главное, она им подходила.

Старость бывает довольно эгоистичной в получении эмоций, даже если она благополучна.

Настя была счастлива: и во время сессии спокойно заниматься можно, живя в общежитии, если у неё прописка деревенская будет. В таких случаях общежитие предоставляли без разговоров за символическую плату. И от города она не будет сильно оторвана, автобус же ездит через день! Всего сорок минут! Насте уже и не верилось в такую удачу, после многократных попыток устроится на работу и дотошных расспросов матери, с которой Настя иногда встречалась на нейтральной территории. Видно, совесть у этой женщины всё-таки осталась и свербела, заставляя подкарауливать дочь где-нибудь возле Элькиного дома. Но очень уж ей хотелось, да она

этого и не скрывала, чтобы побыстрее Настя сняла с неё ответственность. И этот день настал.

В ближайшее воскресенье Николай отвёз жену с мальчишками, и Настю заодно, в деревню. В доме старушек снова появились её тихий смех и весёлые улыбки бабушек-волшебниц.

Однажды в жизни человек добровольно и в своём уме делает шаг, который определяет всю его жизнь потом. Настя его сделала.

Дни шли за днями. А просвета в своих проблемах Ларик не видел. К поступлению в институт он попросту не был готов. На работу устроиться хоть с мало-мальски приличной зарплатой ничего не получалось. Алька не писала. Последнее особенно тревожило Ларика. Ему суеверно казалось, что как только придёт письмо от Альки, так и все остальные проблемы как-то разрешатся. Ну, не на восемьдесят же рублей ему устраиваться в самом деле? Как семью-то содержать? Впервые в его голове зашевелились крамольные по отношению к музыке мысли, что неправильно он выбрал профессию. Может, и правда, надо было в строители податься? Вон отец в ус не дует, и ничто его не касается, и фамилию поменял – и хоть бы хны. Кто на эту целину рванет замещать его в этих пыльных бурях, поднятых какой-то там неправильной технологией вспашки?

Об этом Степка Ларику что-то рассказывал, но Ларик не собирался «въезжать» в эти далёкие от него проблемы. Степ-

ке это интересно, инженером с детства мечтал стать, из нищобродства выбиться и матери помочь, одиноко воспитывающей ещё двоих, – вот пусть и интересуется. Отец Степки давно умер из-за ран, так и не дождавшись, когда старший его «сынка» уважаемым человеком станет. Только и успел, что дом подшаманить, чтобы углы зимой не промерзали, да сарайку новую поставить для коровы. Какая жизнь в деревне без коровы? Корова – это всё в деревне. Это – жизнь просто – напросто. Сейчас в Степкиной сарайке стояли уже две коровы.

Степка с младшими братьями все свои каникулы остервенело косил траву, на зиму два стога надо было сметать, иначе «кирдык» коровам. А лучше бы и три, чтобы запас на недоход следующего года остался. Пенсии за отца едва хватало на обувку и одежду мало-мальскую пацанятам и на муку. Хлеб мать сама пекла и без отдыха с четырёх утра «пахала» на ферме, потом дневная дойка, потом вечерняя, – так и день прошел. А ещё постирать, приготовить, в огороде порядок навести, своих коровушек обиходить, да молоко обработать. Как ни отговаривала мать Степку не брать такую-то обузу на плечи – поди-ка накоси на двух-то коров – Степан не сдавался. В общаге у него ребята с охотой покупали свежее молоко, масло и творог. Чтобы не заморачиваться с торговлишкой, Степка отчаянно демпинговал, соревнуясь с соседними магазинами. Каждую неделю в воскресенье таскал в город тяжеленный рюкзак с «товаром». Всё уходило влёт. Только

прозвище смущало комсомольца Степана – «Кулак». Декан факультета, Николай Захарьевич, которого между собой студенты называли коротко «Отец», одобрительно похлопывая его по плечу, заговорщицки подмигивал: «Не тушуйся, Степа, своё продаёшь, да и полезное дело делаешь, доброе питание прямо в дом доставляешь этим оболтусам. А они все к молочку приучены. Давай и дальше так же. Когда братья-то придут к нам?» – в этом институте частенько учились семьями и по-семейному жили в общежитии, со своей картошкой, салом и солёными огурчиками. В городе Степка хватался за любую подработку по вечерам, чтобы не тянуть с матери ни копейки: грузчиком в соседнем магазине, а в тёплые осенние фруктово-овощные времена на вокзале с парнями подрабатывали грузчиками по ночам иногда.

За лето, как ни странно, на такой «пахоте» с заготовкой сена, дров и большим огородом, засаженным луком, капустой и картошкой, Степка округлялся и румяnel в щеках, хорошел. А тело у него становилось жилистым и крепким, загорелым и неутомимым.

Ларик не мог пожаловаться на себя, морская пехота тоже не балду била на службе, конечно, но таким двухжилым, как Степка, Ларик не был. Вальяжнее он был, что-ли? Ларик много размышлял, думал, читал, мечтал перед сном.

Степка перед сном мечтал мало, пока голова к подушке летела – он уже успевал крепко заснуть с чистой совестью. Казалось, что он с самых босоногих пор точно знает, что ему

нужно, и упорно к этому шел, посмеиваясь. Он просто знал – и всё! Там, в будущем, после института его ждёт то, что он хочет.

А Ларик не знал не то, что будет там где-то далеко, он не знал, что и завтра-то с ним будет? Его несло потоком, на который он сам не оказывал ни малейшего влияния.

Единственное, что придавало ему сил – это поддержка родителей, эпизодически они звонили ему, хотя Ларик был зол на отца из-за фамилии, но отвечал на их вопросы охотно. И ещё они присылали переводы на имя Эльки для него. Они ему до сих пор не очень доверяли. Это его обижало, но так... незначительно. Больше смех вызывало. И ещё – Элька. Его любимая родная сестра, вот кто хорошо его чувствовал и всегда понимал. И уж точно никогда не оставит в беде.

Ну и Алька, конечно. Он и познакомился-то с ней по созвучию имен. Элька – Алька... Уже два месяца прошло, а она не отвечала на его письма. Последнее письмо Ларик отправил с уведомлением о вручении. Письмо вручили.

Ларик через день бродил по заводским окраинам, рассматривая уже полинявшие объявления о постоянном приеме на работу сварщиков, электриков, слесарей, токарей, литейщиков, сантехников, водителей автокаров, шофёров и разнорабочих. Про него здесь тоже было написано в последней строчке: «чернорабочих». Это его раздражало. Постепенно он и это забросил – безвыходно ходить вдоль проходных заводов. Он и не думал раньше, что их так много в

этом сером огромном промышленном городе, случайно образовавшемся, тяжело работавшем, с плохо развитой инфраструктурой, как сейчас говорят, пыльном и не очень красивом. Даже улицы в нём были строгими прямыми и параллельно-перпендикулярными и совсем не интересными, безо всяких романтических приятных закутков, как в любых других городках, Керчи, например. Только прямо и только перпендикулярно. Как в Чикаго, продуваемом насквозь. Где-то Ларик вычитал, что его родной Челябинск некогда звали русским Чикаго – так быстро и резво рос этот «внеплановый» городишко, случайно оказавшийся на случайно повернутой в его сторону железнодорожной ветке главной Восточно-Сибирской магистрали страны при царе Горохе.

У Ларика душа рвалась к небу. Но в этом городе и небо было серым, дымным, пыльным. Трава на газонах тоже была пыльная – в этом году дождей почти совсем не было. А Ларику казалось, что и самой жизни в этом городе для него уже нет. Отец позвал его в Казахстан, доосваивать недоосвоенную целину... Куда-то в Сибирь собирались ехать молодые ребята на какой-то БАМ...

Нет. Ларик решил здесь дожидаться письма Альки, а потом уж принимать решение. Понятно, что надо было решаться на что-то кардинальное. Он только одно знал, что на Украину он не вернется. Его раздражали там беззлобные, но ехидные подколки местных ребят про москалей и кацапов. Не срасталось там между народами что-то, и не ему это сращивать. Во-

общее ему там всё нравилось, особенно летом, когда его экипажу удавалось после похода побыть в родной гавани: разнеживающая, почти неестественная красота моря, люди праздничные и весёлые, довольные курортной жизнью в этих малоэтажных тихих, почти сонных городках, оживающих только под вечер, когда спадал зной. Но за Крым было обидно как-то. Не спросясь, подарили. Это Ларик сам не очень помнил, но со слов отца знал. В этом вопросе Ларик был согласен с отцом и Николаем Элькиным.

У них в семье имена странным образом повторялись, переплетаясь в поколениях. В ходу были названия Коля старший и Коля младший, например.

Глава 5. Мститель

Письмо пришло вчера, когда он уже совсем отчаялся получить его и планировал грузчиком заработать денег на поездку в Крым, о чём он и уведомил Альку в своём последнем письме.

Ларик долго не распечатывал письмо, ощущая там листочек. Нюхал запах, пытаясь уловить Алькин запах и её настроение. Но пахло только типографской краской от размазанных штампов. Письмо шло пять дней. Не долго. Письмо было очень коротким и, более чем, понятным: «Ларик, не пиши мне больше. Я никогда к тебе не приеду. Наша встреча была ошибкой, ты хороший парень, но не для меня. Я всегда любила только моего теперешнего мужа. Он помощник капитана на крейсере, у нас всё хорошо, наконец-то. Уже два месяца, как я жду ребенка. Прощай».

Всё серое небо этого проклятого города с его пылью, чахлыми деревьями и травой на пыльных газонах опрокинулось на Ларика всей своей душной тяжестью. Стало трудно дышать, и горло перехватила боль сухого спазма.

Ларик валялся на диване в пустой квартире, следил за мухами, мелкими и назойливыми, гоняющимися друг за другом под люстрой. Эти мухи почему-то всегда крутились в своей нескончаемой карусели под чем-то. Под лампой, под люстрой. Давно вышел срок, после которого непрерывный

стаж оборвался... И ничего страшного не произошло. Ну, оборвался... И – что? Небеса не рухнули.

«А нам всё равно, а нам все равно...» – неслось из какого-то окна. Чей-то катушечный магнитофон какого-то идиота осчастливливал округу, громко горланя на весь квартал.

Ларик спрятал голову под подушку и зажал уши. Ему не хотелось слышать ничего. Ему хотелось умереть, испариться отсюда, где было всё так грязно: «Вот почему она исчезла на несколько дней иногда. Ездил к своему старпому, – не поверил Ларик тогда её соседу, смазливому черноглазому парубку. Думал, врёт он всё. Сам к ней подкатывает. – Значит не врал, жалел просто».

За окном стало тихо, бабки во дворе часто приструнивали не в меру разошедшихся меломанов: «Детям же спать мешают, оглоеды!»

Ничего не хотелось. Ларик выпил воды, вышел на балкон, внизу справа на балконе сидел тот, Настюшкин обидчик. Увидев, или почувствовав взгляд Ларика, трусливо убрался в комнату, это зло развеселило Ларика: «Боишься, кабан... правильно боишься сволочь. Может, проехаться? Давно не катался, заодно и Эльку увижу, – рядом с ней Ларику всегда было спокойно. – Чо-то я, как маленький совсем, за «мамкой» гоняюсь», – невесело подумал Ларик, но мысль об Эльке его расслабила. – Давно там не был. Картошку надо окучить в последний раз».

В доме у бабушек было шумно. Мальчишки целыми дня-

ми проводили на улице, их вечно приходилось мазать раствором соды или соком петрушки от комариных укусов, чтобы не чесались с рёвом по ночам.

Эля готовила еду, освободив бабушек от такой заботы, но нахально поручила им сыновей, от которых она иногда уже «вешалась», как она говорила, мальчишки были неугомонными. А бабушки спокойно с ними справлялись. Пацаны постоянно чем-то были заняты. Бегали исключительно босиком, сначала смущались новых босолапых ощущений, потом втянулись в такую офигительную свободу. Они то поленья в баню таскали, то траву в тачку грузили и кое-как везли её к курам и рассыпали там по всему куриному загончику, наблюдая, как куры лапами назад и в стороны разгребали эти копны свежей травы, выискивая в ней мушек, червячков и прочую нечисть. А ещё мальчишки наперегонки собирали яйца, раскиданные несущками где попало. Настя никак не могла понять, почему куры так легкомысленно относятся к своему потомству? Потом Васька и Егорка, набегавшись, на-топтавшись и напечатлевшись всем увиденным, за обе щеки уминали без капризов поставленный перед ними «полезный и не сладкий» обед и мгновенно засыпали с вымытыми ногами на бабушкиных полатах, и никакие разговоры взрослых не могли их разбудить часа три.

Элеонора была в восторге, а бабули только посмеивались. Они в этой жизни уже кое-что понимали. И на вечер готовили внукам очередное посильное занятие: край марли по-

держат при процеживании молока, яйца взбить для теста и кулича. Надо и щепочки в печь в бане положить для растопки, воды курам дать, ведро пустое принести, чтобы пошла коровке приготовить на дойку. И кошке в миску молока налить, и собачью миску принести, чтобы в неё каши наложить с крошками оставшейся еды, и молоком сдобрить.

Да мало ли дел найдется, когда вокруг столько жизни рядом с тобой мурлычет, кудахчет, мычит и тьякает?

Настя, как только её привезли на её новое «пмж», сразу приступила к работе уборщицы в школе, и до пяти часов она терла, отмывала от извести коридоры и классы вместе со старшеклассниками, которые отработывали, положенные им всем, летние трудовые часы в школе. Заодно и знакомились. Руки у Настюши стали грубыми и красноватыми от постоянной воды. Резиновые перчатки выдавали редко, да и рвались они быстро. От извести в подушечках пальцев даже образовались глубокие язвочки и болели. Но Настя была довольна всем и лечила раны свои подсолнечным маслом, как её малярши научили. Пенсию за отца, полученную ею впервые самостоятельно, она сразу отдала бабушкам на питание. Теперь перед ней встала задача добыть денег на дрова и сами дрова. Для неё открыли одну из дальних комнат, которые надо было зимой отапливать второй печью. В другой открытой комнате поселилась Элька с мальчишками. Иногда приезжал Николай и устраивал с ними весёлую возню по всему двору.

Между делом Настя принесла из общей совхозной извест-

ковой ямы ведро извести, которое еле донесла, чуть спину не сломала – ей очень хотелось как-то ошутимо отблагодарить старушек, исполнить их стародавнюю мечту о побелке малухи.

Из малухи все вещи вынесли наружу, перины и подушки для просушивания положили на солнце, мебель из малухи, что можно было, вынесли на веранду, остальное сместили на центр крошечной комнатухи, подготовили её к побелке. Отныне и это стало Настиным рабочим местом. Поужинав, она начинала шпаклевать трещины и сколы старой побелки, как это ловко делали маляры в школе. Малуху уже лет двадцать никто не обновлял по-хорошему. В доме царила чисто женская атмосфера, изредка нарушаемая приездами Николая, но он быстро уезжал, переночевав с семьёй, отпуск летом в этом году ему не дали.

Когда Настя увидела мотоцикл во дворе, она радостно рассмеялась про себя. Она всегда была рада Ларику, искренне считая его своим ангелом-спасителем. И её радовала та суматоха и беспорядок, которые немедленно воцарялись в доме с его приездом. Хотя он ничего такого и не делал, но всё, весь женский хоровод, начинал вращаться вокруг него. Это происходило само собой. Настя уже это заметила и в прошлый раз и чётко осознала, что любимый мужчина всегда раздвигает домашний женский мир и поселяется посередине него, совершенно не прилагая никаких усилий к этому, как лев в львином прайде.

Теперь завтрак начинался, можно сказать, с уборки посуды после ужина – с вечера решалось, чем будут кормить Ларика утром. Добавились обильные яичницы, жареная картошка, сало и куриное мясо, Ларик сам рубил головы петухам на плахе, предварительно их усыпив, чтобы не бегали потом без головы по двору. Настя, чтобы ничего такого не видеть, убегала в комнату и прятала голову под подушку.

– А как же, милая? Всё так в жизни. Все едят кого-нибудь. Без этого – никак. Какая же у него мужская сила будет, если мяса не поест? – посмеивалась Пелагея.

Впрочем, Ларик был не таким уж мясоедом, больше ребятишки спорили, кому ножку, кому крылышко в этот раз достанется. Хорошо, что у каждого петуха было две ноги и два крыла. В деревне жизнь животных несёт всегда утилитарный смысл, любование ими – недопустимая и ненужная роскошь в сельском быту. «Телячьи нежности вся эта жалость ненужная, – говорила Пелагея – всех жалеть сердца не хватит. И жить-то надо как-то?»

Женщины довольствовались творогом, оладушками со сметаной, кашей и компотами из сушеных ягод шиповника, вишни и сухих яблок.

А Ларик вновь облачился в старые тренировочные трико и старенькую майку, которые ему тщательно выстирала одна из бабушек, и целый день пропадал в огороде, вывозил навоз в кучу, чинил деревянные короба для грядок, окучивал картошку и на время отодвинул бабушку Пелагею от занятий

пчёлами.

Снимать крышки ульев и работать с рамками – не лёгкая работа, но семьи священников никогда не жили без пчёл, как и без коровы, кроме самых разорительных лет. Руки Ларика, даже спустя несколько лет после совместной с дедом работы, как бы сами всё делали, укладывали мешковину, прикрывая рамки, поддымливали дымарём, если пчелы начинали слишком нервничать, глаза мгновенно отыскивали на рамке то, что искали. Ларик даже не задумывался, о том, как многому научился он ещё ребенком, постоянно бывая рядом с дедом. Он почти механически делал всё, что было нужно. Пчелы роились, у соседа уже несколько роёв слетело. А Ларик, достав соты, находил быстро маток и удалял их, пока не вылупились и не растащили весь рой. Надоело соседских сметать с кустов и деревьев.

Настя с суеверным ужасом наблюдала, как Ларик, помогая соседу, аккуратно сметает пчёл в коробку, голыми руками разыскивая среди них матку. Но ему самому всё это сейчас не приносило ни малейшей радости, или хотя бы удовлетворения. Просто надо было что-то делать, он это и делал.

На Настю, к её радости, Ларик внимания совсем не обращал. Она чувствовала себя не очень удобно, незваной гостьей, так сказать, но что же ей тут можно было сделать? Она просто старалась быть незаметной и занимать, как можно меньше «пространства». Но когда она видела Ларика, её душа уходила в пятки от счастья просто видеть его. И она

молила Бога только о том, чтобы никто другой этого не заметил.

Если бы она внимательнее была к тому, как переглядываются мельком между собой бабуленьки, она была бы смущена. Но Настя восторженно принимала новые обстоятельства жизни, радовалась им и была невнимательна, тихо и счастливо смеясь в подушку перед сном. А потом блаженно засыпала в этой довольно большой комнате, с высокой и широкой кроватью с железными шишечками на спинке, с домоткаными половиками неестественной чистоты, с занавесками-задергушками с выбитыми на них узорами «ришелье» и с самодельным ковриком на стене у кровати из красивых кусочков шерстяных обрезков, оставшихся от чего-то, выложенных чьей-то рукой в яркий тёмный разноцветный узор восьмиугольных звёзд и квадратов.

В углу её комнаты стоял старенький фанерный шифоньерчик, со сказочно красивым павлиньим пером, воткнутым в рамку крошечного зеркальца на уровне Настиной головы. Абажур, из тонкого зеленого кашемира с вязаными медальонами на каждой грани и длинными кистями по краю, давал мягкий зелёный успокаивающий свет в вечерней комнате. Абажуру было лет сто, не меньше, и обычно Настя засыпая, разглядывала его перед сном и придумывала жизни тех, давно умерших людей, кому он светил до неё.

Ларика, как он не упирался, поселили в комнате Алипия. Малуха была сейчас в разобранном состоянии, там колдова-

ла Настя, советуясь по всем вопросам с бабушками, но делала всё сама – как экзамен сдавала.

Ларик плюнул на это безнадежное дело: «Пусть мажет тут хоть всё, раз ей нейдет», – и поселился в комнате деда, засыпая под неяркий свет лампадки, иногда, по церковным праздникам, тускло мерцающей в углу.

Масло тоже экономили, доставать его было трудно. Больше лампадка не вспыхивала и не трещала. Под подушкой деда лежал мешочек с хрустящей на ощупь травой, Марфа называла её «чабрец», этот запах как-то умиротворял Ларика, иногда, резко повернувшись, Ларик чувствовал и от своих волос этот запах, тонкий и успокаивающий.

Бабушки только переглядывались между собой, с Лариком что-то произошло. Ну не смена же фамилии отцом так на него повлияла? Сам Ларик с фамилией не спешил, вообще об этом не говорил. И о работе он не говорил – вот это Эльку сильно волновало. Ларик от разговоров всегда уходил, отдал бабушкам все деньги, что родители ему прислали, и мог часами лежать и смотреть в небо, зарывшись в сено на сеновале.

Всё разъяснилось, когда Николай молча подал жене конверт из города Керчи, выброшенный со всем содержимым в мусорное ведро. Ларик просто забыл его вынести, и Николай, зашедший полить цветы тёщи, вынужден был заняться им, увидел конверт и полюбопытствовал: не нужное ли это письмо случайно попало в ведро?

Элька не была бы Элькой, если бы не прочитала его. Женщины пошептались между собой и ещё больше стали ухаживать за Лариком.

Но он этого не замечал. Ему иногда больше всего хотелось бы, чтобы во время грозы, которые вдруг стали часто случаться, молния ударила прямо в него и убила бы, чтобы перестало так болеть всё внутри. Чтобы забыть о ней...

—... и она ждёт ребенка?... Значит, она была уже тогда с тем?! — от этих мыслей голова Ларика готова была расколоться вдребезги, и он брал лопату, пилу, топор, тяпку или лом и шел копать, пилить и колоть, выкорчевывать то, что было отложено до лучших времён. Хоть чем бы заниматься, только бы не думать о ней, кареглазой, смелой, дерзкой и великолепной... И чужой. Совсем чужой. И всё то, что с ним там было — это было обманом, ложью и... мерзостью? Ларик их всех возненавидел, оптом.

— Как это возможно?! Любить одного, а на берегу в бухточке... и потом смеяьсь есть помидоры, откусывая с того же края, и горбулку... И в Керченских пещерах зимой целоваться до бешеного стука крови в висках! И так можно?! — Элька снилась ему почти каждую ночь. И каждый раз по-разному. Иногда он просыпался, дрожа от гнева, а иногда смеяьсь и лоя её, ловко увёртывающуюся от его рук в волнах моря. И на лице его, когда он просыпался, были не брызги моря, а солёные слёзы, и тело сотрясалось от рыданий. И в такие минуты он всё был готов ей простить. С отчаянием он пони-

мал, что и сейчас снова бы ей поверил, даже понимая, что она врёт ему всё, лишь бы почувствовать её рядом с собой.

Вот только ей это было абсолютно и бесповоротно безразлично.

Кто сказал, что любовь – величайшее чудо и самое желанное чувство?

Кто сказал, что это болезнь, от которой никто не хочет излечиться?

Какая глупость – все эти затертые слова!

Он понял, что его любовь – это одна сплошная боль, и эта боль выталкивала из него всё хорошее, умное и доброе. Он никого не хотел видеть, слышать. Он ничего не хотел делать. Если он что-то и делал, так только для того, чтобы уединиться и не встречать глупые сочувствующие взгляды. Любовь, обманувшая его, расплющила его, рассыпала, развеяла, отобрала всё, что было ему дорого и ценно. Он ощущал своё тело пустым и ветхим. И как же он презирал себя, что позволил вот так себя использовать, как запасной вариант, как болеутоляющую таблетку. Намекали же ему, а он ей верил. Он любил её, он и хотел её!

И жаждал её убить. Или себя.

Ларик стал понимать самоубийц, которые покончили с собой из-за любви.

Это же просто невозможно жить, испытывая такой стыд пренебрежения, такую ненависть к ней и к её... тому счастливому. И одновременно испытывать такую жажду её люб-

ви! И такую огромную потерю, от которой всё омертвело и опустело, потеряло всякий смысл.

– И не такая уж большая проблема, а может быть, и единственное избавление от мук – этот ножичек, который полоснет, и всё... Нет, слишком много крови и больно всё-таки... А может... петлю приладить вон на той балке? – и Ларик, лёжа на сеновале, внимательно стал рассматривать старую, но крепкую балку, неизвестно кем так крепко сработанную, – ... вот думали ли вы, что теперь ваш потомок будет на ней болтаться? – злорадно спрашивал он кого-то неведомого и такого рукастого.

Он представил, как будут плакать мама, Элька. И отец. И Николай. Бабушки будут молиться и сожалеть, что надоедали ему, не хотели дать ему жить по-своему. И Настька тоже будет реветь, наверное, малярша самозваная.

Совершенно случайно Ларик вспомнил давнишний полустертый временем в памяти эпизод из детской жизни. Он был совсем маленьким, когда однажды всю школу поразила ужасающая новость: восьмиклассник застрелился из самодельного самострела, сделанного из авторучки, из-за девочки в параллельном классе, и записку оставил, чтоб все знали, и она тоже. Ларик даже имя её вспомнил: Таня. Не захотела она «дружить» с тем пацаном.

Всей школой хоронили. Убитая горем мать того пацана, рыдая, попросила показать ей «эту девочку». Показали, вытолкнув вперед, а мать увидев её... рассмеялась! «Сыноч-

ка, и вот из-за этой нескладушки-неладушки ты с собой покончил и меня на всю жизнь убил?!» – и потеряла сознание, упала прямо перед той Таней. И Таня тоже от переживаемого ужаса потеряла сознание. Ларик вспомнил её старые серые подшитые валенки на неловко подвернувшихся худеньких ногах и старенький, материн, наверное, платок на голове у девочки. Холодно тогда было, замерзли все, пока закопали того парня. Потом перевели эту девочку в другую школу, а потом и вовсе семья уехала в другой город.

– Но тот парень, конечно, отомстил, получается. Но какой же он дурень глупый? И в жизни-то ничего не попробовал. А я? Алька на похороны точно не приедет, и ещё скажет: «Что с дурака возьмёшь!» – она такая. Безжалостная, – И Ларик заплакал, как-то облегченно даже, поняв, что никакой никому мести не получится. – Бессмысленно и театрально всё. Даже презренно. Ну, в чём та Таня виновата была?! Испортил девчонке детство и мать почти убил. А другие мужики как? Вообще не заморачиваются? И как мужики могут так – бегать от одной к другой, когда им изменили, когда всё так болит? Когда всё высохло и потеряло смысл... – он, конечно, слышал мужские побасенки, что клин клином вышибать нужно...

– Что? Просто тупо освобождать тело от ноющей боли, охватывающей колени жаром, когда она вот так встаёт перед тобой? Алька... у неё такие тонкие смуглые, «восточные», как говорила она, пальцы... и так водят по губам... – Ларик

зажмурился и стиснул до скрипа зубы.— А может и мне... так попробовать? А что, клин же клином вышибают? Все же так делают, и я — мужик, как все? — пробилась, наконец, злая мысль сквозь боль и раздирающее грудь рыдание, которая предполагала какие-то действия с его стороны. Мстительные действия.

Абсолютно обессиленный он потом долго не мог заснуть, лежал в темноте, уперев в потолок бессмысленный взгляд.

— Да, девок навалом, и многие косятся и оглядываются, — нашептывал ему голос. — Не только в рыжих штанах же дело? Их улыбки... Она также улыбалась, до самого последнего дня... только за это стоит им всем мстить — за эти их лживые дебилские улыбки.

И, пожалуй, ему очень начинала нравиться эта мысль — мстить им всем за его разорённый мир первых чувств, первой и единственной на всю жизнь любви. Это-то он уж точно знал, что любви у него больше быть не может. И вся его любовь погибла навсегда, испепелив душу чёрным пламенем ревности и гадливости, и вся она досталась той, из Керчи.

Ему стало неприятно произносить её имя.

Ларик решил мстить. Земля и ад разверзались перед ним, но ему страшно совсем не было.

В какой-то ещё другой ад он не верил, он, как ему казалось, жил в нём сейчас.

В наши дни.

Илларион медленно шел к дому, выбрав кружной путь,

через главную улицу, чтобы пройти мимо Степанова дома. Давно не виделись. Всё дела да дела. Молодец он, Степан Игнатьевич, такую тяжебу вытянул, ребят около собрал. Вытянули они «Лавсок» свой. И людей вытянули. Впряглись тогда, аж жилы трещали. Он, Илларион, с другого края оставался всегда. Другое дело делал. Степан иногда горько шутил, «Ты, Ларик, как комиссар у нас. Держишь народишко в надежде. Иногда только ты и тянешь этот воз на себе, иной раз сами себе, ведь, не верим. Молотим, как заведенные, а оглянуться-то страшно. Ты уж тяни, друг, народ-то, давай уж. Они без нас слабоваты пока. Мы ж тертые с тобой».

Илларион и думать никогда не думал, что он что-то там тянул. Просто делал, что и любой другой на его месте бы делал. Крестил, отпевал, венчал, причащал. Ходил в дома усовершенствовать и поддерживать. Народ собирал на помощь, когда надо было позарез это кому-то. Всякое за эти годы бывало. И будет ещё много чего.

– Ларик! Заходи, идём квасом угощу. Людмилка квас просто охрененный делает. С хреном! Давай, заворачивай! – Степан, издали завидя друга, вышел к калитке, искусно выкованной Митькой.

Илларион погладил рукой кованное кружево, отмечая про себя красоту работы: «Возродили кузню. Мало, что возродили, на «высокохудожественный уровень» вытянули, как хвалится Митька при каждом удобном случае. А что? Нормально. Одно название перед селом выкованное и установленное,

как визитка работает. Не сидят ребята без дела».

Людмила шла уже навстречу мужу и Иллариону, неся в руках кувшин с квасом и глиняные бокалы. Уселись в беседке, стоявшей посредине общего с задними соседями из «дворянского гнезда», сада. Уже и сетки повесили от комаров, к вечеру от них спасу не было, тепло пришло. Пёс Степана Алдар, вильнув хвостом, приветствуя старого знакомого, тяжело вздохнув, снова разлёгся в беседке, прячась от комаров

– Что у Степки-то твоего продвигается дело? – Степан Игнатьевич взглянул на Иллариона.

– Да куда ему деваться? Продвигается. Но сам понимаешь, не просто это всё. По закону упрекнуть её не в чем. В трудном она, мол, положении. Вот и отдала на время.

– А где она-то сама?

– Да кто ж знает? Вроде как уехала отдыхать. За границу. Не запрещено никому сейчас.

– И сколько уже её нет?

– Два месяца. Потому и отдают. На время. Приедет – его снова заберут. Опекунский совет, понимаешь. Они стараются сохранить материнство её, они априори на её стороне. Или чего удумали? Знаешь же, сколько государство валит на каждого сироту? А ещё чего доброго и «запродать» за бугор наметились. Говорят, выгодные там сделки проворачиваются. А Степка – папа только по воскресеньям. Но уже и им стало кое-что понятно, что мы мальчонку не отдадим. Но не сразу у него сейчас получится забрать его. Да что говорить? Наму-

чаемса ещё.

– Может откупиться от неё?

– Предлагал он. Но пока она ещё в мать играет. Надоест, – тогда что-нибудь сдвинется с места. Да мы рады, что хоть так дали, на месяц пока. Лиха беда начало. Завтра приехать должны. Забыл уже нас, наверное, маленький же ещё. Отца узнаёт, тот часто у него бывает. через день, да каждый день...

– Вот, ведь, фигня какая! – Степан возмущенно хлебнул кваса. – Ну, кто доказал, что мать обязательно лучше для ребенка, чем отец? Ну, кто доказал? Но за матерью приоритет, это точно ты говоришь, изначально. А потом бегай, доказывай, что ты не верблюд. Да что далеко-то ходить? Вон, наша королевна, возьми. Если бы не Людмила, ещё неизвестно, что бы из ребятишек получилось. Ну, нет у неё инстинкта материнского. Не любит детей – и всё тут. Кукушка. Повезло нашим с бабушкой.

– Степа, ну зачем ты так? Всё-таки она о них заботится. И дом содержит в порядке...

– Люд, ты меня лучше не зли. Ладно? – Степан сердито посмотрел на жену. – Это не «в порядке», Люда! Это... это карцер чистоты. Понимаешь? Карцер. Да ладно. Надоело из пустого в порожнее переливать. Что Егорка-то твой думает делать? Второй месяц балду бьёт.

– А он-то тебе зачем? – Илларион усмехнулся. Он знал, что на каждого трудоспособного мужика у Степана свой план составлен.

– Как зачем? Неужто, ты и его на колокольню загонишь?

– А чем тебе моя колокольня не нравится? Я не вечный. Думаешь, люди уже другими стали? И не нужны мы им? – Илларион, наклонив голову, с усмешкой смотрел на друга.

– Да ничерта они другими не стали. Ты прав. Просто есть разные породы людей. Одни только потреблядством способны промышлять, другие только делать.

– Ну, так оно. А всё же надо этим промысловикам тряпичным помогать и другое видеть. Ну, такая жизнь на земле, другой нет. Не уставай усовещать. Капля – она камень точит. Но куда Егора потянет – не знаю. Молчит.

– А ты-то как решился тогда? До сих пор ума не приложу. Открой тайну.

– Обойдешься, сын мой. Своих скелетов в шкафу почисти.

– Ох-оххо-ох, как страшно. Не, Ларик, ну правда, для меня тайна сия велика есть. Уж сейчас-то можно?

– Нет, Степка. Нельзя. Это за семью печатями лежит. И отстань ты, Христа ради, от меня.

– Да я всю жизнь мучаюсь, не из-за меня ли ты тогда так решил рясу нахлобучить на такого-то красавчика? Бабы, поди, обрыдались? – Степан ехидно хохотнул.

– Не из-за тебя. Хотя я тебе должен много. Ну, на том свете сочтемся уже ?

– Не знаю. Сочтемся ли? – Степан Игнатъич, с усмешкой уставился на старый шрам на скуле Иллариона. – Я просто так не дамся.

Оба как-то неловко улыбнулись и отвернулись друг от друга, любуясь вечером. Удивительно это свойство человека оставаться молодым в душе до конца дней своих. Даже желания и эмоции испытывать те же. Теоретически. Только теперь в людях они уже могли сразу разобраться, не ошибаясь. А тогда...

Июль докатил до августа свои жаркие валы изнуряющего лета. Дожди с грозами были, но редко, на полях колоски стояли, как сиротинки, редко и чахло, в совхозе готовились к очередной битве за урожай. Собрать надо было всё до последнего зернышка. Степка заранее договорился, что летнюю практику он будет проходить в родном совхозе, где он давным-давно знал все колки и перелески, бугры и болотинки. А в эти последние свободные деньки Степка «пахал» на личном «хозяйстве», от его рук зависела вся его семья нынешняя – мать и двое братьев. И деньги, заработанные на уборочной, тоже тут останутся.

– Тетрадей для конспектов надо подкупить, да ботинки починить, ещё год протянут, кожа-то хорошая. Некрасивые – да это фиг с ними, лишь бы до весны доходили, не подвели, – так по-мужицки обстоятельно прикидывал Степка возможности своего гардероба, смётывая с меньшими сено в стог. – Дрова сами в поленницу уложат, умеют уже ровный круг выкладывать.

В их институте многие ребята тянулись на учёбу из по-

следних сил. Были, конечно, и здесь «сынки», но и они не особо выпячивались. Ребята из «политеха» были гораздо бойчее и выглядели почти все богато и стильно. Городские же почти все?

– И чо сюда лезут? У них своих девчат хватает. Нет, сюда прутся. А в селе учителей не хватает, гадство! – и так рассуждал не только Степка, но и многие его приятели по институту, испытывая тоску, когда в «педе» на вечерах девчонки выбирали тех, других. Городских и франтоватых. На последнем вечере, посвященном дню Восьмого Марта, Степке удалось захватить внимание Людочки, с филфака.

Закидывая вилами сено на стог, Степка, невольно улыбнулся, вспомнив коротко стриженую, смешливую девчонку. Гуляя в парке после последнего экзамена, договорились, что встретятся в следующем году, как только появятся в институте. Он в своём, после уборочной, а она в своём, после сентябрьской «страды», куда студентов ежегодно отправляли на уборку всего, что выросло за лето. Встретиться решили обязательно, недалеко же друг от друга учатся, через пару кварталов всего.

Но приятные воспоминания Стёпки были грубо прерваны.

В хозяйственном проезде на задах огорода Степка услышал треск мотоцикла, это только Ларик мог так приехать к нему. Тот и правда подкатил, выключив на последних метрах движок, подъехал бесшумно, чтобы не пугать корову, при-

шедшую с пастбища. В этом году Степка уже отработал свои пастушьи смены, теперь мать только встречала и провожала коров, давая сыну выспаться.

– Привет, Степ, – Ларик сегодня был веселее, чем обычно. Что у него случилось, Степка не знал, но друг не так давно приехал сам на себя не похожий. Смурной, молчаливый, замкнутый. Степка не понимал, как можно рядом с Настюшкой быть таким набыченным. Из девчонки просто искры сыпались веселые. Она не ходила – она летала по улице, казалось, она себя сдерживает, чтобы не затанцевать, когда идёт. Ну и что ж, что маленькая? Поржать-то, повеселиться с ней – ой, как можно! А этот, как бирюк, тоска в глазах.

– Привет Подсвечник. Ты чо такой?

– Какой такой?

– Надулся, как мышь на крупу.

– Да ничо я не надулся. Ты на танцы сегодня пойдёшь?

Суббота.

– Пойду, конечно. Х*ли не пойти, девок не помять? Пойду. Щас помоюсь слегонца и пошли. Подождёшь? Мы уж сметали, пацаны сами жерди поставят, я чо-то седня устрепался, – Степка деловито оборвал висящие неаккуратно клочки сена и поднёс корове, которая мягкими мокрыми губами, шумно нюхая и фыркая, несмело взяла свежее сенцо из его рук.

– Подожди, в бане окачусь немного и приду, высохну по дороге уж.

– Давай, – Ларик сел на мотоцикл боком. Он был в своих неотразимых, застрявших чуть ниже бёдер, оранжевых штанах, благодаря которым в городе у него за спиной многие крутили пальцем у виска, и в любимой малиновой рубашке с расстегнутым до волос на груди воротом. Но здесь он мог и за законодателя моды слыть. Деревня.

Ларик злорадно представил, как его там обступят со всех сторон, будут просить прокатить. Ну, вот он их и покатает. Там – цветник на выбор. От бывших старшеклассниц и до бывших когда-то замужем молодых. Даже и детные одиночки среди них были. Им к старухам на крылечко скучно ещё приседиваться. На танцах-то веселее. Женихов тут не больно найдёшь, а время весело провести – запросто!

Все друг друга тут давным-давно знали. На Ларика многие из девчонок засматривались, когда он ещё парнишкой тут бегал, поповский внук. Он выделялся из рядов пацанов прежде всего длинными, как у всех артистов, почти до плеч густыми русыми волосами. Его тонкий, и даже хищный, горбатый нос, широкий лоб со свисавшей длинной чёлкой, которую он то и дело резко откидывал назад, и острые серые глаза, насмешливо, а часто и недоступно-жёстко, смотревшие прямо в девчачью душу из-под «чайкой в полёте» раскинутых бровей, снились многим влюбчивым девчонкам по ночам. Волосы уже слегка снова отросли, правда до прежней красоты далеко было, но и так он своим видом сжимал девчачьи сердечки до хруста.

– Сейчас ему только усов и бородки недоставало – и был бы вылитый гранд испанский какой-то, только поносастее, – шутил Николай.

На танцах было много народу, бестолково и душно. Пытались открыть забитые аршинными гвоздями окна, но не тут-то было. Сердитая тетя Паша, убиравшая в клубе и в администрации, свирепо отогнала желающих открыть окна: «Неча тут командовать! Вон форточка открыта и хватит, кому мало – валите на улицу!»

Ну и повалили все, в конце концов. Вынырнули в слегка охлажденный вечерний воздух.

Ларик начал катать всех девчонок по очереди – один круг вокруг клуба и административного корпуса. Это здание стояло на главной площади посёлка, или точнее – широкой улице, и конечно, она называлась «ул. Ленина». На обоих корпусах висели транспаранты с призывами: «Крепить дружбой семью советских народов», «Ежегодно повышать надои молока», – это красовалось на фасаде администрации. И «Слава советской молодежи», – это висело над входом в клуб, куда, впрочем, не только молодежь ходила.

Почему совхоз назывался «Пыталовский» точно никто не знал и не помнил. Если кто-то кого-то здесь и пытал, то это давно бурьяном и крапивой заросло. Знали только, что через их село Берлуши, когда-то пролегла линия сопротивления уральского казачества красноармейским отрядам. И те и другие насмерть стояли.

На Урале решалась тогда судьба России. И с этой стороны к городу ни один красноармеец пробиться не смог. Прорубились с другой стороны по железной дороге, как и белочехи в своё время.

Много лет, вспахивая огороды, выбирали селяне пустые патронные гильзы и даже целые гильзы иной раз попадались, с острой смертельной головкой, на чьё-то счастье они остались в земле и кого-то не убили.

А потом на землях «Пыталовского», – может отсюда и название пошло?– разместили один из лагерей ЧелябЛАГа. В наследство от него осталось здание администрации лагеря, и в нём разместилось со временем правление совхоза и совмещенное с ним здание клуба. В нём и сейчас был клуб, только без прежней помпезности и, за вечным неимением средств, довольно обшарпанный.

Ларик не просто девушек катал, он среди них самую подходящую для своего мщения выискивал. И тут морочиться долго не пришлось, самые смелые руки обняли его гораздо ниже линии ремня.

На том и порешили.

И очередная девчонка желающая покататься с Лариком, «Подсвечником» по местному прозвищу, так и не дождалась веселого тархтенья мотоцикла. Он увез счастливую избранницу далеко за деревню, в берёзовый лесок. С непривычки

дело не сразу наладилось, и комары не дали паре насладиться вполне ни красотами окрестностей, ни друг другом. Комары, отчаянно звеня, пикировали на полуголый зад Ларика и на всё, что им было доступно в покладистой молодке.

К слову, мазей от комаров в этой полосе России тогда ещё не существовало в принципе. От лица комаров отгоняли сломленными веточками полыни. А когда в лес ходили, то глухо застегивались на все пуговицы и платки повязывали «по-крестьянски» не от веяний моды, а по зову души, страдающей от укусов.

– Ой, милая ты моя, и сколько же этого комарья-то терпим, да паутов! Наварим корни лопуха и пырея, острые да белые, чтобы себя при нужде отваром мазать, да коровку от оводов и мух жигалок. Спасу же нет! Ладно мужики приспособились от червей потом избавляться. Они их горлышком молочной бутылки приспособились выбивать. Наставят на шишак под кожей бурёнушки, и по дну ладонью со всей силы – бац! Только вздрогнет бедная бурёнка, а черви уж в бутылке по стенкам сползают. Ох и гадость тошнотворная. Но куда деваться? Ларик это умеет делать, спасает нашу Бурёнушку. Да, деревня – это тебе не молоко в бутылках, не мёд в бочках и не хлеб на прилавке. Настоящее дело – оно всегда и грязное, и тяжелое, и кровавое – хоть что возьми. И зерно, и скотина, и война, и больница. Всё. И человек по-

является в крови и боли. И всё это и есть соль земли. Без неё и цветы не нужны никому. Так-то милая, – сетовала Насте бабушка Марфа на житьё в деревне, помогая названной внучке малуху отмывать и время от времени выглядывала во двор: «Чтой-то нашего хозяина нынче долго нету? Темно уж. А никак приехал?»

– И вот зачем это на земле существуют комары? – тайна эта, зашифрованная в пищевой цепочке всех времён, была для Ларика сейчас невыносима!

Ларик тайком отлил у Эльки раствора соды и унес в кабинет Алипия, к которому понемногу привыкал. Нет, такие свидания его не устраивали. Задница и спина чесались нестерпимо всю ночь. Приснилась, было, Алька, но она была в эту ночь неуместна в его сне, и даже неприятна, на фоне отчаянно зудевшей задницы состоявшегося мстителя.

В середине следующей недели Ларик свозил Настю в институт, удостовериться, что она зачислена, и узнать, какие документы ей надо ещё принести. Эля заранее дала Ларику пять рублей, чтобы он тортик «Киевский», безе с орехами, или «Полёт», где-нибудь постарался купить для вечернего праздничного чая. Такое событие для девчонки надо было обязательно отметить. Настя и в свою бывшую школу заскочила, выкупить фотографии с выпускного вечера, которые сделал для их выпуска чей-то знакомый фотограф. Сделал он ей и портрет, и во весь рост сфотографировал.

Так на всю жизнь и застыла девчушка, похожая на фото

на белокурого ангела в белом платье со смущенным и радостным взглядом, изумленная чем-то. Настя и самой себе понравилась. А бабулечки нашли старинную картонную рамочку-паспарту для фото. И теперь Настя, улыбаясь изумленно и смущенно, смотрела на саму себя в рамочке на столе. Толстая её коса, уложенная в узел, выглядывала на затылке, украшенная бантом и кончики слегка вьющихся волос пушистым облаком светились вокруг лица. А рядом стояли портреты папы, который улыбаясь смотрел на свою дочурку. И Насте казалось, что выражение папиного лица на этих портретах всё время менялось. Сейчас папа был спокоен за Настю. Ей казалось, что горькая складочка возле рта у него стала гораздо мягче.

Ларик только по нужде принимал участие в этих милых и радостных для Насти событиях. Он и сейчас взял кусок торта и ушел на крыльцо пить чай. Не хотел он никакой радости видеть, когда у него самого было так погано на душе. Да, он был эгоистом и прекрасно это осознавал. Да, он ещё и сволочью хотел бы быть, и тоже давал себе в этом отчёт. И эти мысли, и осознание, давали ему тщеславное мстительное удовлетворение, он мысленно мстил всем женщинам, кому ни попадя, за то, что с ним происходило. Несчастнее себя он никого вокруг не видел.

– Чем хуже, тем лучше, и пусть все идут к черту! – Ларик остервенело глотал горячий чай, не чувствуя ни вкуса торта, ни обожженного языка, ни комариных укусов.

Глава 6. Карьеры бывают разными

А Настюшка в те дни остервенело и весело терла и мыла коридоры и классы. Надо же успеть всё вымыть гораздо раньше, чем наступит первое сентября. Маляры даже смеялись, что она не даёт им возможности качественно работать, наступает на пятки: «Настюша, ты куда торопишься-то? Всё равно вперёд нас не проскочишь».

Весёлая девчонка всем нравилась, директриса быстро поняла, что мытьём полов могла бы заниматься и другая, менее способная к общению девушка или старушка, и что эта девушка – сущая находка для их школы. Ближе к первому сентября директриса завела с Настей разговор на предмет должности старшей пионервожатой в их Берлушевской школе (или Пыталовской, как числилось в районо) на полставки и с укороченным рабочим днём, как и положено было по закону для несовершеннолетней.

Разумеется, Настя согласилась и решительно удвоила, как тогда говорили, «производительность труда», успевая и полы мыть, и в суть работы вожатой вникать. Это для неё труда не составляло. Просто она хорошо помнила свою пионервожатую в школе, Иринку, с её очками, уменьшающими её сливовые выпуклые глаза до чёрных бусин. У Иринки были самые красивые на свете блузочки и юбки, которые только можно было себе вообразить, она была всегда такая весёлая

и нарядная, выглаженная и накрахмаленная. А когда в школу примчался посыльный из больницы сообщить, что Иринкин, отец находится при смерти, Настюшка запомнила, как аккуратно спускалась по ступенькам Иринка, белая, как полотно, и, похоже, она ничего перед собой совсем не видела. Но выглядела она и в эту минуту, как всегда – леди.

Самым важным с точки зрения Насти, в работе пионервожатой у Иринке было то, что самых отчаянных шалопаев и бездельников-мальчишек она влюбляла в себя одним простым приемом. Она без устали и без остановки, почти наизусть, могла часами рассказывать у ночного походного костра истории Шерлока Холмса, поднимающие в обступающей ночи у костра стада мурашек на коже у девчонок, (девчонки этого и не скрывали). У мальчишек такие истории тоже, конечно, гоняли эти стада мурашек, но пацаны хорохорились, в худшем случае садились спиной друг к другу, и бок к возможной опасности из окружающего темного леса. А ещё Иринка знала почти наизусть Жюль Верна, и тоже могла часами рассказывать про эти путешествия. Ребяшня гонялась за ней по двум этажам школы, отвоёвывая право держаться за руку. Авторитет у Иринки был непререкаемым для всех пионеров школы, и даже комсомольцев, которые выходили потом из рядов этих пионеров, пока Иринка заочно училась в «пед». А потом она ушла работать в редакцию газеты. Но и несколько лет спустя помнила всех своих пионеров по именам и кличкам.

Вечерами Настя, обложившись методичками, заранее писала план мероприятий, которые надо было проводить со всеми классами пионерского возраста. Провела перепланировку пионерской комнаты, организовав посередине большой стол для посиделок за кружкой чая, как и они с Иринкой когда-то сидели вечерами, слушая и рассказывая всякие истории и случаи, и так незаметно и спокойно сплывались и сдружались. Тут в селе всё было ещё проще. Ребята знали друг друга с пеленок, ну, по крайней мере, с садика – точно.

– Коля, в следующий раз привези сюда собрание Жюль Верна, Шерлока Холмса и ещё книги про индейцев, пиратов, и путешественников для Насти, – попросила Эля, от души обрадованная таким «карьерным ростом» своей подопечной.

Книги тогда были в жутком дефиците, почти как хрусталь и автомобили. Эля тоже помнила Иринку и вполне понимала, какую неопределимую и притягательную радость Настюшка даст ребятишкам, подчас ни одной книги в руках не державшим, кроме как хрестоматии из школьной библиотеки.

На день рождения Насти, в конце июля, Эля с мужем подарили ей подарочное издание Конан Дойля – это был шикарный подарок. Ларик купил ей модные тогда духи «Визави», а бабушки подарили старинную агатовую брошь в оправе из кружевной серебряной скани. Не сразу уснула в тот день Настенька, любясь в свете луны на драгоценные и милые знаки внимания от любимых, необыкновенных, ставших ей та-

кими дорогими людей.

Ларик только хмыкал, косясь на непонятное ему старание сестры и Насти – устроить всё наилучшим способом, предусмотреть неожиданности и сложности в самой пустяковой на его взгляд работе «главной пионерки».

– Зачем это всё надо, когда тебя, какой бы ты ни был распрекрасный и общительный вот так, «на раз», взяли и растоптали? Никто не вспомнит ни Шерлока Холмса, ни Фенимора Купера с его благородным индейцем, когда задумает подлость какую-нибудь.

Настенька и её родители.

Шло время, Ларик приспособился осуществлять свою месть в более комфортных условиях. Во вдовьем тупике его длинная и невольно становившаяся сутулой, от желания быть, как можно незаметнее, фигура, достаточно регулярно появлялась глухой ночной порой у ворот некоторых местных прелестниц, которым закон был не писан, а мужа давно стали этапом прошлой неудачной жизни.

Бабушки не сразу обнаружили исчезновение Ларика из дома по ночам. И только Настя с обескураженным видом каждый раз наблюдала из своего окна, выходявшего через огород на улицу, как Ларик тихо выходил из калитки, придерживая рукой щеколду, и растворялся в ночи, приходя домой далеко за полночь, а то и под утро. Её сердечко рвалось от жалости к нему, и жгучей боли от черных дыр в её собственной душе. В её уютной комнате к осени уже бушевал костёр из первой девичьей любви, жалости к Ларику и яростного неприятия всего того, что стояло в глубокой ночи за исчезновениями Ларика. Её сердце пылало. И помимо её воли в ней исчезла домашняя милая весёлость и детская непосредственность. У Насти всегда находились теперь неотложные дела, убрав со стола, она торопливо пила вечерний чай и сразу уходила, как только Ларик садился к столу и молча ел то, что ему подавали молчаливые бабушки. В доме повисала гнетущая тишина.

Изредка Настя старалась развеять эту тишину рассказами

о своих пионерах. Теперь она пропадала в школе до позднего вечера, пока директриса не выгоняла её домой.

Ларик стал приносить иногда деньги, уж где-где, а во вдвоем тупике работа для мужчин всегда была. Деньги для расчета не всегда, правда, там были. Но самогон там варили хорошо. И не все запахи мог учуять чувствительный мясистый нос местного участкового Маросейки. При всей вездливости, принципиальности и остром чутье носа Маросейки Ивана, бодро шагавшего по карьерной милицейской лестнице местного масштаба, расчёты «поллитрами» процветали.

После первого прихода Ларика «на рогах», бабушка Марфа позвала Финиста на разговор в малухе, подальше от глаз Насти. Впрочем, Настя и сама, как только увидела его пьяным, ретировалась в свою комнатку, и, сжимая в руках мокрый носовой платочек, почти до утра проплакала, согнувшись в три погибели на кровати, благо, наутро был выходной, и не пришлось никому постороннему объяснять, что это у неё глаза такие припухшие. А бабушки никогда ничего такого у неё и не спрашивали.

После второго «заплыва» Ларика, обе бабушки ночью глаз не сомкнули, отпаивая пьяного в дупло Финиста горячим сладким чаем. К вечеру следующего дня приехала Элька, вызванная бабушками.

На все её расспросы Ларик отвечал необычно жестко и скупно: «Эля, давай, ты не будешь лезть в мою мужицкую жизнь? Договорились? Я тебя очень люблю и уважаю. Но я

тебе не позволяю лезть ко мне в душу. Останемся «при своих». Хорошо?»

– Коля, надо что-то предпринять, у Ларика голову сносит совсем. Поговорил бы ты с ним. Отец не скоро приедет. Чего доброго сопьётся ещё, глупый. Неужели женщина может так мужика перетряхнуть? Впереди всё у него ещё.

– Может, Эличка. Ещё как может. Просто Ларик впервые получил по носу. Детский сад кончился. Армия тоже частично – детский сад, решения за тебя принимает дядя в погонах. А сам себя он не потянул. Не бойся – это болезнь роста изнеженного впечатлительного мальчишки. Поговорю я с ним. Как мужик с мужиком.

Да, Ларику шел уже двадцать четвертый год, и он имел право делать всё, что захочет. Другие, говорят, в таком возрасте полками командовали... когда-то. Но после того, как в третий раз пьяный Ларик упорол куда-то в ночь, в туман, подалее от обеих очень нудных в своих нравоучениях и ахах-охах бабушек, у бабушки Марфы случился сердечный приступ. Настя сбегала за скорой в больницу, а потом, побежала за Лариком, которого непременно захотела увидеть бабушка Марфа «перед смертью».

Любящее сердце вещун, как говорят, но у Насти не только сердце было вещуном. Рифленую подошву Лариковых ботинок, чётко отпечатавшихся на необычно рано выпавшем снегу, она узнала бы из сотни других таких же. А в Берлушах других таких и вообще не было. До окна Ленки Подкорыто-

вой рукой не дотянуться было. Пришлось грязные снежки лепить, да кидать в окна, где горел свет.

Открыв форточку Ленка присвистнула: «А ты чего тут делаешь, пионерия?»

– Позовите Ларика.

– А больше тебе ничо не надо?

– У него бабушка при смерти, за ним послала, – Ленкин силуэт исчез, а на крыльцо вывалился Ларик, надевая на ходу пальто и шапку.

– Ты что, выслеживаешь меня, что ли? – он был зол и шагал стремительно и так широко, что Настя за ним не успевала, а Ларик так же стремительно и трезвел, хватая рукой чистый снег с обочины и вытирая им лицо.

– Зачем мне тебя выслеживать. И так все знают, где ты по вечерам пропадаешь.

– Скорая приехала, говоришь. Ладно. Спасибо, – Ларик пропустил мимо ушей её подначку, сказанную бесцветным голосом.

На этот раз обошлось. Поставили бабушке Марфе магнезию и прописали полный покой. В больницу Марфа отказалась ехать наотрез: «Вот сколь суждено – столь и проживу. А если уж родной внучек решил меня в гроб вогнать, тут никакая больница не поможет. Так тому и быть, значит», – разумеется, это был наглый шантаж со стороны любящей старой женщины.

Дело приняло серьёзный оборот: чего-чего, но быть при-

чиной смерти любимой бабушки Ларик не хотел и на время присмирел со своими ночными вылазками.

Близился Великий Октябрь. Настя с утра до вечера пропадала в школе, готовясь к самому важному празднику всех советских людей и народов. Когда успевала вечером забежать в магазин, то радовала старушек сладостями к чаю, если поста не было, конечно, очередного. И до позднего вечера сидела за учебниками и зачетными работами.

Теперь Ларик по вечерам часто запирался в комнате Алипия, обрастал недельной щетиной, мрачнел, стал молчаливым. Да и холодно стало на улице совсем. Сентябрь заканчивался. Ларик мало с кем общался, за обеденным столом тоже не задерживался. Единственное, чем он регулярно дома занимался – дрова таскал в сени и в дом, к двум печам, и в баню. И воду из колодца носил домой и в ту же баню. В самом конце сентября Ларик устроился работать на местной пилораме, разнорабочим «подай-отнеси» на девяносто рублей. На еду должно хватать, а больше он ни о чём не думал. День да ночь – сутки прочь, из дома надолго по вечерам он больше не уходил.

К моменту появления Воротова в их доме, у Ларика всё встало на свои места, как он полагал. Женщины делились четко на две части. Одна их часть – пять человек, составляли ту волшебную часть женского рода, о которых пишут стихи поэты, сочиняют песни композиторы и которых всегда носят на руках мужчины. В его конкретном случае это были две

бабушки, его мама – верная спутница отца во всех командировках, и Элька. Вот уж кого не фигурально, а вполне материально и физически муж носил на руках, когда не пропадал на работе, ак это Эльку.

Эти женщины всегда были так умны, спокойны и целомудренны, что никому и никогда, как думал Ларик, и в голову не могло прийти думать о них, как об источнике самых настоящих чисто мужских фантазий, страстных мечтаний и желаний. Ларику казалось, что даже племянники его у Эльки и её мужа появились не в результате страсти молодых влюблённых супругов, а так, отпочковались случайно, как бутоны.

Инфантилизм и трусость Ларика не давали его любимым женщинам в его глазах спуститься на грешную землю. Он держал их всех на высоком пьедестале и готов был умереть у подножья этих пьедесталов, охраняя целомудренность и женскую безмятежную чистоту, отгоняя даже в мыслях допущение, что эти дорогие и любимые им женщины «несовершенны», как и все, кому он мстил. И это ощущение реального существования такой неземной высоты чувств, и произведенная им самим мысленно «кастрация» вполне живых и теплых, родных ему женщин, подобная той, что когда-то случившаяся у Блока с его женой, как ни странно, давала ему силы жить и во что-то верить.

Поскольку все остальные женщины, смотрели на него с живым интересом играли бедрами и походкой, проходя ми-

мо него(пару раз даже дрались из-за него на задворках клуба, как говорили), ему и усилий не приходилось прилагать, если он к девушке в гости хотел прийти. На некоторые, очень ехидные, злобные и поэтому непонятные ему исключения из их числа он вообще внимания не обращал. Иногда приходил. И не останавливался ни на одной постоянно. Всё его «мщение» слилось в один тоскливый непреходящий хоровод одинаково манящих глаз, одинаковых движений тел, одинаковых довольно глупых слов, одинаково повторяющегося стыдного одинокого всплеска физического восторга, охватывающего его на мгновение, и тут же тускло и сыро гаснущего. После секунд неловкости сразу и непременно возникало отторжение, неприязнь и брезгливость, как к выкинутой в коровье поило коже картофеля. Даже самая глупая из его «виз-а-виз» понимала, что ему от неё «одного надо». Слава холодного «козла-донжуана» за ним закрепилась быстро и прочно.

И только женщины постарше злорадно шипели: «Ничо, ничо. Прижмет и тебе какая-нибудь хвост твой потасканный». Но из всего пятитысячного населения села, большую часть которого составляли женщины, такой не находилось. Слишком высоко смотрел на всех них Ларик.

Настя, как член семьи, на правах почти младшей сестры, тоже стояла на пьедестале среди любимых им родных женщин по праву живущей с ними в ладу и под одной крышей. Но, по мнению Ларика, этот пятый пьедестал был довольно

шатким. Всем известно, что от младших сестер может прилететь такое, что мало не покажется никому. Ларик вообще относился к молодым девчонкам с опаской и предубеждением: «Какие же они все дуры несусветные! Только бы им влюбиться. Потом проходу не будет, в слезах и соплях утнешь», – и во избежание недоразумений предусмотрительно обходил их далеко стороной.

Обе бабушки, как личную трагедию переносили соседские подколки насчёт «неутомимости» их «Ларивоши».

– И чем это вы его кормите, как с цепи кобелёк-от сорвался? Вот перейдёт дорогу кому, накостыляют по шее-то, даром, что оглобля такая.

– Тут скоро полдеревни таких горбоносеньких забегает. Как с внуками-то справляться думаете?!

Но Ларик не был жадным и на «чье-то» добро не зарился. Пусть сами разбираются, со своими верными невестами, ему хватало и свободных. Честно говоря, он иногда даже сомневался, а мстит ли он тут кому-нибудь вообще? Мечь – это же равноценное страдание? Никто по нему так не страдал, как он в своё время. Или он не видит ничерта?

И насчёт внуков соседки зря горячились, между прочим. Николай, выслушав слёзы Эльки и причитания бабушек, приехал в следующий раз с большим свёртком презервативов. И где он их достал? Они и в лучшие времена не навалом лежали на аптечных прилавках, а тут во времена повального дефицита, изделие №2 – и навалом, сколько хошь – та-

кая роскошь! Пришлось Ларику выслушать заодно и курс про опасности жизни молодого бойца сексуального фронта и принять всё к сведению, хотя СПИД тогда даже в кошмарном сне никому не мог привидеться. «Птичья болезнь», да «утренняя капля» – это да. Бывало. Что-то более серьёзное бывало тоже, конечно, но редко.

И если быть совсем объективным, то про подвиги Ларика больше слухов ходило, чем эпизодов было. Просто передаваемые из уст в уста слухи ходили по деревне, обрастая несуществующими подробностями и пикантностями, возвращались к истоку неузнаваемыми и очень – просто очень – повышали и увеличивали сексуальные подвиги и славу Ларика. Как-то быстро ему всё это ну, не то, чтобы надоело, но азарт мести и злость прошли. Скучно стало. Где-то в душе Ларик понимал, что эти собачьи совокупления без страсти, без того трепета, который когда-то он испытывал были слишком обыденным делом, неинтересным и малость противным даже. По природе Ларик был брезглив. Правда он стал очень сомневаться и в том, что и тогда-то он испытывал нечто такое, от чего кровь наэлектризовывалась и стегала по оголенным нервам. Всё то, что происходило с ним в Керчи, сейчас выглядело совсем иначе в его же глазах. И о своих страданиях он мог рассуждать уже с некоторой иронией.

Если теперь Ларик и убегал по ночам, то уж по «дежурной нуждишке» больше, а совсем не из-за священной мести.

И вот в это самое время, когда в жизни Ларика потихоньку

всё как-то устаканивалось, однажды поздним октябрьским вечером к ним пришел в гости легендарный Воротов. Этому мужику с такой фамилией и клички не надо было. Его все звали просто Ворот, или Леон. Имя у него было такое. Леон. Леонард, если совсем точно. Молодежь его цитировала, мужики завидовали. Легендарным Ворот был потому, что что он умел, якобы, ругаться небоскрежным отборным матом и, якобы, умел фантастически улаживать женщин. Об этом глухо ходили легенды, во «вдовьем тупике» (так назывался «аппендицит» села, расположенный на отлете от основного поселения через мост, и жили там как на подбор, почти исключительно одиночки: вдовы, старые девы, соломенные вдовы – и прочие другие статистически одинокие женщины) и ни у одной Ворот не оставил животворного следа, доказательств никаких не было. Он жил в селе совсем недавно, пару-тройку лет, и довольно замкнуто, у него было всего два приятеля: Огороков и Ребрышкин. Вместе их звали «суповым набором», на что эти, взрослые уже, мужики не обижались и держались друг за друга крепко и в питии, и вообще по жизни. И жили в доме рядом с Воротом. Дома их были самыми дальними по улице, стояли на отдалении, выделяясь красивым внешним видом, белёными заборами палисадников и резными старинными наличниками. Далеко за полночь в окнах дома Леона горел свет. По деревне шептались, что Ворот «сидит, пишет там что-то», но точно никто ничего не знал о нём.

Ворот пришел к Ларику исключительно потому, что кроме всех прочих достоинств, Ворот обладал ещё одним достоинством, высоко поднимающим в глазах женщин его планку в котировке мужиков. С некоторых пор он стал заведующим сельским клубом села Берлуши, совхоза «Пыталовский» – местной интеллигенцией от культуры. Правда, заведовал он им совсем недавно, с полгода. Вообще было непонятно, за каким чертом этот красивый, и явно не простачок, мужик приехал в эту глухомань. Ходили слухи, что он и раньше вроде здесь жывал, мать вроде похоронил недавно, сестру, но точно опять же никто ничего из молодых не знал, а старики и не помнили.

Ворот заведовал клубом, в котором были: фойе с отгороженной раздевалкой (с набитыми на стену вешалками с крючками, и просто с гвоздями «сотка» – для одежды); зал на двести посадочных мест. Если ряды сидений стояли посередине, то это был зал для просмотра фильмов или концертов сельской самодеятельности на сцене (метровом возвышении над уровнем пола). Если сиденья растаскивали и ставили вдоль стен, то это был зал для танцев; кроме того здесь были: помещение для переодевания актёров и участников, артистическая уборная, так сказать; три больших комнаты для кружковой работы на втором этаже; небольшая сельская библиотека с до дыр зачитанными, рассыпающимися книгами; и кабинет для себя любимого.

Администрация совхоза и помещение клуба соединялись

между собой коридором, и важные приезжающие гости заходили в клуб для общения с общественностью не с улицы, а уже респектабельно раздетыми. Короче говоря, заведующий клубом – это была Должность в совхозе «Пыталовский».

Не просто так Ворот пришел на чаёк. В областном комитете культуры началась очередная кампания по продвижению культуры в массы. На одном ответственном заседании было решено везде, где есть клубы, срочным образом организовать хоры и оркестры, или, по крайней мере, аккомпаниатора для хора выписать, найти руководителей-дирижеров для музыкальных оркестров и хоров. Для этого нашли деньги из скудного областного бюджета огромной промышленной области-донора, чтобы в каждом клубе, стоящем на балансе, в кратчайшие сроки были созданы музыкально-хоровые коллективы.

Вот так: всё найти и создать в кратчайшие сроки и ни днём позже, чтобы к празднованию столетнего юбилея великого вождя, (это событие было самой ответственной датой страны в наступающем году) уже можно было провести смотр-конкурс и выбрать победителя. И наградить, как и положено: вымпелом, упоминанием в районной газете, и премией всем причастным руководителям и начальству. Участникам – новые концертные костюмы, по коробке дефицитных шоколадных конфет и палке копченой колбасы к праздничному столу.

Ларика Воротов Леон Сергеевич видел не раз на танцах,

но знаком близко не был, хотя слышал о его талантах, что хорошо поёт, мол, парень и вообще на любом инструменте играть может.

В подпитии, отдавшись тоске и безысходности, Ларик и вправду иногда взрыдывал, аккомпанируя себе на гармошке, или на гитаре, что в деревне было тогда ещё редкостью. Но у Ленки Подкорытовой была гитара с голубым атласным бантом на грифе. Отчасти именно гитара часто привлекла Ларика в её дом.

Воротов Леонард Сергеевич недаром покорял женские сердца. На взгляд сельских красавиц он был просто шикарен, «как артист». Зимой ратиновое серое пальто, на голове «гоголь» из темной коричневой цигейки с отворотами, такие тогда члены Политбюро носили, только из каракуля. На ногах чешские ботинки на меху, что вообще спокойному описанию не поддавалось, и замшевые перчатки на руках. А на шее был намотан серый пушистый шарф крупной вязки, только входившей в моду, и поэтому сомнений в его принадлежности к «определенным слоям» совсем ни у кого не оставалось. Как умудрялся Ворот быть таким пижоном здесь, в этом медвежьем углу, было никому неизвестно. Но он умудрялся.

– Здравствуйте, в гости пустите? – Ворот стоял на пороге во всём своём великолепии.

В те времена заранее не предупреждали, что в гости придут. Просто брали и приходили, в дверь стучали, конечно.

– Заходи, милоч. Что ж не пустить, коли ты с добром пожаловал? – бабушка Пелагея, обмахнув для приличия фартуком стул, поставила его ближе к гостю.

– Да мне бы с Илларионом вашим поговорить о деле, – Леон стащил шапку с головы и тщательно вытер ноги о половик у порога.

– Сейчас позову. У себя он в кабинете сидит, – Пелагея открыла дверь, – к тебе Ларивоша пришли. Из клуба, кажись. Надо чего-то.

– Привет, – выйдя в светлую кухню, Ларик прищурился от света и протянул гостю руку.

– Привет, Ларион. Дело у меня к тебе есть на сто рублей.

– На сто? Ну, пойдём ко мне, поговорим, – Ларик распахнул перед гостем дверь в «кабинет», освещенный только тусклой лампадкой.

– У тебя тут, как в келье, – пошутил Ворот, дожидаясь, пока Ларик включит свет.

– Да. От деда всё осталось, как в музее. Что за дело?

– Так видишь, какое дело, приказано сверху в нашем клубе организовать хор. И оркестр по возможности. Отстаём, говорят, мы по культуре. Надо народ приобщать к искусству. А ты, я слышал, по этой части специалист, рассказывали мне твои ухажерки. На гитаре играешь, на гармошке. И поёшь, вроде.

– Допустим. И что ты мне предлагаешь? Петь? Или играть?

– Да нет. Ты, ведь, что-то там кончал?

– Закончил. Училище. Дальше что?

– Как что? Ты – самое то, что нам нужно.

– Кому это «нам»?

– Кому, кому? Народу. Нашему клубу. Сидишь тут, понимаешь, втихаря, а я с ног сбился, ищу художественного руководителя для хора и оркестра.

– Какого ещё оркестра?

– Который приказано создать и быстро. Деньги выделили. Ставка сто тридцать четыре рубля с копейками. Ты же на пилораме «подай-принеси» работаешь за девяносто рябчиков?

– И что? Мне хватает.

– Слушай, ну что ты такой? Молодой! Красавец! Ты же так можешь поднять это дело – небу жарко станет. Тут у нас много поющих мужиков есть. Да и женщин тоже. Вон, как напьются, так до утра с «пьяной горки» на всю деревню орут. Заслушаешься. Начнем места первые брать. По области помотаемся туда-сюда, себя покажем, на людей посмотрим. А что?

– Ага, так у тебя всё просто – прям загляденье! – Ларик усмехнулся, глядя, как распаляется воображение у Воротова.

– Да, ладно. Ясно, что не просто. Приказано все силы на это бросить, проверять каждую неделю обещали. Это дело государственной, оказывается, важности.

– Не получится у тебя со мной ничего.

– Это ещё почему?

– Потому. Окончание на «у». Не дадут мне руководить никаким хором. Я почти что сын почти что врага народа. Фамилию меняю на отцову.

– И что?

– И ничего. Это будет фамилия моего деда – бывшего священника бывшего берлушовского храма. Меняю из идейных соображений. Понятно? Слышал, как сейчас антирелигиозную пропаганду раскручивают? Так что мы – идейные противники с тобой получаемся. И ты сейчас наверху, а я в навозе. Примерно так.

– Да, ладно. Чего это ты? Причём твой дед-то? Ты комсомольцем же был? – Воротов неожиданно стал серьёзным, отбросив свою наигранную простоватость и панибратство.

– Был, да сплыл. Знали бы, кто у меня дед, – фиг бы мне, а не комсомол. Я ещё и на литургиях прислуживал. Я тогда маленьким совсем был. Меня из-за этого не так давно даже в райком вызывали. Беседовали.

– И что?

– Да ничто. Не собираюсь я ни от отца, ни от деда отказываться.

– Так... Ну, ни фига себе история, – Воротов растерянно замолчал. Уткнулся глазами в свои руки и о чём-то думал.

– Всё? Вопрос снят, как я полагаю? – Ларик насмешливо мерил гостя взглядом.

– Не снят. А если я добьюсь, чтобы именно тебя назначили

на это место – согласишься? У тебя, ведь, есть опыт работы по профилю?

– Есть. На флоте предлагали остаться, мы там все первые места брали на смотрах всегда. А я сюда захотел вернуться. Во, дурак! Сейчас слушал бы крики чаек и дышал морским воздухом и ни о чём бы не думал. Ларик, сощутив глаза, смотрел куда-то вдаль.

– Расскажи, чем ты там занимался.

– Да зачем это тебе?

– Ну, расскажи, я никогда не был на море.

– Почему?

– Да так жизнь сложилась.

– Хреново сложилась, – мрачно оценил Ларик, и Ворот не возразил. – Море – это мечта. Там сам воздух другой. Не дышишь, а ешь этот воздух – влажный, солоноватый и густой от ароматов. Голова кружится. Но я первое время на море и не смотрел. Потом уже разглядел, когда втянулся в матросскую жизнь... – Ларик увлекшись, стал рассказывать про море, про свой ансамбль, про новые инструменты и радость ребят, когда впервые они заняли первое место в смотре хоров.

– ...нам такой ужин тогда закатали – закачаешься! С тортами, даже с икрой бутербродов навалом дали. Крабов первый раз там попробовал варёных. Да, как наши раки, собственно, только здоро-о-о-вые! По два увольнения вне очереди дали... – Ларик замолчал, именно тогда он встретил в первый раз ту...

– Ну, здесь не корабль, дисциплина не военная, и инструментов приличных нет, так, по сусеку поскребём, наберем что-нибудь. Но народ-то точно певучий у нас? И на свадьбах поют, и на поминках. Это не везде, ведь, так. Я думаю, многие пойдут в хор. А чего по домам сидеть, телевизор только полканала ловит и то – не каждый день, а тут живое дело. Уверен, что пойдут. Ну, если ты, конечно, согласишься. На тебя даже безголосые девушки пойдут. Придётся конкурс устраивать, отсеивать. Ты же у нас секс- символ, понимаешь.

– Ну, это ещё бабка надвое сказала, кто тут у нас секс- символ, – Ларик знающе усмехнулся, глядя на Ворота.

– Да нет. Всему своё время. Я – пас. Я уже только по необходимости крайней на подвиги способен. Лень уже. Я тебе пальму первенства отдал давно. По тебе сохнут девчата. Я уже для них старый, – Ворота легко улыбнулся, – и набегался я.

– Да ладно. На тебе пахать – не перепахать.

– Илларион, в общем и целом мы договорились? Да? – перевел разговор на другое Леон.

– Ни о чём мы не договорились.

– Слушай, но ты же сам понимаешь, что каждый должен заниматься своим делом. Так?

– Ну, так.

– А ты бревна ворочаешь. А должен людям – и можешь, главное, – радость нести, ощущение полноты жизни. Праздника. Самоуважение к себе поднимется, родители и детей

потянут. Кто знает, может тут у нас в какой-нибудь семье Шаляпин живёт? Согласен?

– Согласен. Только пустое это всё. Лучше времени не теряй, другого ищи.

– А это не твоя печаль теперь. Теперь я попробую.

– Пробуй. Но сразу говорю, что ничего у тебя не получится.

– Ладно, это моё дело. Ты обещал, и если что – ты согласен?

– Ну-ну. Пробуй. А пока я уж буду брёвна ворочать, тоже дело нужное.

Выходя из дома, Леон нос к носу столкнулся у ворот дома с Настей, она задержалась в школе.

– Добрый вечер, Настя. А Вы здесь живёте?

– Здравствуйте. Да, я здесь комнату снимаю.

– А я тут к Ларику приходил. По делам, – Леон уже перестал вздрагивать каждый раз, когда видел её, старшую пионервожатую школы, взрослую, но девочку. Она и её пионеры готовили концерты к празднику, репетировали в клубе до самого вечера, пока их не начинала выгонять тётя Паша, которой они мешали наводить порядок.

– До свидания, Настя.

– До свидания, Леон Сергеевич.

– Вот я и Леон Сергеевич уже, – мысль была болезненная и очень печальная. – Сколько ей лет интересно? Но так не бывает же? Даже родинка едва заметная на щеке точно такая

же, – в перевоплощение душ коммунист Воротов не верил. Да и разница в возрасте для перевоплощения не подходила.

– Если ей сейчас лет, ... черт знает, сколько ей лет? На вид – пятнадцать – шестнадцать, то в двадцать лет разница получается. Не проходит. Такая вся ромашковая. Действительно, как прекрасный подарок. Сюрприз. Но такой... больной... И зачем же ты мне явилась, солнышко? – Леон закутался, как следует, в свой пушистый шарф, откинул в сторону мысли тревожащие и странные, и направился к своему дому, стоящему в самом конце «Интеллигентской» улицы.

Честно говоря, Воротов понятия не имел, как он будет действовать. Единственное, что он твёрдо знал, что больше он здесь никого не найдёт на это место. Да и в глазах этого бывшего поповского внука он не увидел ясно выраженного отказа. В принципе парень был согласен.

– Но как его угораздило ввязаться в эту историю с поповской фамилией? Какая разница, в конце концов, какая у тебя фамилия? – сомнения сомнениями, но, как говорится, была бы цель поставлена.

И Воротов Леонард Сергеевич, заведующий клубом совхоза «Пыталовский», начал действовать.

В райцентре Сосновского района, в отделе по делам культуры райисполкома, откуда он и начал решение этого вопроса, сначала все, к кому он обращался, приветливо и внимательно его выслушивали. Его здесь хорошо знали и помнили, забыть его франтоватость, хотя бы раз увидев его, бы-

ло невозможно, но как только речь заходила об Илларионе и всех заморочках, которые тому сопутствовали, дело принимало совсем другой оборот. Лица теряли заинтересованность, становились безразлично-тусклыми, и Леона направляли для решения вопроса в более высокую инстанцию. Так было положено.

Конечно, можно было позвонить, попросить – и всё устроилось бы в один момент. Но... На этот раз Леон решил действовать сам. Сам.

Через две недели, записываясь на приёмы в приёмные дни, получая и сдавая пропуска, он, наконец, добрался до самого главного начальника отдела культуры в облисполкоме.

Ольга Павловна Сеницына была прекрасным работником. Когда-то давно она начала работать младшим секретарём-машинисткой у заведующего отделом культуры одного из сельских районов. Аккуратная и исполнительная девушка, студентка заочница, член ВЛКСМ, очень быстро вошла в дружный коллектив. Здесь было главным умение слушать, запоминать и неукоснительно выполнять, что скажут, как и в любой исполнительской работе. Но Оленька Сеницына была одаренной девушкой. Она не только отлично справлялась со своими делами, но и стала буквально правой рукой своего начальника, была в курсе всех предстоящих дел и часто упреждала приказы своего начальника, заранее готовя материалы, не ленилась просматривать записи в журнале приёмов, и календарь предстоящих совещаний. Она наизусть помни-

ла, о чём, кто и когда говорил в приёмной. Какой чай любит тот или иной гость и важный посетитель. Она сама не знала, зачем ей это всё. Чтобы просто соответствовать месту, достаточно было выдерживать дресскод, как сейчас говорят и исполнять. Очень скоро, даже чересчур может быть, скоро, Оленьку Синицыну, как ценнейшего работника, забрали в область. Заметили!

Оленька не просто выдерживала предписанный и здесь обязательный облисполкомовский дресскод. Она очень быстро стала иконой стиля облисполкома. Но тогда это звучало иначе: обращать внимание, удивлять и восхищать. Она обращала, удивляла и восхищала. Её безукоризненно прямые темные стрелки на чулках просто отворачивали головы мужчинам, когда Оленька, строгая и милая, внимательная и образцово отглаженная проходила мимо них, оставляя за собой шлейф духов, ненавязчивый, очень лёгкий и свежий. Она не была красавицей. Но она так себя подавала, что все красавицы меркли перед этой выдержанной и великолепной стильностью младшего секретаря-машинистки одного из самых заурядных отделов. Сначала она стремительно потеснила старшего секретаря-машинистку, а потом и старшего секретаря в приёмной, став там главной и заметной всем фигурой – незаменимой помощницей своего начальника.

К окончанию института культуры Ольга Павловна была уже главным секретарём у самого большого начальника большого отдела культуры облисполкома. Карьера у неё

складывалась удачно. За её спиной шептались, что она по головам идёт, но её это ни мало не смущало. Главное, что культура развивалась и показатели росли. И премии росли. Потом её назначили начальником самого захудалого отдела. По сути – уметь руководить – это уметь спрашивать. Ольга Павловна умела спрашивать и вывела свой коллектив в передовые. Потом вывела другой отстающий коллектив. Потом – третий. Шеф недвусмысленно ей заявил, что её мечты о чём-то большем не исполнятся без этой черновой работы. Все нужные должности Ольга Павловна, как начальник, под руководством своего главного «шефа» очень быстро «прошла», один за другим.

Работать Ольга Павловна умела. Уметь работать в Облисполкоме – это тоже уметь спрашивать, только жестче и строже, чем в других местах. Она это не только умела – она обожала это – спрашивать! Ведь именно это давало ей чувство уверенности и превосходства, чувство собственной значимости и власти. Умному человеку достаточно один раз вкушать все возможности, и прелести власти. Люди все одинаковы и охотно подчиняются только сильной власти.

К своим сорока трём годам Ольга Павловна занимала должность начальника отдела культуры облисполкома и прекрасно сохранилась. Она оставалась всё той же иконой стиля. Работа в этих стенах научила её всему. Она, как волчица чувала, где и что затевается, и чем это может для неё обернуться и вовремя принимала контрмеры. Благодаря этому её

называли «непотопляемой сукой». Но ей это даже нравилось – больше бояться будут.

Но однажды её непотопляемость была развенчана. И кем?! Женой «главного». Этой мерзкой бабой с толстыми ногами. Разводиться в те времена большим начальникам было просто нельзя. Нет, в принципе можно было, но тогда – партбилет на стол. И после этого иди в чистое поле. Жены управу на своих блудливых мужей знали. Вот когда-где, а в этом случае партийные комитеты бывали с удовольствием допущены под семейное одеяло.

«Главному» в тесном коллективе партбюро было поставлено «на вид», без выговора, кулуарно. Ольге Павловне дали понять, что она достигла вершины карьеры в данном случае. Даже предложили ей должность повыше, но в каком-то мухосранске. Она отказалась. И от каких бы то ни было претензий тоже сразу отказалась. Она осталась в своих пенатах и в отдельно взятом отделе, вышколенным ею до каждой волосинки на голове, и царствовала здесь безраздельно. «Главный» прислал ей записку через доверенное лицо и попросил не выяснять с ним лично отношений, а довольствоваться тем, что он сумел для неё сделать. Особенно её взбесила приписка: «Согласись, что это было чертовски не просто». Какой ей дело, как это ему «было»?!

А таскаться за ним по всем командировкам, где надо и не надо, просто было?! А терпеть его живот, грозящий порвать все пуговицы на сорочке – просто было?!

Потом «главного» перевели в обком партии. Это было очень значительным повышением. Но об Обкоме партии Ольге Павловне и мечтать не приходилось.

Но это всё было в прошлом. В прошлом была молодость и поклонники. Но все они тогда были никем и звали их никак. И они ей были не интересны и не нужны. А кто был интересен – давно был прибран к женским, более ловким или удачливым, рукам.

А этот, довольно молодой, наивно смущающийся мужчина без обручального кольца был ей смешон. Пушистый шарф, который он забыл, или не хотел, снять, начищенные до блеска чешские ботинки на меху, рыжий, дорогой большой кожаный портфель, годный для командировок провинциалу – были забавны. Но что-то в нём было. Она чувствовала в нём... того, кто был ей просто необходим сейчас. От неё не укрылся его оценивающий мужской взгляд, а под конец разговора, после нескольких чашек растворимого кофе, он вообще расслабился и оказался очень неглупым мужчиной. И то, что он был из богом забытой деревни, было ей только на руку.

– Хорошо, я запрошу документы на этого вашего протеже. Жду Вас в понедельник. Не забудьте заказать пропуск сегодня. Вы когда сможете подойти? – Ольга Павловна ободряюще улыбнулась Леону.

– Да я ... я, как Вы. Я хоть когда – пожалуйста.

– Хорошо. Сейчас я посмотрю, чтобы нам не помешали

другие... вопросы... На пять вечера вас устроит?

– На пять? – Леон прикидывал, как ему добираться до дома после семи? Не факт, что автобус будет. А на машине он не хотел тут появляться, это ломало бы легенду.

– Вас не устраивает что-то?

– Да нет, всё устраивает. Только вот гостиницу как-то надо суметь заранее заказать, не успею на автобус.

– Гостиницу? Ну, это проще простого. Сейчас, – Ольга Павловна вызвала секретаря и через десять минут вопрос с номером в гостинице «Южный Урал» был решен. Гостица-то в двух шагах отсюда.

Леон возвращался домой умиротворенным. К Ларику он не пошел: «Чего зря парня будоражить? Похоже, для решения этого вопроса придётся постараться. Ну, что ж? Постараемся. Взялся за гуж – не говори, что калоши скользкие», – он чувствовал сейчас себя, как осётр, на которого положил глаз покупатель в рыбном магазине на улице Кирова в аквариуме для «живой рыбы». Да уж. Он не мог ошибиться. Она смотрела на него. Она не просто смотрела, она взяла в руки удочку. Если отбросить все эти её штучки-дрючки, то очень даже внимательно она на него смотрела. Все эти тёмные зрачки он за километр видел: «Женщина – она и есть женщина, хоть и начальник «немного очень большой». Но не известно, как ещё она дело повернет. Такие черти выскакивают, когда баба власть свою хочет показать. М-да. Тут ещё три раза подумать надо».

Леон начал собираться в город с самого утра понедельника. Тщательно помылся в бане накануне. Но подмышки всё равно воняли потом, дезодорант, привезенный «оттуда» давно закончился. Леон вспомнил, что слышал где-то, что можно помазать просто содой и пахнуть не будет. Достал пачку насыпал в ложку и попудрил, ваткой, как смог. И ещё раз попудрил, чтобы уж точно не смущаться. Понюхал – вроде не пахнет. Галстук был не новый, пришлось перевязать, сделав конец короче, а узел шире, теперь несвежее пятно узла куда-то уползло и галстук неожиданно стал модно выглядеть с широким узлом.

– Заказать надо, давно галстук не менял. Она-то вся с иглолочки, хоть на подиум такую. Ладно, сойдёт, – посмотрев на галстук в зеркале решил Леон. Сорочку пришлось подглаживать, от долгого висения в шкафу она была как бы пожеванная. – Надо не забыть нейлоновую заказать, постирал – и никаких тебе проблем, только их стирать надо каждый день, все запахи собирают, говорят.

Потом он аккуратно подстриг ногти и долго выбирал носки. Он уже давно экономил на носках, покупая несколько пар одинаковых, выбрасывая прохудившиеся и соединив оставшиеся, ещё несколько пар донашивал. Он с тоской вспомнил свои любимые заштопанные носки, которые совсем и давно обветшали, и тотчас отогнал убийственные и невозможные сейчас мысли. Леон был очень экономным и непритязательным на самом деле, и не от того, что денег не хватало, а отто-

го, что привык считать, сколько и чего у человечества уходит на каждую небрежно выброшенную недоношенную вещь. Он и воду экономил, пускал её тоненькой струйкой, когда мыл посуду. Когда-то он не сразу всё это принял безоговорочно, смеясь над её «крохоборством». А теперь иначе не мог, хотя даже голос её куда-то постепенно уходил, растворялся во времени.

– Вот только Настя же... – вдруг вспомнил он и тут же отбросил, как обжегшись, всплывающую мысль.

Сейчас все вещи ему покупала мать и уже, наверное, и отец сможет, оставшиеся «там» они высылала сыну вещи по его запросу с оказией сразу же. «Там» снабжение было не хуже, чем в Москве и сейчас.

Когда Леон кончил отпаривать острые стрелки на брюках, как когда-то учил его отец, и невольно улыбнулся, вспомнив «те» стрелки на своих парусиновых, он понял, что очень сильно перестарался. В подмышках стало нестерпимо жечь. Пришлось раздеваться и бежать в баню смывать соду, разевшую кожу до красноты, и мазать всё подсолнечным маслом, так как ничего другого под рукой не оказалось. Он больше часа сидел на кровати, как петух на насесте, раскрывший крылья. Боль, мало по малу, ушла, но настроение было испорчено, и исчез азарт игры. Воспоминания о матери и отце, и о том доме перекинулись на воспоминание о пацанах. О пацанах он ещё мог думать, как о безопасном для памяти куске той мучительной истории, залезать в которую он не

мог, духу не хватало.

– И что, и вот за эту высокомерную бабу тоже они умирали? – с этим он был не согласен, и эта мысль придала ему уверенности в том, что всё он правильно делает. Сам и один. Снова вспомнил, как Стаси умоляюще смотрела на него, рассказывая об очередной своей сказочке... – Есть смысл постараться и сделать доброе дело, хотя бы ещё для кого-то, а лучше для многих, как она мечтала. Надо этого дурачка Ларика на место пристроить, и все будут довольны. – И ты, Стаська тоже. Но зачем ты мне ЭТО подсунула, лапочка моя?...

С некоторых пор он вообще играл в жизнь «воднером», как малышня говорила раньше. Не вдвоём с отцом, не втроём – с матерью, отцом и бабушкой или с друзьями отца, которым всё было практически доступно по щелчку пальца.. Это было отставлено в сторону. Он решил сыграть «воднером».

Он сам себе стал смешон с его сборами и, уже не торопясь и не особо стараясь, надел свой отличный, но единственный костюм, запахнулся шарфом совсем, как актер Стриженов на открытке, Воротов был даже чем-то неуловимо похож на него, тоже тёмно-русоволос, – и отправился к остановке. Один рейс был утренний, дневной. А позднего, вечернего могло и не быть, всякое бывало с автобусами на этой полугрунтовой дороге в зимние заносы.

В городе Леон побродил по магазинам, расположенным недалеко от Площади Революции. В «Ритме» он купил несколько пластинок цыганских певцов, несколько пласти-

нок с танцевальными ритмами, пусть ребята на танцах порадуются этим «котам». В моде были песни про котов, говорили, что их существует целых четыре, но на купленной пластинке было только «два кота». В «Детском мире» неожиданно наткнулся на очередь за туалетной бумагой. В другой день и постоял бы, наверное, он привык «там» пользоваться этим благом цивилизации, а здесь – это была роскошь. Но не идти же с портфелем набитым туалетной бумагой туда, к ней на приём. В главном гастрономе города выкинули вяленые бананы и дыню, купил несколько брикетиков. Купил полкило «Белочки с орехами».

Его ждали. Секретарь без вопросов открыла двери кабинета и пригласила войти. Ольга Павловна изучала какие-то бумаги, перекладывая листы в папке.

– Садитесь, я сейчас заканчиваю. Лена принесите нам кофе. Или чай? – спохватилась она.

– Да мне всё равно, что вам, то и мне.

Секретарь принесла им кофе и посмотрела на часы. Перехватив её взгляд, Ольга Павловна сказала устало: «Вы свободны, Лена. До свидания», – сказано это было сухо и окончательно. С точкой.

– Э, да она не в духе, – Леон тоскливо прихлебнул кофе.

– Может сахару?

– Нет. Хотите я вас угощу вялеными бананами? Я люблю их свежими, конечно, но здесь их не продают совсем.

– Вялеными? Хочу. Угостите. А где Вы ели свежие бананы

так, что успели их полюбить даже.

– Я раньше в другом городе жил. Там другое снабжение.

– Вы «сороковку» имеете в виду? – она так и сказала «сороковку», по-свойски.

– Да, – он не собирался распространяться, а она не собиралась расспрашивать, это было не принято. – Так что Вы мне насчёт Арсеничева-то скажете?

– Это который раньше под фамилией Удалов скрывался?

– Почему скрывался? Это же фамилия его отца была по паспорту?

– Ну, Вы же понимаете, что на любой вопрос можно с разных сторон посмотреть? – Ольга Павловна выжидающе смотрела на этого, немного чем-то странного, человека со странным именем Леонард.

– Понимаю. Но Вы же можете посмотреть с той стороны, которая позволит его назначить художником нашего будущего хора с надеждой, что мы будем брать все первые места в районе?

– Могу и так посмотреть, – Ольге Павловне понравилась его нагловатая уверенность.

– Значит, вопрос решен?

– Вы куда-то торопитесь?

– Пожалуй, тороплюсь. Закончить это дело не стоящее ломаного гроша. Есть более приятные занятия, и поговорить о деле можно в менее официальном месте.

– Однако! – Ольга Павловна изумленно приподняла кра-

сиво и тщательно выщипанные брови.

– А можно я вас в ресторан приглашу? Только я столик, конечно, не заказал. Не обладаю, так сказать, достаточными полномочиями, – Леон, пряча иронию, посмотрел на неё.

– Нет проблем с полномочиями.

– Есть другие проблемы?

– Вы догадливы.

– Понятно. Вы слишком известны, чтобы появляться в ресторане с неизвестными людьми.

– К сожалению, Вас многие из наших работников знают. Этого достаточно.

– Может быть, в кино? В «Пушкино» есть ещё два сеанса.

– Пожалуй... нет. Я не уверена, что достанем билеты, да и мелькать там тоже не хочется и фильмы эти все я смотрела в нашем кинотеатре.

– А-а. Тогда я – пас. Предлагайте Вы, если хотите, конечно.

– А пойдёмте, побродим по городу. Уже темно. Работает только Центральный гастроном, но нам туда не надо, я полагаю.

– Не надо, уже побывал. Бананы там купил.

– Прекрасный выбор. Пойдёмте, посмотрим, как площадь украсили лампочками к празднику. Уже останутся висеть до Нового Года. Вы любите Новый Год?

– А кто ж его не любит в детстве? – Леон весело улыбнулся. Что-то, похоже, складывалось, как он и планировал.

– А сейчас? Не любите?

– Сейчас? Вы шутите? Да это самый сумасшедший праздник из всех. Я после него две недели отхожу. Представляю, что в больших клубах творится.

– Вам нужна помощь?

– Помощь? Да, ... как Вам сказать?

– А вы прямо говорите, как есть, – Ольга Павловна между тем собрала свою сумочку, положила все бумаги на столе в аккуратные стопки, как привыкла это делать с самой ранней молодости, работая над серьёзными вопросами, чтобы ничего не перепутать. Секретарская привычка была в ней уже второй натурой.

– Хорошо, пойдёмте, на улице и поговорим.

– Можно, я оденусь? – шутливо и жалобно спросила она его

– Я вам помогу даже сделать это, – Леон уверенно прищипывал.

подавая ей пальто, он почувствовал, как она на самое короткое мгновение прислонилась к нему, и он бережно запахнул на ней дорогую котиковую шубку с большим воротником из чернобурки, тоже на мгновение обняв её. На голову она надела такую же чернобурковую шапку – мечту всех молодых женщин даже в их Городе.

– Вы идите в гардероб. Я Вас на Цвиллинга подожду, – не глядя на него сказала Ольга Павловна, закрывая дверь большим красивым латунным ключом.

– Хорошо. Я недолго.

– Не торопитесь.

Он заметил её стройную фигуру сразу, сквозь летящий крупными хлопьями снег. Она ждала на углу, рядом с гостиницей.

– Какая замечательная погода. Как по заказу. Вы не находите?

– Нахожу. Я её и заказывал, – улыбнулся он весело. – Пойдем, куда? Туда? Сюда?

– Пойдёмте туда, она махнула рукой в сторону Политеха.

– Давайте туда. Берите меня под руку. Скользко. А у меня на полиуретане, не скользят совсем.

– Почему Вы не остались в городе?

– В каком городе? Здесь, в Челябинске?

– Да.

– Так сложилось. Хотел ближе к заповеднику. Вот и нашел. Там у меня родственники жили. Так что, собственно, я ничего и не выбирал. Так получилось.

– А как Вы оказались на такой должности?

– Случайно. Когда-то занимался музыкой. В юности.

– Ну, то есть, Вы вынуждены были уехать из-за здоровья. Я правильно понимаю?

– Предположим. Вы же наверняка моё личное досье перешерстили., – Леон ухмыльнулся про себя. – Я – как все. Хотите мороженого? С ума сойти, киоск работает так поздно, семь часов уже.

– А это дали распоряжение перед праздником, чтобы мороженое было на площади до одиннадцати часов. Указ вступил в силу. Не успевают подвозить. Давайте поедим. Сто лет мороженого на улице не ела.

Они шли, слизывая эскимо, и ощущали себя скрытыми от всех снежной пеленой и болтали, как нанайцы, о том, что сейчас видели перед глазами. Леон искоса взглядывал на свою спутницу, скрывавшуюся от него под пушистой шапкой. Но и не видя её, он её чувствовал. Она немного нервно смеялась, как и все женщины на первой встрече. Она была очень напряжена, он чувствовал это по её руке почти не опирающейся на его руку – значит давно уже не была с мужчиной. И она боялась прямо смотреть ему в лицо. Она явно робела.

– Глупая ты глупая, хоть и начальница. И совсем не умеешь себя вести с мужиками. Ладно, справимся как-нибудь. А номер в гостинице так и пропадёт, и кто-то пойдёт на вокзал, чтобы перекантоваться там ночь, – с сожалением подумал о ком-то Воротов. А потом с сожалением подумал и о себе. Дома так хорошо свистит в трубе ветер и под это завыванье приятно засыпать в мягкой пуховой, собранной для него бабушкой, перине, «перышко к перышку подбирали – сто лет не износится» – хвасталась когда-то бабушка.

– Вы меня не слушаете? Леонард?

– Да, задумался немного, извините.

– Вот и мой дом, – Ольга Павловна показала на противо-

положную сторону, где темнели темные с высокими окнами серые глыбы домов сталинской застройки.

– Удобно, в самом центре, всё под боком. Мавзолейчик настроение не портит? – он улыбнулся, кивнув на стоящий за чугунной решеткой сквера мрачный памятник из серого гранита.

– Да нисколько он на мавзолей не похож. Почему все называют его мавзолейчиком? Люди последние копейки несли, чтобы его поставить.

– Да я пошутил, что Вы так всё серьёзно воспринимаете? Но мне он тоже что-то такое напоминает. Странная скульптура, – и, чтобы перевести неловко начатый разговор, спросил: « Вы одна живёте, Ольга Павловна?»

– Разумеется, – она удивленно посмотрела на него.

– Нет, я вижу, что кольца нет. Может быть с родителями, я имел в виду?

– Родители в другом городе. Я живу одна со студенческих лет. Чаю хотите?

– Конечно, хочу. У меня целый портфель вяленых бананов пропадает и ещё конфеты есть, – и Леон рассмеялся теплым располагающим смехом.

Подъезд встретил их замком на входной двери, консьерж, лифт – все статусные прибабасы, как в любом, очень сильно уважающем себя, государстве. Леон молчал, пока они не вошли в квартиру. С порога было заметно, что тут не знают проблем с деньгами и связями. Всё было дорогим, основа-

тельным и стильным, начиная с крючков встроенного гардероба в прихожей и кончая люстрами на потолках.

Уже привычно Ольга Павловна распахнула шубку, как бы сбрасывая её на руки ему, он, конечно, принял этот жест тоже, как привычный, и аккуратно повесил шубку на плечики. Даже плечики тут были не обычными, деревянными или металлическими. Они были произведением искусства, медные, с чернением и с удобными для руки завитушками.

– Заходите, Леонард Сергеевич, – сказала хозяйка квартиры, подтверждая, что личное дело его она прочитала не на раз, прежде, чем допустила его к себе в кабинет. – Вот здесь вы можете руки помыть, – она открыла дверь в ванную комнату, где всё тоже свидетельствовало о хорошем корпоративном вкусе и эстетических предпочтениях хозяйки, и с некоторым удивлением заметила про себя, что всё это не производит на её гостя ни малейшего впечатления.

– Да, вот это хорошо, я же целый день по транспорту и прочим местам таскался, – он непривычно долго и тщательно мыл руки, причём, как она заметила, только холодной водой, руки у него покраснели.

– Садитесь Леонард, можно без отчества? – на стол из большого холодильника извлекались разные баночки, упакованные тарелочки с нарезкой, бутылка вина. Руки Ольги Павловны расставляли всё в строгом геометрическом порядке.

– Да тут отчаянным перфекционизмом одиночества пах-

нет, – отметил про себя Леон.

Она подала ему консервный нож и показала на банки: «Поработайте, пожалуйста».

– Давайте. Я тоже частенько на консервах живу, – Леон открывал банки одну за другой, строго ставя их на место.

И содержимое банок тоже не вызвало у него никаких эмоций по наблюдению Ольги Павловны. Ни крабы, ни икра, ни маслины.

– А вы вино пьёте?

– Да, пью. Только красное сухое.

– У меня именно такое. Наливайте.

Вино тёмной карминовой струёй наполнило бокалы абсолютно неестественной прозрачности. Ольга Павловна села напротив Леона, поставив перед ним и собой большие красивые тарелки и мельхиоровые столовые приборы.

– За сотрудничество, – лукаво улыбнулась она, подняв бокал.

– Я рад, что правильно обратился за помощью. Я, ведь, до вас много кабинетов обошел. Вопрос-то пустяковый.

– Я же говорила Вам, что любой вопрос при желании можно, как угодно повернуть и обосновать своё решение. Этот мальчик у меня лично вызывает даже симпатию своей приверженностью и верностью семье. Но... Вы же сами понимаете, что в свете последних... ладно без тезисов... идёт определённое идеологическое противостояние. И оно длится уже не один десяток лет.

– Так может, дать людям самим решать этот идеологический ребус. Кому как нравится? – Леон с усмешкой смотрел на Ольгу Павловну, которая даже растерялась от такого вопроса.

– Вы не понимаете глубины вопроса, Леонард. Понимаете, разреши это, потянется что-нибудь следующее. Разреши то – дальше возникнет ещё нечто. Нет. Мы должны крепко держать свои идеологические рубежи. Думаете там, – она подняла палец кверху, – сидят идиоты? Нет, там всё продумывают на много раз. И сюда вниз спускается очень взвешенное выверенное решение, чтобы мы с Вами все наши силы отдавали необходимой конкретной работе. Понимаете?

– Понимаю, конечно, – сказал он, накладывая вилок себе на тарелку из разных баночек. Он был очень голоден.

– Мы с Вами даже понятия не имеем о корнях некоторых принятых решений. Понимаете?

– Ну ладно, я не силён в политике, тем более в идеологии. Но Вы утвердите Арсеничева?

– Да. Утвержу. Для такого решения есть серьёзные основания, которые могут опровергнуть практически любое обвинение. Он, прежде всего, профессионал. Он патриот своей малой Родины – он же вернулся сюда? Вернулся. Он систематически выводил там свой коллектив в число передовиков. Пусть это было в самодеятельности. Но это тоже наша идеология. Мы с Вами, именно, стоим на рубеже советской идеологии...

– Вы так прекрасно говорите, – прервал её Леон, – я бы хотел произнести тост.

–Тост? Произносите, – Ольга Павловна улыбнулась, неожиданно мягко и смущенно.

– За прекрасную женщину, которая на своём месте. И пока она будет стоять на этом месте, мы практически можем ничего не делать, так как руль находится в надежных ... прелестных ручках, – Леон перегнулся через стол и, взяв её руку, прижал к губам.

– Спасибо. Вы так галантны. А Вам говорили когда-нибудь, что вы похожи на артиста Стриженова?

– Я? На Стриженова? Нет. Никогда.

– Вы похожи, похожи, – засмеялась Ольга Павловна, – вы очень похожи. И, наверное, женщины не дают Вам прохода? А?

– Да нет, – скромно потупившись в тарелку, ответил Леон. Если я и похож – это незначительная компенсация за мою должность сегодняшнюю.

– Вы смешной. Если бы Вы хотели, Вы давно бы сменили её, женившись на правильной жене, хотя бы. Вы были женат?

– Нет. Не случилось. Не так просто найти своё. А Вы? Вы были замужем?

– Нет, – немного помолчав, сказала она. – Слишком я была занята работой. А он... , он хотел видеть рядом с собой кухарку, няньку детям, прислугу. Не сложилось изначально, – в этот момент Ольга Павловна почти искренне верила в то,

о чём говорила.

– Давайте выпьем за вас... Оля.

– Давайте. И пожалуйста, попробуйте крабы, – она так и сказала: «крабы»...

– А можно я ещё Вас попрошу, – Леон скорчил умиленную гримасу.

– Пожалуйста. Просите. Сегодня Вы устроили такой восхитительный снег, что можете просить, что угодно.

– Ого! – подумал про себя Леон, а вслух сказал: «Тогда давайте выпьем на брудершафт? Я не слишком наглею?»

– Не слишком. Я сама хотела предложить это. Как-то неудобно молодым ещё людям так важничать и «выкать».

Леон встал из-за стола, подошел к ней, и, приподняв её со стула, перекрестил с ней руку в локте, нагнувшись, чтобы ей было удобно и, глядя ей в глаза, выпил бокал до дна. Потом поставил оба бокала на стол и, обняв её, поцеловал. Не просто чмокнул. Это же было бы смешно. Он притянул её к себе и восхитительно выполнил её желание, которое он чувствовал с самого начала и отчётливо видел сейчас в её глазах с тёмными расширенными зрачками.

–Ты?

–Ты! Ты замечательно целуешься, Лёня, – многие люди звали его Лёней, Лёнчиком, даже Леонидом, но только не те, кто хорошо его знали. Он терпеть не мог, когда его имя переименовывали.

– Я постарался.

– Можно ещё, – она сказала это так тихо, что он ничего не услышал. Но он и по губам понял, что она хотела.

Поцелуй длился почти неприлично долго, если что-то могло быть в этот момент неприличным для этой женщины, зажмурившей плотно глаза. Леон постарался ещё один раз не вдумываться в происходящее.

– Ты всегда такой смелый? – открыв глаза, она посмотрела на него, пытаясь понять, что там за этой внешней невозмутимостью.

– Нет. Только когда я вижу... вот такую, от которой кружится голова. Пойдём, присядем на диван, – ей показалось, что он улыбнулся одними уголками губ, любуясь ею, так, как искусительно любят женщины в кино самые дерзкие любовники.

– Боже мой, и чего мне так несёт голову? Вот что значит молодой мужик. Меня же током всю прошивает, – с ужасом подумала Ольга, понимая, что если эти руки её отпустят, она тут же и рухнет замертво, – нет, надо держать себя в руках. И вообще... – она так и не придумала, что означает это её «вообще» для продолжения разговора... – Я только свет выключу, ладно? А то из окон напротив нас можно увидеть, – Ольга выбралась из его рук, подошла и задернула тентовые шторы. Леон подошел за ней к окну. Нет. Ничего не было видно из окон напротив. Окна особнячка напротив кончались на уровне второго этажа самых элитных обкомовских домов. Он не однажды там бывал в этом двухэтажном домике ко-

гда-то: « А надо бы уже и проветрить там, сходить. Пора». – проскользнула лишняя сейчас мысль. – Ты хорошо пахнешь, что за духи? – и он уткнулся ей в шею.

– Пойдём ко мне в комнату? – тихо спросила она, поняв, что сопротивляться магниту, который притянул её неумолимо к этому мужчине, абсолютно бесполезно и глупо

– Конечно, я давно жду, когда я смогу обнять тебя всю, – также тихо прошептал Леон и мысленно простился на время с едой, так аппетитно наложенной на большой красивой тарелке. Вино было хорошим, и он постарался достаточно его выпить, чтобы почувствовать, как в голове у него заводится фокстрот и тело его становится чужим, мерзким, лёгким и танцующе-послушным чужим желанием.

– Разреши, я тебе помогу раздеться, – поставив её на пол около широкой кровати, попросил он. – Включи ночник.

– Мм. А я тебе рубашку расстегну.

Их вещи, снимаемые с тел, мягко опали на пол живописной грудой, туда же полетело шелковое покрывало, сдернутое им с кровати. Почти уронив её на высокий упругий и мягкий матрас, он принялся за резинки, держащие чулки на её ногах, уверенно и умело расстегивая их. Потом он снял и пояс с резинками, приподнял её заворуженно подставляющую ему то одну, то другую ногу, завел за спину руку и наощупь уверенно снял, расстегнув крючочки, красивый импортный кружевной лифчик, почувствовал чужой и гадостно подступающий снизу жар и торопливо, не глядя, приник гу-

бами к темным кружкам чуть обвисшей уже груди. Руки сами сняли с неё невесомые кружевные трусики, доходившие до середины бедра, он приподнял её, откидывая одеяло, и положил её голову на подушку.

Ольгу охватил холодящий в груди восторг. Она только читала, что мужчины вот так смело и умело раздевают своих любимых и любят их телом вот так, как он сейчас, снимая с себя остатки одежды и не отводя от неё глаз. Его трусы тоже полетели в общую кучу. Последний из её начальников, «главный», вообще ей говорил: «Давай, только без этих, без нежностей, не девочка уже, поворачивайся быстрее. Мне ещё и выспаться надо, дорогуша». Иногда она вообще одежду не снимала, чтобы быстрее уйти в свой гостиничный номер и там вырветь всю свою злость и напиться вина или коньяка перед сном в одиночестве, чтобы запить омерзение и жалость к себе. Заводить себе кого-то «на стороне» она боялась, это могло кончиться полной карьерной катастрофой.

– В следующий раз я бельё оставлю на тебе. Надеюсь – это не единственные трусики у тебя? – спросил Леон и почти зло ввергся в её рот, наполняя её истомой, поднимающейся снизу живота. Тот комок, который у неё появился ещё в прошлую пятницу и не давал ей жить уже несколько дней, наконец, размяк и стал заполнять всю её от кончиков пальцев ног, которые ощутили вдруг пальцы его ног, уверенно обнявших её, и, поднимаясь, заполнил её до самой макушки. По телу поползли восхитительные мурашки и уже ничто не

смогло бы оторвать её от этого странного мужчины, такого невозмутимого и с такими опытными руками, каких она ещё ни разу не чувствовала на своём теле.

– Только я не запасся резинками, я не думал, что меня так накроет. Но я умею считать секунды. Ты согласна?

– Хорошо, только не промахнись, я тоже таблетки не принимала.

– Не промахнусь.

Всё оказалось гораздо прозаичнее и надсаднее, чем даже он предполагал. Она была совершенно парализована его невольными ласками касаний при раздевании и обычной «дежурной», как он про себя говорил, нежностью. Она настолько натянулась, как тетива от его первых объятий, что он даже засомневался, а дойдёт ли у неё дело до естественной разрядки, собственно, и приостановил путешествие рук по её телу. Но дело оказалось не таким очевидным. Он сделал всё, как обычно любят женщины, раскинул ей ноги, сильно сжав ягодички, умело ввинтился ей между ног и легко вошел в теплый, известно куда каждый раз ведущий, влажный тёплый тоннель и только услышал захлёбывающийся её всхлип. И голова у неё безвольно закинулась, поддавшись его полутычкам – полупоцелуям в шею. Запах её духов почти задушил его, и ему пришлось призвать на помощь всех дьяволов разврата, чтобы хоть частично привести себя в норму обычного мужика.

А потом тело у неё вообще одеревенело, и ему показалось,

что никакие его толчки не могут разбудить эту мумию. «Эк, тебя угораздило», – обреченно подумал он, не давая себе отчёта, о чём он сейчас больше сокрушался в душе: об ужине ли, о ней ли? После третьей неудачной попытки с наскоку взять высоту, и это при том, что он явственно ощущал её нетерпеливое дрожание, он понял, что перед ним лежит непаханая, засыпанная валунами прежних неудачных опытов этой женщины сексуальная целина комплексов. «Ну что ж, поползем потихоньку», – отвлекаясь от разочарования и голодного подсоса в желудке, подумал Леон, нехотя вспоминая уроки, которые он изредка давал тем, с кем иногда вынужденно делил ночи на двоих последние годы.

Она никогда ничего подобного не испытывала. Этот мужчина требовал от неё участие и движения навстречу. А она, как заведенная раз и навсегда кукла, только топталась на месте, не понимая, что ей надо сделать, чтобы он был доволен. А то, что он недоволен, она ясно видела по его ласково удивленным глазам.

– Ты расслабься, почувствуй мои пальцы, – и он провел пальцем от её подбородка до лобка и спустился ниже, снова заставив её затрепетать. Но в этот раз он на обман не поддавался. Он «повел» её за собой словами, которые он ей шептал в самое ухо, и вглубь её тела, и вдоль бёдер до колен, провел пальцем по языку, заставив поцеловать его руку, взял её руку и положил к себе на лобок. – Тебя так ласкали? – он ласково потерся носом об её нос.

– Нет. Так – нет, – она попыталась спрятать своё лицо, не в силах сдерживать эмоции, которые испытывала.

– Не стесняйся, это нормально, что тебя всю передергивает, расслабься совсем, стесняться нечего, ты мне нравишься, ты красива, – и, зло впиваясь в жутко надушенную шею этой деревяшки, он почувствовал, как там, внутри, она вдруг сократилась вокруг его пальца: «Ну, слава Богу, чувствительность появляется. Мы на правильном пути, Леон Сергеевич, – подбодрил он себя. – Может быть скоро и поедим... наверное...»

Между лопатками у неё было большое плоское родимое пятно, в виде облачка. Он обвел его языком и спустился к прогнувшейся пояснице, держа её снизу за грудь. От его поцелуя сзади в подмышку она неловко дернулась, как от щекотки и вдруг встала на колени, распластавшись руками по простыне.

– Ты так любишь? – спросил он, вставая сзади.

– Я просто так захотела, – тихо ответила она.

– Похоже на кабинетный вариант, – подумал он про себя, – ищет привычное. Ладно, приятно дарить подарки, – и его руки развели в стороны её ягодицы.

– Почему он не делает всё нормально? – она привыкшая к определённому ритуалу, привыкшая к определённому спасительному порядку и здесь пыталась свою неуверенность заменить привычными позой и движениями. Они были достаточно сексуальными, как ей казалось. – Что не так сего-

дня? Что это он делает?

Его руки мягко и спокойно уверенно гладили её между ягодиц, прижимая и массируя пальцами то одну, то другую точку. И от этих уверенных нежных движений у неё вдруг появилось желание податься назад, ускорить всё, дойти до конца, но он тут же отодвигался, заставляя её желать снова и снова приблизиться к нему. Его руки были между ними. И до неё вдруг дошло, что от них, от его рук, ласкающих её так смело, и непривычно, она загорается, как разгорается костер от дуновения сильного ветра. А он, сильно оглаживая её бока, не переставал сжимать и мять её, ласково прищелпывая её, отчего она почти сходила с ума, ожидая, когда же он пронзит её, наконец.

Но он совсем не торопился. Эта женщина была из тех, кто должен дойти до исступления, чтобы забыться, открыться и разрешить себе. Ему казалось, что он, как минимум, дважды терпеливо поднялся по храму Кхаджурахо, пока она вдруг не прошептала: «Я больше не могу. Всё. Я сейчас расплавлюсь».

– Это замечательно. Приятно, когда долго готовишь, а потом вот так чувствуешь, что блюдо готово. У меня уже зверский аппетит. Я тебе не надоел?

– Это не может надоесть никогда. Ты всегда будешь со мной?

– Сколько захочешь. Ну вот, теперь ты действительно хочешь, – убирая руку, прошептал он. – Расслабься и чув-

стуй каждый мой толчок, я стучусь, чтобы дать тебе радость. Возьми мой палец в рот, вот так, – он почувствовал, что её язык жадно обволок его влажный палец с её ароматом, – расслабься и почувствуй всё, что сможешь. Там многое можно почувствовать. Прислушайся, – он сильно толкнулся в неё несколько раз и резко вышел, перевернув её на спину, почувствовав, что она снова одеревенела.– Лучше смотреть друг на друга, понимаешь?

– Понимаю, – но она всё же избегала его взгляда. «Тот» не любил, когда она видела его потное, красное искаженное тяжёлой неловкой страстью лицо. Да и ей самой это совсем не нравилось. Он всегда был сам по себе, не предъявляя к ней особых требований. А прежние,... те совсем торопились и не тратили время на неё. Им важно было взять свою добычу, положенную, как они считали, им по должности. На диванчике в комнате отдыха, кому она была положена. На столе. На ковровой дорожке на полу, – это было не принципиально.

А этот, думал о ней, и делал всё для неё, относясь к ней, как к равноправной.

– Вот и смотри, смотри, на меня, я сказал!

Его толчки показались ей неожиданно сильными, даже слишком, требовательными и глубокими, и она задохнулась от охватившего её внезапно чувства мелкой дрожи и вдруг вспыхнувшего взрыва ярких пульсирующих содроганий, которые трудно было вынести молча, и она застонала, запричитала, как-то беспомощно и бессвязно, растворяясь в этом

сиянии внутри неё.

Он, зажав рукой её волосы, остановил её голову, мечущуюся по подушке на излёте, сжимающих его, конвульсий её тела и тихо снова приказал: «Смотри на меня, смотри, я сказал! – и сильными толчками разбил её тело вновь на отдельные не связанные между собой части, заставившие её почти страдать, но и испытывать нечто ранее недоступное, сладостное и закончившееся мягким удовлетворением вспотевшего тела. И она затихла под ним, глядя, как изменяется его лицо, становясь жестким, сосредоточенным и ушедшим в себя.

Это его действие с его собственным телом её как бы уже и не касалось.

– Только не в меня, – прошептала она беспомощно.

– В тебя-я, – прорычал он, держа её волосы в руке, падая на неё, сильно прижимаясь, распиная её бездну несколько долгих и безумных секунд, и, наконец свалился набок, взмокший, молчаливый и опустошённый.

– Мне надо быстро в ванну.

– Никуда тебе не надо. Я абсолютно безопасен. Это моё специфическое. А тебе этот страх полезен. Я специально не сказал, чтобы ты испытала этот восхитительный, в общем-то, стресс. У тебя раньше были проблемы, да? – он, приподнявшись на локтях, смотрел на неё.

– Так, по мелочи.

– Понятно. Ладно. Тебе сегодня хорошо, хоть, было?

– Да, – тихо прошептала она, тыкаясь стыдливо ему в под-

мышку. – Очень-очень.

– Я рад. Но знаешь, мне надо что-то тебе сказать.

– Что? – она испуганно от него отстранилась.

– Да вот что: «Я очень есть хочу», – тебя это не обидит?

– Не обидит, – она облегченно рассмеялась. – Я тоже хочу пить.

Они долго сидели в кухне, он, обмотанный полотенцем после долгого холодного душа, а она в уютном шелковом китайском халатике, религиозно стараясь сохранить под ним память о его теле, чтобы не терять надежды и ощущать его запах. Они пили вино, ели консервы, пили крепкий чай. Ушла скованность, ему стало всё легко и просто, как всегда становится после окончания нужной, но неприятной работы. Он даже несколько пожалел, что решился на такой глупый никому, собственно, не нужный пассаж. Но «пить боржоми было поздно». Он столкнул с горки паровоз, который поможет быстро и наверняка решить все возникшие проблемы, объём которых он начал осознавать только недавно. В два часа ночи, хорошенько закусив и прилично выпив на сон грядущий вина, они отправились спать.

– Как же хочется взять отгул, но дел невпроворот, и опаздывать мне совершенно недопустимо. И надо, наконец, ускорить подписание приказа о назначении этого дурачка Арсеничева, умудрившегося на пустом месте сделать из мухи слона. – думала Ольга засыпая, прижимаясь к горячему телу Воротова Леонарда Сергеевича, с таким трудом добывшего для

Ларика и пыталовского клуба билет в счастливую жизнь.

Бабы, они такие. Бабы.

– Ты когда приедешь за назначением этого твоего дирижера? – спросила Ольга утром, обнимая в прихожей Леона, задрал кокетливо олову к нему.

«Какие же они все одинаковые Но как разительно разные в этом шаловливом движении. У нас тоже какое-нибудь такое общевидовое движение есть», – подумал Леон, механически отводя за ухо с её лица прядку выбившихся волос.

– Как прикажете, товарищ Синицына. Как только – так сразу!

– Тогда давай в ... пятницу. С утра, часов в десять. Захвати его с собой, чтобы сразу обсудить репертуар основной, я там дам команду, чтобы быстро ваше дело проговорили и утвердили, я сюда вызову товарищей из района, всё равно им надо уже отчёт сдавать. Вот и проверим исполнительность и расторопность товарищей во всём объёме, так сказать.

– Это из-за нас у кого-то стресс будет?

– Ничего, полезно. Задержались и вы там со своими решениями, товарищи. Отстаёте.

– А мы долго запрягаем, но быстро поедem, я тебе обещаю.

– Но учти, ты остаёшься на вечернее заседание, ну... по вопросу отчётности, скажем. Пойдёт?

– Пойдёт. То есть, я его одного домой отправлю на все четыре стороны?

– Совершенно верно. Что тебе приготовить? Я готовить

умею, когда настроение бывает. Хочешь, солянку сварю?

– Солянку? Нет, солянку точно не надо. Лучше макароны с гуляшом. И на сколько суток затянется заседание по вопросу отчетности?

– Ты не любишь солянку? Ладно. макароны – так макароны. Даже и проще. А насколько задержимся по вопросу отчётности... Пока не решим все вопросы. Их много накопилось, как раз на два дня, субботу и воскресенье. В понедельник утром я тебя прогоню, Воротов, – Ольга засмеялась, прижавшись щекой к шершавому ратину модного пальто Леона.

Тогда было почему-то модно в интимных разговорах называть любовников по фамилии. Этакая обостренность появлялась в грубоватом нарочитом подчёркивания независимости и необычности отношений.

Глава 7. Начало

Первым человеком, кого Леон увидел на работе, была Настя. Это было для него хорошим предзнаменованием. Ему всегда везло в тот день, когда он её видел первой.

– О! На ловца и зверь бежит. Здравствуйте, Настенька. Подскажите, когда ваш Илларион с работы приходит? Дело у меня к нему на сто рублей.

– Он? – Настя немного замялась.

– Что? Сверхурочно остаётся?

– Да нет. Заканчивает он обычно в половине пятого. А потом по-разному бывает, – смутившись вопроса ответила девушка

Воротов, не перебивая, внимательно глядел на девушку: «Что-то не договаривает, Настюша».

– Он домой обычно в пять приходит, поест, а потом... потом часто уходит, – пояснила Настя

– Куда?

– Я не знаю. Вы у него сами спросите. Он мне не докладывается, – Настя улыбнулась неуверенно.

– Что-то тут не так, – подумал Леон, читая явную растерянность в её голосе и словах.

– То есть, в пять я смогу его застать дома?

– Наверное, сможете. Извините, мне надо с ребятами идти репетировать сейчас.

– Иди, иди, – внезапно перейдя на «ты» с девушкой, про-
бормотал Леон. Ему казалось, что отношения в этой старой,
и даже старинной, семье были радушными и простыми. –
Что там не так? В этот раз надо будет к тарту и бананчиков
прихватить, остатки сладки, и баночку лосося, – Ольга ему
сунула её на дорожку. – Надо же поближе с семьёй будущего
сослуживца знакомиться, – не город. Почти одна семья.

Ровно в пять, Леон уже ждал Ларика на улице. Домой без
него не заходил. Обрадовался, увидев длинную лёгкую фигу-
ру, почти бегущую, одетую в старую фуфайку, ватные штаны
и серые валенки с калошами. Когда этот парень после армии
появился прошедшим летом в селе, бывшие приятели бурно
его встречали. Он явно выделялся своей городской боевой
«раскраской», яркие оранжевые брюки, малиновая рубашка,
ботинки на «тракторах», длинные волосы – много таких пар-
ней Леон в последний раз видел и там, у себя дома.

Тогда, в начале лета, Ларик, или «Подсвечник», как ча-
стенько его звали ребята, а он не обижался, был веселым доб-
родушным парнем, девчонки на него заглядывались на тан-
цах, но он на них внимания не обращал, не танцевал. Он ту-
сил в основном с парнями и пил с ними в туалете дешевое
вино из магазинчика, Леон их однажды там застукал и сде-
лал выволочку «за распитие».

А к концу лета в селе появился сосем другой Ларик. От-
куда что и взялось в добром прежде парне. Узкий и злой
взгляд. С парнями он совсем не тусил в этот раз, разве что со

Степкой Колотовкиным его можно было увидеть. Зато весь боевой состав молодых бывших жён, соломенных вдов, одинок и взрослых барышень крутились возле него и его мотоцикла, как на смотринах.

Сам по себе Ларик у Леона никакого интереса не вызывал. Да так видно судьбе было угодно, чтобы их интересы пересеклись в узком месте.

– Привет, Ларик! – Леон протянул ему руку, сняв перчатку.

– Привет, – Ларик, похоже не очень обрадованный, вынужденно протянул свою, стащив тяжелую войлочную рабочую рукавицу.

– Я вот тут, – Леон приподнял повыше авоську, в которой лежал торт в картонной большой коробке, явно «Киевский», только они тогда бывали в таких коробках, и ещё несколько разных пакетиков, – на чай к вам хочу попроситься. Жаль, что об заклад с тобой тогда не побился. Выиграл бы сейчас заклад-то у тебя. Ты что такой? Не рад?

– А я пока не понял, чему это мне радоваться? Заходи, раз пришел. Попьем чаю, – Ларик распахнул перед гостем калитку.

Женщины встретили Леона в этот раз уже приветливее, чай накрыли в гостиной. Для приличия бабушки пригубили чаю с кусочком рассыпающегося торта и пошли заниматься своими делами. Раз к Ларику пришли по серьёзному вопросу, как сказал сам гость, так и нечего тут мешаться.

– Вот смотри, что я привез. По этой форме надо составить к пятнице развернутый план организации хорового коллектива, накатать репертуар в соответствии с запросами сегодняшней политической обстановки и последними веяниями хоровой культуры и самодеятельности... Ну, примерно так, наверное, это звучит. Ну?! Как?! Приказ на тебя уже составлен в черновом варианте. Кандидатура утверждена на самом верху, остались формальности.

Ларик безмолвствовал.

– Ты что? Не рад, что ли? – Леон широко улыбнулся. – Я не брешу. Всё так и есть. Ты – художественный руководитель хорового коллектива совхоза «Пыталовский», с чем тебя и поздравляю. В пятницу едем на самый «верх», в город. Там за один день всё утрясут, подпишешь документы и обсудишь сразу в чистовом варианте репертуар. Особо придирааться не будут. Официальная часть, как у всех, а неофициальная – на твоё усмотрение. Ну, конечно, никаких «битлов», само собой. Справишься до пятницы? В пятницу уже едем. С твоим начальством всё договорено, с парткомом тоже, с профкомом тоже. Тебя из комсомола поперли или как?

– Пока нет... но...

– Да никаких «но». Уже не попрут. Я заручился поддержкой на этот счёт.

– А как, ... как тебе это удалось? – Ларик с трудом верил тому, что услышал.

– Как? Да никак. Просто поговорил с хорошим человеком

по душам. Винца попили. Вот и всё.

– Ты ври – ври, да не завирайся. Я не идиот. Ты чо мне х*й во щах полощешь?!

– Ого! Такого ещё не слышал,/ – Леон расхохотался. – Да я правду тебе говорю. Просто поговорил. Ну, ты сам всё увидишь. В пятницу. Тебе на всё-про всё четыре дня отведено. Помощь нужна? – Ларик был явно ошарашен, и это доставляло Леону приятное чувство некоторого превосходства.

– Нет, ты правду говоришь? – на губах Ларика была готова появиться улыбка, ну не может же Воротов его так обманывать, после того, как узнал обо всех его мытарствах в городе.

– Правду, Илларион Николаевич. Правду. Помощь, спрашиваю, нужна?

– Помощь? Конечно, нужна. Я же ничего не знаю, что у вас есть.

– Нет, не правильно ты фразу строишь, дядя. Не у вас, – а у нас теперь, Илларион Николаевич, привыкайте, – и Воротов снова довольно рассмеялся. На мгновение он снова увидел того, ранешнего Ларика, с простодушной улыбкой. Но лицо Ларика снова приобрело мрачное выражение.

– Ты что, Ларик? Что не так-то? Мы ж договорились, мне помнится?

– Ты в облисполкоме был?

– Да. А что?

– А мой вопрос тогда тоже дотуда довели. И не прошло. А у тебя прошло. Ты что-то наобещал?

– Это – да. Наобещал, что через полгода все первые места в районе будут нашими. Слабо? Зря я это наобещал? Но ты же говорил...

– И это всё?

– Всё. Клянусь – да чтоб без баб мне год прожить, ей богу!

Услышав такую клятву, Ларик впервые очень серьёзно посмотрел на Воротова.

– Так что же мы тогда сидим? Настя, – увидев проходившую мимо гостиней Настю, Ларик поманил её рукой, – зайди к нам, принеси бумагу и карандаши, писать надо.

Настя с удивлением смотрела на Ларика, впервые за три месяца она увидела прежнюю улыбку на его лице.

– Сейчас, ... но у меня только в линейку есть тетрадь. Пойдёт?

– Поедет! Тащи скорее!

До глубокой ночи три головы склонялись над столом.

– А ты эту знаешь? – и Ларик затягивал: «Не для меня...»

– Знаю, конечно! – и Леон с удовольствием подключался к нему своим мягким баритоном: «..весна цветёт...»

Оказалось, что оба знают множество казачьих песен. Леон сразу поддержал идею создания мужского казачьего хора. Серьёзного, строгого, многоголосого обязательно. Мужики в Москве, Щуров и Покровский, такие аншлаги собирали на подобные репертуары!

– А мы что? Мы точно не хуже будем, если только... – Ларик замолчал, задумавшись.

– Ты о чём?

– Да всё о том же. Казаки же были признаны контрреволюционными элементами. Упразднено всё. Слыхал, как упразднили Кубанский Казачий Хор, раз – и нету? А они – не нам чета.

– Да не умирай ты раньше времени. Всё равно времена меняются. Говорят, Высоцкого приглашают на узкие застолья в «цековские» коридоры. «Так» нельзя, а «так» – запросто. Нам такими же надо стать. Потом ансамбль Покровского вон как гремит в Москве, Щуров в Гнесинке. И Хор Кубанских Казаков возродился, хоть и пытались закрыть – вот где силища! Сейчас фольклор востребован, как никогда, историю вспоминать стали... Я тут тоже времени не терял, поинтересовался этим вопросом. В общем и целом обстановку знаю и куда ветер дует – понимаю.

– А ты будешь петь? У тебя баритон красивый.

– Нет. Я – нет. Я другим буду заниматься, сцена меня не тянет. Это уж ты давай, – и мне пора. До завтра, Илларион Николаевич.

Ларик до утра читал и перечитывал страницы, исписанные вдоль и поперёк убористым «честным» почерком Настюши, поработавшей весь вечер секретарём. В общем и целом план был обсуждён. Теперь надо будет попросить Эльку помочь найти хоть захудалого концертмейстера. За такой срок оркестр из неопытных новичков не «сыграть» под настоящий репертуар, да и на инструменты без слёз не взгля-

нешь.

Ларик заснул под утро и снился ему его хор и оркестр, который страшно дребезжал. Но это дребезжал старый будильник в Настиной комнате, ей пора было вставать и собираться на работу.

А Настя и не спала, собственно, она давно встала, радостно перевозбужденная событиями, вчерашним поздним чаепитием, ради которого и бабушки после молитвы не спать легли, а вышли в нарядных, ради гостя, кофтах. Долго сидели и разговаривали, песни перебирали старинные. Ларик вытащил записи деда с текстами песен. И когда только тот успевал всё это собирать, хранить, систематизировать. Бабушки, хотя и рады были, глядя на внука, грядущим переменам, а всё же Настя видела в их глазах тревогу: «И что-то его ждёт с этими концертами-театрами?»

Ларик снова «перелез» в цивильную одежду, в свои ботинки. Он не ходил – он летал. Сделал ревизию старенькому пианино, стоящему на сцене клуба, оно оказалось в принципе «ничего», настроить можно было, да две струны перетянуть, да пыль почистить. Дел-то – ерунда! Достал тетради деда, где тот про хор ему писал, выписал на бумажку фамилии, и они вдвоём с Леоном обошли означенные дедом дворы. Почти к изумлению Ларика и Леона, согласились записаться в хор не только те, на кого дед указал, но ещё и друзья друзей: «Да это же луч света в тёмные зимние вечера, да в тёплом клубе с хорошей компанией!»

Договорились, что профком выделит несколько рублей в месяц на чай с конфетами для участников, партком тоже немного добавил. Простой и действенный приём собрать кого-то – взрослые так же, как и ребятня, любят чай с конфетами! А после финансового вмешательства парткома – ещё и с пирожками и с булочками уже получалось.

– Уют внезапному предприятию на первых порах обеспечен! А там пойдёт! Само поедет, – как сказал воодушевлённый Ларик.

Напротив дома бабушек, наискосок, поселилась года два тому назад семья из города. В основном они считались летними дачниками, но в этом году они и на зиму не захотели уезжать. Отправив внучек к сентябрю в город, старики остались здесь, на свежем воздухе. Из окон часто слышался звук пианино, бабушка внучек была когда-то преподавателем игры на фортепиано, вышла на пенсию и сейчас занималась со своими внучками все каникулы, третируя их гаммами по утрам и вечерам. Всё это внезапно всплыло в памяти Ларика. Как говорится, рояль стоял в кустах. И Элька знала Ираиду Ивановну, кода-то ей случилось сдавать той экзамены в «музыкалке».

Есть два типа пенсионеров. Первые – это у которых с наступлением пенсии жизнь в общем закончилась, а у вторых с выходом на пенсию жизнь только начинается!

Ираида Ивановна была из вторых. Всю жизнь она провела в окружении детей, обучая, прививая, заставляя, увлекающая,

раскрывая, объясняя и вынуждая силой любить музыку. И большая часть этих деток, закончив школу, никогда больше к ней – к музыке – не возвращались. Ираида Ивановна мечтала поделиться своими знаниями с осмысленными, взрослыми людьми – сообщниками. У «пенсов» такое бывает – необузданное желание передать кому-нибудь весь свой багаж, «бездвоздмездно», как говорила одна Мудрая Сова из сказки, даря ослику Иа-Иа потерянный им хвост.

Всё сошлось!

На робкое приглашение выручить их, Ираида Ивановна возопила : «Да я вам сама и пирожки буду печь! Только возьмите!»

В пятницу, надев свои лучшие костюмы(к тому времени Ларик купил себе теплые темные брюки стандартного образца, пиджак остался от костюма, правда манжеты рубахи слишком выглядывали из рукавов, он сильно подрос после школы, но это было ерундой, кто «там» на это посмотрит), и два друга – приятели поневоле – отправились в город. По дороге туда, нервничающий Ларик без конца полушепотом матерился, его всё раздражало, сдали у парня нервы.

Вопреки надеждам Ларика, на рукава его «посмотрели». Ольга долго хохотала, вспоминая уже дома, каким синим бройлерным цыплёнком с красными руками выглядел Ларик. «Как можно было такого заподозрить в каких-то там диссидентских штучках?! Дурачок неотесанный! Где ты его откопал? Лёня?» – и снова хохотала. Леон с ласковой усмеш-

кой смотрел на неё думая: «Вот посмотрим, что ты запоёшь, когда мы его в костюмчик подходящий оденем. Девки-то по нему сохнут. Но откуда он такие матерные завороты знает? Хотя... Он же матросом был. Чего это я? Они умеют», – а вслух только спросил: «Оль, а можно как-то нам помощь попросить на костюмы? Не потянем сами. И этого, переростка, нельзя же с такими короткими рукавами на сцену выпускать? Самому ему купить не получится, две бабушки старые на нём, да дом с двумя печками и полу сиротой, девчонкой-квартиранткой».

– Что тебе ещё нужно, царевич мой прекрасный? – прижимаясь к нему и ощущая там, под полотенцем плотное, его тело, будоражащее её, спросила Ольга Павловна.

– Ты можешь всё, как царевна-лебедь? – он насмешливо смотрел на женщину, которая явно наслаждалась своим «могуществом» сейчас.

– Не всё. Но многое. Костюмы будут, надо вовремя заявку оформить, я дам указание, сделают. Ты хочешь народные костюмы, или классические?

– Я? Я и те хочу, и другие. Ну, если ты сможешь, конечно.

– Я? – она снизу посмотрела на его лицо, в котором не дрогнул ни один мускул. Он не смеялся.

– Я не представляю себе границ твоей компетенции, – спокойно объяснил он ей.

– Нормальная у меня компетенция. Это, конечно, наглость, но я попробую. Что ещё?

– Ты действительно хочешь это знать?

– Ну, предположим.

– Ладно. Тогда держись, царевна, сама напросилась. Во-первых, мебель сносную, хоть какую-нибудь, в зрительный зал. Списывают же где-то вполне пригодные сиденья? Неужели здесь всегда всё новое у вас, и ничего не меняют никогда? Я честно не понимаю. У нас девчонки ревут, все чулки свои в клочья рвут на наших сидушках. Этим сидушкам в обед сто лет. Никто не помнит, откуда они тут появились и когда. Наверное, довоенные ещё какие-нибудь, фанера вся расщепилась... Во-вторых, шторы. Шторы! У нас окна голые стоят. Неуютно очень. В-третьих, ремонт. Ремонт бы косметический, хотя бы. В-четвертых инструменты музыкальные, микрофоны новые. Рампу. В-пятых, занавес! Занавес поменять. Старый шерстяной весь в дырочку, моль проела. Ещё перечислять? Или хватит? Что ты так на меня смотришь?

– У меня тут такая мысль вдруг мелькнула, а не проще ли будет тебя перевести в другой район, на хорошее место, обжитое, с хорошим клубом. Тебе там что, в Берлушах этих? Намазано?

– Это не обсуждается. Намазано. Вопрос закрыт. Пошли спать, что ли?

– Спать?! Ты на меня обиделся?

– Да нет, как я могу на тебя обижаться? Я ж понимаю, что ты – тоже просто чиновник, а не Крез на мешках с золотом... – зря он это сказал, или умышленно, никто никогда не узнал.

– Я? Просто чиновник?! – Ольга отодвинулась от него, а он невозмутимо продолжал пить крепкий цейлонский чай, который последний раз сто лет назад пил у матери в гостях.

– Я что-то не так сказал?

– Ты всё сказал не так! Всё! Ладно. Будут вам и костюмы и занавески всякие, и занавес, и кресла! А инструменты – когда первое место возьмёте и соберёте оркестр! Какие инструменты, если у вас даже барабанщика нет?

– А причём здесь барабанщик? Почему – именно барабанщик? Ну, наберем мы желающих играть в оркестре – и что? На пальцах будем их учить? Совхоз в этом году побелил только стены, и это всё. На этом наш лимит был исчерпан. До следующего года теперь.

– Хорошо. Я подумаю. Я уже придумала, но надо всё взвесить. Есть идея!

– Ну, намекни хоть.

– Нет. Я на тебя сердита. Очень! – добавила она, надув губы.

– Какие же они все скучно-одинаково-глупые, – тоскливо подумал он, поднимая её и неся в спальню.

Ольга Павловна Синицына всегда отличалась инициативностью и предприимчивостью. И в этот раз её головка родила идею, которая несомненно заслуживала всяческого внимания и, возможно, решала бы некоторые идеологические проблемы в развитии связей между городом и селом. По патристическому воспитанию молодежи, например. По укреп-

лению идеологической борьбы с появляющимися то там, то сям фактами оппортунистических настроений.

Короче говоря, на заседании Совета облисполкома Ольга Павловна предложила обкатать одну идею. Идея, конечно, в своей основе была не нова, все знают, что новое – это хорошо забытое старое.

Она предложила создать некий симбиоз и проследить взаимоотношающее и укрепляющее содружество двух социальных групп населения, особенно молодежи. Взять самый обычный совхоз, например «Пыталовский» (ничем не выделяющийся среди прочих других – тем объективнее будет взаимовлияние этих новообразуемых связей) и, например, близлежащую N-скую воинскую часть. Почему нет? Где же найти ещё более идейных шефов для совхозных ребят? И где же найти ещё более нейтральную молодежь, неизбалованную всякими городскими преференциями, чем в отдаленном от города совхозе?

Это может получиться совершенно уникальный опыт. И если всё получится – а это обязательно получится при определённом ответственном отношении определённых ответственных товарищей – то распространить этот опыт надо будет на все подходящие для этого объекты. Слава богу, и тех и других в области предостаточно.

Вот такая, вкратце немудрёная, но по-своему креативная идея Ольги Павловны Синицыной была представлена пред светлые очи начальства.

Предложение, как инициативу снизу, передали дальше, по восходящей, в обком партии. После звонка, бывший «главный», памятуя, всё-таки, о своём грешке – он был не самым подлым негодяем – дал команду, и колесо закрутилось. Составлялись планы, велись сложные переговоры, выделялись фонды из резервов, закреплялись договоренности, оформлялись все необходимые агитационные мероприятия, писались приказы и спускались сверху вниз, как обязательные к исполнению. Вопрос обсуждался на всех бюро, был признан своевременным, заслуживающим внимания и т.д. и т.п.

А ларчик открывался просто. В N-ской части служил хозяйственником давний знакомый Ольги Павловны. Никто не помнил, да и они сами уже смутно помнили, о тех временах молодости, когда они познакомились на какой-то молодежной вечеринке. Дальше нескольких близких свиданий дело не пошло, но расстались они, к обоюдному удовольствию, друзьями. Изредка пересекались по служебным делам, люди предусмотрительные никогда не оставляют своих наработанных связей. Это надо просто дураком быть, чтобы разбазаривать нажитые непосильным трудом полезные знакомства и связи. Кто знает, в кого молния ударит и откуда гром грянет?

«Поверх» пропечатанных официальных решений, «или на оборотной их стороне», были без проволочек «написаны» другие, более конкретные соглашения. Но их окончательный вариант надежно хранился в головах, как в надежных сейфах. Всем это было выгодно, особенно парткомам всех уров-

ней. Все с полным основанием могли заявлять о новой патриотической струе в развитии шефских отношений. Ну, а обо всякой там мелочи, типа помощь в оформлении клуба новым, но списанным, конечно, по большей части, оборудованием, креслами в зрительном зале, рампами, шторами, замене занавеса сцены – вопрос даже и не обсуждался. Как же иначе? Приедут разные комиссии, делегации по обмену опытом – и что? В этом сарае их прикажете принимать? Да кто ж вам это позволит?!

Наряды солдатиков-срочников, отряженные выполнять ремонтные и «пуско-наладочные» работы в клубе совхоза «Пыталовский», немедленно привлекли сюда девчат. На глазах быстро происходила предполагаемая в высоких кабинетах смычка сельской и гарнизонной молодежи. Результатом такой смычки к концу октября стал блестяще «отшаманенный», вычищенный до блеска и покрашенный новой светлой краской, вместо темно-синей, совхозный клуб. Он был полностью укомплектован списанной, но вполне приличной, мебелью со складов Н-ской части. Даже в фойе, так теперь стали называть прихожую клуба с новыми красивыми вешалами для одежды, установленными за барьерчиком из дерева, поставили несколько кожаных скамеек, оттоманок, с мягкими сиденьями. Кому-то, разумеется, пришлось подождать с укомплектовкой своих садовых домиков и дач. А шторы, типа «маркиза» из клуба воинской части из парашютного шелка, отстиранные до нежного кремового цвета, вообще пора-

жали всех селян своей пышностью.

На радостях знакомства N-ская часть подарила клубу часть неиспользуемых духовых инструментов. Пусть пацаны учатся играть на барабанах, дуть в трубы, играть на гобое. Не жалко. Занавес на сцену подарили, как и положено, тёмно-бордовый, бархатный. У многих грешных сельских модниц завелась в мозгу крамольная мысль: отрезать высоко подшитый край, чтобы по полу не волочился, его же иначе хрен закроешь, да и вывозится в пыли: «Такое добро! Тут юбок на всю деревню можно нашить, если с умом».

В приватной беседе с заведующим клубом товарищем Воротовым, выяснилось, что здесь очень бедная библиотека. Да и как же ей бедной не быть, если в областном бибколлекторе книги только по большому благу можно получать по распределению даже в городе? При таком дефиците на книги, и такой повсеместной жажде чтения кто ж тут о совхозе будет думать, да ещё таком – богом забытом? Не миллионер же? Обычный среднестатистический.

«Да чего не сделаешь для ребятишек. Ишь, какие головастые! Весь «МАЗ» облазили с ног до головы, пока книжки таскали, не успеваешь им всё объяснять и показывать», – добродушно ворчал водитель машины в которой, полкузова книжек привез. – «Не жалко, пусть читают. Когда солдатам-то читать? Да и солдатикам-то уже про любовь бы что-нибудь надо. А про любовь-то тут и нет, давно до дыр зачитали, если и были такие когда-нибудь».

Но вообще в воинской части такие книги про любовь, во избежание неожиданностей, не положены, «Чук и Гек» в основном. Или журналы.

Для «любви» в совхозе тоже открывались неопределённые, но широкие горизонты. Солдатики на танцах, пахнувшие все одинаково, одеколоном «Тройной», быстро оттерли в сторону гражданских, до одури приевшихся местным девчатам, и от «а до я» известных им, совхозных ребят. Совхозные приуныли. На разборки за угол гостей званых не пригласишь, эти всегда взводом ходят, на арапа не возьмешь.

– И пусть! Ничего! – радовался Пятаков, директор совхоза. – Ребята пусть уму разуму учатся. Пример-то сам – прекрасный! Где же вы лучшую агитацию проведете за наши вооруженные силы? А там-то – танкисты же все! Сегодня танкист – завтра тракторист! Это же, считай, трактористы готовые! Пусть дружат! Разрешаю! Даже очень приветствую!

Правда его разрешения никто и не спрашивал. И наивный директор Пятаков и представить не мог, какую подлянку ему эта самая, с неба свалившаяся, шефская помощь приготовила.

Ларика было не узнать. Сутра до ночи он пропадал в клубе, домой приходил поздно, и крайне редко – на обед. Отощал ещё больше, шутил, крутил бабушек вокруг себя и даже Насте доставалось его внимание, они часто пересекались в клубе, ребятня теперь туда сама рвалась, там стало всё так интересно и так красиво – совсем по-городскому!

По вечерам мужики приходили на спевку, в перерывах пили чай с конфетами- подушечками, с собой чего-нибудь прихватывали, чтобы голос чище звучал. Но прихватывали в меру, так, чисто для распевки.

Ираида Ивановна была душой этой компании. Она их всех обожала за бескорыстную любовь к искусству.

Но когда кто-нибудь вдруг брал неверную ноту, она, как резаная, на него орала: «Я тут кровью, понимаешь, харкаю, а он соль, от соль-диез не удосужился отличить! Идиот!» Но после репетиций, вечером, она неизменно просила : «Деточки! Я дико прошу меня простить, старую дуру. Но меня клинит в такой момент, я за себя не отвечаю, но я не опасна. Так, – поору и успокоюсь».

В конце концов, на это перестали обращать внимание, всё равно никто толком не понимал, что это такое соль, или ре-диез на этих линейках нотного стана.

– Ну подумаешь не туда потянуло. Со всеми бывает. Вон как раньше пели! Без диезов этих и без бемолей. На все голоса – как жахнут! Вроде каждый сам по себе, а получалось-то, ... заслушаешься! А Ивановна? Ну, пусть проорется, безобидная баба, пирожки же у ей хорошие? – философски рассуждал Ванятка Мятлев.

Ларика такие мелочи из себя никогда не выводили. Руки снова вспомнили дирижерскую палочку, вернулся тонкий слух, и он без устали заставлял повторять фразу за фразой, такт за тактом, добиваясь филигранности в звучании голо-

сов. Прав был дед! Здесь певуны, как на подбор, все были. И любили петь. На репетиции набивалось теперь много народу, но как только кто-нибудь осмеливался чихнуть или кашлянуть, – сразу всех выгоняли и закрывали дверь, засунув в ручку филёнчатой двери ножку стула. Обычно тишина стояла идеальная. В клуб стали чаще привозить фильмы, заглядывать разные комиссии, на которые здесь, честно говоря, мало обращали внимания – некогда было.

– Оль, ты мне скажи, как тебе это удалось? Я свои слова беру обратно. Ты не просто чиновник. Ты – великий чиновник! – и Леон с хохотом уворачивался от её пальцев, норотивших схватить его за ухо.

– Ты рад?

– Да, я доволен. Народ ожил. Потянулся.

– Как там твой, ... как его, ну с рукавами который?

– Арсеничев?

– Ну да, Арсеничев.

– Нормально. Первые места будут за нами. Ты костюмы обещала.

– Слушай, Воротов! Ты просто нахал!

– Я нахал? Ты же сама обещала!

– Обещала. Подожди, не получается. Не всё сразу. Надо хоть какой-нибудь реальный результат получить.

– Да давай, для быстрого результата объединенный хор с солдатиками сделаем, Ларик потянет.

– Кто это – Ларик?

– Да Арсеничев твой.

– Мой?

– Ну, ты же ему дорогу дала. Он это помнит.

– Думаешь?

– Думаю. Я что-то спать хочу. Ты как?

– Я тоже устала, спокойной ночи.

Ольга Павловна лежала в темноте, сон не шел. Что-то не складывалось у неё с Лёней. Он был непошибаем. Всегда ровен, приветлив, даже мил и... холоден, как мягкий снег. Внутри холоден, как зомби. Он ничему не удивлялся, ничем не восхищался. Он даже не очень интересовался, как это ей удалось всё так быстро повернуть? И в его восхищении, если оно и пробивалось по какому-то поводу, ей чудилась ирония.

Знал бы он, сколько и чего пришлось повернуть вокруг этого «эксперимента»! Поджать, а где-то и расширить финансирование по факту, ничего не изменяя в документах, соблюдая закон. Сколько пришлось потратить усилий на улаживание институтских дел детей нужных родителей, сколько пришлось подвинуть очередников в этих нескончаемых квартирных очередях, обосновав это крайней необходимостью в случае разных проверок. Находились наивные дурачки, пишущие жалобы! Вообще у Ольги Павловны сложилось твёрдое мнение, что все, кто пишет эти жалобы – полные тупицы: «Таких не жалко. Пусть пишут. Простолюдины хреновы».

Всё это странным образом было созвучно её отношениям с Леоном. Жаловаться было глупо. На что?

Внешне он был безупречен. Никто и никогда не дарил ей столько тепла. Но сейчас она была уверена, что любой другой женщине он подарил бы его ровно столько же, сколько и ей. Как ласковый робот. Он даже во сне безупречен, не храпит, не мычит и даже обнимет, если она прижмётся. Если сама прижмётся...

Леон лежал с закрытыми глазами, слышал, как Ольга за его спиной вздыхает, даже что-то шепчет. «Это её дело», – безразлично подумал он..

– Неужели я начал забывать? Как ты тогда сказала? Доброта? Мой главный талант... Это не талант, моя любимая. Это память о тебе. Я стал по-настоящему добрым с тобой только последние месяцы до отъезда, когда в тебе наш малыш уже жил. Жил. Жил... До этого я был обычным самонадеянным идиотом. А вот потом, потом я был готов на всё. На всё! Я бы мог даже убить. Легко. Я отчетливо помню это. Я хотел убить. Всех их, кто просмотрел, не спохватился. Та версия так и не подтвердилась. Но у меня остались сомнения. Остались, как жало от осы. Не бывает таких случайностей в одном месте и в одно время. И никто не сможет теперь ничего доказать. И тогда не смогли. И всё, что случилось с тобой – это тоже не случайность. Это наша всеобщая глухость и неверность. Мелкая моя неверность, превратившаяся в огромное горе. Права была твоя цыганка, черти бы её побрали. Прости

меня, солнышко моё. Жду письма, а время так долго тянется. От письма до письма. Так жалко тех пацанов... некоторые и поцеловаться-то не успели Я рад, что помог, благодаря тебе, хотя бы двоим из них. Ты спасла многих. Думаешь, они помнят? Я не думаю. Даже уверен, что или не понимали тогда по сути ничего, или забыли. А я не забыл ничего. Как я упустил тогда, что дело с негодями надо доводить лично и до конца. Я же уверен был, что его посадили. Я его точно бы убил, просто задушил бы, если бы встретил. А он сам сдох.

Не знаю, что дальше делать, всё так глухо и так глупо. Не получается у меня ничего с книгой. Да и не разрешат её издавать сейчас. Останутся мемуары, а кому останутся-то? Сожгут же всё к чертовой матери, только профессиональное изымут. Это, уж, как пить дать. Твою маленькую мечту я, как могу, исполняю. Здесь снова много людей, дети. Книг много привезли. Просто случай подвернулся, понимаешь? Просто случай. Но твоё предсказание, похоже, сбылось! В этой девочке живёт твоя живая тень. Лицо, фигурка, волосы, голос, смех. И зовут её так же. Спокойной ночи, любимая... и родинка у неё... точно такая же... Скорее бы дни пробежали до письма – единственное, что тянет меня вперёд, хитруля ты моя любимая... и девочка эта ещё. Зачем она появилась в моей жизни?

Молитва закончилась.

Леон провалился в черный мрак. Сны ему уже давно не снились.

Глава 8. Младшая сестра

Настроение в доме бабушек намного улучшилось. За вечерним чаем или ужином Ларик оживленно рассказывал, как у них идут дела с репертуаром, и в клубе вообще. Там он частенько сталкивался с Настей во время работы.

Иногда видя недоверчивое выражение глаз бабушек, он, откинувшись на спинке стула, кричал в коридор, в сторону Настиной комнаты: «Насть, ну скажи им, что правда уже классно поют?»

– Правда, классно, – улыбаясь, подтверждала Настя, выглянув из своей комнаты.

Она очень радовалась возвращению в дом прежнего покоя и мира, и впереди маячило столько планов. У Ларика обязательно всё получится, и всё станет хорошо навсегда. И зря бабушки иногда смотрели на него так иронично. Как нарочно его поддевали. Исчезать по вечерам из дома он перестал. Два раза видела, как в клубе к нему подходили бывшие его приятельницы, и как сухо Ларик говорил с ними. Эти случаи проливали бальзам на её сердечко, ёкающее каждый раз, когда она его видела. И дома, и на улице, и в клубе. Он был первоисточником её настроения. Она сама себе не признавалась, что ищет теперь любой подходящий повод, чтобы немного побыть на кухне, когда он там ест или пьёт чай, читая газету и не обращая на неё ни малейшего внимания.

Раз и навсегда, как она понимала, она была зачислена им в женский семейный батальон, и в соответствии с этим он и строил свои с ней отношения. Она младшая сестра – он её как-то должен опекать. Но опекать её ему ни разу не представлялась необходимость. Она была беспроblemной сестрой.

– Ну и всё! – обреченно успокаивала себя Настюшка.

Иногда, правда, взгляд Ларика натыкался на её стройные ноги, запинаясь, смущал хозяина, и он глушил в себе невольнo возникающий то ли мужской, то ли мальчишечий порыв, начинал грубовато хамить ей и ёрничал, когда нос улавливал запах новых духов, или она меняла прическу.

– В кого это ты влюбилась, Настька? Смотри мне! Домой чтобы вовремя приходила. Некогда мне тебя встречать.

– Да ни в кого я не влюблена. Чего ты? Можно подумать, что ты меня каждый день прям обвстречался, – пыталась она неловко отшучиваться. На самом деле ей было приятно думать, что ему не очень хочется, чтобы она влюблялась в кого-то или встречалась с кем-то.

– Ну и пусть! Хотя бы и так. Всё равно ему не совсем всё равно, – иногда ей даже хотелось причинить ему беспокойство, чтобы хоть раз увидеть его взволнованные глаза, смотревшие на неё. Но это были бесплотные и чахлые, ни к чему не ведущие мысли и мечты. После работы она сама торопилась домой, зная, что бабушки её ждут с горячим ужином, немудрёным, но вкусным и свежим. И она торопилась уви-

деть Ларика, пока он не ушел в свой «кабинет», как говорили бабушки. Потом уходили они, а потом уходила и Настя, убрыв за собой посуду и протерев старенькую, но безусловно чистую клеёнку на столе.

Иногда ей везло, и Ларик выходил налить себе кружку чая, или даже её просил об этом. Перекидывался с ней парой ничего не значащих слов. И тогда она уходила спать счастливая, как побывавшая на неожиданном, но приятном свидании. И долго не засыпала, представляя, как гладит его по этим длинным беспорядочно висящим «патлам», как говорила Пелагея, которые он не слишком часто мыл, и они у него быстро салились, как и у всех мужчин. Когда она была уверена, что её никто не видит, она утыкалась носом в подкладку его пальто: «Какая же я счастливая! Голова идёт кругом от запаха! Мне точно мозги сваливает набекрень! Господи! Ну почему я такая несчастная?! Он же меня в упор не видит!»

Когда она с какой-нибудь из бабушек каждую неделю стирала бельё в корыте, она старалась выбирать его вещи, ощущая и здесь его запах, пока пена и стиральная доска его не уничтожали. И вещи его она гладила с особенным чувством, воображая, что она ему не посторонняя совсем, и он ей благодарен за это.

Ничего такого не было и в помине. Он понятия не имел, кто стирает и гладит его вещи после стирки. Что до неё, то да, она просто была его попутчицей по жизни с детства. Слу-

чайной попутчицей до определённой станции. Иногда Ларик ловил бросаемые на неё другими парнями взгляды, выразительные и недвусмысленные. Но ничего серьёзного на горизонте у неё не было. Она многим нравилась, как заморская игрушка. И это его почему-то только сильно раздражало. Вообще говоря, и она сама иногда необъяснимо раздражала его, как раздражает взгляд красивая вещь, выбивающаяся из общего стиля .

Она так и осталась «иной», «другого сорта», как сказал летом Степка.

Степка приезжал по выходным и праздникам, но с Настей держался спокойно и предупредительно, не более того. У него с Людочкой наметился серьёзный, и пока безвыходный, роман. Мать с пацанами не бросишь, и две семьи не потянешь, учась в институте. Да и Людочка никуда не торопилась и часто останавливала его чересчур пылкие знаки внимания недоуменно-возмущённым взглядом.

– А чо тут непонятного? Двадцать четыре уже! Ухи же пухнут!! – страдальчески терпел Стёпка Людочкины отповеди.

Единственное, что Ларику иногда тревожно бросалось в глаза – это повышенное, против обычного, как ему казалось, внимание Леона к Настюше. Тот, как нарочно, всегда бывал свободен, когда она бывала в клубе со своими пионерами, к Новому Году готовились все, и Леон всегда присутствовал на репетициях этих салажат.

Зал перед праздниками был нарасхват теми, кто готовился к выступлениям и кто готовил новогоднее убранство зала. И ещё один друг Ворота, Ребрышкин, тоже стал появляться часто в клубе и часто возле Насти. Он организовал шахматный кружок на общественных началах, и пацаны во всем селе, высунув языки, выпиливали лобзиками из тонкой фанеры шахматные фигуры, склеивали их и разлиновывали шахматные доски. Даже девчонки сели за шахматы. В этот год в Берлушах было какое-то всеобщее шахматное сумасшествие в средних классах Берлушевской школы. Назначались настоящие шахматные турниры с их друзьями-«войками».

Почти каждую неделю теперь в Берлуши приезжало начальство: то районное, то делегацию откуда-то везли, то показательное совещание устраивали – и в эти дни участники совещания почти парализовали работу кружковцев, инспектируя работу самодельных худруков. И Ворот, разумеется, неизменно присутствовал при всех этих посещениях и инспекциях.

Почти всегда Ворот сидел где-то рядом с Настей, обычно сзади. И часто взгляд его был устремлён не на сцену, не на собеседника, а на неё, Настю. А может всё это Ларику только казалось? Слишком старым для неё был Ворот, чтобы о чём-то можно было переживать. На целых двадцать с большим гаком лет. На целую эпоху. В отцы он ей вполне годился. Поэтому критически-серьёзно к этому факту Ларик не относился, тем более, что у Воротова с этой Сеницыной из

облисполкома однозначно что-то было. И эта вылощенная со всех сторон женщина, конечно, давала сто очков вперёд такой серенькой пичужке, как Настюха.

Но с Синицыной Леон, похоже, не церемонился. Ларик сам не понимал, отчего он такой вывод сделал, но он был в этом уверен. И ускользящий взгляд Ворота, и несколько вынужденный наклон в её сторону при тихих их разговорах, и нога его превосходно-небрежно положенная на другую и отвернутая в сторону от этой, склонявшейся к нему, женщины – всё это имело оттенок некоторой вынужденности и досады. И чего это он так её явно катил в телеге Ларик не понимал. Красивая, стильная, интересная. Ну, не очень молодая, но это ерунда, в конце концов.

Ларик просто не понимал, что интуитивно, благодаря природной наблюдательности, нащупал некоторый код языка тела, о котором тогда никто ещё и слыхом не слыхивал.

Ребрышкин же, один из верных «санчо-пансов», Ворота был исключительно деловит, когда он не был занят в конторе, в которой работал завхозом, он обожал возиться с ребятами, и по возможности помогал Насте оборудовать сцену для концертов: рисовал «задники» по эскизу набросанному его другом Огороковым, мастрячил какие-то смешные большие буквы, головные уборы, цветы и бабочек, и другую ерунду. Вскоре без него не обходилась ни одна вечерняя репетиция пионеров.

Второй из «супового набора санчо-пансов», Огороков,

был молчуном. Он работал завхозом в школе и по совместительству дворником на школьной территории. В свободное время приходил и молча смотрел на всю создаваемую кружковцами самых разных профилей праздничную суету, не принимая ни в чем особого участия. Иногда Воротов и Настя вместе выходили из клуба и шли до дома бабуленек. Воротов жил дальше. И тогда его друзья шли на некотором расстоянии за ним и Настей. Они жили в соседнем от дома Леона домике.

Ларик все эти танцы около Насти видел, но смотрел на них снисходительно, не чувствуя в ней никакого трепета или душевного расположения ни к кому. Она со всеми была одинаково приветлива и мила. Если что, так Ларика больше заботили парни деревенские, были среди них и сорви-головы. Вот от этих можно было ждать, что угодно. Но с этими Настя сама держалась подчеркнуто сухо, не давая ни малейшего повода к ухаживаниям. В общем, Ларик был спокоен за младшую «сестренку». Не приносила пока она ему никаких особых забот. Он вообще часто о ней забывал, когда покупал бабушкам «гостинцы» – как они это называли – в городе. Но все гостинцы бабули всегда щедро высыпали на общий стол, и это смягчало картину некоторого непонятного, пацанского, даже почти нарочитого пренебрежения, Ларика по отношению к Насте.

Если бы Ларик дал себе труд разобраться в своём отношении к ней, он бы понял, что она постоянно сидит в голове у

него маленькой занозой. Она его раздражала своей «ромашковостью», и, как ему казалось, показной услужливостью и заботливостью. Она всегда была в курсе всего происходящего в их общем доме, всегда была готова бежать по первому зову или по чьей-то, из близких людей, просьбе. Он примитивно относил это на счёт её зависимости от жилья в их доме и помощи, которую он, бабушки и Элька оказали ей в своё время и сейчас продолжали оказывать.

– Отрабатывает! – думал он иногда раздраженно. Его раздражали её широко распахнутые и немного испуганные глаза, когда взгляды их встречались. Его бесило, что она иногда терялась от его вопросов, тушевалась и смущалась. Короче, если бы её здесь не было бы, он чувствовал бы себя проще. Жить рядом с ангелами во плоти – вообще никому не просто. Рядом с ней он начинал ощущать на своих ногах длинные черные волосы и нечто, напоминающее копыта.

Но, кроме наблюдения за Настей, у Ларика были дела гораздо важнее.

Весь официальный первоочередной репертуар утвердили без проволочек, сказывался-таки опыт работы Ларика на корабле. Несмотря на панические вопли Ираиды Ивановны, Ларик считал, что народ попался «слухастый». Он решил для начала создать чисто мужской хор. Это всегда впечатляет и женщин, и мужиков, сидящих в самых разных комиссиях и жюри. Люди – везде одинаковы. Да, Ларик был уже продуманным, хитрым и почти искушенным в этих делах. К

Новому Году в результате совместных размышлений решили подготовить небольшой репертуар из лирических, хорошо знакомых песен и романсов, и пары-тройки хорошо известных казачьих, нейтральных песен, положив их на несколько голосов. Ларик провел за партитурой несколько дней. Когда мужики хорошо распевались от их голосов, казалось, всё дрожит, но больше всего дрожала душа у Ларика, он себе ясно представлял, что они смогут уже через полгода выдать. Это будет бомба! И тогда он всем докажет... Всем!

Перенесенная прошлым летом профессиональная обида была для него сейчас главным творческим стимулом.

Общими усилиями набрали очень приличный, даже не по сельским меркам, оркестр инструментов, объявили приём всех желающих. И теперь с утра и до обеда Ларик и Ираида Ивановна ещё обучали мальчишек элементарным навыкам извлечения звуков. Им очень помогал гармонист, молодой прыщастый парень Тимоха Седелкин, и внушал всем сомневающимся твёрдую надежду, что всё получится. Он-то же смог когда-то на гармошке научиться играть?! Он на слух подбирал, что угодно и бесконечно терпеливо выводил с обучающимися пацанами мелодию.

– Не факт, что получится, но если не пробовать, – то точно ничего не будет, – убеждал всех Ларик и поэтому с преданными ему помощниками целыми днями складывал, из чего уж приходилось, фундамент лично своей и хора будущей славы.

«Священная месть всем женщинам мира» в его душе совсем утихла, и интересы у него стали появляться другие. Другие люди вокруг, другие разговоры, другие мечты.

Как-то неожиданно для себя Ларик однажды вспомнил Альку – и... ничто не дрогнуло в сердце. Совсем. Нисколько. Как и не с ним было это всё. Он даже разочаровался, что вот так всё просто прошло – и никаких больше терзаний, проклятий и мучений. Всё показалось ребячеством, с оставшейся детской обидой, и не более. А тогда он чуть не умер.

– Так что же это было? Оно же было? – не найдя ответа, Ларик больше не возвращался к этому, и без этих вопросов, уже не имеющих смысла, работы у него было выше крыши. Впереди его, несомненно, ждали слава и успех. Всесоюзный! На меньшее он даже не думал замахиваться.

Сказать, что Ларик совсем не смотрел на женщин, было бы неправдой. Но теперь ему хотелось смотреть уже совсем на других женщин.

Ему нравились такие, как эта – Синицына. В народе к ней моментально приклеилась кличка «Чернобуркина» – из-за очень дорогой и красивой шапки. И Ларик предчувствовал, что и в личной жизни, пока далёкой и таинственной, его ждёт однозначно блестящее радостное будущее. В городе много молодых женщин, с кем он будет вровень по интересам, а не эти сельские дурочки. Однажды он случайно услышал, как охотно делились они друг с дружкой впечатлениями о нём, и этот факт сильно задел его почему-то. О нём, смеясь и шу-

шукаясь, говорили, как о предмете или о племенном бычке.

Иногда Ларик вставал среди ночи и тихо, стараясь никого не разбудить, выходил в морозную ночь и шел туда, где его дружелюбно ждали, по крайней мере, как ему казалось.

Верка ничего от него не требовала. Просто давала и брала, что можно. Не удерживала и не отказывала. И это ему нравилось – никто никому ничего не должен. Она отличалась от других. Хорошо одевалась, была независима, работала помощником бухгалтера. С мужем развелась давно, детей не было. И дом её был полным коробом. Всё аккуратно, «погородскому» и даже с элементами роскоши. Новый диван в «зале», телевизор «Рекорд» на ножках и даже маленький холодильник, зимой он, правда, был отключен, но дело не в этом. Он был! Самым же замечательным был магнитофон. Верке все завидовали и безнадежно допытывались, откуда у неё такая роскошь. Она только молча улыбалась. Иногда же, в порыве откровенности на каком-нибудь междусобойчике после работы, выпив несколько рюмок портвейна или вермута, откровенно бахвалясь, она говорила: «Жить надо уметь, а для этого голову надо иметь. Учитесь!» – говорить говорила, но никого ничему не учила.

Эту загадку разгадал Ларик. Случайно.

Хотя, почему же случайно? Был он в гостях у Верки в среду, а в пятницу отменил Ларик все репетиции и скорым ходом в город подался, совершенно неожиданно для бабушек. Не до репетиций ему стало! И вообще ни до чего дела не

стало. Одна проблемка, вернее, проблемища, у него образовалась в нижней чакре. Боль, жжение, ну и всё прочее, как и положено, в таких случаях. Терпеть сил не было! А, ведь, говорил ему Николай, чтобы не халатничал, не забывал и не надеялся. А он забыл презерватив в карман засунуть. Тупо забыл. Ну, так! Получите – и распишитесь, как говорят.

Самой поганое в этой ситуации было то, что на приёме в кабинете кожно-венерологического диспансера сидела очень симпатичная молодая женщина-врач. Из тех, о которых он в последнее время стал задумываться и мечтать. Надо было видеть её глаза... Или Ларику это так показалось? Хоть сквозь землю бы провалиться! А не провалишься. Так и провалишься – легче-то не станет? Потом поразмыслив, Ларик вспомнил очередь из трёх мужиков, ждущих приёма, и несколько успокоился: «Может, эти врачи вообще не очень в рожи своих пациентов смотрят? Больно надо! Но эта-то посмотрела?! В другой ситуации он был бы счастлив от такого взгляда. Может, не запомнила? Говорят же, что зубные врачи по зубам быстрее пациентов вспоминают, чем по лицам. Да и вообще, в городе миллион народу живёт», – но как-то не очень его это всё успокоило, и настроение было пакостным. Получив назначения и одевшись, Ларик постарался побыстрее уйти на безопасное расстояние от этого диспансера. Ему казалось, что на этой улочке все прохожие только и делают, что на таких, как он, пялятся и ухмыляются, понимая, каким ветром его сюда занесло.

Удача ему «улыбнулась». Не только его ветром попутным занесло сюда. На противоположном углу переулка он увидел ругающихся Верку и начальника заготконторы их совхоза Окунева Кешу... «Волгу» эту стального цвета с оленем на капоте, которых уже и не выпускали к тому времени, – знали все. Она была узнаваема по шишечкам, весело болтающимся над стеклом в кабине. Была тогда такая фишка крутая – шишечки шелковые на тесьме...

Они не то, чтобы ругались на всю улицу, но отношения явно выясняли. Отвернувшись и замедлив свой бег, Ларик решил до конца проследить, куда они направят свои стопы. «Два плюс два» он ещё ночью сложил, но всё-таки хотелось бы определённости.

Верка первая оторвалась и, сердито поправляя шапку на ходу, исчезла в дверях диспансера. За ней и Кеша, смахнув с капота легкий падающий снежок, что-то бубня себе под нос проследовал туда же.

– Теперь ясно, откуда у этой у*бки подсвинков новых каждый год штук шесть, и комбикорм мешками. Да так любая пи*да бы в дамки бы выбилась. Твари ох***шие! Ещё и на презервативах экономят, суки! – Ларик не находил других слов, чтобы выместить в них всю свою злость, но предъявлять что-либо, он мог только себе. Верка была той самой – первой, «по-настоящему», оседлавшей его мотоцикл: «И х*ли она тогда меня в дом-то не повела? Этого ждала, что ли? Говорили же, что ненасытная она утробина пустобрю-

хая!»

Но, как бы то ни было, всё встало на свои места, и впереди Ларику, кроме чувства омерзения, светило лечение, лечение и... ну, печеньё, если сладкого захочется.

Николай в этот же вечер ввалился в комнату Ларика, не поняв толком ничего из сбивчивых рассказов бабушек, которые незамедлительно позвонили Эльке, чуя неладное опять. Пришлось Николаю взять бразды правления в свои руки. И через три дня Ларик явился на работу, но теперь дома поздно вечером он ходил а баню, которую топил каждый день до жара и сам стирал свои трусы, ошпаривая после себя кипятком всё вокруг. Эстетичная привычка стирать самому свои трусы у него так и осталась потом на всю жизнь.

– Легко отделался, – констатировал Николай, проверив его анализы со своим знакомым венерологом, у Николая везде были знакомые медики. – Вот так молодые дураки, бывает, лишают себя отцовства. Две недели полечился «домашненьким» – и хроник уже. Идиоты молодые! «Стесняются» они ! Наиху*вейшее объяснение! Весь мир на пи*де стоит, ху*м подпертый! – в сердцах ругнулся Николай. – Потом мы их из депресняка вытаскиваем. Будто нам больше в этой жизни делать нех*й.

– Ну, у меня-то всё нормально? – набычась, спросил Ларик.

– Да всё нормально, вроде бы. Но когда ты уже большой-то головой думать будешь? Тут, если цепочки составить, то пол

мира под одним одеялом спит. И чего только в этом мире нет! Не можешь думать – так женись! И спи себе спокойно.

Это происшествие заставило Ларика внимательнее себе партнерш искать. Жениться он вообще пока не собирался. Впрочем, долго и искать не пришлось. Ленка, у которой гитара была, при встречах печально улыбалась, явно выражая обиду, что забыл её друг заветный ни за что, ни про что.

С душистого, пахнувшего лесом мороза, воздух в доме Ленки показался ему невыносимым.

– Чем это у тебя так воняет-то? Дышать же невозможно, открой форточки, что ли? – Ларик чуть не выскочил обратно. Представил, как будет вонять его пальто, когда домой придёт. С его нюхом он сам всегда сразу чувствовал, что от Настиной одежды пахнет то школой, то клубом. И от бабушкиных шубеек пахло магазином или почтой, когда они там бывали. Чутьё у Ларика было, как у собаки. Своё пальто он под недоуменным взглядом Ленки оставил в сенях, на морозе: «Так оно лучше будет».

– Если в следующий раз у тебя будет так же вонять – считай, я тут в последний раз был. Понятно?

– Ларик, так я тут трубу, наверное, рано закрыла, что ли? Я сама не чую, принюхалась, видимо. Ну ладно, как скажешь, проветрю я всё.

– Давай, и вторую фортку открывай! – деспотично-пребрежительно скомандовал Ларик, чувствуя своё некоторое превосходство по отношению ко всем дамам, которых

он некогда отметил своим вниманием. По сути дела Ларик в своей «мстительности» стал обычным жлобом и далеко как не джентльменом в интимных вопросах.

В Ленкиной спальне брезгливый нос Ларика смирился. А может и привык?

– Чтобы тут в следующий раз, как в лесу пахло, а не грязным шмотьём, я тебя серьёзно предупреждаю, – надевая в сенях в ледяное пальто, приказал Ларик, привыкший к «кипенной» белизне и чистоте в бабушкином доме.

Чего только не придумает себе обнадеженная женская голова!

Слова «в следующий раз» совсем вскружили Ленке голову: «Так, значит, он серьёзно ко мне пришел?! Не на раз?! Я же чувствовала, что не просто так у нас с ним тогда всё закрутилось!»

У Ленкиного дома, если бы он был живым существом, окна бы от удивления повылазили от того, что устроила с ним Ленка. Взяв на три дня отгулы в конторе, где она секретаршей работала, и никому не говоря, «зачем», она накупила мыла, соды и порошка стирального, а также флакон одеколona «Сирень» и закрылась в доме.

Она сняла шторы с окон, бельё с постели, выморозила подушки, матрасы и одеяла ватные на заборе. Повыкидывала из дома всякую болтающуюся под ногами дрянь: старые битые чашки, старое вонючее поганое ведро, облезший ве-

ник-голик, разношенные драные домашние тапочки и тряпки-вехотки, которые сроду не меняла, пока они осклизло сами не расползались под пальцами. В сенях все лишнее убрала, только самое нужное оставила: дрова на запасец, голичок свеженький у порога, снег с обуви сметать, да полосатый чистый старенький половик постелила.

И так-то ей на душе хорошо стало, что совсем поверила Ленка в свою счастливую планиду. Выстирала она всё, что могла, высушила на морозе и выгладила бельё. Выскоблила пол до желтизны где он выглядывал старыми досками под облупившейся краской на полу. Окна с уксусом промыла, На третий день, почти уже ползком, к ночи расстелила она, наконец, чистые чуть влажноватые ещё половики, пахнущие морозом, и еле живая от усталости потащилась в натопленную баню. Если бы Ларик и пришел в этот день, то застал бы спящую Ленку на полке в бане.

Целый день и целую ночь вымораживала Ленка свою избу, как когда-то бабка её учила тараканов выводить, сама Ленка так в бане и спала все свои страдные по уборке дни.

На следующий день она сходила в магазин и купила новые чайные бокалы в полосочку разноцветную, шесть штук, три с розовой полосочкой, три с голубой. Купила, наконец, новый веник, новую клеёнку на стол, и новые тапочки домашние, мужские и женские, только засмеявшись в ответ на вопрос продавщицы: «Кому это ты так стараешься? Никак новый опять завелся?» – никому Ленка не хотела ничего говорить.

– Только скажи – так и сглазишь сразу. Тьфу-тьфу! – плюнула она через левое плечо.

Для уверенности заскочила, якобы за солью, к Нюсяе Лымаревой, что жила напротив. У этой можно было чистоте поучиться! Об её-то доме по деревне сплетни ходили, что Нюсяя совсем на кровати не спит, а на полу только. Такая уж неестественная чистота у той было, что дух от красоты захватывало у кумушек. Это же немислимо такую гору подушек каждый день громоздить, да подзор кружевной натягивать! И покрывало белоснежное такое, что страшно прикоснуться.

Спала Нюсяя на кровати. Да только ей кусок в горло не лез, если складку на шторке замечала или пятнышко где новое. Мать Нюсяина это называла одним словом: «Бзик!»

– Мужика нет – вот и сходит с ума от безделья, – сетовала она старухам на лавочке, щелкая семечки. Но дочери сходить с ума не мешала.

Ленка увидела, что на столе у Нюсяи в банке стоит сосновая ветка в воде вместо цветов.

– Нюся, так до Нового Года ещё сколько? А ты уж ветки поставила?

– А я для запаха свежего. Сижу, нюхаю, чай пью с пряничком – и ничего-то мне не надо больше. Благодать! – И Нюсяя прогнулась в блаженстве своей сутулой сухопарой спиной, как худющая кошка.

– Ага, не надо ей ничего, как же! А сама – то одного экс-

педитора к себе чай приведёт пить, то – другого. Уж призналась бы, что охотников до тебя не больно много, – ворчала, тяжело дыша, Ленка. Она, стоя около молодой сосенки на опушке за домом, с хрустом обрубала топориком нижние сосновые ветки.

Вечером она снова сходила в магазин и купила новые льняные полотенца в кухню, как у Нюсяи. Не хуже. Такими же, сголуба-белыми, как чуток подсинённая синькой тюль на окнах, стали теперь у неё полотенца кухонные.

Слово «тюль» в те годы было исключительно женского рода.

К следующему приходу Ларика в доме действительно пахло лесом.

После его ухода Ленка прижималась щекой к подушке, на которой лежала его голова, и вдыхала его запах, от которого ей кружило голову, а мысли и мечты не давали заснуть до утра. Прежний её муженек вечно пах маслом машинным и табаком.

– Нашлась охотница и на такой запах. Живут на Дальней, вторым уже ходит. А первого возит в коляске. При, встрече, б***ь, не здороваётся. Не больно и надо, подумаешь! Мог бы и моего так возить, – у Ленки навернулись слёзы обиды. Не получилось ничего у них... Сначала он жениться не хотел, пришлось ей ехать в город, аборт делать в областной клини-

ке, куда её направил местный гинеколог. А потом захотел он ребенка, вроде, да она не смогла. И не сможет уже, как врач говорит.

И до сих пор мучилась Ленка, так и не решив: правильно ли она тогда сделала, послушав его, или нет? Не любил он её, если рассудить. Так словами прикрылся, что теперь детей, мол, захотел. От любимой-то всегда дети вовремя. И любила ли бы она ребенка-то от него, если бы не женился тогда? Мать так же вот родила её от проезжего лейтенанта какого-то уже на четвертом десятке. Думала, что задержит того мужика ребёночком. Не задержала. Уехал лейтенант. А мать Ленке всю жизнь пеняла, что она ей жизнь испортила, только от бабушки своей видела Ленка теплоту да какую-никакую любовь и нежность, старенькая совсем бабушка была, померла, когда Ленка ещё и в школу не ходила. Когда мать умерла, Ленка, немного погоревав для приличия, вздохнула свободно, наконец, что теперь её никто попрекать не будет каждый день за испорченную ею жизнь.

Ларик в редкие свои «приходы», которые становились всё реже из-за новой его работы – но об этом Ленка суеверно старалась не думать совсем – бывал скорее сухим и смущенным, но: «Как-то и не обижал, вежливым был, в общем-то. Не то что деревенские», – делилась Ленка своими переживаниями с подругой закадычной, Людкой из конторы.

Наступил праздник и на её улице. Жаль только, что он по ночам приходил и уходил. А Ленке так хотелось пройтись с

ним под руку по улице, и чтобы все увидели, с кем он решил судьбу свою связать. Если бы кто-то столько для Ленки старался, сколько она для Ларика, – она бы непременно такого полюбила бы.

– А Ларик что, из другого теста сделан, что ли? Привыкнет и полюбит, – с тем и засыпала Ленка, даже не задаваясь вопросом и не понимая, отчего это Ларик к ней теперь по ночам заглядывает, а не к Верке, как раньше бывало. Любила ли его Ленка?

Да смешным такой вопрос ей бы показался.

– Чо ж такого и не любить?! В городе квартира, говорят, у него, аж, трёхкомнатная. Ещё и телефон есть, Анька с почты говорила, бабки евоные прямо домой ему звонят, когда надо что. И у сестры евоной тоже телефон есть дома. Кого же тут и любить, как не его? – делилась она своей радостью с Людкой.

В дремучей и дикой своей наивности Ленка и не предполагала никакой другой любви, кроме как «за что-то» весомое, вещественное, значительное. Дом свой она теперь содержала в чистоте, «хозяин приказал», – шептала она Людке в самое ухо. Ценя свои «немеряные труды», она теперь стала смотреть на порядок в доме, как на произведение искусства, и очень хотела, чтобы и на её воротах красовалось: «Дом образцового быта», как у Нюсяи.

– Ларику, наверное, понравилось бы такое, – но спросить его об этом Ленка стеснялась, да и комиссия, присуждавшая такие таблички, ходила по селу только раз в год, после ве-

сенных расчисток и уборок.

А Ларик с утра до ночи крутился в водовороте дел. Хор, оркестр, согласование программы к столетию вождя. К этому вопросу был особый подход, очень ответственный, «чтобы каждое лыко в строку». Заботило и оборудование сцены, чтобы хор смотрелся на сцене красиво.

Клубу выделили плотника, который мастрячил по эскизам Ларика подставки, нещадно оспаривая каждый вбитый гвоздь и по крестьянски упорно и настырно цепляясь за каждый сучок настаивал на своей конструкции. Это выматывало кучу нервов и отнимало у Ларика силы. Наконец, Ларик плюнул на это дело, и плотник, удовлетворенный, что настоял на своём, стал молча и важно работать, свысока поглядывая на свидетелей их с Лариком ссор: «Знай наших».

– Бывают же такие поперёшные, – сочувственно вздыхала Пелагея, слушая рассказы внука. – Ну и ты не кобенься, Поди он мастер, как-никак. А мастера-то оне такие – любят своё показать умение. Ты к нему пришёл – не он к тебе.

Ларик теперь за ужином мог целый вечер рассказывать, как и что у него там творится. А однажды торжественно объявил: «Ну, всё! В Новый Год приходите слушать, концерт будет. Только костюмов нет. Жалко! Мужики, как на подбор. Ну, ничо, мы ещё себя заявим!» – грозился кому-то Ларик, улыбаясь и вычищая сковороду кусочком хлеба. Он был теперь вечно голодным, отощал совсем, но вспоминал об этом только вечером, когда домой приходил.

Бабушки к нему перестали приставать со своими разговорами про церковь.

– Наконец, отстали, – радовался Ларик идеологическому перемирию и покою.

Настя с головой погрузилась в школьные дела, приходила поздно вечером, никто не контролировал её рабочий график. Первое время директриса ей напоминала ещё, что день рабочий у неё сокращенный, а потом тоже забыла, втянутая в весёлые планы и дела пионерской дружины. Репетировали сказку для Новогодней ёлки и концерт. Все, ведь, придут на праздники: и родители, и просто селяне. Школа – это второй общий дом в селе.

Октябрьские праздники прошли торжественно, но как-то скомкано, из-за кутерьмы в клубе с переоборудованием. Но к Новому Году все готовились с полной отдачей, чтобы не ударить лицом в грязь в таком замечательном, почти городском «по красоте», клубе.

Леон с отстраненным удовольствием наблюдал за тем, как стены наполнялись шумом и петушиным задором одних кружковцев перед другими. Рёбрышкин задумал провести турнир на нескольких досках с односельчанами, и те, кто решился на такой эксперимент, тоже по вечерам толпились теперь вокруг шахматных досок, отчаянно споря над каждым готовящимся ходом.

Ларик весь светился и, поторапливая события, постоянно напоминал Воротову про костюмы. А что Леон мог сделать?

Ольга почему-то оттягивала решение этого вопроса, а хор и вправду смотрелся, пестро и вызывал недоумение своим внешним видом. Ираида вяло предложила взять где-нибудь напрокат театральные костюмы, но сама же и отказалась от этой затеи. Что толку-то? Ну, если даже и найдут, кто подгонять-то будет под фигуры, чтобы смотрелись нормально? Решили, что белая рубашка у каждого найдётся где-нибудь, темные галстуки тоже можно найти для всех пятнадцати певцов, или купить капроновые из черной сеточки за шестьдесят копеек, и темные брюки, в конце концов, тоже сойдут. А ботинки, если у кого не очень черные, можно и ваксой черной покрасить. Никто ничего издалека и не заметит. Ираида вызвалась сшить всем красные бабочки для неофициальной части программы. А что? Тоже сойдёт.

Удачная придумка Насти насчет кружка тоже пришлась кстати. Как-то вечером она постучала к Воротову в кабинет:

– Можно войти, Леон Сергеевич?

– Конечно. Всегда можно, что спрашиваешь? Что-то надо?

– Мне?

– Кому-то другому? Да ты садись, Настя, чай будешь пить? Я только согрел, у меня и конфеты найдутся. Любишь?

– А кто же их не любит? И чаю хочу. Я сегодня и не обедала, по-моему.

– Э-э-э, да ты вовремя, я тут бутыриков прихватил из города, тоже не обедал. Давай, садись, пир устроим сейчас, –

Леон быстро сдвинул в сторону бумаги и личный городской телефон, который ему недавно поставили по распоряжению районного начальства, и расстелил бумажную скатерть, сложенную вчетверо.

– Давай, Настюша, я и не знаю, с чем они тут, ну, там плохого не бывает, давай налегай, сейчас чаю тебе налью, – Леон с удовольствием наблюдал, как девчонка вонзила крепкие зубы в бутерброд с копченой колбасой. Это был крутой дефицит, а у него тут валялась целая куча этого дефицита.

– Знаете, Леон Сергеевич, зачем я к Вам пришла? – с набитым ртом начала Настя...

– Пока нет, но узнаю, надеюсь. Ты ешь, ешь, не говори, успеешь рассказать. Или ты куда-то торопишься?

– Я? Да нет, что Вы. Я никуда не тороплюсь, Некуда мне торопиться. Так вот, я пришла...

– Ты поешь сначала, и я поем, а то подавимся ещё. Идёт?

– Идёт, – смеясь, сказала Настя, запивая каким-то очень вкусным и ароматным чаем бутерброд с солоноватой розовой рыбой. – Это что я ем?

– Это? Сёмга. Рыбина такая большая. Нравится?

– Не-а. Мне больше с колбасой копченой нравится.

– Ну, так ешь с колбасой. Мне тут на неделю наложили...

– Кто?

– Что «кто»?

– «Наложили» – кто?

– А! Ну это там, буфетчица, ну в столовой, – Леон сму-

тился, поймав внимательный Настин взгляд.

– Это дорого, наверное, стоит, а я тут, как с голодного краю, – Настя смутилась и положила кусок на скатерть.

– Насть, это мне вообще ничего не стоило. Это там... всем так выдают. Ну, типа... паёк такой обкомовский, государственный. Бесплатно совершенно. Так что не стесняйся, а мне приятно угостить кого-нибудь. Одному скучно же есть. Понимаешь? Я это часто ем, мне даже надоело. Рыбу вот люблю, однако. – запихивая в рот бутерброд с сёмужкой, проговорил, смеясь, Леон. – Так что, пока не съедим, я по рабочим вопросам не принимаю. Понятно?

– Понятно, – не очень веря ему, сказала Настя.

– Насть, да я серьёзно. Надо это съесть всё, я один не справлюсь и оставлять нельзя, придётся собакам отдать на улице, если не поможешь. Завтра ещё привезу. Куда девать-то?

– И так каждый день выдают? – Настя явно сомневалась.

– Вот, смотри, – Леон подтолкнул к ней корзину для мусора, где валялся и вправду высохший кусок хлеба с чёрной, уже оплавившейся копченой колбасой. – Видишь? Не съел, забыл. Вот, теперь надо собаку найти голодную. У вас нет собаки? – подливая Насте чай в кружку, спросил Леон.

– У нас есть маленькая совсем, дворняжка. Так, звоночком работает. Я ей тогда заберу это, ладно?

– Конечно, заberi, ещё чего-нибудь добавим.... Давай ещё по паре бутербродиков замнем и приступим к работе.

Идёт?

– Идёт, – Настя, успокоившись ещё целых три бутерброда съела. Сыр тоже был очень вкусный, с огромными дырками. Такого Настя ещё ни разу не ела, из-за дырок надо было сразу три куска сыра класть, как сказал ей Леон Сергеевич: «Чтобы бутерброд был не дырявым».

– Ну, о чём твоя голова болит? – спросил, наконец, Леон Сергеевич, когда убрал в стол бумажную скатерть.

– Леон Сергеевич, я вот подумала, что у нас девочки немного в стороне остаются. Мальчишкам – тем шахматы, конечно, подходят. И в школе спортивные секции есть, конечно, и девочки тоже этим занимаются, но не все. У меня тут одна родительница предложила кружок рукоделия вести, игрушки мягкие и бумажные делать. Можно тут выделить пару часов на такой кружок где-нибудь? Между шахматами, например. Можно и конкурс даже устроить на лучшую ёлочную игрушку. Как Вы думаете? – Насте показалось, что он смотрит на неё, но не слышит, думает о чём-то о своём.

Он действительно не столько слушал эту девочку, сколько смотрел и удивлялся, какие же штуки вытворяет природа, повторяя иногда такое совершенство, как две капли воды похожее на предыдущий образец, только гораздо младше. А может быть, ему это всё кажется? И эта девочка – просто видение, настоящее на боли и любви? «Но она же никогда ничего не говорила о каких-то родственниках? Ей не с кем было даже проститься, а она так хотела, чтобы кто-нибудь

нашелся бы...»

– Вы не слушаете меня, Леон Сергеевич?

– Почему же? Я очень внимательно тебя выслушал. Всё правильно ты говоришь. Надо и для девчонок сделать хороший кружок. А где материалы брать будете?

– Материалы?

– Да, материалы. Насколько я знаю, рано или поздно матери перестанут давать куски на поделки. И из старья это всё будет не очень красиво смотреться. Согласна? Да и бумага цветная не дешево стоит и не всегда бывает. Я могу только белую ткань гарантировать. Дранные медицинские халаты нам в больнице смогут отдавать после прачечной. Белое – есть белое. Это я договорюсь. А остальное?

– А эта родительница говорила, что она раньше работала в каком-то ателье, может там можно кусочки брать ненужные?

– Вот давай мы с тобой это всё обмозгуем, я по своим каналам, ты – по своим, и соберёмся в понедельник с тобой тут же. За бутербродами, – Леон засмеялся – мне опять их насуют в воскресенье. Согласна?

– Конечно, Леон Сергеевич. А время для них найдётся?

– Для бутербродов? – шутливо изумился Леон.

– Да нет, для девочек.

– Да легко! Только я очень корыстный. Я уже мечтаю, чтобы у нас была самая красивая ёлка с самодельными игрушками. А клуб пока только на четверть загружен против возможного, так что тащи сюда всех желающих. Все войдут. Пойдём,

я тебя как раз и провожу до дома, нам по пути. Может, ещё чего-нибудь придумаем на свежем воздухе, гулять полезно. Иди, одевайся, поздно уже.

Ларик, распивая чай с уставшими после репетиции мужиками, внимательно посмотрел вслед уходящим из клуба Насте и Воротову: «Провожать уже, что ли, пошел?»

Глава 9. Первые вы

яснения

Ольга тогда мгновенно разрешила все трудности, подцепив, как шефов, два ателье города. Встал вопрос, как эти тряпочки возить .

– Лёня, а тебе пора бы уже машинкой обзавестись. Помочь?

– Не надо. Мне её просто пригнать надо сюда. До сих пор нужды не было. Пригоню.

– И какая у тебя машинка? – Ольга с любопытством склонила голову к плечу.

– Да ничего хорошего. «Победа». Давай чай пить, и вообще, мне уже ехать пора, и ты на работу опоздаешь. Давай, давай, нечего на меня такими глазами смотреть. В следующую субботу я не смогу приехать. Мать вызывает. Что-то срочно.

– Что случилось?

– Да кто же знает? Приеду, расскажу, если это не тайна чья-то личная.

Настя расцвела в улыбке, когда услышала, как решились дела с материалами для кружка.

– Вот! Значит, это действительно нужно, раз так всё просто решилось. Да, ведь? – она счастливо улыбалась и радовалась удаче, как маленькая.

– Да, ведь. Садись чай пить. В этот раз я ещё и другое тут что-то получил. На-ка разберись, что тут нам наложили?

– Нам?

– Ну, разумеется – ам. Мы же вдвоём будем чай сегодня пить?

– Вдвоём. Но сегодня пораньше домой мне надо вернуться, в прошлый раз бабушки очень беспокоились. Ларика отругали, что не пошел со мной домой.

– Так я же тебя проводил? Чего тут бояться-то? Все – свои.

– Ну, мало ли что. Ребята, бывает, озорничают. На прошлой неделе кого-то на мосту напугали, так скорую пришлось вызывать, говорят.

– Ладно, сегодня и мне надо пораньше, с друзьями договорились посидеть вечером.

– Они у вас очень хорошие. Ваш Рёбрышкин – просто золотые руки, на всё его хватает.

– Да, Димон хороший парень, даром, что детдомовский пацан, всё умеет делать. Да и Окорокков, ну Веня, тоже молодец, знаешь, как он фотографирует?! Закачаешься! Ещё и рисует.

– Во-от! А что же Вы молчали? Можно же и фотокружок сделать, и рисовальный кружок организовать. Столько

талантов вокруг! Только копни, оказывается. Да, ведь?

– Да, ведь? – передразнил её Леон. – Ты ешь, ешь, а то у тебя от голода просто рог изобилия на всякие проекты. Давай уж по одному кружку запускать. А то лопнем.

– Ладно. Действительно, у меня самой голова кругом идёт. Столько можно самим сделать! Просто захотеть – и сделать, и оно будет людям пользу приносить.

– Давай, завтра присылай ко мне твою родительницу, надо мне с ней по-взрослому поговорить...

– А со мной – не по-взрослому получается? Но я же – пионервожатая!

– С тобой? Да, как сказать? Пионервожатая ты синичка. Тебе ещё самой можно в какой-нибудь кружок походить, а ты уже работаешь. Ранняя ты птаха.

– Так получилось. Папа меня в пять с половиной лет записал в школу, я и читать и писать уже умела. Хотел, чтобы я быстрее её закончила, пока он жив-здоров. Так и не дождался.

– Молодец он – твой папа. Предусмотрительный мужик, – Леон в общих чертах знал историю Насти.

– Ну что, пойдёмте, барышня?

– Я сейчас. Я быстро! – Настя бегом побежала одеваться и столкнулась на пороге с Лариком.

– Куда это ты торопишься? Уже девять, домой пора. – сухо и строго сказал Ларик.

– А мы и собираемся домой, – улыбаясь, ответила Настя.

– Мы? – Ларик выразительно посмотрел на Воротова.

– Да нет, просто нам по пути, Леон Сергеевич живёт дальше нас по улице.

– Я знаю, где живёт Леон Сергеевич. Быстро одевайся, я жду тебя на крыльце.

– Чего ты раскомандовался тут? – Настя возмутилась такой выходкой Ларика.

– Настя, он прав. Давай домой, а я тут, чуть не забыл совсем ещё про одно дело, мне ненадолго надо остаться. Давайте, ребята, спокойной ночи.

В этот раз Леон Сергеевич задумчивым взглядом из окна проводил уходивших в темноту Настю и Ларика.

– Да ты никак Родину на Ворота сменить задумала? – скаламбурил Ларик.

– Какие ты глупости городишь, Ларик! Просто слушать противно. Не забывай, что не у всех при виде женщин мысли одинаковые появляются.

– О-хо-хо-хох! Тоже мне – женщина нашлась! Но пока ты под моей крышей живёшь, будь добра – не делай глупостей. Он тебе в отцы годится. Глаза разуй!

– Господи, Ларик! Ну чем забита твоя голова?! Мы просто коллеги, сотрудники. Ну, друзья, наконец!

– Запомни, Настюша, – нет дружбы между женщиной и женщиной. Не-е-е-ет! Всякий мужчина, когда смотрит на тебя, то невольно... это...

– Что «это»?! – Настя возмущенно наступала, защищая

свои права.

– Ну, в постели тебя представляет, короче. Все они так представляют. Мы так созданы. Понятно? И пока ты несовершеннолетняя, я за тебя отвечаю. Понятно?

– Нет! Не понятно. Ты тоже смотришь на меня, и что?... тоже... ну это..?

– Что «это»?

– Ну, в постели меня представляешь?

– Совсем с ума сошла! Я – совсем другое дело. Ты для меня и не женщина вовсе.

– А кто же я ?!

– Нет. Ну в общем, ты будешь потом, конечно, женщиной, но... Понимаешь? Ты мне, как сестра. И ты должна нормально вырасти. Я понятно изъясняюсь?

– Понятно. Спокойной ночи. Я есть не хочу. Сыта по горло! – сердито сказала Настя на пороге дома и ушла к себе в комнату, оставив Ларика разговаривать с бабушками, если они выйдут их кормить.

Первые объяснения, так сказать, состоялись.

Настя рыдала, уткнувшись в подушку, и даже не могла сама себе точно объяснить, почему она так рыдает. Ларик обидел её своим хамским высокомерием и мужским пренебрежением. И её отношение к Леону Сергеевичу, так напоминавшего ей отца в чём-то, приобретало совсем другой, пугающий её смысл. Неужели Ларик прав? Не может такого быть! Леон Сергеевич никогда и ничем её не смутил, просто часто

бывает рядом, стоит оглянуться, а он где-нибудь рядом просто сзади сидит.... Просто?

Леон медленно брёл по улице, в подворотнях привычно брехали собаки, реагируя в ночной тишине на скрип снега под его ботинками. «Цепные лают псы» – задумчиво продекламировал Леон стихи друга своего Вильяма Шекспира. В доме Ларика свет горел только в окнах, выходящих во двор. Настино окно было тёмным.

– Что между ними? Раньше казалось, что он к ней абсолютно равнодушен, даже несколько высокомерен, как к младшей по званию в семье. Или это только невольная маскировка? Или это этакая домостроевская дурь в парне разыграла? А если нет? Не дурь? А у неё что? – Леон отчетливо вспомнил, с какой готовностью Настя стала им помогать писать план организации хора, с каким восторгом она смотрела на Ларика, когда он говорил, жестикулировал. Однажды Леон случайно увидел её глаза, смотревшие на Ларика на репетиции. От волнения они у неё стали распахнутыми и восторженными, как у ребенка, и влажно блестящими, как от сильного волнения.

– Обычная репетиция была, самая обычная.... Стоп! Да она же... любит его... Поэтому и смотрит на него, как на божество. Поэтому и запинается болезненно-стыдливо, объясняя, почему Ларика нет по вечерам дома. Бедная ты моя девочка. Бедная ты синичка, запутавшаяся в сетке такой немилосердной к тебе паутины первой любви! А ко мне ты

жмётся инстинктивно, как к старшему, как к отцу. Бедолажка ты моя. Моя была бы сейчас чуток младше тебя. Ей тринадцать бы было. А я-то, идиот старый, ... придумал себе хрен знает что.

– Смотри-ка, как быстро ты в этот раз всё понял! А тогда до самого конца не понимал по-настоящему, что и зачем ты предпочитаешь и ради чего? Козёл ты еб**нутый, из-за этого и потерял всё. Потерял! – язвительно прохрипел вечный внутренний судья. – Ну всё, обеспечена тебе ночка ху**вейшая. Что же тебе так везёт-то по жизни? Сам ты выбрал всё. Сам. Стаська, прости меня, а? Прости и не отпускай меня только...

– Ладно, – вслух пробормотал Ворот, – надо к ребятам зайти на огонёк, опрокинуть хорошенько, иначе не заснуть, – и тяжело, как пьяный или больной, пошел дальше по улице.

Но как же был доволен Ларик, что сумел поставить некоторые «точки над і»!

В те времена Новый Год по ощущениям у обычных граждан самой большой страны мира был таким же, как и сейчас, – самым долгожданным праздником года.

Только сейчас празднуем мы его по две недели кряду, умирая под конец от обжорства, безделья и тревоги за заработок в конце месяца.

А тогда Новый Год праздновали сколько уж получится, – два или один день, а если случайно на выходные пришелся

– вообще, считай, без праздника обходились, обманул календаршико. Позже, когда ввели пятидневную рабочую неделю, – вот тут удавалось оторваться иногда и на целых три дня!

Но дети страны Советов всегда праздновали его одинаково – все зимние каникулы! И подарок тоже получали обязательно от маминой и папиной работы. Или один подарок, если папы не было, или родители вместе работали. Это дарили не папа с мамой – это дарило предприятие через подарочные списки детей от профсоюзов.

Все предприятия культуры в эти очень праздничные школьные каникулы были по горло завалены работой. Ёлки проходили в три смены в каждом клубе, дворце и театре. Голоса у Дедов Морозов садились от напряжения. Уборщицы в этот месяц зарабатывали тоже премию, – поди-ка за всеми этими детками вымети конфетти, мишуру и фантики по три раза-то за день!

К Новому Году пыталовский клуб готовился, как к осаде. Всё на своих местах. Подарки – под ключ. И в каптерке с подарками одурительно пахло яблоками, мандаринами и шоколадными конфетами. Ёлку привезли шефы, и коробку с игрушками тоже. На головах гардеробщицы и уборщицы светилась и сверкала яркая мишура. У буфетчицы мишура сияла поверх белоснежного кружевного накрахмаленного с вышивкой «ришелье» кокошника. На утренники приглашали

по очереди всех отличников боевой и политической подготовки из части шефов-военнослужащих. После Ёлки устраивали для них обязательный чай с булочками или коржиками. Дети младших классов рассказывали стихи, дарили новогодние открытки своим друзьям-солдатам, протирали у них колени, сидя за чаем вместе на одном стуле, стульев не хватало на всех, но это никого не волновало и не смущало особо. Все были довольны. Солдатам тоже дарили новогодние сладкие подарки в подарочных пакетах из обёрточной бумаги с зелёной ёлочной веткой, напечатанной на боку, и те были рады не меньше, чем их подшефные. Смычка продолжалась! Старшеклассники-мальчишки относились по-разному к этим, довольно-таки, нахальным шефам. Все старались не наступать на больные мозоли друг другу под бдительным оком учителей и офицеров сопровождения Парни уже привыкли к постоянному присутствию ребят в защитных военных формах, как к неизбежному в их жизни злу, постигшему их. И это зло отвоёвывало, так или иначе, своё место под солнцем. Некоторые девчонки и солдатики снились друг другу по ночам.

Количество радости не зависит от комфортности обстановки, оно зависит от настроения – и только! Радости в эти праздники всегда бывает много, как и хорошего настроения. Девчонки старшеклассницы подводили своих шефов и партнёров по танцам к игрушкам на ёлке и хвастались своими произведениями. Увлекла тогда Настина идея с игрушками всю школу. По всем классам конкурсы на лучшие работы

прошли. Некоторым солдатикам удалось даже получить мягкую игрушку в подарок. Если ты с девчонкой переписываешься, то почему же не взять от неё подарок? Девчонки сжимали в кармашках платьев открытки в конвертах с «горячими пожеланиями счастья, здоровья и любви...»

К слову, м-да. Навивными тогда люди обычные были. Неизбалованными.

А дети высокопоставленных чиновников, всякие митрофановы, уже тогда за границу ездили Новый Год отмечать. Слуги народа дарили своим детям на Новый Год машины и квартиры. Тогда всё это уже началось и расцветало пышным цветом ...

Детские утренники – детскими утренниками, но всегда, и обязательно, предполагалась праздничная программа и для взрослых. В этом году входные пригласительные билеты пришлось выпустить по двадцать, а не по десять копеек, зал битком набивался, на приставных стульях в проходах мест не было. Но никто не роптал, всем объявили, что деньги от выручки пойдут на костюмы для нового детского оркестра. Всем хотелось концерт посмотреть: «Мужики же петь должны!? Ну и ребятишки тоже сценки разные представят. Как же не пойти?»

Настя лично тоже готовилась к Новому Году, как и все.

Извечный женский вопрос: «И что мне надеть?» – и тогда стоял остро. Но по другим причинам, нежели он сейчас стоит у большинства. Тогда солидный женский гардероб у обычных трудящихся женщин, а не у жен начальников разного ранга, включал для каждого зимнего и летнего сезона по два домашних платья(из состарившихся выходных) и халат для утра. Два выходных платья, то есть для выхода на работу (тоже летних и зимних) и нарядное платье. Оно могло быть и одно, если из шелка и с рукавами. Этого как-то в основном хватало. Ни колготок не было, ни гамаш тёплых не было. Чулки капроновые и фильдеперсовые – из плотного шелка – для весны и осени, и чулки хэбэшные для холодов.

Ну, нижнего лёгкого и теплого белья – приобретали по возможностям. Стирали каждый день. По другому люди пахли тогда, хозяйственным и банным мылом, в лучшем случае «земляничным», порошком «Новость» и духами с очень наивными спиртово-цветочными запахами.

И тогда существовал негласно принятый всеми дресскод. Он был своеобразным таким – не позволял в общественном месте зимой в платье без рукавов появляться, да ещё белом впридачу!

Но не было у Насти другого нарядного платья, кроме выпускного, бывшего Элькиного – хоть тресни! Но кто же в белом платье с короткими рукавчиками на Новый Год пойдёт?!

Все пальцами будут тыкать вдогонку и шептаться.

Настю, как всегда, Элька выручила

– Да нет, Настя, из этого всего, что ты тут достала ничего путного сшить не получится, – заключила безапелляционно Элька.

Настя пыталась из платяниц, захваченных ею из дома и давно ставших маленькими, что-нибудь с чем-нибудь скомбинировать и сделать что-то подходящее. «Из говна конфетку», – как жёстко пошутил Ларик, услышав, о чём шептались женщины, колдуя над грудой тряпья)

– У меня где-то на антресолях мои школьные платья лежат. Я-то из них выросла, а для тебя они ещё могут быть и очень даже ничего себе. Давай, приезжай на выходные, помаракуем с тобой, а я достану всё, посмотрю, что там есть хорошего.

К слову: удивляться тут нечему. В интеллигентных семьях, обычно ниже среднего обеспеченных, особенно имеющих ещё и «старинную закваску», никогда и ничего не выбрасывалось. Всё стиралось и складывалось «до лучших времён». И эти лучшие времена рано или поздно наступали. Почти все женщины умели шить и переделывать, кроить и лицевать, на том и держались, и всегда «прилично» выглядели находчивые русские женщины. Ключевым было слово – «прилично». Красота, конечно, была желательна тоже, но это уж по личному вкусу и возможностям, у кого как полу-

чалось.

Перешитое за день совместными усилиями Эльки и Насти шерстяное платье тёмно-бордового цвета с пуговицами, обтянутыми кусочками подходящего бордового атласа, валявшегося до лучших времен в мешке с обрезками, с широким поясом и с бантом, отделанным тем же атласом с одной стороны, делало Настю намного взрослее и женственнее. Она выглядела в нём взрослой девицей. И только её смущённое от удовольствия личико выдавало её шестнадцать лет.

Элке так нравилось наряжать эту девочку! Она невольно чувствовала себя её покровительницей. Мать Настина ни разу с тех пор, как Настя выписалась из квартиры, не поинтересовалась, как дочь где-то там живёт? Это всех морально убивало. И Настя тоже ни разу не спросила о матери. Она знала, что если бы мать спросила о ней, ей сразу бы это передали. Эта тема была запретной в доме Арсеничевых.

Когда Настюша появилась в клубе такая нарядная, без своего пионерского галстука, в котором она постоянно ходила и мало чем отличалась от старшеклассниц, много пар мужских глаз провожали её взглядом до кресла у прохода в зрительном зале. Леон сел через проход от неё, на два ряда сзади. Теперь он от неё постоянно дистанцировался, насколько мог. Его душевное положение это мало спасало, но, по крайней мере, выглядело всё прилично и естественно. Настя по-прежнему приходила к нему в кабинет, если возника-

ли вопросы, но теперь Леон Сергеевич всегда оставлял дверь открытой, а если намечалось чаепитие, то обязательно приглашался кто-нибудь третий. Впрочем, это случалось теперь не столь часто.

Ольга сидела рядом с Леоном, слева от неё сидел её водитель. Ольга обязательно хотела присутствовать на первом выступлении хора, на который Леон возлагал столько надежд, и из-за которого она столько дел провернула. Клуб ей нравился, – толково вписались новой мебелью, креслами, стульями и диванчиками в сталинскую лепнину потолков некогда образцового лагерного дома культуры. Она с любопытством разглядывала довольно миленький зал со шторами «маркиза» и новым бархатным занавесом, заполненный толпившимися в своих праздничных нарядах селянами. Вторую обувь тут не надевали. Только одна девушка на соседнем, через проход, ряду выделялась из общей массы. В строгом прямом платье бордового цвета с пышным узлом косы, заколотой на затылке, и в светлых туфельках на гвоздике. Вполне себе интеллигентная городская девушка. Броско, просто и эффектно.

– А это кто? – кивнув головой в её сторону, спросила Ольга у Леона. – Вон та, с косой и в бордовом платье?

– Это? Это старшая пионервожатая школы. Квартирантка Арсеничева. Помнишь, я тебе рассказывал? У него ещё две бабушки тут есть. В цветнике парень живёт.

Ольга заметила некоторую нотку раздражения в голосе

Леона, но не слишком обратила на это внимания: «Мало ли? Нервничает. Хотя чего нервничать, сегодня же я тут неофициально? Жаль, что он не может сегодня со мной уехать. Да, впрочем, водитель и так косится что-то. Ладно. В следующий раз. Когда он уже машину свою пригонит? Живёт тут, как сыч в болоте. И он мне так и не рассказал, зачем мать его вызывала так срочно? Интересно...»

Сначала выступали дети. Очень ладно и чинно рассказали стихи о партии и народе, а потом про Новый Год. Сегодня детский спектакль не стали ставить. Это для утренников припасли. Сегодня главное блюдо концерта – мужской хор. Полтора отделения с перерывом на буфет.

Ради праздника завезли бутылочное «Жигулёвское» с мойвой копченной, и теперь даже в зал доносился крепкий рыбный запах мужского праздника души. Вместе с запахом пирожных и беяшей – это всё создавало типичный столовский запах. И тут никакие духи не помогали. Впрочем, местные на это вообще ни малейшего внимания не обращали. Наоборот, радовались от души, что, наконец, и у них, как в городском театре, буфет организовали. Заботило всех одно: как успеть в перерыве отовариться и употребить ещё всё? Правда, буфетчица всех заверила, что будут у неё помощники, и буфет будет работать и перед кино, и потом ещё, после кино тоже, расторгать всё надо, если что останется.

Когда после детей ведущая концерта объявила громким голосом, что на сцене клуба впервые выступает «Пыталов-

ский мужской хор!»), кто-то заржал. Двусмысленно как-то получилось. Но на шутника зашикали, и в зале воцарилась тишина такая, что слышно было, как шуршит по полу новый раздвигаемый занавес.

Перед зрителями предстал мужской хор из пятнадцати мужиков в белых рубашках с черными галстуками, черными, или около того, брюками и ботинками, стоявших в два ряда, задний ряд на подставке, из-за которой Ларик потерял когда-то кучу нервов. Впереди стоял Ларик в своём костюме с очень короткими рукавами и дирижерской палочкой в руке, и Ираида Ивановна стояла около пианино в длинном сверкающем люрексом тёмно-синем вечернем платье. Ларик поклонился, и Ираида Ивановна тоже немного склонила голову, приветствуя зрителей.

– Однажды лебедь, рак и щука, – иронично прошептала Ольга, склонившись к Леону. Он только мельком улыбнулся ей, и отвернулся к сцене. Ларик повернулся к хору, и видно было, что он что-то говорит своим, на лице у некоторых появились улыбки. Но как только он поднял свою дирижерскую палочку, все мужики впились глазами в него. Ираида делала вступление. Первой песней была песня о Ленине. Начали тихо и задумчиво басы: «День за днём идут года», – затем к ним присоединились баритоны: «...зори новых поколений», – затем вступили теноры: «...но никто и никогда не забудет», и потом выделился звенящий молодой голос: «имя Ленин!»

С первых нот эта заезженная по микрофонам, замурзанная в концертах, но в общем-то неплохая мелодия, зазвучала по-новому. Раскатисто, задумчиво, по-человечески просто и патетически возвышенно при этом. Ольга от неожиданности вцепилась руками в подлокотники. Она много раз слышала сельские хоры. Но этот звучал не как самодеятельный хор, а как профессиональный. Слаженно, чисто, твёрдо и отшлифовано. Ольга взглянула на Леона, а тот, полуотвернувшись, смотрел в сторону девушки в бордовом платье с косой и задумчиво улыбался. Он уже десять раз слышал эту песню и даже покачивал головой в такт. Девушка тоже покачивала головой, смотрела очень напряженно, руки её, стиснутые на коленях, побелели в костяшках пальцев.

– Ой, как тут у них интересно! – подумала про себя Ольга. Многое ей стало ясно в поведении её Лёнечки. – Вот, оказывается, в чём дело. Очень интересно. Понаблюдаем...

Но наблюдать дальше стало не очень интересно. Зрители отчаянно рукоплескали и даже выкрикивали «браво». Леон задорно оглянулся на Ольгу, хлопая в ладоши.

– Ну, как?

– Пока не поняла. Послушаем дальше.

– А-а-а. Ну слушай, слушай... – и снова в его голосе ей слышалась ирония. Она вспомнила, что сама говорила, что ей медведь на ухо наступил, когда он, подыгрывая себе на гитаре, пригласил её петь с ним романсы. У него был очень приятный, чуть с брутальной серебристой трещинкой, бари-

тон.

«Ладно, я покажу тебе иронию. Подумаешь, знаток. Хотя поют они неплохо. Интересно слушать», – Ольга постаралась сосредоточиться и слушать внимательно. Она никак не могла понять, на сколько голосов они вообще поют?

– Лёня, а кто им это... партитуру писал или там ставил? Арсеничев или дама в синем?

– Арсеничев. Он слухач. Хотя она – тоже.

– И на сколько голосов они поют?

– А когда как. Они и одну песню могут по разному петь. Хорошо они поют. Я же тебе говорил. Все первые места наши. Расслабься и наслаждайся.

Настроение Ольги Павловны катастрофически ухудшалось: «Нет, он точно надо мной издевается. Он и в первый наш вечер точно так же мне сказал, как какой-нибудь недо-тёпе», – Леон теперь почти откровенно сидел к ней впол-оборота, открыто поедая глазами эту девушку в её смешном провинциальном, скорее всего самодельном платье, отделанном каким-то совершенно идиотским атласом.

Настя не отрывала глаз от сцены, пытаясь всё запечатлеть в памяти. Надо будет бабушкам всё подробно рассказать и Элечке, которая обещала приехать в гости, тоже.

Когда первое отделение закончилось, Ларик долго раскла-нивался, как бы передавал взмахом руки все аплодисмен-ты артистам, вывел за руку Ираиду Ивановну к краю сцены. Осветитель из местных беспощадно осветил их обоих, почти

ослепив. Занавес под бушующие аплодисменты закрылся, и все рванули к буфету, выстроившись тремя длинными хвостами, заполнившими всё фойе.

– Пойдём в кабинет, – пригласил Леон Ольгу, подавая ей руку, – здесь сейчас окна откроют проветрить, рыбой воняет – сил моих нет.

– Пойдём. У тебя есть, что выпить?

– Нет. На работе нет. Дома есть.

– Твоё «дома» меня не интересует. А кто эта девушка?

– Какая девушка? Чай будешь?

– Да прекрати ты мне невинность изображать, плохой ты актёр. Налей, только горячий, пожалуйста! Да всё та же, – Ольга жестко усмехнулась. – Через проход. Мне показалось, что ты с неё портрет рисуешь мысленно, так уж ты её изучал, не отрываясь.

– Не глупи. Просто у тебя сегодня настроение не очень хорошее. Но вроде ещё рано? Или я ошибаюсь? – спросил Леон, притягивая её к себе.

«Черт! Вот как он так делает, что я сразу хочу его и готова всё простить?» – тая от его рук, как снег на плите, подумала про себя Ольга, а вслух сказала: «Не ошибаешься. Рано. Кстати, ты мне так и не сказал, зачем тебя мать вызывала к себе? Здорова? Надо помочь?»

– Не надо. Она сама, кому хочешь, помочь может.

– А что же её сын в такой дыре баклуши бьёт, извиняюсь, конечно?

– А вот этого мы касаться не будем. Да? Я тебе уже говорил, что это – моё личное дело.

– Но дело же не в этой девочке?

– К сожалению – нет.

– Почему «к сожалению».

– А помнишь, Пушкин наш как-то сказал: «Чистейшей прелести чистейший образец!» Вот это – про неё.

– С ума сойти! Да ты романтик у нас. Ты в отцы ей годишься, между прочим.

– О чём всемернейше и сожалею.

– Твоя муза, значит, так сказать?

– Угу. Она самая. Ты чай-то пей, скоро звонок будет. Почему ты молчишь про хор? Ты же для этого приехала?

– Ну, не только для этого, разумеется. А тут муза... Так неожиданно...

– Да перестань. Она влюблена в своего спасителя-покровителя до его последней волосинки.

– В кого это?

– Разве не видно? В Ларика своего. Ну, что ты брови так изогнула? В Арсеничева. Я же тебе рассказывал, как он её буквально спас от...

– А-а-а, припоминаю. Ладно, не будем об этом, любуйся своей музой, только не так откровенно.

– Я? Откровенно?!

– Да, представь себе. И не только у меня глаза есть, между прочим. Пойдём слушать дальше. В принципе ничего. Я

думаю, пойдёт.

– Поедет! Вот увидишь.

Второе отделение состояло из народных песен и романсов. Артисты, ободрённые парой чашек теплого чая с лимоном и с беляшом, вышли на сцену в «другом костюме», как шутил Леон. На шее у каждого из них теперь была бабочка, обычная концертная бабочка, только все они были разного цвета, всех цветов радуги (тогда это ещё никак не ассоциировалось с гей-парадами и их знаменами). На заднике тоже были прикреплены бабочки разных цветов, разбросанные среди снежинок. И от этого казалось, что над хором что-то веселенькое порхает.

Ираида Ивановна тоже была уже в другом вечернем платье. В этот раз – в красном. Вот когда пригодился её театральный гардероб!

Лирические песни пели в классической манере, верхний ряд, стоя на помосте. А вот на казачьи песни потомственные казаки вышли в полукруг и пели их так, как года-то пели их отцы и деды, многоголосием. Вольно и широко, «сладо-страстно и губительно», как сказал Леону однажды «под рюмочку» молчаливый и сентиментальный Огороков. Его до слёз прошибало это сохранённое кем-то пение казаков, русских военных мужиков, годами певших свои походные, рыдающие от тоски песни. Над залом пыталовского дома культуры сегодня победоносно снова зазвучали старинные песни казаков, разудалые военные, радующие и бодрящие своей

военной наглостью и уверенностью, озорные мужские задорные молодецкие песни и песни любви к своим любушкам, оставленным на родине, рвущие тоскующей страстью сердца слушателей на части.

После каждой песни длинные аплодисменты не давали начинать следующую. Ларик кланялся, уже успокоившийся и понявший, что первый трудный шаг преодолён. Он поглядывал в зал, привычно находя в зале Воротова, рядом с той, с «чернобуркой» из города. Иногда они о чём-то переговаривались, она улыбалась, но однажды Ларик поймал её злой и ироничный взгляд направленный на Леона, который навалившись на спинку впереди стоявшего кресла и упершись подбородком в кулак, улыбался и смотрел Настю, забыв, казалось, обо всём в этой толпе.

– Вот козёл! – Ларика это взбесило. – Тут вопрос о хоре решается, а он снова о Настьку глаза дрочит.

Но потом весь остававшийся концерт Леон всё время о чём-то разговаривал со своей соседкой из города, и Ларик почти успокоился: «Надо с ней дома поговорить, чёрт знает что! Чуть из кресла не выпрыгивает от радости. Глаза ярче прожектора светят, как маленькая, ей богу. Но чего этот-то так на неё смотрит? Баб, что ли, мало? Чего он в ней нашел? Вот ещё напасть на мою голову, – Ларик устало кланялся, не теряя из виду Воротова и его городскую гостью, пока те не вышли из громко орущего и одобрительно, по-свойски, свистящего зала.

– Ну, что вы теперь скажете, Ольга Павловна? – наливая ей горячего чаю в кружку, церемонно спросил Леонид.

– «Удовл.» Пока только так. Как хочешь. Сердись-не сердись. Но – «удовл.»

– А, по-моему, это ты просто сердита сегодня. Почему «удовл.»-то только?

– Нет, а что ты хотел от меня? Эти дурацкие бабочки! Это же посмешище!

– Ольга, ты не забыла, что это была развлекательная часть концерта для жителей села в Новый Год? Это не торжественное заседание в вашем обкоме или ещё где-нибудь. Это Новый Год. Праздник такой есть. С ёлочкой и подарками. Понимаешь?

– Могли бы всё равно что-нибудь посolidнее придумать. А то, – как шуты гороховые на ярмарке.

– Ты не о том сейчас говоришь. Как они поют? Я об этом спрашиваю тебя.

– Я ничего в этом, честно говоря, не понимаю. Но неплохо вроде. Поэтому «удовл.»

– Понятно. То есть, если бы тебе какой-нибудь эксперт от хоровой музыки всё разжевал, ты бы её, музыку эту, значительно лучше прочувствовала. Да? И если бы они были в народных костюмах, – тоже было бы доходчивее? И если бы они в чёрных тройках и лакированных ботинках стояли – то звучали бы гораздо лучше? Я правильно тебя понял?

– Ну, в общем – да.

– Ну, так я только перечислил оставшуюся часть задачи – про костюмы и грамотное жюри. Это твоя часть. Об этом сразу договаривались. Так что вы на себя сердитесь, дорогая Ольга Павловна, – тихо проговорил Воротов, подойдя сзади и прижимаясь губами к её шее, пахнувшей этими странными, «химическими», как про себя обозвал их Леон, духами.

– Ты так специально делаешь? – она повернулась к нему, ловя его губы. – Ты обезоруживаешь меня, – прошептала она, обнимая его.

– Я не специально... – сказал он, плотно прижимая её к себе, а потом, смеясь, добавил: «Я нарочно так делаю и с нетерпением жду костюмов. Иначе твой эксперимент в отдельно взятом селе с треском провалится. Я правильно понимаю?»

– Ты – мерзавец! Всё ты правильно понимаешь. Будут тебе костюмы. В субботу жду, – Ольга вывернулась из его рук и оттолкнула его. – Всё, не приближайся! Только шубу подай и не прижимайся ко мне.

– Да, пожалуйста! – Леон с улыбкой подал ей шубку, держа её на вытянутых руках. – И шапку пожалуйста. Пойдёмте, я провожу вас до машины, ослепительная.

Всю дорогу до города Ольга пыталась понять, что же такое этот Леон Воротов? В какую игру он с ней играет? Или она с ним?

Так ни к какому определённом выводу Ольга Павловна и не пришла.

Леон взбежал по ступенькам клуба, навстречу ему, застегивая на ходу пальтишко, выскочила Настя.

– Леон Сергеевич! Как же здорово они пели! Да, ведь?

– Здорово, Настюша! Очень здорово они пели. Ларик где? Ты одна домой идёшь?

– Ларик Вас там ждёт, меня домой отправил. Сказал, что я не умею себя вести в приличном обществе! – и Настя весело рассмеялась. – Я так переживала, так переживала, просто ужас, как!

– Нормально ты переживала, как надо, от души. Ну, беги, пока народ в ту сторону идёт. На кино не все остались. А то оставайся, потом вместе пойдём?

– Нет. Я это кино три раза смотрела, наизусть помню. Бабушки ждут, тоже волнуется, побегу расскажу.

– Ну, иди, иди, – Леон смотрел ей вслед. – Надо бы Димку, что ли, за ней послать приглядеть. Пьяни сегодня много. Чёрт! Как же я забыл-то! – он хлопнул себя по карману, ощутив там пакетик, и не на шутку расстроился. – Ладно, завтра отдам.

На ловца и зверь бежит – из клуба выходил Димка.

– Эй, Димон, не в службу, а в дружбу догони Настю, только что пошла домой, проводи и скажи, что завтра я её часов в двенадцать днём жду здесь перед утренником. И картошки сварите, я к вам загляну сегодня, надо Новый Год приманить немного.

– Ну? Что она сказала? – Ларик, ещё возбужденный при-

ёмом зрителей, с воодушевлением схватил Леона за рукав.

– Пойдём, поговорим в тишине, – Леон вдруг почувствовал, как он сегодня устал. Устал играть с Ольгой в поддавки, устал от людей, устал от того, что сейчас вынужден будет спокойно говорить с Лариком, который небрежно отпинавает с дороги к своей славе, обуянный честолюбием, ослеплённый своей целью добиться успеха во что бы то ни стало, такое хрупкое и неповторимое чудо – чувство этой девочки, до которой ему, похоже, нет никакого дела. А он, Воротов Леонард Сергеевич, взрослый, уже столько понимающий в этой жизни, хитрый, циничный и даже местами умный мужик, ничего не может сделать для неё. И ничего не может с собой поделаться, и, уж тем более, забыть о ней не может.

– Садись, Ларик. Чай будешь?

– Нет, – Ларик насторожился, по голосу друга поняв, что не слишком рад ему Леон. – Мы там с мужиками пили уже. Чай.

– Да сегодня можно и не только чай. В общем, поздравляю тебя. Удовл.

– Что удовл? – не понял Ларик.

– Это значит, что всё удовлетворительно. Очень ей ваши бабочки не понравились. Чирикают и порхают слишком, говорит.

– Ну-у-у... это уж.... А, по-моему, ничего. Чо мы ещё-то могли? Ладно, хоть брюки были у всех черные, тоже не у каждого есть. Доставали.

– Да я заметил, во втором ряду у одного пояс на три раза подвернут.

– Ага. У Ванятки. Попались длинные слишком, пришлось подвернуть. А про пение-то она что сказала? Понравилось ей?

– А она ни х*я в этом не понимает. Так, изображает из себя крутого знатока, а сама нот не знает и «до» от «ля» не отличит. Это я тебе абсолютно точно скажу. И также точно скажу, что поёте вы ох*ительно, просто ох*ительно! Готовьтесь к примеркам, трусы новые купите и носки – для примерок. Будут вам костюмы. Два варианта. Классические и казачки, как договорились. Но пока ребят сильно не радуй. Я не люблю раньше времени «попал» говорить и радоваться сразу. Давай, встанем в позицию сначала и точно нацелимся, – Ворот даже не замечал, что по обыкновению грубо стебется в мужском разговоре. Мысли его плавали в другом, нежном и душистом облаке, пахнувшем духами «Визави», как называли их те, кто не понимал простодушно выпренного французского «Vis-à-vis».

Домой Ларик, как ему казалось, почти бежал, окрылённый своей первой удачей. На самом деле он неторопливо шел, пошатываясь. В голове шумело от выпитой «на обмыв» водки на голодный желудок и ещё добавленного потом шампанского, которое неизвестно где достала Ираида Ивановна специально для этого случая. Всей толпой проводили её домой, на прощанье, несмотря на её протестующие вопли, спе-

ли акапельно: «Бывайте здоровы, живите богато...»

– Вы же простудитесь, мальчики! Вы должны теперь беречь свои голоса, они теперь не только ваши, это теперь уже народное достояние! – истерически причитала Ираида в течение всей песни. А ей в ответ мужики громоподобно ржали, – то-то в их холоднящих мастерских они голоса свои сберегут.

– Надо петь, пока поётся! Да и х*ли его беречь? Здесь голосом не пропитаешься, брат! Это только Отс, Трофимов и Гуляев может, да Магомаев ещё какой-то появился тут с «Бухенвальдским набатом». Так то – таланты. Не нам чета, – радостно смеялся Роман Лавров.

На улицах гуляла молодёжь в преддверии завтрашнего праздника. Шатаясь, Ларик брёл к дому, неторопливо перебирая благостными мыслями. Ему было офигенно хорошо.

– Завтра уже Новый Год. Выходной. Элька с Николаем приедут. У бабушек, как всегда, пост. Правда, их постные пироги не хуже мяса, запеченного в духовке. Ну, для нас с Николаем и мальчишками обязательно мясо сделают. Отец опять не приедет, а мама без него не поедет. Смешно! В моём возрасте у них было уже двое детей. С ума сойти! Ничерта не боялись, – Ларику стало жарко, он расстегнулся и ослабил черную «удавку» на шее. – У Настьки с Воротом разница в двадцать с хвостиком, в отцы годится. И чего он к ней имеет, она же сикилявка совсем ещё? Неужели любит? Старый же он уже нахрен? Неужто и в таком возрасте влюбляются? –

Ларик медленно шел к дому по Мостовой улице. После проводов Ираиды они с мужиками, не в силах сразу разойтись, ещё раз прогулялись до ставшего теперь родным клуба и ещё добавили по чуть-чуть, теперь уже «на посошок». Ларику, как главному виновнику, добавляли много раз. – Но глаза-то не могут врать. Глаза... – Ларик отчетливо видел его глаза, когда раскланивался после очередной песни и взглядывал на Леона с его городской «чернобуркой», пытаюсь понять, что на уме у этой мымры. А Ворот смотрел на Настю, и на глазах у него были слёзы... точно... были, – хмель немного дурманил и туманил голову, но лицо Ворота Ларик помнил отчетливо.

Потом Ворот прикрыл глаза рукой, а когда рука медленно сползла с лица, оно вновь было обычным, немного вялым. Больше в сторону Насти Ворот не смотрел.

– Что такого в ней? – этот вопрос раздражал Ларику мозг. Он не понимал. Потом решил что-то для себя. – Да не!... Ху*та это всё стареющего долбо*ба, только и всего!

Домашняя суэта и радостная встреча отвлекли его от этих нетрезвых и нечётких мыслей. Всю ночь Ларику снились хлопающие двери и бурные аплодисменты с запахом рыбы. Утром он обнаружил в кармане пиджака, висевшего возле кровати, засунутую кем-то из мужиков – он смутно что-то припоминал – несколько рыбок копчёной мойвы в белой столовой салфетке, насквозь пропитавшейся маслом и хлопающую от сквозняка форточку, которую неизвестно, кто от-

крыл. Но, кроме него, это было сделать некому, разумеется. И что теперь делать с пиджаком, насквозь провонявшим мойвой, тоже было непонятно.

В кухне раздавались приглушенные голоса. Настя собиралась на работу, бабули провожали её, наказывая на обратной дороге хлеба ржаного купить, который так любит Ларик. Он посмотрел на часы, зацепленные пружинным, в черной пластиковой оболочке, браслетом на облучок кровати.

– Удобный, зараза, но запястья, бл*дь, от него потеют, как яйца в шубе. Ого...Одиннадцать. А чо не будят? О, черт, да сегодня же тридцать первое, у меня же законный выходной. А Настёна куда направилась?

Ощущение праздника в мыслях Ларика ещё было, а полная самоидентификация организма как-то не наступала, к организму уже примешивалось нечто печальное.

Ковш холодной воды, выпитый им при молчаливом присутствии бабушек, принес некоторое облегчение.

– Ну, как ты, Финист-ясный сокол? – иронично спросила его Марфа. «ясный сокол» – это значило, что его немного просто журили, не ругали.

– Пить ещё хочу. Рассолу бы.

– Не рассолу, а плётку бы тебе хорошую, – проворчала Пелагея, подавая ему стакан с мутным рассолом из-под огурчиков. – Всех собак раздражили вчера своими песнями тут. Во всём околотке лай стоял.

– Просто они понимают, что мы хорошо поём. Куда На-

стасья-то упорола? Каникулы же?

– Вот именно, что каникулы. Сегодня утренник там какой-то.

– А, понял... у первачков. Точно, – Ларик сел расслабленно на табуретку, во всём теле должна бы была быть праздничная блажь, но сейчас было в нём и нечто инородное. Когда Пелагея поставила перед ним сковороду с жареными яйцами, он понял, что это такое... Как был в трусах, майке и тапочках – так и выскочил в огородик. Домой вернулся с чёрными кругами под глазами, зеленоватым с лица и очень печальным. Полдня его отпаивали бабушки горячим чаем с какими-то травами, от которых он, наконец, сладко заснул и поэтому не слышал, как охали бабули, восхищаясь Настенькиными бусами.

Глава 10. Подарок

Первым делом Настя зашла к Леону Сергеевичу, как и передал вчера ей Ребрьшкин.

– Здравствуйте, Леон Сергеевич. Мне Дима передал...

– О, Настюша! Проходи, дружочек. Да, я вчера забыл тебя поздравить с таким красивым платьем. Оно тебе так идёт, что даже наша городская гостья это отметила. Ты вчера самая красивая была.

– Правда? – глаза Насти заискрились от радости и смущения. – Это Эля меня балует, сестра Ларика. Она мне помогла перешить из её малОго.

– Да?! Замечательно! Обожаю, когда женщины умеют красиво одеваться своими силами.

– А зачем Вы меня звали, Дима мне вчера сказал?

– Я? А-а! Да... – Леон внезапно смутился, вчера это казалось таким простым и естественным, а сегодня то же самое показалось таким вымороченным, натянутым, ... но отступить было бы совсем уж противно. – Настюша, я тут нашел одну вещицу у себя. Она давно была куплена, я и забыл про неё. Не откажись принять в подарок к Новому Году. Раньше детям подарки дарили... – Леон явно путался в словах и эмоциях. Всё получалось глупым. Настины глаза смотрели на него, не мигая.

– Я тебе, как дочери, короче, дарю тебе это вместо твое-

го отца, – Леон протянул ей узенькую синюю картонную коробочку и открыл её, подавая. На голубом бархате лежали сверкающие гранатовые бусы. Камни уменьшались от центра к застежке.

Камни блестели гранями, как тёмные капли крови. Настя взяла коробочку в руки, взглянув прямо в глаза Леону, а ему показалось, что прямо в душу его она посмотрела, – столько вопросов было в них и сомнения. Он спокойно выдержал её взгляд, и даже улыбнулся, поймав себя на лжи. Но иначе с ней нельзя было. Она, как настороженный зверёк, притронулась пальцем к холодному камешку.

– Это гранаты, Настюша, – сказал он, садясь за стол, давая понять, что больше он к этому отношения не имеет. – Носи на здоровье, они к твоему платью очень подойдут, забыл вчера отдать, – буднично сказал он. Сейчас он очень всё правильно делал.

Она улыбнулась. Поверила.

– Но это очень дорогой подарок, Леон Сергеевич. Папа когда-то маме похожие дарил, мы вместе покупали. Папа ещё говорил, что красный считался раньше цветом любви и искал именно красные.

– Да? А я этого даже и не знал. Но точно знаю, что мужчинам их носить не рекомендуется, – он рассмеялся. – Мне их девать некуда, а стоили они тогда какие-то копейки, мне кажется. Да дело не в этом. Они тебе в самый раз, я думаю, будут, ты посмотри, там на этикетке какой год-то стоит?

– Тысяча девятьсот пятьдесят седьмо-о-ой? – удивленно протянула Настя.

– Я же говорю тебе, фиг знает, когда купил. Честно. Сразу не сумел подарить, а потом совсем забыл, а недавно случайно нашёл и не знал, куда их пристроить. Тебе нравятся?

– Очень. Просто очень нравятся. Они будут папу напоминать... Ой! Вам не обидно будет?

– Да ты что, Настюша?! Я рад. Правда, рад. Видишь, как у нас с ним вкусы совпали? Носи, девочка, на радость. А мне сейчас поработать нужно. Давай, беги, там на утренник начали собираться, я слышу.

– Леон Сергеевич, – Настя не знала, как правильно сформулировать всё, что сейчас владело её чувствами, – я Вам так за всё благодарна... правда... Вы мне всегда папу напоминали, честное слово. С Вами так спокойно и просто. Я Вас очень люблю, почти как папу. Спасибо Вам. Они мне очень нравятся. Очень. Я пойду?...

– Иди, иди, Настя, мне поработать надо часика два. Позвонить тут кое-кому. Удачи на спектакле. На днях зайду бабушек поздравить с Новым Годом.

– Только вы раньше Рождества не приходите, у них строгий пост. Вот в Рождество и приходите, шестого вечером это будет, они Вам всегда рады. Я побежала, спасибо! Ой! А можно я их сразу надену? А как они тут застегиваются? – зажав футлярчик подмышкой, Настя накинула бусы на шею, они оказались ей почти под горло, она никак не могла по-

пасть застежкой туда, куда надо.

– Давай, я тебе помогу, – выйдя из-за стола, Леон взял бу-сы и аккуратно повесил их ей на шейку, откинул с шеи пу-шившиеся сзади волосы и застегнул, с трудом попадая ко-лечком застежки в замок.

– Ой, спасибо! Они так блестят! – Настя глянула в настен-ное зеркало около шкафа и обернувшись, счастливо засмея-лась и выскочила в коридор. Когда Воротов закрывал за ней дверь на ключ, руки у него заметно дрожали: «Чистейшей прелести чистейший образец», – стучало в голове неумолка-ющим гулом и дрожью. – Ну и влип же ты, приятель, скажу я тебе по секрету, – прошептал он, тихо опускаясь на стул. – По самые спелые помидоры ... Хотя, почему влип-то? Про-сто вкус остался тот же и она-то – тоже та же. Господи, за что же это мне. Это даже не искушение, – давно уже искусился и насмерть. Это сумасшествие какое-то, Стаси, забери меня быстрее, а?

Все новогодние каникулы Настя целыми днями занима-лась в школе. По мере сил школа устраивала экскурсии в го-род, в шефскую воинскую часть, лыжный поход с зимним костром в лесу и горячим чаем. Из последнего похода Настя вернулась с отмороженным пальцем.

– Да как тебя угораздило? Ты же в лыжных ботинках бы-ла? Ну носок один бы ещё надела! – Ларик ворчливо, и уже совершенно бесполезно, сердился и ругался.

– Да у меня и так двое шерстяных носков было. Вторые я

девчонке одной отдала, у неё совсем дело плохо было, только тонкие носки.

– Ну и дура! Надо было её домой развернуть и на этом дело кончить.

– Ларик, я уже там обнаружила, что у неё ноги совсем замерзли, она их в костёр стала совать. Что я могла сделать?! Конечно, в следующий раз проверять буду здесь ещё.

– Отстань от неё, всё правильно она сделала. Она отвечала за ребёнка и сделала, что могла. А если бы та ноги отморозила? С кого бы спросили?

– И сколько той дуре лет?

– Сколько, сколько... Как и мне. Шестнадцать.

– Ну вот, что и требовалось доказать.

– Да что доказать-то? Может, у неё и сроду носков таких теплых нет? Не у всех бабушки внукам носки вяжут, как нам, – Настя даже не заметила, как причислила себя к бабушкиным внукам, на что Пелагея усмехнулась, и спрятала усмешку, вытирая губы кончиком платка, кипенно белого. – А в поход всем очень хотелось пойти. И очень хороший поход получился, кстати. Мальчишки молодцы: и хворосту нарубили, и костер разожгли, и стоянку хорошо выбрали с поваленным деревом. Они на всю жизнь это запомнят. И мои носки отданные запомнят, а ты просто ворчун старый, и нечего мой палец рассматривать, отошел он уже в воде.

– Сейчас погоди, он ещё и облезет, и почернеет, – утешительно пообещал Ларик. Иначе ему было трудно скрыть, что

он на самом деле переживает за Настю.

– Да тьфу на тебя! Чего к девчонке пристал? Ничего не почернеет, сейчас салом гусиным смажем, компресс положим, и через недельку всё, как рукой снимет, прыгать начнет, – Пелагея бесцеремонно отодвинула Ларика, придя из кладовочки с тряпицей и банкой гусиного жира.

Ну, прыгать – не прыгать, а ковылять, стараясь на припухший палец не наступать, Насте пришлось долго. Директриса не упустила случая, чтобы провести воспитательный «момент», как неосмотрительность может подвести товарищей в бою, той девчонке было стыдно. Мальчишки были готовы свою вожатую на руках поднимать на второй этаж – половина мальчишек была влюблена в Настю, и иногда вечером её провожала до дома целая толпа ребятишек.

Леон, когда случалось, шел за ними и умилялся Настинной популярности. У этой девочки явно был ключик, открывающий сердца. И ещё у неё была и острая пика, протыкающая некоторые сердца насквозь. Это он по себе знал, стыдился этого и ничерта с собой поделывать не мог. Это было наваждение, проклятие, морок-стыдобища, заговор каких-то сил против него, невозможное совпадение и страстная мечта, которую Стаси довольно жестко пресекала: «Лео, ты просто должен быть рядом, но не более того. Я её тебе доверяю, я верю в тебя, любимый».

– Стаси, а вдруг ты ошиблась? – но смотрящий возвращал его к действительности: «Разве она хоть раз ошиблась? Ни

разу. И ты это знаешь.»

А он готов был бы ждать её, сколько угодно, пока она вырастет, наслаждаясь роскошью её ничем не замутнённой юности.

Да только не для него она росла, – это легко читалось в её глазах, когда она смотрела на Ларика. Только и Ларик тоже был не для неё, и это тоже легко читалось по его рассеянному взгляду.

Леон часто бессонными ночами размышлял и гадал: «К чему это всё? Что от меня останется после этого горнила? Ведь я до пепла уже выгорел? У меня на губах вкус пепла, и жизнь стала пеплом. И на вот тебе, на дне – подарок! И такой драгоценный. Зачем? Стаська, пожалей ты меня! Это слишком. Даже и пепла не останется... – Леон уже знал, что это за драгоценная штучка второй раз выплавляется в его душе. Уже знал. Но он так же точно знал, что никому и никогда не удалось дважды войти в одну и ту же реку счастья. Никогда. И всё-таки он не мог и не хотел исключать, пусть совершенно фантастический, дикий до сумасшествия и невозможно прекрасный случай. Вопреки её письму даже.

К слову, интересно, жизнь (или кто?) распоряжается нашими судьбами. Если бы людям рассказали точный осуществившийся сценарий их жизни через десять лет, – они бы все без исключения рассмеялись в лицо говорящему.

Ларик бусиков не оценил, вернее сильно фыркнул, когда увидел их.

В Рождественский вечер бабушка Марфа поблагодарила Леона за торт, конфеты к празднику и за подарки – он им привёз железные коробочки с чаем, которые и достать-то было уже нигде невозможно. А он достал где-то. И бусы похвалила. Ларик только губой дернул. Не нравилась ему эта история: «Зря Настя подарки принимает. Все же знают про бесплатный сыр? А Ворот ещё тот мышелов! Все об этом говорят. И чего не женится?! Всё есть, живи – не хочу».

Но впрямую спросить его об этом Ларик не мог. Такие вопросы мужик мужику может задать только в очень сильном подпитии. Когда всё позволено на дружеской ноге. А такого между ними пока не случилось. Поэтому Ларик по отношению к Насте становился только строже и ворчливей, а бабушки, как песка им в глаза насыпали, принимали этого старого лиса, как гостенька дорогого. Ларика это бесило, хотя он понимал, что никто для него самого столько не сделал, сколько Ворот, как панибратски он его называл про себя, как, впрочем, и все мужики. Было что-то в этой кличке соответствующее Леону. Прочность и надежность. Ворот, одним словом...

В первые дни нового года из райисполкома пришло приглашение приехать всей хоровой группе на обмеры в ателье в город. Поехали всей компанией, обмерялись, выбрали на смокинги черный бостон и на отвороты тяжелый черный ат-

лас. Представляя себя в этих костюмах-кузнечиках, – как обозвал их Ванятка Мятлев, самый маленький и задиристый, как и все маленькие крепкие мужички, – мужики покатывались от хохота. Особенно, когда представляли, как они на сцену перед своими, деревенскими выйдут, которые их и в кирзачах, и босиком видали. Перед посторонними-то можно шею тянуть, как будто бы всегда так и было. А перед своими не больно потянешь, сразу таким прозвищем на всю жизнь склеят, что не отлепишь, поэтому они этого обречённо побаивались в душе, но бодрились. Вечером, после всех обмеров и утрясания моделей мужики уговорили Ворота и Ларика в ресторан завернуть по такому случаю. Это же грех – не пропустить по рюмашке, совсем же новая жизнь впереди нарисовывалась.

– А как это вы в ресторан пройдёте, если столик заранее не заказывали? – Ларик насмешливо окинул взглядом мужиков. Перед ателье он успел сбегать до дома, захватить старый песенник, который бабушка Муза давным-давно подарила Эльке на какой-то праздник.

– А чо, надо заранее?

– Конечно.

– И чо теперь делать? Вот так, на сухую? В кои-то веки выбрались, – Ванятка был расстроен.

– Подождите, я сейчас. Попробую договориться, – Ворот вернулся в ателье, очаровательно улыбнулся, достал из кармана шоколадку и попросил у приёмщицы разрешения вос-

пользоваться телефоном.

– Только недолго. Заведующая увидит, головомойку нам обоим устроит.

– Не устроит. Мы особые заказчики.

– Да ей пофиг. Тут таких особых толпы порог обивают каждый день. Берёт на пошив только по особому благу.

– Вы не волнуйтесь. Я по большому благу и есть... Ольга? Привет. У меня тут проблемка небольшая. Посоветуй...

В «Рубине» они устроились неплохо. Поняв, что они не простые гости, а «по благу», их обслуживали замечательно. Разумеется, обсчитали, но зато сделали вид, что не замечают, как они из своих бутылок разливают под столом. Посидели весело, повспоминали, помечтали, и совсем уже размечтались, как в Москву поедут, а тут им и говорят: «Пора, гости дорогие, ресторан закрывается».

– Нет. Вот почему такая всегда несправедливость? Только разговоришься – так сразу «ресторан закрывается!» – возмутился Сергуня.

– Ты лучше бы не об этом подумал, – сказал рассудительный Строгин, – а о том, как нам до дому добираться? «Транвай» к нам не ходит, автобусы, как я вижу, тоже уже не «ездиют». Или я плохо вижу? – Андрюшка Строгин, дурачась, приставил к глазам «бинокли» из ладоней.

– Я хорошо вижу. Нет ни хрена. Ни одной машинешки. Холод собачий. Но что делать-то будем? – Ванятка, как всегда, был основателен и целеустремлён.

– Ты в ресторан предложил, ты и думай, я-то думал, у тебя план какой-то есть, – Строгин взыскующе и расслабленно смотрел влажными глазами на Ванятку.

– А почему я за всех вас один должен был думать. Я думал, что раз так все согласились, то знают, как до дома-то добраться.

– А чего тут не знать? Всего двадцать пять км. К утру дойдём, – весело сообщил всем Роман Лавров, неизменный запевала.

– А я и так уже дошел. Варезки дома забыл, руки сильно мёрзнут, – весело сообщил всем гармонист Тимоха.

– Вот нравятся мне русские мужики, когда у них всё хорошо и есть выпить – то всё «за*бись!» Когда трезвый и всё понятно – «х*ли» думать. Когда пьяный и ваще ничо не понятно – «пи*дец!» И всё! – Ворот скептически всех осмотрел. – Не хватало только пальцы Тимохе отморозить. То-то баянист у нас будет. Нет, не дойти нам сегодня до дома, будем товарищей по дороге терять. Вишь, Сергуня уже на Ванятке висит. Как на вешалке. Чо, Ванятка, донесёшь боевого друга? – Ворот явно над ними издевался.

– А чо я-то сразу? Пусть сам ползёт, – сказал Ванятка, но на всякий случай покрепче прижал к себе вихляющегося из стороны в сторону приятеля.

– Вот и я о том, только провидение нас может спасти, и тогда утром мы скажем, что не «пи*дец» нам был, а только «пи*децок» маленький попугал. Вам слово – Провидение ты

наше!

– Ребята. я тут недалеко живу, если дворами – то десять минут, – Ларик, честно говоря, думал, что все более или менее на ногах, но когда сидишь на стуле, это трудно проверить наверняка. – Донесём павшего товарища?

– Десять минут? Да мы его бегом тут ... – сказал Строгин и, поскользнувшись, упал прямо под ноги говорившему Ларику.

– Завтра с того, кто ему подливал – спросим. Я правильно излагаю? – от свежего воздуха, или от того, что в крови начала работу последняя стопка водки «на посошок», Ларик стал тоже стремительно пьянеть. И не только он один.

«Посошок» превратился в тяжеленный посох, который всё время притягивал всех к земле. Вчерашняя оттепель сыграла со всеми пешеходами в ту ночь подлянку, и ноги у всех разъезжались по тоненькой корочке льда, прихватившего наступавшими Крещенскими морозами дневную оттепель предыдущих дней.

«Десять минут» растянулись в целый час, приходилось подбирать и ставить на ноги упавших и даже пытавшихся тут же и заснуть. У Сергуни всё время почему-то спадывали сапоги, то один, то другой, за ними приходилось возвращаться, укладывая Сергуню поудобнее, или уж, как придётся, потом одевать Сергуню в сапоги и тащить его дальше. Ванятка и крыл, и клял дружка на чём свет стоит, и божился, что в следующий раз точно бросит его, черта хлипкого, на дороге.

Не думал Ванятка, что проклятия сбываются...

– Чёрт, Леон, какого чёрта они такие пьяные? Ну мы-то же с тобой ничего? Ещё и считаем этих дураков. А? Леон? Ромка тоже ещё торчком торчит, только почему-то головой всё время трясет.

– Ларик, ты иди, иди, вот видишь, тут расчищено, а тебя на газон всё тянет, мне тебя, бугая такого не дотащить будет, если упадешь. Мы, хоть, правильно идём-то?

– Мы? Идём? – Ларик поднял голову к небу, повернулся назад. – Видишь, Леон, Полярную звезду.

– Вижу и что.

– Она прямо над моим домом, мы не заблудимся. Я когда с каменоломни возвращался, – она там всегда была.

– Ясно. Нам до каменоломни твоей до утра не дойти. Адрес помнишь?

– Конечно, помню. Доватора. Улица Доватора, ещё революционер такой был. Генерал. Странно, у генерала и такая уличная фамилия была... – Ларик пытался делать очень серьёзное лицо, но с него в это время почему-то слетала шапка.

– Чего ты голову задираешь всё время, Ларион? – поднимая шапку, ворчал Леон.

– Я не задираю, я представляю, как мы будем тожественно стоять перед сияющей рампой, и все будут нас приветствовать стоя. Но сейчас-то мы с тобой почему лежим-то?

Роман Лавров с Андрюшкой Строгиным с трудом подняли их обоих и крепко взяли под руки. Этих двоих на букву

«Л» терять было никак нельзя, вся надежда только на них и оставалась. Мороз не просто крепчал, он уже уши у всех завернул под шапки.

А уши – это последнее, что настоящие мужики от мороза прячут

Дом Ларик узнал издалека: «Вон он, мой домик миленький. Квартирка номер четырнадцать», – он шел домой на автопилоте, что характерно для многих русских мужиков.

Они, видимо интуитивно, выбирают какой-нибудь ориентир, например Полярную звезду, идут в противоположную от него сторону. И всегда доходят.

Дошли вроде все, некоторых доволокли. Предстояло самое сложное – подняться тихо на четвертый этаж. Тихо. Чтобы никто не вызвал вырезвитель. Это Ларик, Леон и иже с ними, стоявшие ещё на ногах, понимали определённо и буквально. Город – это вам не деревня, где под любым забором тебе может быть вырезвитель, если дорогу не нашел после свадьбы друга или соседа. Да и упивались до вырезвителя в деревне только на свадьбах.

Поэтому когда кто-то из них падал на этих чертовых скользких ступенях Ларикова подъезда, – то падал молча, чтобы враги не услышали. И только в самом конце громко матерился. Враги их слышали, но выходить из квартир не стали. Всем известно, что с пьяными, тихо падающими

и громко матерящимися мужиками, лучше не связываться. Пусть пройдут по своей муравьиной тропе мимо, тем более, что движением руководил сын хозяина квартиры номер четырнадцать. Запуская всех в квартиру, он их почему-то считал, как в детском садике.

Утром никто из них сразу на ноги встать не смог. Сначала надо было опознать, чья нога или рука лежит на твоём лице, и где ты тут сам? И только Ларик и Леон спали, как люди, не на полу на паласе и на ком придется, а раздевшись и под одеялами, на родительских кроватях. И Роман Лавров с Андреем Строгиным диванчик себе аккуратно раздвинули в Элькиной комнате

– Ба, ребята! Да тут у нас интеллигенты прикорнули. Давай воду! Тоже пить хотят, поди? – на Ларика и Ворота было вылино по стакану воды.

–Тьфу ты, алкоголики, отвалите! Какого черта! Дайте поспать! – Ларик повернулся на другой бок.

–Куда спать?! Шесть уже. Первый автобус в семь. Вы как хотите, а мне на работу надо, – как всегда Строгину надо было больше всех – орава дома, мал-мала меньше.

– Всем на работу. Давайте хоть по кружке чаю выпьем? – заныл Ванятка.

– Вот ты самый маленький, а как насчёт пожрать – так первый. И куда в тебе продукты деваются, бесполезный ты мужик!

– Насчёт «бесполезный» – это только моя Раечка сказать

объективно может. Кстати, в основном туда и девается всё. Толку-то что от росту, если в нужном месте не хватает? – Ванятка всегда ярился, когда о его росте и аппетите шутить начинали.

– Слушайте, а все тут? – это Роман забеспокоился.

– А чего это ты спохватился? Ты их вчера считал? – спросил Ворот у Ларика.

– Считал. Шестнадцать, вроде помнится. – А чо?

– Чо-чо? Нас же семнадцать было! – Роман схватился за тулупчик, забыв надеть штаны для начала.

– Не, я помню – шестнадцать нас было, в квартиру вошло шестнадцать. Я уже почти отрезвел к тому времени.

– Вы ополоумели, что ли? – Роман изменился в лице, недаром он что-то почувствовал. – На улице на градуснике сегодня минус тридцать четыре завернуло. Кого нет-то?

– А ну, встать, как в хоре стоите, – это было самым правильным решением. Сразу стало понятно, что не хватает Сергуни. Он был самым пьяным после ресторана, плетью висел на Ванятке.

– Вот теперь: «полный пи*дец», – констатировал Ворот, быстро натягивая на предусмотрительно надетые шерстяные трико и брюки. Одевайтесь все, искать надо, может и живой ещё, часов пять прошло. Ларик, фонарики есть?

– Были где-то, – не попадая от волнения в штаны Ларик прыгал на одной ноге, сразу и резко протрезвевший,

– Ищи быстро. На улице самая темень ещё. Давайте, да-

вайте одевайтесь быстро, каждая минута на счету, Роман, ты что? Решил яйца отморозить? Штаны-то найди, – Ворот командовал, как будто всегда только тем и занимался, что разыскивал отставших пьяных приятелей. Все уже надели ботинки и сапоги, а Ларик всё возился, рыща на полках в поисках фонарика.

– А это чьи сапоги стоят? – спросил Строгин, привыкший своих пацанов по обуви считать.

– Это Подсвечника ботинки.

– Я не про эти, эти я сам знаю чьи, я про вот эти, – Строгин показал рукой на аккуратно стоящие на полочке для обуви выдавшие виды сапоги со сломанной молнией.

– Это? Да это Сергунины и есть, сдаётся мне... – Ванятка обомлел: «Я чо, вместо Сергуни только его сапоги принес?! И так вот поставил?!»

– А это у тебя спросить надо, чо ты принёс. Ты его волок?

– Не только я. Ещё с другой стороны кто-то помогал.

– Кто?

– Да почём я знаю, кто? Все по очереди помогали. Только эти вот, – Ванятка показал рукой на Ворота, – всё время в обнимку шли, отщепенцы.

– Ага, теперь мы и виноваты, – Ворот был в неистовстве. – Мы для устойчивости под руку просто шли... вчетвером. Ларик, да где ты там? Сергуня, оказывается, и без сапог к тому же. Засудят меня нафиг с вами. Да засудят – это-то х*й с ним! Этому идиоту ноги же отх*ячат замороженные! Что-

бы я с вами ещё раз... Это ж вся моя е*отень из-за вас к пи*дям собачьим зах*ячилась!

В это время из ванны, где Ларик на полке искал запропастившийся, как назло, фонарик, раздался дикий вопль, грохот и потом придушенный крик. Все рванули в ванную.

Ларик лежал в ванной, на нём лежала полка и все чемоданчики и коробки со всякой обычной копившейся долгие годы на всяких полочках в ящичках хреню. У Ларика были выпучены от ужаса глаза, а под ним что-то барахталось выло и хрипело, как собака Баскервилль на привязи. Ворот и Роман выдернули из ванны обалдевшего от неожиданного падения Ларика, а под кучей барахла кто-то судорожно икнул и застонал. Когда разгребли упавшее, обнаружили в ванне, на куче собранного неизвестно откуда шмотья, замотанное в махровую простыню голое тело, уткнутое мордой в сливное отверстие дна ванны. Судя по «счастливой двойной» макушке – это был Сергуня.

– Сибарит, однако, – заметил Ворот, давась от хохота. А Сергуня уже снова спал. Одежду он аккуратно повесил на стиральную машинку. Он вообще был аккуратистом.

Мужики вывалились в комнату, держась за животы, и почти беззвучно ржали до слёз и колик в животе, расслабляясь после шока неминуемой беды. В дверь позвонили. Все замерли.

– Это соседка нижняя, больше некому тут со сранья ша-рахаться, – сказал Ларик, вытирая слёзы. – Ну конечно! Как

эта мымра могла пропустить случай навести порядок, когда все нормальные люди ещё спят, а тут такой гром и ор?! – тихо ругаясь про себя, Ларик пошёл открывать.

Да, это была соседка снизу из десятой квартиры. Чтобы «продлить себе жизнь», она вставала каждый день в пять утра и ложилась спать, чтобы правильно вырабатывался какой-то там «витамин жизни», в девять часов вечера. И таким образом сокращала жизнь всех соседей вокруг, потому, что у неё слух был, как у кошки, и чуть стоило музыке погромче в телевизоре зазвучать, как она начинала оглушительно стучать по батареям, будя всех, уже уснувших.

– Вот на кой фиг она так рано спать ложится? Всё равно не спит, – возмутился Ларик, прикручивая регулятор на телевизоре, по просьбе мамы.

– Ларик, это ты? Что тут у тебя происходит? – и, отодвинув властной рукой в сторону этого выросшего на её глазах лоботряса, соседка бесцеремонно вошла в гостиную. Увидев столько валяющихся на полу и тихо ржущих полуодетых мужиков с красными от смеха лицами, задохнувшись от стоящего в комнате сивушного смога, она, взвизгнув в ужасе, выскочила за порог: «Боже, как расстроится Лирочка!» – шипела она, капая себе успокоительное на своей кухне.

Согрели чаю, открыли форточку, достали банку с вареньем, нашлось печенье и сахар. В семь утра Ворот позвонил

в правление, чтобы их там не теряли, так как по распоряжению райисполкома им будут шить по два костюма, и в ателье вчера не успели сделать все замеры, так что они прибудут не ранее двух часов дня. Даже Строгин успокоился, раз Ворот взял весь огонь на себя. Да и что ему его не взять, когда у него такой щит, с чернобуркой на голове, имеется.

– Слушай, Ларик, а как у тебя шестнадцать-то получилось? – язвительно спросил его Ванятка, самый пострадавший,

– Так я же себя не считал. Чо мне себя-то считать? – ответил, поперхнувшись Ларик и довольно захохотал.

По правде говоря, хорошо, что иногда родители бывают далеко и не знают, по какому льду скользит их сынок с друзьями. Нервы целее остаются. Обошлось же? В молодости тело иногда вовлекает своего хозяина в такие, невообразимые и невозможные в нормальном психическом состоянии приключения, что по прошествии лет диву даёшься: «И как я выжил тогда, не погиб, не пристукнули, не взорвался, с ума не сошел?»

А потому, может, и выжил, что сумел довериться умному инстинкту, а не глупому экзальтированному уму? И выжил, и поумнел... немного.

С шитьём костюмов к мужикам пришла уверенность, почти мистическая, что теперь-то уж точно всё получится, и

Ларик с Ираидой душу, конечно, из них вытряхнут, но хор сделают отменным. Даже несмотря на вопли Пятакова.

Нет, директор совхоза Пятаков Захар Архипович, был не против художественной самодеятельности.

– Ни боже мой! – как говорил он, чтобы ему и правда поверили, что он не против хора.

Он был против разбазаривания квалифицированной рабочей силы и использования её не по назначению.

– Вы поймите, это же пятнадцать классных специалистов! Кого я на их место поставлю? А зарплату им кто будет платить? Вы? – резонно спрашивал он кого-то по телефону. Услышав ответ, Пятаков сник. Да и что другое можно было услышать из уст председателя райкома?

– Да, понятно. Да понятно, что такое раз в сто лет празднуем! Хорошо, мы подумаем, но и вы нам помогите. Наша заявка сколько уже в отделе снабжения исполкома лежит? Посевная через четыре месяца! Вы понимаете, что вы меня без ножа режете? И ещё! Вы нам со стройматериалами обещали помочь. Чем я новый универмаг достраивать буду? Ну, ... так ещё пойдёт, – не слишком быстро соглашался Пятаков, лихорадочно вспоминая, что ещё можно сейчас выцыганить, пока секретарь немного сдал на попятную. – Но ты там себе это отметь, – резко переходя на «ты», когда чувствовал явную слабость, заявлял твёрдо Пятаков, – я на следующей неделе подъеду за подписью. А ты как думал? Вы меня поимели, ну и я вас. Да разговаривал я с нашим парт-

оргом, дружно мы с ним живём, изворачиваемся тут, как ужи на сковородке. Были МТС – мы заботы раньше не знали... Да не критикую я линию партии, просто думаю, как комбайн вот мне купить, на какие такие шиши? Ага, щас! Кредит! За кредиты тоже платить надо. Ну и всё! – Пятаков хлопнул трубкой по телефону.

– Много вас там начальников на нашу голову. Навытяжку сейчас можно и не стоять. Раньше, если бы не продналог, хлебом бы засыпались, теперь скотину кормить нечем, только кукуруза ваша нас и спасёт. Как же! Щас! Ладно, хоть от подворья отвязались, – тихо и бессильно ворчал Захар Архипович. Столько над ним пронеслось всяких реформ и модернизаций, что он давно понял, надо отсидеться по мере возможностей, переждать, перетерпеть все эти вихри усовершенствований, слияний и разделений, а то долго он так не протянет, а так хотелось с удочкой бы на бережку посидеть на пенсии иногда. А с хором? Ну что? Блажь очередная. И откуда у Воротова такие связи? И костюмы им пожалуйста, и клуб под орех отделали, и инструменты с книгами привезли. Одна приятная надежда поселилась в сердце Пятакова – несколько девчонок крепенько к себе солдатиков-танкистов привязали. А это ж – трактористы готовые! Пятаков в каждом мужике прежде всего работника видел, потом уже человека.

Директор из принципа не ходил слушать хор: «Ещё наслушаюсь! Тут голова и так трещит: и за репетицию зарплату

выдай, и отпусти по первому требованию. Всё обеспечить. А посевную – это уж как водится – никто не отменял. Прямо, как «рязанский герой», царство небесное дураку. И без славы бы обошлись!

Уж хотите петь, так шли бы в музыкальное училище какое. А так только время напрасно тратят, балду бьют. И кто за всё это расплачиваться будет? А придётся. Это уж, как пить дать, придётся!»

Забыл постаревший Захар Архипович, что везде бабу искать надо, как французы говорят. Не иначе.

Завертелось, закружилось вокруг Ларика и его хора манящее марево успеха. Работали до поздней ночи. Жены ворчали, просыпаясь от прикосновения холодных мужниных ног, втихаря подлезавших под одеяло во втором часу, когда вот-вот петухи уже запоют. Почти каждому не раз было предложено оставаться ночевать в клубе. И только Раечка, Ванятки Мятлева жена, не ворчала, проснувшись среди ночи, а с пользой для себя и мужа использовала оставшиеся силы первого баса хора. Бас был у Ванятки. А так никто и не сказал бы, что на это такое он способен. Душа аж дрожала, когда он «заводить» начинал!

Ларик был, как в горячке. Ставили с Ираидой новые песни, расширяли репертуар, распевали голоса. С некоторыми Ираида стала заниматься отдельно, кто запевалой был или сольный фрагмент имел. Особо занимались казачьим репертуаром. Созрели мужики до него, распелись хорошо. Ларик

и Ираида пользовались любым случаем, чтобы обкатать на людях хор. Собрания, заседания местного, и не очень местного, масштаба сопровождались хоровым пением. Скоро хор стал неотъемлемой достопримечательностью Пыталовского совхоза, и даже Пятаков смягчался, слушая стройный лад голосов. Мужики перестали так краснеть и бледнеть от волнения, как сначала, поверили в себя, даже начали носы драть. Но для самочувствия и успеха, некоторая самоуверенность гораздо полезнее скромности и сомнений.

Жены певцов непременно сидели в первых рядах и всячески демонстрировали товаркам свою причастность к такому замечательному факту. Особенно, когда была возможность взять мужа под руку, если он был в смокинге. У Ларика был фрак. Ворот настоял.

Решающим испытанием для Ларика и его певцов стало выступление с концертом у щедрых шефов накануне празднования Дня Красной Армии и Военно Морского Флота.

К слову, план продаж у магазинов был уже выполнен за десять дней до праздника. двадцать третье февраля – день, когда все женщины Советского Союза поздравляли своих защитников и дарили им подарки. Широко праздновали. Да чтобы женщины не постарались для мужчин?! Да чтобы зажали такое?! Да ни в жизнь! Одеколоны, носки, носовые платки и рыболовные снасти, фонарики, коптильни и туристические принадлежности, топоры и перочинные ножи,

месяцами пылившиеся на складах, сметались за несколько дней.

Разумеется, дарили и дорогие подарки. Это уж – кто и какие цели преследовал. «Отделаться попроще» – было наиболее массовой мотивацией в рабочих коллективах.

Но особо любимым...

Произвести впечатление, обескуражить, обязать... Ольга Павловна решала сразу все эти три задачи. Она купила в подарок Леониду перстень с черным топазом. Этот подарок не вмещался ни в какие рамки партийной этики и идеологии, отдавал сильным привкусом снобизма, вычурности и мещанства, но кто же о нём узнает? Дарили же ей немецкое кружевное нижнее бельё на восьмое марта? Да, некоторые могут себе позволить всё. Главное, чтобы это осталось в узком кругу допущенных.

– Всё равно на всех не хватит, так и нечего гусей дразнить, – усыпляла окончательно свою дремлющую совесть Ольга Павловна. – Меньше знают – крепче спят, как говорится. Видели бы эти маргиналы, что есть в распределителях! Совсем бы спать перестали, гоняются тут, как шальные, за золотишком дешевым... «Народ и партия едины – отдельно только магазины», как говорится. И что же теперь мне ждать в ответ? Вот сразу, дружок, мы тебя и проверим за двести целковых. Каков ты на самом деле? И почему мне так жестко жить с тобой кажется, когда ты, вроде, мягко стелешь? И ес-

ли ты мне не кольцо, а вазу какую-нибудь для цветов подаришь, то я эту вазу о твою голову и разнесу! – заранее «заговидилась» Ольга Павловна, не получая от Воротова никакого намёка на серьёзные отношения. – Он всегда так мил, сволочь! Уже три месяца – просто очаровательно мил!

На концерт в N-ской части Ольга Павловна, конечно же, приехала, была начальственно важна и снисходительно принимала лёгкие знаки внимания: от просто заинтересованных мужских взглядов до галантного «прикладывания к ручке». Здесь же были ещё несколько товарищей из обкома, с которыми Ольга Павловна была неплохо знакома, но эти приехали по другому поводу, не просто на концерт. Как-никак, это был государственно-важный праздник, идеологическую значимость которого надо всемерно поддерживать, поднимать настроение защитников Отечества. Собрался, так сказать, небольшой круг лиц, в компетенции которых было если и не принятие, то уж точно подготовка, многих решений.

С Леоном Ольга держалась здесь подчеркнуто независимо и холодно, как с коллегой, не более того. Но на концерте они сидели рядом, необходимо было обсудить всё, что они сегодня увидят. В какой-то степени это было экзаменом и для Ольги Павловны, многие были наслышаны об её инициативе.

Закончилась торжественная часть с приуроченными к празднику повышениями, назначениями, представлениями и поздравлениями. Для военных людей – это особый праздник, и здесь, может быть впервые, Ольга почувствовала, как

неуместны эти «бабские подарочки» мужчинам. Здесь самым дорогим подарком были слёзы гордости и признательности на глазах жен военных чинов части, матерей и невест, допущенных к торжественному концерту. Здесь всё было иначе, чем в городе, где поздравляли всех мужчин без разбору. Там это был отчасти просто «мужской праздник», здесь – это был праздник доблести и долга, и по духу нечто сродни торжественному концерту в Кремлёвском Дворце Съездов.

– Леонид, я вот думаю, почему репертуары многих ансамблей очень похожи? Ведь столько песен есть! Неужели нельзя быть разными совсем?

– Почему нельзя? Можно. Только осторожно. Я думаю, что на всенародном празднике уместны любимые, известные песни, они тепло встречаются, подпеваются и не обманывают ожиданий. И их не так много по большому счёту. Абсолютно новое могут и не принять в такие моменты. Или уж это должно быть нечто из ряда вон выходящее, сразу прилипающее. Как «Смуглянка», например. Есть такие вещи – стопроцентное попадание в душу. Музыка – это чистая энергия эмоций без переводов и объяснений попадающая прямо в сердце. Поэтому ошибиться нельзя. Нельзя обмануть людей, хорошее старое лучше, чем сомнительное новое, по-моему. А вы как думаете, товарищ Синицына?

– А я думаю насчёт вашего репертуара, товарищ Воротов. Это же полная противоположность тому, о чём вы только что сказали. Я и названий этих не знаю, – Ольга Павловна раз-

драженно ткнула рукой в список, данный ей Леоном. – Я правильно понимаю?

– Да, разумеется. Но мы, ведь, из деревни. Не пуганые пока. Самородки неизвестные, так сказать. Кстати, этот наш специальный репертуар тоже годами отбирался и копился, только все забыли про это. Вот мы и напомним. Но мы же и по патриотическим песням перевыполняем план, согласны, суровая Вы наша?

– Поживём, увидим. Но если ты меня подведёшь... – прошипела Ольга обещающе и зло.

– Ну-ну. Ничего. Если тебя уволят, я тебя на работу в наш клуб устрою, – Леон, улыбаясь одним уголком губ, скопился на Ольгу, и чуть не поперхнулся своей шуткой. На него уставились бешено злые глаза.

– Чего это она сегодня такая злющая и надутая? Из-за знакомых что ли? – то тут, то там с ней постоянно здоровались и раскланивались. – Может быть, мне от тебя отсесть, пока не поздно? Я компрометирую тебя своим присутствием? – полуутвердительно спросил Леон.

– Не говори глупостей. Мы здесь работаем.

– А-а. Ну ладно тогда. Тогда работаем.

Концерт двух хоров напоминал скорее шутливую и праздничную дуэль песенных фейерверков. Такая игра сложилась внезапно и всеми была принята. Весело и охотно. Один хор, исполнив две-три песни, уходил за кулисы, и его сменял соперник. Вопреки опасениям Ольги оба хора принимались

одинаково тепло, несмотря на то, что свой, армейский, был, конечно, гораздо проще, но роднее большинству присутствующих. После перерыва с бесплатным ароматным чаем и пирожными началось второе, лирическое, отделение концерта.

Когда на сцене в первый раз появились «пыталовцы», у Ольги вытянулось лицо. Она никак не ожидала увидеть «это». Она представляла себе фольклорный ансамбль в шароварах, рубахах и сапожках гармошкой, мужиков, ладно оправляющих вышитые пояса на талии. А женщин, если таковые окажутся, непременно в сарафанах и с косами. Так было принято, везде и всегда. А тут в кружок встали одни мужики в синих казацких гимнастерках и штанах, перетянутые в талии и наискось, через плечо, ремнями и портупелями, в черных лохматых папахах, с красным перекрещенным донцем и в хромовых сапогах, ладно пригнанных по ноге, явно военного образца.

Когда неожиданно, под звуки негромкого задумчивого наигрыша Тимохиной гармошки запел Роман Лавров своим сильным и твёрдым баритоном: «Как за Черный ерик, на высокий берег...» – и тут же Ванятка подхватил густым и негромким басом, явно сдерживаясь, как бы задумчиво: «...выгнали казаки ...», и тут подхватил влёт Серёга Бердников сухим, жестким тенором с хрипотцой: «сорок тысяч лошаде-е-ей...» – зал замер...

И тут все дружно протянули тоскливо и безнадежно: «... и покрылся берег, и покрылся бере-ег...» – и вдруг один голос

молодой, высокий и отчаянный оторвался и взвился, как от удара кнута «А-а-а а-а-аа» и зашелся в стоне, в смертельном почти восторженном стоне конца жизни: «сотнями порубанных пострелянных лю-ю-де-е-й..» – песня почти оборвалась и вдруг совсем тихо продолжилась, повторяясь задумчиво и определённо: «... и покрылся берег и покрылся берег сотнями порубанных, пострелянных людей...» – а звук тоски, удали и несбывшихся надежд «а-а-а-аа» тихо сошел на нет, смиряясь с неизбежным, неотвратимым, предначертанным.

Баритональный бас Ларика чисто и твёрдо повёл дальше: «Любо, братцы, любо, нам на свете жить...», – голос рос, утверждал, поднимал, ободрял и звал: «...с нашим атаманом не приходится тужи-и-ить.»

И уже совсем уверенно, весело и бесшабашно, презирая страх, боль и отчаянье, настойчиво встряхивая всех подхватил бас Ванятки, а за ним и все постепенно, каждый со своим чувством, чуть отставая или чуть опережая, свились в песенный жгут: «...любо, братцы, любо, любо братцы жить ...»

Голоса пели, как бы играя с витающей вокруг смертью, дразня её своей решимостью и бесстрашием, готовностью ко всему.

Леон каждый раз, слушая этих знакомых и таких обычных мужиков, ощущал холодок текущий по спине. Уж сколько раз слышал, а – не привык. Этот мальчишка Ларик, пацан, можно сказать, чётко чувствовал струну жёсткой казачьей души, живущей вольностью и отчаянной дерзостью, и траги-

ческой предопределённостью своей судьбы.

Ларик перед тем, как начать разучивать песню долго разбирал её по фрагментам, по словам. Иногда мужики так и просиживали весь вечер, просто разбирая песню, выискивая всегда главный, обычно трагический смысл сложенной песни, настраиваясь на неё.

Весёлыми у казаков были только свадебные, шуточные да матерные песни. Тут, в Берлушах, почти у всех предками были казаки. Не по книгам они знали уклад казачьей жизни. Ванятка принес дедову фуражку с красным околышем, за которую в хорошие времена и в какой-нибудь Челябинг бы недолго было загреметь, и надел её на себя, залихватски выпустив набок чуб. Ларик отыскал у деда в записях слова и распевы казачьих песен самых гонимых казаков – уральских.

К слову, слишком долго казаки тут огрызались на Урале, сдерживая красных. А чему удивляться? Этот суровый неприветливый край мог быть покорен только такими же суровыми, мало приветливыми и упертыми людьми. Не все могли тут жить – на окраине державы, сдерживая степных разбойников, предающих стреле, мечу и огню всё, что поддалось. Поэтому и не поддавались казаки, пока за смертью не падали. Нельзя поддаться, подвести братьев, что на тебя надеются, не выжить иначе. Насмерть стоять! Славяне и вообще отличаются этой чертой, ну а те, кому на границе приходилось жить, и вовсе не понимали: «Как это

можно – отступить? Позади-то бабы с детишками.»

Много об этом говорили мужики, возрождая песни забытые. Иногда для куражливой дури и настроения распевались охальными, матерными песнями, хохотом прочищая горло, выгнав предварительно из зала малолеток. Ираида только рукой махала и уходила пить чай, пока эти «взрослые дураки» не перебесятся.

Ларик добивался, чтобы пели душой, а не по нотам. Неожиданно все стали приносить на репетиции разные распевы. К концу разучивания получалось так, что один начинал песню, как бы приглашая сотоварищи, а другие как бы нехотя, как бы невпопад, подхватывали, каждый со своего места, и каждую строфу каждый любовно обволакивал своим голосом и чувством, мял её, смаковал, нежил, тискал и лелеял. Но всегда куплет кончался стройно и строго. Враз.

Каким чудом этим, давно уже советским, русским парням и мужикам удалось настроиться на давний музыкальный лад дедов, безупречный по выразительности, строю и согласованности, Леону так и не было понятно, это всё осталось за кадром, они пели «влёт», на ходу играя вариациями, и владел этим осознанно только Ларик.

И сейчас тут, на сцене перед военными в современных парадных мундирах, пели тоже вояки, но одетые в старинную военную форму, наводившую некогда ужас на противников Руси-матушки. Казалось, песни тут пели казаки старинные,

стоявшие стеной за Русь, не жалевшие для неё ничего. Они пели, и все в зале чувствовали себя их братьями и сестрами.

А Ларик плавал в этой, казалось бы, какофонии звуков, присвистов, разудалого уханья и разбойничьих окриков, отрывающихся вдаль от песни, стонов и ухарских припевов, как в своей родной стихии и выруливал всё это многоголосие точно и вовремя к изящной и сильной мужской жесткой концовке. У него был несомненный дар. Леон перед ним сникал в восторге и упоении, не менее, чем Настя, от природы одаренная чувством гармонии вообще.

«Да... гармония всегда и во всём. Во всём...», – эту нацеленность некоторых девчонок с пушистыми колечками на шейке Леон уже давно принял, как свою истину.

Хор приготовил несколько самых любимых и известных песен. От трагических, военных строевых и до шуточных перебором, почти бормотанием слов песни в присказку, шуточных игровых и плясовых. Но все они были мужскими песнями, с мужским удальством и наивной наглостью, с мужским понятием любви и чести. И каждый конечный аккорд песни звучал жестко, определённо, не предполагая участия женских голосов. Это пели казаки на марше, оторванные от лобушек, с настоящей тоской и жадной любви.

Леон долго хохотал над предконцертным «приказом» Ларика: «С бабами две недели не спать, к себе не подпускать. Скучать по-настоящему. Вот споём, – тогда на все четыре. Хоть у*битесь нах*р!», – такое требование в музыкальной

практике Леон встречал впервые.

От голосов этих мужиков в лохматых папах женщинами в зале хотелось плакать. Некоторые и плакали. Украдкой.

Незаметно Леон стал посматривать вокруг. На пылающую гневом Ольгу он не обращал ни малейшего внимания: «Что с дуры возьмёшь? Хоть бы не вздумала поперёд батьки в пекло лезть за пирожками».

Лица мужчин светлели и размякали. На такой старинный мужской клич самоотверженности и самоотречённости братского воинства никто из нормальных собратьев по духу не мог не отозваться. Эти парни на сцене неожиданно прорезались из прошлого чистыми и настоящими голосами русских мужиков, тех, что всегда подставляли себя, обороняя рубежи, и погибали первыми, осознавая, что если так на роду написано – так и быть тому. Другие ж тоже обязательно встанут? И в порядке будут их жены и дети, а потом их черед придёт кровушкой платить за спокойствие Руси-матушки. Испокон так-то. Никого не минует.

Последние слова песни: «Грянула команда... да... забыли про меня... Мне досталась пыльная горячая земля...» – хор под конец пел совсем тихо, оберегая святой покой и память погибшего героя. Ларик издалека и тихо снова повёл задумчиво: «Любо, братцы, любо, нам на свете жить, с нашим атаманом не приходится тужить!» – и тут молодой, почти наивный ясный тенор Николки Маслова борзо подхватил, распевая всё громче, как бы стирая в памяти горечь неизбежной

и обязательной утраты: «Любо, братцы любо...» – и снова взвился своим «А-а-а-а» нескончаемым и неизбывным живым, стегающим, летающим на толпой голосом Васька Жилин, совсем молодой парень из механиков, и тоже смолкшим вместе со всеми дойдя до тихого задумчивого «эха».

Несколько секунд зал молчал, как от неожиданного удара. А потом взорвался. Все встали с мест, хлопали, что-то кричали, свистели.

Леон посмотрел краем глаза на Ольгу, та бестолково хлопала глазами и пыталась уловить, как и кто реагирует. Постепенно пятна с её шеи исчезли, и она, как бы извиняясь, или делая вид, что так и надо, незаметно толкнула Леона в бок и спросила, пытаясь сквозь шум криков и аплодисменты говорить так, чтобы Леон её расслышал: «А на сколько голосов они пели?»

– А какое это имеет значение? Ну, если тебе так это важно для отчета, напиши: «на шестнадцать. Нет, на семнадцать. Гармонист тоже пел.

Ольга, улавливая плохо скрываемую иронию, надулась и больше с Леоном в тот вечер не разговаривала. Да и некогда ей было. Со своего места она то и дело ловила бросаемые в её сторону одобрительные кивки, знаки руками, поднятые вверх большие пальцы и шуточные укоризненные покачивания головой: «Как же это ты, голубушка, сумела такое в тайне держать!»

Это был триумф.

Последнюю в этом концерте песню «Не для меня...» зал дружно мычал, кое-кто иногда угадывая слова, подпевал, кое-кто просто пристанывал, изнемогая от невыразимости сопереживания и сопричастности, своей личной, вполне возможной сопричастности тому, о чём стонала и жестко усмехалась песня. Песня, выворачивающая душу наизнанку, откидывая, хотя бы на время, всякую идеологическую бредь про белых и про красных, облеплявшую сердце и голову сегодняшних военных мужиков притерпевшихся к рутине обыденности.

На приёме в приватном кругу после концерта Ларик оказался в самом центре внимания. Наверное он никогда ещё не получал столько одобрительных шлепков по спине, барственных похлопываний и дружеских рукопожатий. Даже автобус пришлось немного задержать, пока все важные персоны засвидетельствовали свой восторг и признательность. Ларик, как пацан, хапал этот успех, купался в облаке признания и хвалебных речей. Леон вернул его на грешную землю, шепнув, что мужики в автобусе уже замерзли. Для согрева ничего с собой не прихватили из скромности. Но один толковый, и уже давно знакомый полковник N-ской части, исправил эту оплошность, и Ларику с собой дали пару огромных коробок, которые ординарец полковника помог дотащить до «курганца», практически неоттапливаемого и с плохо закрывающимися дверями. Это несколько поправило дело. Никто не простыл, по крайней мере.

Глава 11. Первый успех

Домой Ларик вернулся загадочным и с таким выражением лица, что бабушки сначала поставили перед ним сковородку любимой жареной картошки, криночку холодного молока и глазунью из пятка яиц, и только когда он это всё благополучно умял, приступили к осторожным расспросам. Настя настороженно прислушивалась к происходящему в кухне из своей комнатки, не желая мешать семейному разговору. Кто его знает, как они там выступили? И Леон, и Ларик с тревогой ожидали первого выступления – не каждый день, официально признанные антисоветскими элементами, казаки уральские, пусть и в полубутафорском виде, выступить на сцене решаться. Правда прошел по всем экранам, прогремел своей пронзительной историей жизни и любви человека разорванного судьбой надвое, распятого на кресте верности присяги и народу русскому, фильм Герасимова «Тихий Дон». Так то – Москва, Герасимов, Шолохов. А то тут... в краю заводов, колхозов и тыловых оплотов власти. Казачьи песни о вольности, о верности, о мужестве русских людей... Но совсем особых русских людей. Казачества.

Долгими вечерами Леон и Ларик сидели над текстами, убирая всё, что могло всколыхнуть не в меру ретивое службистское рвение некоторых идеологов и цензоров. Их везде было немало.

– А-а! Семи смертям не бывать – одной не миновать! – заключил Леон окончательно после генеральной репетиции. – Пойдёт!

– Да поедет, Леон! Чтобы мне с бабой год не спать, как ты говоришь!..

«На его месте я бы даже и не помышлял о бабах, когда такая рядом светится вся, как лучик света. Не любит он её. Вот гадство! Ну почему так-то почти всегда?! А может... Да нет, прав он, старый я хрен уже для неё», – лицо Леона скривилось в серую вялую маску.

Успех хора в замечательном клубе друзей-воинов был оглушительным и ошеломляющим. Удалось! Удалось донести русский дух, самоотверженность и русскую тоску военных мужиков, оторванных службой от дома, от жен, от тишины и благости спокойного мирного времени. Всё было понято и принято. Аплодисменты несколько минут не отпускали «казаков» со сцены.

И понеслось...

Сразу такая «волна» пошла, что если даже и были недовольные чем-то или сомневающиеся, их бы этой волной смыло. И пока Ларик уминал ужин, поставленный бабушками, важными дядьками в машинах с госзнаками на бамперах, а потом и в коридорах власть имущих, на счёт будущего Ларикова хора уже начали строиться весьма и весьма солидные планы. Потом у Ольги Павловны Синицыной телефон будет разрываться от телефонных звонков по специальным линии-

ям связи несколько дней кряду.

– Ну, так что? Расскажи уж. Видим, что как кот, обьевавшийся сметаны, доволен, – Марфа, улыбаясь, поставила перед внуком большой, любимый им старинный фаянсовый бокал с чаем, – Настюшка, иди сюда, послушаем.

Настя, накинув на плечи старенькую шалёшку, которую для тепла ей выделила Марфа, что-то её морозило сегодня целый день, вышла в кухню и присела с краю за стол.

– Ну, ... всё! На бис! Понимаете? На бис! Нас минут пять не отпускали со сцены. Всё! Теперь нас не заткнешь. Мы теперь...

– Ты подожди, Ларик. А там начальство-то было?

– Да этого начальства там было... как селёдок в бочке. Одно начальство почти и было.

– Военное всё?

– Да нет. Эти – само собой. Из города были. Не генералы, но... тоже с ординарцами, в общем. Леон сказал, что из обкома были. Вот что главное. И они хлопали. Понимаете? Они хлопали! Леон сказал, что экзамен мы выдержали, теперь работы впереди... ух, даже дух захватывает... Понимаете? Я сделаю хор. Такой, что небо зашатается, всем жарко станет...

– Ты, Финист, не больно-то хвост распушай. Его и прищемить могут.

– Да кому мой хвост, бабуля, нужен, прищемлять его. Главное – песни понравились. А мы ж и десятой части... да

какое там... сотой части этого богатства не подняли. Да вы что такие грустные-то? Не рады, что ли, за меня? Эй, Настюха? Ты что?

– Да нет, я очень рада. Правда, рада. Голова сегодня болит просто.

– Так что вы ей травы-то своей не дадите? Голова у человека болит, не видите? – Ларик приобнял Настю, увлекшись разговором.

– Да нет, не беспокойтесь. И так пройдёт, – Настя вынырнула из-под руки Ларика и отошла к теплой печи.

– А не то, на-ка, Настенька, выпей, я тут для себя настояла, поделюсь с тобой. Какое же беспокойство? И уснешь хорошо, – Пелагея налила полстакана темноватой жидкости и подала Насте. Та, прихлёбывая душистый чай, чуть улыбаясь, смотрела на Ларика. Он напоминал ей сейчас хвастливого мальчишку, выигравшего в бокс. Ларик подробно описывал бабушкам, внимательно слушавшим внука, как и что он и мужики чувствовали, как и что он им говорил, как им хлопали, орали «бис», как на них смотрели из зала, передние-то ряды хорошо было видно...

– Ларик?

– Да, Настюха?

– А мне теперь можно будет на концерты ваши приходиться? – Настя по-прежнему не торопясь прихлёбывала чаёк Пелагеи, которая вместе с Марфой недоуменно воззрилась на Ларика, прервавшегося на полуслове...

– Теперь? – Ларик передернулся. – Вот, ведь, заноза! – подумал он про себя, а вслух ответил довольно миролюбиво: «Да. Теперь можешь. Мы тоже уже удостоились высокого внимания».

– А вы об чём это? – недоуменно спросила Пелагея.

– Да так. Дело прошлое, – недовольно буркнул Ларик, психуя про себя: «Нет, вот зачем она это сейчас? Обязательно надо испортить праздник. Видит же, что я извиняюсь почти».

– Какое-такое дело? Об чём ты, Настя?

– Да, действительно дело прошлое. Просто в Новый Год Ларик запретил мне бывать на концертах, где присутствует начальница из города. Я её раздражаю и вообще внимание на себя отвлекаю. Мешаю Ларику хор свой показывать.

– Ну, вот зачем ты всё передергиваешь так?

– Я не передергиваю. Разве нет?

– Ладно, давай забудем. Я был не совсем прав. Но тогда ты действительно могла нам помешать. Ты слишком выделялась на общем фоне. Понимаешь?

– Да, понимаю. Спокойной ночи всем. Действительно, от чая Вашего голова перестала болеть и спать захотелось. Спасибо. Пойду. Завтра вставать рано. – Настя, сполоснув стакан, пошла к себе.

– Финист? Что это Настя тебе помешала? Чем это? Элочка ей платье такое сшила, девчонка счастлива была в кои-то веки, а ты?

– Да ладно. Там одна, ... ну, баба, в общем, на неё устави-
лась и не столько на нас смотрела, сколько на неё пялилась
и психовала.

– Зачем?

– Ну, этот, ну.... – Ларик замялся, не желаю подставлять
Леона, которого бабушки просто обожали, – хахаль этой ба-
бы на Настьку пялился весь вечер.

– Так Настя-то причём?

– Да не знаю я – причём или не причём. Но срывать нам
успех не надо.

– И что же? И сегодня баба та была и хахаль ейный?

– Была. Это у неё работа такая – везде бывать и всё про
всех знать, кто искусством занимается. А хахаль? При ней...
Ну не то, чтобы и при ней... но тоже был. Да от него уже
ничего и не зависит. Перешагнули мы дальше. И от неё не
зависит. Он так сам сказал.

– Да кто ж это такой?

– Так. Мужик один... и старый он для Насти.... И нече-
го на неё пялиться. Подарочки, бутербродики, понимаешь, –
настроение у Ларика резко пошло на спад. – Ладно, спать я
пойду. Устал. Спокойной ночи. Спасибо за ужин.

– Ну иди, иди, милоч, – бабушки переглянулись между
собой.

– И что это за мужик такой, Поля?

– Ладно тебе, Маня, дурочку-то строить. Леон Сергеич
это.

Марфа, вздохнув, убрала со стола все крошки и посуду. На ночь грязное в этом доме никогда не оставляли. И если роскошью бедных считается уют и чистота, – то это был самый роскошный на белом свете дом.

Сон к Насте не шел. Голова потихоньку успокоилась. Обида притупилась давно. Сегодня она просто не выдержала такой его бахвалящейся эгоистичной радости. Ну, конечно, и она переживала сегодня целый день, как там всё пройдёт. Леон подробно объяснил ей все сложности, которые Ларику предстояло преодолеть там, на глазах у сотен человек незнакомой и, может, пристрастной публики. И как же славно, что всё у него получилось. Только вот она здесь ни при чём. Даже и мешала ещё. Настя уткнулась в подушку, и слёзы невольно навернулись, смочив наволочку, когда она вспомнила тот, обидный до горя, день...

Она весело бежала домой по темной улице, торопясь всё рассказать бабушкам, как прошел Новогодний концерт. Дома ждал постный пирог с капустой – Великий пост – и компот из вишни. Бабули весело смеялись, слушая рассказ Насти, как запах рыбы чуть не испортил весь праздник, перебивая все духи. Ларик явился поздно, хорошо подвыпивший и весёлый. Отпоили его чаем, заставили рассказывать обо всём. От Ларика невыносимо пахло мойвой. И над этим посмеялись. Когда бабушки ушли спать, и Настя тоже ушла в комнату к себе, Ларик неожиданно постучал к ней. Настя открыла дверь. Ларик, глупо улыбаясь, стоял перед ней.

– Тебе чего, Ларик?

– Насть? Ты вот послушай меня, ладно?

– Слушаю. Что ты хотел сказать?

– Знаешь, вот ты такая... ну маленькая ещё... и не понимаешь, как ты можешь всё испортить..

– Что испортить? Я не понимаю тебя, Ларик.

– Вот и я об том же. Не понимаешь. Тут понимаешь....

Политика. Ты вот в зале сидела?

– Ну. Сидела, конечно. И что я не понимаю?

– А кто на тебя смотрел?

– Кто на меня смотрел? Что ты имеешь в виду?

– Ворот на тебя смотрел. И так смотрел... У него слёзы на глазах были.

– Почему?

– Хотел бы и я знать, «почему»? Но одно я знаю точно, он старый для тебя. Понимаешь? Ста-а-ры-ы-ый. Ты ему в дочки годишься, я тебе уже говорил.

– И что теперь делать мне? При чём тут ваш хор?

– А та тётка из отдела культуры на Ворота смотрела. Между ними есть что-то. Не просто так мне разрешили руководителем тут работать. Понимаешь? Этого Ворот добился. Вытянул меня на сцену он. Видела бы ты её рожу, когда он на тебя пялился... Аж покраснела от ярости. Не видать нам никаких первых мест, пока так будет. Ты случаем в Ворота не влюблена, а, Настюшка?

– Не говори глупостей. Хотя в него все подряд влюбляют-

ся.

– Кто все-то?

– Да учительницы у нас в школе, например.

– Ну?! Им до тебя далеко. Ты самая красивая там была.

Только не приходи на наши концерты, когда там Леон с этой фифой будут. Не раздражай.

– Хорошо. Раз я мешаю так, фифа меня больше не увидит.

– Вот и ладненько, пока... – но Ларик не договорил, Настя быстро выпихнула его из комнаты и закрыла дверь на задвижку.

Если бы Ларик был к ней близок, то это можно было бы посчитать за предательство. Но он не был к ней близок никогда. Не было никакого предательства, было просто пренебрежение и хамство. Настя долго плакала в ту ночь. Но под утро успокоилась и собралась на первый Новогодний утренник с первоклашками. И подарок тогда же получила, нежданно-негаданно.

Ларик тоже не спал. Неожиданно разговор с Настей его раздражил: «Зачем при бабушках-то выяснять отношения. Хотя чего там выяснять? Нет никаких отношений. Просто бесит всё. Подарки ещё эти...»

Ларику стало стыдно, что он раздражается до сих пор на такую мелочь. Вспомнил, как после ахов и охов бабушек зажал Настю в уголке кухни и зло спросил: «И бусики эти... зачем взяла?»

– Ларик, это просто подарок. Он их кому-то давно покупал, но не сумел подарить, они так и остались, сказал. Он их в пятьдесят седьмом году ещё купил. Прикинь? Они ему просто не нужны. Нашел случайно, вот и подарил. Там этикетка есть на коробочке, пожелтевшая вся от времени. И они мне к платью подходят хорошо.

Действительно они очень хорошо подходили к её платью.

И да, Настя действительно больше не появлялась на их концертах.

Вообще. Никогда.

Но часто, когда он возвращался с концерта и садился вместе со всеми пить чай, он по-прежнему улавливал от Настиных волос запах клуба и копченой колбасы. Иногда он думал, что у него конкретные глюки, но не станешь же её обнюхивать и доказывать что-то. Однажды во время репетиции концерта, посвященного подготовке к двадцать третьему февраля, это было совсем недавно, ему показалось, что в коридоре мелькнуло Настино платье. Вышел проверить, но ничего такого не обнаружил. Сама Синицына сидела в зале и озиралась в поисках Леона, тот где-то пропал. В последнее время он частенько так оставлял эту мимру одну в зрительном зале.

Ворот в одиночестве сидел в своём полупустом кабинете, шуба с чернобуркой болталась на плечиках у входа в кабинет, Настя нигде не было.

– Тебе чего, Ларик? Или кого? – голос Вороты звучал на-

смешливо, или Ларику уже это так казалось.

– Да так. Настю случайно не видал?

– Настю? Так она мне говорила, что ты ей запретил на ответственные концерты при ответственных людях появляться. Или она это сочинила сдуру?

– Некогда мне тут с тобой о глупостях всяких болтать, тебя Сеницына там обыскала.

– Ничо, подождёт. У меня пара срочных дел тут на пять минут. Приду скоро. Скажи ей там, что я ничего не забыл, – Леон ухмыльнулся чему-то своему.

Ларик так и не узнал, что во время «запрещенных» концертов Настя с удобствами располагалась в будке киномеханика, с кучей бутербродов и горячим чаем. И весь концерт смотрела на сцену с самого удобного места, из темноты будки не видимая никем. Леон громко хохотал над опасениями Ларика, хотя, если быть уж совсем точным, что-то такое в этих опасениях было. Под видом срочных дел Леон оставлял Ольгу в зале вместе с её «водилой», а сам, открыв дверь на лестницу, забирался в будку с горячим чайником, и они вдвоём с Настей пили чай и лопали любимые Настей бутерброды с сыром и копчёной колбасой, которую Леон каждый раз теперь непременно заказывал Ольге. Время от времени Леон появлялся в зале, садился рядом с Сеницыной, выслушивал от неё возмущенные вопли, которые она шепотом выплёскивала на него, обижаясь, что он оставил её одну, ради каких-то непонятных дел. С некоторых пор Леон стал заме-

чать, что у Ольги глаза начинают маслянить и лучиться, когда Ларик обращался к ней в узком кругу, обсуждавшем дела хора. Впрочем, глубоко в эти рассуждения о музыке и о репертуаре Ольга никогда не вникала. Она в основном играла роль. Главную, всех и всё организующую, роль. И это всех устраивало.

В тот день после прогона концерта Ларик пришел домой и не обнаружил Насти. Школа была закрыта уже, он сам видел, что дежурный фонарь горит. Ларик схватил лопату и начал выгребать снег со двора в палисадник, потом с дороги на обочину, пока весь не взмок от пота. А Насти всё не было. И как же он разъярился, когда в очередной раз выскочив на улицу, он увидел в конце улицы под фонарями фигуры Насти и Ворота, о чём-то оживлённо беседующих, Ворот размахивал руками, шел то рядом с Настей, то перед ней спиной вперёд. Оба были явно довольны друг другом, в ночной тишине раздавались их весёлые голоса и смех. Ларик ушел домой и из темного окна наблюдал потом, как прощаясь Ворот церемонно пожал Насте руку, сняв перчатки, а она сняла варежку..

– Насть? А ты где так поздно ... – Ларик так и хотел сказать: «шляешься», но что-то удержало его и он произнес: «гуляешь».

– Да мы с Леоном Сергеевичем обсуждали, какие кружки ещё под силу самим организовать.

– Ну и?

– Да много чего можно. Надо записать всё, пока не забыла. У Леона Сергеевича не голова, а машина идей. Очень интересный человек.

– А ты в клубе сегодня была?

– Да, после школы зашла, – Настя нагло врала. От места в кинобудке она не готова была отказаться ни за какие коврижки. Оттуда Ларик был виден, как на ладони. Когда она оттуда смотрела на него, ей казалось, что она чувствует всё, что с ним происходит. Иногда она прежде него, кажется, знала, что сейчас он отступит назад или повернется направо. Её даже пугала такая связь с ним. Она чувствовала, когда он был расстроен, недоволен или не уверен и передергивалась отчего-то, и переживала с ним всё это.

А иногда она ловила на себе в такие минуты взгляд Леона, и ей казалось, что и он тоже чувствует всё. Правда, обычно Леон успевал отвернуться или натянуть на лицо другое, «вяленое» выражение. Простодушие Насти позволяло ему убедительно скрывать его собственные чувства. И хорошо, что она о них даже не догадывалась. Дружба – есть дружба. Ну а то, что его ножом при этом по частям разрезали, – так это было его личной проблемой взрослого умного мужчины.

Эту «отдельную ложу», как шутил Леон, придумал он сам. Выходя в зал, Леон закрывал лестницу в кинобудку на ключ, чтобы какой-нибудь шустрый малолетний самозванец не обнаружил Настино убежище. В последний раз, пока он провозжал, как всегда, Синицыну до машины, Настюшка уснула,

согнувшись калачиком в старом раздолбанном, но большом и уютном кресле. Леон долго сидел рядом, любуясь ею, не в силах прекратить этот волшебный миг счастья побыть наедине с ней, хотя бы в мечтах.

Леон тогда тоже издали заметил долговязую фигуру Ларика посередине улицы с лопатой для снега. Потеряли, видно, домашние Настю. Смешные. Разве с ней могло случиться что-то плохое, когда он рядом с ней?

А рядом с ней он был теперь всегда. Он был уже «взрослым мальчиком» и понимал всю бесперспективность своего чувства к этой девочке, которая ему в дочери годилась. Понимать понимал, а заставить себя забыть о ней, прекратить заниматься ежедневными сладостными пытками общения с ней, не мог. И всё глубже и глубже с головой погружался в иллюзорный мир теплого дружеского участия в её жизни. Весь мир разделился на две части. И на части не равные. Девять десятых в его жизни занимала Настенька, и на одну десятую тянули все остальные дела. У них с Настей оказалось очень похожим главное увлечение – чтение. В дом Леона было вхоже небольшое число людей. Два его «ординарца» и он сам. И с некоторых пор – Настя.

Однажды во время очередного «бутербродного разгула» Леон заметил, что лобик Насти то и дело хмурится, решая какую-то трудную задачу.

– Ты о чём Настасья-краса, длинная коса, задумалась? – шутливо спросил он.

– Да так. Не знаю, когда всё успеть. Столько назадавали...

– Где и что тебе «назадавали»?

– Ну как же, Леон Сергеевич? Я же целый месяц на установочные лекции ездила. Вот там и назадавали.

– Ну, в пределах разумного, я думаю? Это, всё-таки, первый курс всего?

– Да, конечно, в пределах. Только и пределы тоже всякие бывают. Сейчас сидела в нашей библиотеке, всё перерыла и только три книги нашла. А их в списке.... Вот – сто двенадцать, – Леон взял у Насти тетрадь с исписанными названиями книг страницами. Тут были перечислены жемчужинки мировой литературы самых разных жанров.

– Представляете? И в институтской библиотеке их нет. Только в «публичке». Я туда записалась и целый час потратила, пока выбрала по картотеке, очередь выстояла, потом ещё ждала, когда мне их из хранилища поднимут. Всего два часа и успела поработать. И уже не автобус чуть не опоздала. А за два часа разве много прочтешь, если внимательно читать? А надо же очень внимательно, ещё и конспектировать кое-что надо, экзамен же потом сдавать, а перечитывать это всё ещё раз – нереально. Вот я и не представляю, как я всё это буду делать? И записаться в какую-нибудь городскую не получится, я же прописалась тут, у Арсеничевых... А Вы чего так улыбаетесь, Леон Сергеевич? Вам смешно?

– Да нет, мне не смешно, мне радостно, что я вот так, одним движением руки могу чудо сделать. Знаешь, как прият-

но делать чудеса?!

– Вы о чём? Какие чудеса?

– А-а! Простые чудеса. Я открываю тебе безлимитный доступ в одну неплохую библиотеку. В ней есть почти всё из этого списочка. А может и вообще всё есть, надо внимательно посмотреть. Если нет – найдём. Незачем тебе по ночам в «публичке» сидеть. Время дорого.

По дороге домой Леон, когда они шли вместе, как молодой мальчишка, увлекаясь, рассказывал ей про книги, которые читал в данный момент. Оказывается, читал он всегда, и обязательно на ночь каждый день.

Он держа в изголовьях кровати целую кучу книг, которые или отложил – пришлось не по вкусу и настроению – или прочитал, да забыл всунуть в тесные ряды книг на стеллажах, сделанных неутомимым Рёбрышкиным.

– А ты, какие книги больше всего любишь, Настенька?

– Разные. Эля мне подарила просто шикарное издание Конан Дойля. Представляете? Я уже наизусть всё знаю.

– Зачем наизусть?!

– Ребята очень любят такие истории, сидим, что-нибудь мастерим, или гуляем по лесу, и я им рассказываю, когда получается. Я их так люблю всех, особенно маленьких. У меня точно будет целая куча детей, чтобы им не скучно было, как мне.

– Тебе скучно?

– В детстве было скучно. Детей должно быть несколько.

Настя не объясняла. Она утверждала.

– Ну да, конечно. Но я тоже один рос. Мне скучно не было. Друзья, товарищи...

– Нет, это не то. Надо чтобы был твой самый родной человек рядом, родители, братья, сестрёнки, как Эля.

– Согласен, Настенька, – Леон не хотел больше говорить на эту тему и перевел разговор опять на книги. – А что ты читала для себя?

– Много чего. Я раньше очень любила читать детскую энциклопедию. Знаете, толстые такие тома рыжего цвета были, огромные. Это мне папа подарил, я забыла их с собой забрать. Мама всё хотела продать эти книги, считала, что я уже выросла, покупатели были. Наверное, уже продала... – Настюшка замолчала. Неожиданное упоминание о доме, о матери, обдало холодной и тоскливой волной: «Неужели мама совсем не скучает? Ни разу даже не спросила у Эли, как тут я?»

– Настюшь, а у меня есть какая-то рыжая толстая детская энциклопедия, наверное такая же? Стоит где-то наверху. Я точно вырос для неё. Хочешь, я тебе её отдам?

– Нет. Ну что Вы? Я не к тому же говорю, что жалуюсь. Просто вспомнила про папу. Мы с ним мечтали, что когда-нибудь накупим большую библиотеку, и я бы целыми выходными копалась бы в разных книгах. Знаете, Леон Сергеевич, чем я больше всего любила заниматься в детстве?

– Не знаю. Чем?

– Ни за что не догадаетесь!

– Даже представить себе не могу... А! Куклами, наверное?

– А вот и нет. Я могла с утра до вечера читать старые журналы. Знаете, были такие «Огонёк», «Наука и жизнь», «Юность» и самый любимый мой журнал «Вокруг света».

– А почему были-то? Они же и сейчас есть?

– Ну, у нас они ... закончились... тогда. Денег не хватало. На лекарства уходило много. Ну, вот и всё, я дошла. До свидания.

– Подожди, Настенька. А можно мне тебя пригласить ко мне домой? Там кроме твоих списочных и других книг много стоит, порылась бы сама. Ну, с кем-нибудь ... с подружкой приходите. У меня много этих журналов! Я их тоже люблю, выписываю постоянно. Только вот получаю не регулярно. Возьмёшь всё, что тебе захочется почитать.

– Как в библиотеке?

– Ну, пусть будет, как в библиотеке, – хмыкнул весело Леон.

– Только у меня здесь нет подружек. Да и там... в городе тоже не было. Не получалось как-то.

– Ну, тогда... ну одна приходи. Или с Лариком, например? – вдруг ни с того ни сего выпалил Леон.

– С Лариком? Нет, что Вы. Он очень занят. Да я и одна могу, я же много брать книг не буду. Донесу как-нибудь, – Настя улыбнулась.

– Ну да. И то правда, что это я? Да и я сам тебе помогу донести, тут два шага всего. Если ты жадюгой книжной вдруг окажешься, – оба рассмеялись, заключив смехом свой «книжный договор».

– Вы серьёзно дадите мне книги любые прочитать?

– Да разумеется. Серьёзней не бывает, – Леон рассмеялся. – Если книги не читают – то это просто макулатура. Их надо читать. И тогда они расползаются от улыбки, становятся толстыми и растрепанными. Весёлыми, короче. Когда пойдём смотреть?

– Давайте завтра. Завтра же воскресенье?

– Заметано. А ты блины любишь?

– Блины?

– Ну да. Завтра Венька блины собрался стряпать, кстати, он отличный кулинар. Можно кулинарный кружок открыть для всех желающих.

– Не, не пойдут. Женщинам это смешно будет, а мужчинам... тем и вовсе...

– Что – «вовсе»? Ты знаешь, что лучшие в мире портные – мужики, повара – мужики, врачи – мужики, даже учителя лучшие и те – тоже мужики, потому что они добытчики в семье, решительные и им отступать некуда, позади женщины – мамы, воспитательницы, жены.

– Всё равно не пойдут. Непривычно это. Тут же казахи потомки живут. У них совсем другие представления о мужской работе.

– А ты откуда это знаешь?

– Так бабулечки же рассказывали? У них род тоже от казаков идёт. Бабушка Пелагея даже стыдится рассказывать про их прадеда. Сильно лютый и очень озорной был. Его насильно женили в семнадцать лет, чтобы образумился малость. А потом он жену свою любил без памяти. И жил долго. Все удачливые казаки такие, говорит, были, отчаянные. Другие просто не выживали, погибали быстро. Прадед всю Азию прошел, и в Европе бывал, записки оставил, даже фото есть. Правда оборванное всё по краям. Ларик очень на деда похож, на Алипия. А Алипий – вылитый тот самый прадед – казак Егор. Не взгляд – а сабля. И усмешечка такая на фотографии, вроде и ласковая даже... но морозом продирает. У Ларика такая тоже иногда бывает, когда что-то задумал своё. Не свернёшь. Бабули говорят, что это порода у них такая, у Арсеничевых, один в один передаётся.

– Надо же, – как-то деланно и невесело удивился Леон. Он уже давно понял упёртость Ларика. За его, пока пацаньей, суетливостью и разбросанностью он видел мёртвую хватку Ларика в его деле, его способность ухватить главное, самое интересное и наиболее уязвимое. Ларик шел «на приступ» с открытыми, но прищуренными, узкими, как сабля, тут Настя правильно подметила, глазами. Он именно таким и сидел тогда в облисполкоме на обсуждении репертуара хора. За каждый пункт он был готов сражаться. Но, благодаря особому расположению Сеницыной в тот день к их хору, сражать-

ся не пришлось.

В воскресенье Настя пришла в дом Леона с самого утра, ей не терпелось убедиться, что такая огромная для неё проблема оказалась решенной, и так просто.

– А откуда у вас столько книг, Леон Сергеевич? Говорят, их сейчас не достать.

– Это книги нескольких поколений собирали, в основном мой отец и его родители, особенно бабушка моя. Ну и я тоже, разумеется. Всегда вожу часть их с собой. И в этот раз тоже привёз.

– А вы откуда сюда приехали?

– Да так, недалеко тут... Тут мои дед с бабушкой жили. Дед тоже из казаков. Во, блины уже готовы, прошу к столу! Отменные блины с каймаком! Знаешь, что такое каймак?

– Нет, не знаю. Но это же сливки, похоже?

– Вот именно. Снятые, охлажденные сливки с молока, твёрдые, как масло. Казаки называли это каймак.

С тех пор, по воскресеньям Настя иногда отправлялась к Леону Сергеевичу с болоньевой своей сумочкой, относя партию прочитанных журналов и книг, и возвращалась счастливая, нагруженная новыми книгами и журналами, раздражая Ларика запахами копченой колбасы и блинов.

Книжными стеллажами были обставлены все комнаты в доме Леона. На все Настины восторги, что у него столько книг, сколько и в библиотеке сельской нет, он только шутливо рукой отмахивался: «Не заморачивайся. Пользуйся на

всю катушку. Прочитаешь большую часть – будешь энциклопедически образованной дамой. И все будут снимать перед тобой шляпу! – он смеялся, поил её вкусным чаем с конфетами и угощал бутербродами с копченой колбасой, или блинами, испеченными О कोरोковым, а потом молчаливый О कोरोков, почти всегда сидевший тут же где-нибудь в углу с книгой или журналом, или с рисунком на коленях, провожал её до дома, таща трещащую по швам от тяжести болоньевую сумочку.

А Леон, закусив сустав указательного пальца, смотрел Насте вслед, и на пальце оставался рубец от зубов. Он был готов ждать сколько угодно, пока она вырастет и сама не увидит и не поймёт. И, самое главное, пока сама не захочет быть с ним рядом всегда.

Но почему Стаси так написала?

Настя даже не заметила, как втянулась в серьёзное чтение книг, которые ей ненавязчиво подкладывал Леон. У него был интересный, неожиданный для Насти, собственный, отличный от учебника, взгляд на многие вещи. Настя, штудирующая положенные по программе комментарии и критику, легко и даже азартно, ввязывалась с ним в спор. Леон тоже охотно с ней спорил, шутил, и они много хохотали над парадоксами ума. В конце концов, Настя поймала себя на мысли, что она вольно или невольно перенимает его подход к литературе, его взгляд на многие не понятные и доселе неизвестные ей вещи.

– Понимаешь, Настенька, книги имеют одно волшебное свойство. Мне отец об этом говорил, но я это усвоил не сразу. Долго балду бил, пока однажды ногу не сломал, и был вынужден читать дни и ночи напролёт, ибо ничем другим на растяжке в кровати заниматься не получается, – Леон засмеялся, вспомнив то времечко своего детства.

– Так вот, через год внимательного чтения книг, практически любых, от художественных, приключенческих, философских и до научных, с человеком, помимо его желания, происходит удивительное. Он вдруг иначе начинает видеть мир, как через увеличительное стекло. Отчетливо. Ещё через год – понимает взаимосвязи в нём. Меняются интересы в чтении, и в жизни – тоже. Ещё через год – человек начинает видеть себя. Понимаешь? Не просто себя, а себя в этом мире окружающем его. Ещё через год – он может уже критически себя оценить, разумно и критически. А ещё через год внимательного и уже целенаправленного чтения – он становится своим скульптором. Он уже сам в состоянии себя совершенствовать. Во всех смыслах. Это удивительно просто и доступно каждому. Это прекраснейшее и полезнейшее из увлечений, как говорил мой отец. А ты, как думаешь?

– Я думаю, что у меня пошел второй год, – Настя весело рассмеялась.

Пигмалион «строгал» свою Галатею.

Глава 12. Новые возможности

А Ларик разрывался на части от, накатившего на него и на хор, вала успеха. Все выходные и праздничные дни у них были расписаны. Теперь без выступления их хора не обходилось ни одно праздничное мероприятие высших городских чиновников. Ольга Павловна была в фаворе за открытие такой красивой жилы народного творчества, всё это в её отчётах увязывалось с её новациями по слиянию города и деревни. Эксперимент продолжался, принес первые ощутимые плоды успеха и грозил хорошими перспективами в карьерном продвижении. Об этом ей как бы шутливо намекнул новый начальник её бывшего «главного». Но обкомовские товарищи, вообще говоря, редко шутят на такие темы, там это не принято – шутить.

Каждый день Ольга Павловна теперь отслеживала, причём по своей личной инициативе, куда и когда приглашали «казаков». Для облегчения своей задачи она обязала Ларика ставить её в известность об использовании такого значительного «ресурса» влияния. Это для Ларика хор был только хором и ступенькой в светлое будущее. А для Ольги Павловны это был джекпот. Сначала Ларик через Леона передавал сведения для Синицыной, а потом Леон предоставил ему самому заниматься такой рутинной, у него и своих дел хватало. Постепенно Леон, правда не без намёка Ольги, перестал мо-

таться за хором по смотрям, фестивалям и концертам.

– Им пастух не нужен, Лёня. Занимайся-ка развитием клубной работы, у тебя прекрасно всё получается, у тебя талант находить нужных людей, вытаскивать их из такой кучи мусора, что диву даюсь! Здесь я и сама управлюсь, – у Ольги Павловны появились новые жизненные планы.

В конце концов, у Леона был миллион возможностей стать незаменимым в её жизни человеком. А он, как был, так и остался непонятым, закрытым и абсолютно в ней не нуждающимся человеком, который ни разу не восхитился ею ни как женщиной, ни как специалистом. Всё «через губу», и хотя он никогда открыто ей не противостоял, она всегда чувствовала привкус иронии и плохо скрываемой усмешки.

Хорошо, что она тогда не подарила ему кольцо. Купила просто новую рубашку, нейлоновую, не такую уж и дорогую, за двадцать пять рублей. Приличный подарок, тем более, что он ей подарил хрустальную вазу для цветов. Достал где-то.

– Как в воду смотрела! – констатировала Ольга Павловна своё впечатление от подарка Леона. И хотя любой хрусталь считался дефицитом, никакой радости или разочарования ваза ей не принесла. И разбивать эту вазу об его голову Ольга уже и думать забыла, ей стало вдруг всё равно. С конфетами на кухонном столе эта ваза вполне себе ничего смотрелась.

Ларик, Илларион Арсеничев, – вот кто занимал её практический и пронизательный женский ум. Ларик, – так Ольга

Павловна по-свойски его теперь называла по примеру Леона, вызывал в ней тройное чувство и соответственные этому планы.

Во-первых, если ты хочешь быть значительным человеком, – будь им. Покровительствуй, руководи, протекционировуй и держи всё в своих руках, если это может дать хорошие дивиденды. Ларик дивиденды дать мог. И неплохие. В принципе.

Во-вторых, Ларик смотрел на Ольгу Павловну снизу вверх. С почтением, с явным восхищением. Не то, что Воротов.

Ну и, в-третьих, как бы это ни было тривиально, дрогнуло почти незамутненное сердце не очень старой, но и не девы, конечно. Оно, если уж быть честной до конца, дрожало у неё безостановочно с некоторых пор.

Фрак, безукоризненно сидевший на Ларике, его темно-русые волосы, спадавшие по обе стороны лица, прикрывающие его топорщащиеся уши, его глаза, иногда затягивающиеся серой стальной поволокой, когда он задумывался о чём-то в разговоре, и эта некоторая его отстраненность от мира земного – заводили Ольгу Павловну, как добротный эротический массаж. В мире искусства массажа её однажды, и только единожды, чуть-чуть просветил Леон.

– И спасибо на этом. Ты получил свой клуб с новыми шторами и сиденьями – и будь счастлив. Неудачник сельского разлива, пустой лотерейный билет, – так мысленно проща-

лась Ольга Павловна со своим бывшим любовником.

Правды ради надо сказать, что если бы не Леон со своим дотошным подходом к делу, возможно женская душа Ольги Павловны так и пребывала бы в неведении относительно сексуальной составляющей в жизни ответственного обличья полкомовского работника. Иногда по субботним их совместным вечерам, ставшими совсем редкими исключительно по его милости, он, жалея её из-за её обязательного в её окружении «дресскода» – утомительного хождения на высоких каблуках, массировал ей пальцы ног с душистыми маслами, которые она, поняв их назначение, стала их вдруг покупать в распределителе, и получала большое наслаждение от всех этих крайне редких процедур.

– Лёня, мне очень это всё приятно, конечно, но тебе-то это зачем? – однажды спросила она, даже не понимая, что вообще-то такие забавы предполагают обоюдное участие, но Леон никогда не заикался даже об этом.

– Зачем? Ты задаёшь странный вопрос. Ты любишь недоваренную кашу, которая скрипит на зубах, недосоленная, недослащенная? И ещё к тому же без масла, что самое главное?

– При чём здесь каша?

– При том. Я всё привык делать хорошо, по возможности «отлично», чтобы не исправлять ошибки, и не тратить на них потом своего времени и эмоций. Мне есть куда их тратить.

– Не понимаю.

– Да тут и понимать нечего. Мужчина должен уметь готовить женщину вкусно и желательно с поджаристой корочкой, чтобы с удовольствием её «употребить», как говорил некогда товарищ Чехонте.

– Какой ещё Чехонте? Грузин? Фу! Это так... кулинарно.

– Не ломай голову, ты его всё равно не знаешь. Ну что ж, такова, к сожалению, наша жизнь. Мужики гладить должны уметь и сами себе быть иногда кулинарами, чтобы не подавиться шарком.

– Чем, чем? Впервые слышу.

– Так называется шершавая шкура. Акула с её шершавой шкурой по английски называется «шарк». Не знаешь? Ну и ничего. Может и поймёшь ещё. Какие твои годы. Вот родить бы тебе – на многое глаза бы открылись, может быть. Другие чувства бы появились. Пока ты в этих вопросах абсолютный ноль. Даже минус, я бы сказал.

– Это ты меня сейчас оскорбить хотел?

– Даже и не думал. И что оскорбительного в том, что у человека нет определённых качеств? Просто нет – и всё. И развивать эти качества стоит очень дорого и долго в такие годы, и неизвестно ещё, принесёт ли это кому-нибудь радость. Чаще всего за отсутствием таковых стоит огромная глыба других свойств, которые ещё и выкорчевать надо. А вот это вообще может сделать только сам интересант, так сказать. Разве ты страдаешь от недостатка чего-то?

– А почему это я должна страдать ещё? Странно. У ме-

ня всё есть, кстати. Многие об этом только изредка мечтать осмеливаются.

– И что ты особенно ценишь в твоих достижениях, если не секрет? – Леон со странной улыбкой перестал массировать ей ноги, убрав их со своего колена.

– Я ценю всё: свою карьеру, которую я, кстати сама построила, положение и возможности, которыми кстати, ты очень даже неплохо воспользовался лично, квартира, должность, и свою власть я тоже ценю...

– Власть?! Над кем или чем? – Леон всё так же странно улыбался, вытирая руки от масла дорогим махровым полотенцем.

– Надо всеми, кто приходит к нам, пороги обивает со всякими там просьбами: дайте то, дайте это. Всё им дайте. Пусть вот попробуют, как я. Там прогнись, тут заткнись – и так, пока не пройдёшь все круги ада подчинённого человечка, если вытерпишь, и пока не заберёшься на вершинку какую-нибудь, спихнув оттуда кого-нибудь или кто-то тебя туда посадит, если сумела услужить. Недёшево это всё стоит, между прочим.

– А зачем?

– А зачем вот ты, например, ко мне пришёл? А?!

– Это был самый короткий, хотя и не безупречный с моральной точки зрения, путь достижения цели.

– Какой цели? Ты у цели, вообще-то уже, Лёня.

– Да нет пока. Не достиг я ещё того удовольствия, к кото-

рому стремился. Но, думаю, дальше само будет уже жить.

– Само? Как это? Нас двое, по крайней мере участвуют в получении удовольствия. И в конце концов, какая разница, как получать удовольствие? Главное получить, – уже растеряно настаивала она, очень ценившая то, что она от него получила, некогда.

– Большая. Просто огромная. И удовольствие мы получаем в зависимости от нашего воспитания, чувственности, глубин эмоций. Оно может быть необъятным и глубоким, а может быть ... так себе. Обыкновенным в подавляющем большинстве случаев, рутинно проходящим и не приносящим даров.

А в нашем с тобой случае просто нажраться каши, несоленой, несладкой и без масла может только очень голодный, жадный или ... свинья, например. Ей всё равно потому что. Но мы же иногда способны быть и людьми, даже в самой паршивой, неоправданно самонадеянной ситуации? Не так ли, госпожа власть?

В этот раз Ольге Павловне издевательская усмешка уже не чудилась. Она была.

И отношения их после того разговора сразу стали более, чем очень прохладными. Пока очень скоро и совсем не остыли, не выветрились, как неприятный запах на свежем ветру. Он даже и не пытался что-то изменить, вернуть. Леону с ней явно было неприятно и скучно. Она не понимала: «Почему он такой? Чего ему со мной не хватает? Всё есть: положение,

квартира в самом центре, есть возможность так устроиться, что у всех слюнки потекут. Нет! Ему, видишь ли, эмоции какие-то особые подавай! Ну и пусть любителю на ту... «чистейшей прелести чистейший образец». Без роду, без племени, – деревенская простушка».

Ольге надо было разрубить Гордиев узел. И она его разрубила, отстранив Леона от обязательных посещений концертов и смотров, которые в огромном количестве организовывались перед столетием Великого Вождя всех пролетарских народов. И с некоторой обидой отметила про себя, что Леон совершенно не расстроен. Даже более того: он, похоже, был рад этому и доволен.

Дни летели, как сумасшедшие, хотя сами по себе, каждый из этих дней, казался Ларику более длинными, чем раньше.

Так всегда бывает, время течёт в зависимости от самих людей. Чем больше они делают, тем охотнее оно растягивается под грузом дел, но проходит это незаметно. И только потом люди начинают понимать, как оно расширилось, когда им это надо было позарез.

Домой Ларик приходил уставший, для постоянных разъездов им окончательно выделили автобус «курганец», его как раз хватало, чтобы разместиться нормально с костюмами. Пятаков сначала ругался матом на постоянные отъезды мужиков, особенно с приближением посевной, потом смирился. Леон подсказал, как из этого выгоду получать. И те-

перь на каждый концерт к какому-нибудь высокому начальнику у Ларика в кармане лежал приготовленный листочек со списком, без чего совхозу «Пыталовскому» будет полный «кирдык», вместе с хором. Это был шантаж чистойшей воды, но шантаж весёлый. Веселиться все любят. Веселились. А Пятаков, получив вместо плитки кафельной, плитки электрические плитки, чертыхался, но не отказывался, а список очередной переделывал. Писал уже без сокращений. В общем, все были довольны.

Настя беспомощно и тревожно наблюдала, как меняется Ларик. Он стал чересчур торопливый, с домашними разговаривал мало, зато стал отдавать бабушкам больше денег. Говорил, что премии им постоянно выписывают, почти за каждый концерт. Заготовили дров, купили сено сразу, поскольку теперь Ларик у всех этим заниматься было уже некогда. Клеёнку новую на стол прикупили, а старую перед крыльцом постелили с половичком, всё сору и грязи меньше заносится. Здесь ничего не выбрасывалось, и всему находилось нужное применение.

На Настины походы к Леону Ларик, казалось, смотрел сквозь пальцы. «Ординарец» Окорочков молча доносил до калитки сумку с книгами и уходил обратно, не удостоивая никого из домашних вниманием, как сердитый робот.

Настя радостно щебетала о том, как ей повезло с библиотекой, Леона. Бабушки задумчиво кивали головами и стали молчаливыми.

– Настюшка, – спросила её Пелагея однажды, когда они остались вдвоём в кухне, – а ты случаем, не собралась ли замуж за Леона-то Сергеича?

– Ой, ну что Вы, бабулечка. Просто он очень хороший человек. Он на моего папу очень похож, такой же. Добрый и умный. И очень интересный.

– Чем интересный-то?

– Он очень много знает. И у него какая-то жизнь полная тайн. Никогда не говорит, как он сюда попал? Где жил? Чем занимался раньше? Отшучивается и очень смешно отшучивается. И спрашивать больше не хочется.

– А про жену свою тоже не говорил?

– Про жену?!

– Да. У него же жена была. Они тут последний раз жили, поди года три-четыре тому, как. Недолго жили. С полгода, а то и меньше того... Да, мало совсем. И он, и она тут родственников имели раньше. Давно только. Я его бабушку хорошо знала когда-то. Хорошая женщина была, барыня. Только умная и простая. Царство ей небесное поди уж. Спросить неудобно И дед у него из казаков. Но сам-то уж не казак, начальник был большой. Всё-то на машине его привозили по вечерам, говорят. Красивый был тоже, на Леона похож сильно был, по-моему. Да и жена-то Леона-то родом из этих мест. Дом-от, в котором товарищи его живут, это дом бабушки его жены по наследству остался после смерти жены и всех её родичей-то. А он в дедовом дому. Так и живёт. Тоже помню её-

то бабушку-то. А вот их самих, Леона и жену его, – не помню. Малыши были приезжали, и видела вроде, бегали же? А вот личности их – нет, не помню. Где тут всех ребятешек-то упомнишь. Он, как похоронил её, недолго тут пожил. Уехал. А вот недавно снова вернулся. С год. А то и меньше.

– Он похоронил жену?!

– А ты не знала?

– Нет. Никогда не говорил об этом.

– Значит, сильно болит. Он её всё на руках, говорят, по двору-то носил. Болела она у него. Ну и прибрал Господь, царство небесное ей. Не говорит, ну ты и не спрашивай. Болит, значит. А памятника ей не поставил, говорят. Крест только стоял сначала, а теперь камни какие-то привёз, вроде. Хороший он человек, Настенька, только старый он для тебя. А так-то очень хороший. Видно, что добрый, – Настя ничего не ответила, эта новость почему-то сжала ей сердце, то ли от жалости к Леону Сергеевичу, то ли от предчувствия чего-то тревожного, о чём она не решилась тогда даже и думать.

А Леон оставался, как всегда весело-доброжелательным, угощал Настю бутербродами, вечерами напролёт спорил с ней о прочитанных книгах, задорно втягивая её в заранее казусный спор. Первую свою зимнюю сессию Настя сдала блестяще, особенно она удивила словесника своими обширными литературными вкусами. Леон только хохотал: «Ты слушай меня, Настюшка. И всегда будешь на высоте. Не надо бояться нетривиальных подходов и взглядов. Пойми, чем

неожиданной точка зрения человека, тем он интереснее собеседнику. Теперь ты у вашего словесника будешь в любимчиках!»

Остальные предметы она тоже сдала на отлично.

– Вот если бы я училась на очном, мне светила бы повышенная «стипенсия», – шутя «сокрушалась» Настя.

– Ты хочешь на очный перевестись? – встрепенулся Леон.

– Да нет. Мне и так хорошо. Я уже очень привыкла жить здесь, как дома. И бабулечки меня балуют, даже больше, чем Ларика.

– А что так?

– Да он что-то совсем задерганный какой-то стал. Мне иногда кажется, что ему не по себе что-то.

– Он ничего такого не говорил, – Леон внимательно смотрел на Настю. – Ладно, поговорю я с ним, – в последнее время и Леону стало казаться, что у Ларика не всё ладится. Денег он стал зарабатывать больше, или получать «поощрительные», как мужики называли некоторые суммы денег, перепавшие им от крутышек из чинов за внеурочные концерты на их междусобойчиках.

Всё это несказанно бесило Пятакова, который вынужден был и тут им доплачивать из совхозной кассы, всё-таки иногда они выходили на работу.

– Скорее бы уж смотры эти закончились, – ворчали устало мужики. – Получим первое место – в этом никто уже не сомневался – и на «летние квартиры». В обычную жизнь, –

надоело им мотаться по гостиницам и общежитиям, и получать от жен уколы и скандалы по поводу постоянного отсутствия дома.

Только Раечка никогда и ни в чём не упрекала Ванятку, и всегда ждала его с горячим борщом и котлетами. Любовь этой пары было невозможно разрушить ничем. Что бы не происходило, Раечка, даже не вникнув в суть происходящего, сразу принимала сторону мужа. В ответ на это, Ванятка, даже если все очень торопились куда-то, находил минуты, чтобы заскочить в какой-нибудь магазин и купить Раечке подарок, надёжно пряча его за пазуху от ехидных взглядов мужиков. Ехидных-то ехидных, но с некоторых пор мужики тайком друг от друга тоже стали заглядывать в галантерейные и трикотажные витрины, якобы купить лезвия для бритвы, носки или что другое и, озираясь, прятали что-то во внутренние карманы полушубков и пальто. Однажды Андрюшка Строгин вдруг запах духами «Красная Москва» на весь автобус.

– Ты чо там, душился что ли? – шутя толкнул его в бок сосед по сиденью Тимоха.

– Сам ... ты... – смущенно отпихнул его Строгин и лучше завинтил крышечку на флаконе. Но пролилось достаточно, чтобы все мужики пропахли «Красной Москвой» насквозь, получили от жен очередной нагоняй и выволочку, некоторые и вовсе разругались, пока жена Строгина не рассказала бабам, как пришлось мужнино пальто выветривать

на последнем мартовском морозе.

Да разве те духи можно было выветрить? Это же были классные духи, стойкие, недаром их для самой Екатерины-II создавали персонально. «Букет императрицы» раньше они назывались, как объяснил всезнающий Леон. Аромат нравился и партийным дамам революции, поэтому духи-то оставили, но назвали их уже «Красная Москва». Так и пах Строгин всю оставшуюся зиму самыми классными духами страны советов. Жена его тоже пахла. Пять шестых флакончика муж до неё всё-таки довёз.

А Ларик, похоже, попал на большую карусель жизни. Ольгины глаза, широко открытые, с лучистыми зайчиками в её темных зрачках, он теперь ловил на себе постоянно. Куда бы вместе с хором она ни приезжала на ответственные выступления, на важные заседания, куда «казаков» теперь часто приглашали, в машине, в которую она неизменно забирала с собой Ларика, якобы для неотложного обсуждения различных возникающих моментов. – везде на Ларика был обращен этот теплый располагающий, приучающий к себе взгляд. Сначала Ларик принимал всё это за чистую монету покровительства искусству. Весь март был наполнен постоянными репетициями, смотрами, районными, областными, концертами по просьбе руководства то там, то тут. Слава хора расходилась широким волнами, даже слишком широкими. Но Леон эту «чистую монету» в один миг замазал дерьмом.

– Ларик, – остановил его как-то Леон в коридоре клуба, – я тут с тобой поговорить хотел.

– О чём? – Ларик очень жестко стряхнул руку Леона со своей руки.

– Да о деле одном.... Щекотливым...

– Ты о Насте что ли? Я даже говорить с тобой не буду. А ей я уже всё сказал по этому поводу.

– Да причём здесь Настя? И я твою установку понял. Понял. И я сам с ней всецело согласен. Нет вопросов. Я о другом совсем.

– Ну, я пока не понял, насколько ты меня понял. За книгами-то она к тебе по-прежнему ходит?

– Ну не ко мне, допустим, а к нам, и Венька, и Димон её провожают, с её читательскими аппетитами никакая сумка не выдержит, порвалась, ведь, – Леон хохотнул, вспомнив, как матерился Венька, рассказывая, как они с Настей ползали по дороге, собирая книги и журналы в снегу. – Я о другом. Пойдём ко мне в кабинет, поговорим.

– О чём?

– Об Ольге Павловне, о Синицыной.

– А тебе что за дело до неё? Как я-то понял, прошла любовь и всё завяло? Или нет?

– Да причём тут любовь? Не было никакой любви, и её любовь меня вообще никак не касается. Я о тебе...

– Обо мне? А х*ли ты стал обо мне заботиться так нежно, Леон?

– Так мы вроде и не ругались? Или я что-то пропустил? Тем более, пойдём поговорим, у меня чай есть хороший и бутерброды есть. Наверняка же ты не обедал, целый день тут сидишь.

– Так ты же их для Настьки приготовил? Весь дом твоей копченой колбасой пропах уже.

– Сегодня с рыбой. Настя её не любит, – примирительно сказал Леон, отводя разговор от Насти, открывая дверь и пропуская Ларика вперед себя. Не торопясь, Леон достал кружки для чая, пакет с бутербродами, разлил заварку и кипяток по стаканам.

– Пей, сахар вот, – Леон пододвинул к Ларику вазочку с кусочками рафинада.

– Ты о чём хотел поговорить? – Ларик был, как сжатая пружина. В последнее время в присутствии Леона он безотчетно становился груб и резок.

– Ну, я сразу тебе скажу, что разговор этот я не из лучших побуждений затеял, а из-за того, что невольно подставил тебя. Честное слово, я не хотел. Даже не предполагал.

– Ты о чём, Леон?

– Об Ольге. Ты у неё дома ещё не был?

– Нет. А тебе какая разница?

– Мне вообще это по барабану. Просто послушай совета. Постарайся там не оказаться. Это опасно, – Леон, помешивая ложечкой чай, усмехнулся, – понимаешь, она женщина... ну как бы это сказать... определённого воспитания. К сожа-

лению... Может это не столько её вина, сколько беда... Она – человек номенклатуры. Это особый разряд людей. Каждого человека, который так или иначе, попадает в их орбиту, или встраивают в свой механизм, сделав своим, или выкинут. «Не свои» там не нужны. Чужие опасны. Всему механизму опасны. В номенклатуре существуют свои незыблемые правила, незыблемое соподчинение, исполнение и всяческое проявление верноподданности. Это другой мир. Можно ли от него не пострадать и незаметно удалиться? Можно, если кое-что в этом понимаешь и имеешь собачье терпение. Или цель, как у меня с назначением твоим было. Я тогда себе цель поставил, захотелось поблажить. Поблажил. А тебя подставил. Кто ж думать мог, что она на пацана западет.

– На какого пацана? – Ларик, поставил кружку с чаем и, не мигая, смотрел на Леона.

– На тебя. На какого же ещё тут смотреть? Она тебя нашла, в свет выпустила, ты её выкормишь, ты её достояние сейчас. Ну, так там у них считается в таких случаях. Она от тебя ждёт своей порции успеха и признания. Глаза её видел, когда она на тебя смотрит?

– Ну, видел. И что?

– Я думаю, что в её голове напротив твоего имени и фамилии большой долг записан. И даже могу предположить, что от тебя потребуют его вернуть, так или иначе. В их системе долги принято отдавать и желательно сторицей, чтобы так сказать, «предвосхитить...» Я думаю, что тебе не надо объ-

яснять, что может возжелать одинокая, никогда не любившая и никем никогда не любимая женщина, когда мимо неё на всей скорости мчится четвертый, нет, пятый уже десяток лет. Честно говоря, я признаю, что я мерзавец в данном случае, и я честно не думал, что так легко выпаду на ходу поезда и даже коленки не расшибу. А потом понял, в чём дело, когда увидел, как она на тебя смотрит, – Леон отошел к окну.

– А х*ли ж ты такую возможность упустил, Леон? Самошло в руки. Катался бы, как сыр в масле сейчас, а не в занюханном сельском клубе вечера коротал? – Ларик явно «нарывался».

– А она не в моём вкусе. Совершенно. Ну, помог ей в трудную минуту, ну и всё. Она мне помогла. Честные торговые отношения. Я отработал. А ты не сможешь.

– Это почему это?

– Потому что ты слишком молодой и горячий. У тебя на лбу всё написано, крупными буквами. Всё, что чувствуешь сейчас – как на ладони написано.

– Ну и что я сейчас чувствую, Леон?

– Что? Да очень просто. Не веришь ни одному моему слову, думаешь, что я с ней пролошарился в чём-то. Даже предполагаешь, что я, как мужик, не того... не сумел к ней подход найти... Сумел. Там всё типично для таких одиночек номенклатурных. Ну и из-за Насти на меня бесишься. А зря, – Леон это говорил спокойно, глядя в сумеречную мглу за окном, наступавшую теперь всё позже и позже.

– Почему это зря? Ты же старый му*ак ей голову моро-
чишь. Она же сопля совсем, ничерта в жизни не понимает
ещё.

– Всё она понимает. И гораздо лучше тебя, между прочим.
И если бы не мои личные обстоятельства, давно бы она была
моей женой. И только вы её тут все и видели бы. Это един-
ственная женщина на свете, ради которой я пойду на всё...
На всё... Кроме её несчастья, – Леон как-то сгорбился, тихо
выдавлив это из себя, закрыв лоб ладонью.

Такого откровенного выпада Ларик не ожидал совершен-
но, не сразу и нашелся:

– Какие ещё обстоятельства? Какое несчастье? Ты мне
мозги пытаешься запудрить что ли?

– Нет, – Леон кашлянул, сглатывая комок в горле. – Есть
обстоятельства, пока непреодолимые. Но жизнь разные фор-
тели выкидывает. Вдруг мне повезёт второй раз? Я не хочу
об этом говорить, по крайней мере с тобой, – точно не хочу.
Поживём, увидим. Но поверь мне, Ольга Павловна – девуш-
ка не простая, вся заноменклатуренная, и у неё на тебя есть
виды. Причём не удивлюсь, если она тебя и перепродает ко-
му-нибудь, как говорится через два х*я налево.

– Как это перепродает? Я тебе не верю, – Ларик встал,
отодвинув кружку.

– Да я и не заставляю тебя верить мне. Просто будь вни-
мательней и осторожней. Слишком ты вкусной конфеткой
оказался. Я не рассчитал малость.

– Спасибо, конечно. Только, ты слишком много на себя берешь. Причём тут твой расчёт какой-то?

– Не расчёт. Обещал я одному человеку сделать что-нибудь хорошее для этого села, по которому мы в детстве вместе бегали. Вот и думал я тут думал и замахнулся на нормальный добротный сельский клуб, на хор, на мебель эту, на кружки, на библиотеку, детскую хотя бы, и на тебя, получается, замахнулся. А ты молодчина! Показал всем. Молодец, я тобой... честно... восхищаюсь! И даже преклоняюсь, у тебя есть талант. За тобой идут. Потому и остерегаю – гадюка она, Ольга Павловна. Глаза у неё ласковые, как у очковой змеи. Если что не по ней – плюнет – и в глаз попадёт! Не промахнется! Ну, а, если ты эту суку всё-таки подпустишь к себе, – держи на привязи. Иначе она взгромоздится на твою кровать со своей конурой, и из своей конуры будет рычать. Осторожно с такими. Это опасный вирус. Ну, бывай, поработать мне тут ещё надо.

– Слышь, Леон? А что, других женщин в мире нет, кроме Насти? На ней свет, что ли, клином тебе сошелся?

– Сошелся. Других нет, – Леон явно обрывал разговор о Насте.

– Да их вон сколько! Толпами бродят, и за тебя любая рада будет выскочить. Это же ясно, как день.

– Ты не понимаешь. Ларик, о чём говоришь, – Леон тяжело замолчал и продолжил немного погодя, понимая, что Ларик не уйдёт. – Ты же понимаешь, что я далеко не пацан,

и даже уже совсем не молод. Я многое знаю, пробовал. И с Настей я не блажу. Мне не нужна влюблённость, похоть, страсть, и прочая х*ета? Есть в жизни другое. Не часто, но встречается.

Леон как-то стыдливо посмотрел на Ларика, словно сомневался, что тот его поймёт, потом продолжил, сглатывая волнение: «Это такое чувство, когда тебе от неё ничего не надо. Совсем ничего. Только чтобы была рядом, глаза её видеть счастливые, угадывать её желания, состояние души – и это целый мир для тебя. Когда дышишь ею. Строишь её глазами, чувствуешь её кожей. И при этом ты, конечно, мужик, со всеми вытекающими, ... но это совсем не важно. Всё растворено в ней. Этого не постичь до конца и не передать словами. Конечно, это похоже на сумасшествие, но от него невозможно отказаться добровольно. Ты никогда в детстве не чувствовал, как кто-то перед самым засыпанием твоим тебя баюкает, поглаживает, ласкает и снимает всё плохое, что за день накопилось?»

– Не помню. Но что-то такое бывало. Не четко, – Ларику почему-то стало жалко Леона, так внезапно приоткрывшего ему своё тайное и явно наболевшее.

– Это твой ангел, который тебя любит абсолютно безусловно и думает только о тебе и ни о ком больше. Только о тебе. Чтобы тебе было хорошо. Тебе. Вот и мне также хочется думать и делать всё для неё. Только для неё. Это, конечно, любовь. Несомненно. Но это Ангельская любовь.

Все остальные чувства по сравнению с ней немногого стоят. Только понять это может тот, кто пережил. Невосполнимое. И стоит ей только слово сказать... – Леон запнулся, Ларику показалось, что у того встал ком в горле, и как-то странно дернулись плечи. От вдруг повисшего молчания Ларику стало не по себе.

– Да х*ли я тут тебе уши промываю? Ты не поймёшь всё равно. Пи*дуй, Ларик, отсюда подальше, тебе-то я меньше всего хотел об этом говорить, вырвалось... Мне одному сейчас надо побыть.

Ларик ушел, ошеломленный неожиданным и ни на что не похожим признанием Леона. В этот раз Ларик ему почему-то поверил.

Слова Леона засели в памяти. Теперь Ларик уже очень хотел разглядеть в Насте то, что побудило Леона на такие чувства. Но даже поглядеть на неё, не говоря уж о «поговорить», удавалось крайне редко. Во-первых, Настя, как Ларик заметил, его элементарно избегала. А во-вторых, у него при взгляде на неё возникали совсем другие чувства, чем те, о которых ему так мучительно говорил Леон. Она повзрослела, всё-таки работа и учёба наложили на неё значительный отпечаток. Теперь она не расширяла от испуга свои глаза, когда взгляды их случайно встречались. В чём-то она стала даже вызывающе независимой и спокойной. И чисто по-женски она стала очень привлекательна. Её стройные бёдра и ноги, переступающие назад, когда она в первый раз мы-

ла пол в бабушкином доме, иногда невольно вставали перед его глазами, если он задумывался о ней. Но ничего, вызывающего какой-то особой ангельской любви, Ларик в упор не видел. Девчонка, как девчонка, неглупая и очень даже симпатичная, в которой он, несомненно, принимает невольное участие и которая, разумеется, была для него совсем не чужим человеком. Защищать её – он чувствовал себя обязанным. Если не он – то кто?

Но, как ни странно, после разговора с Леоном Ларик стал спокойнее. Всё стало определённое. Леон пылинке не даст на неё упасть, если Ларика и нет рядом. А сама Настя в Леона похоже не была влюблена, и это Ларик чувствовал тоже определённо, на подсознательном уровне. Уважала? Да. Восхищалась? Да. Но любить его, как мужчину? Вряд ли она была в него влюблена. Она вообще, как казалось Ларику, ни в кого не была влюблена. Пока, во всяком случае, никто не вызывал у неё каких-то особых чувств, ни в чём это не проявлялось. Леона она скорее всего даже и любила, но, может, как отца, старшего, мудрого, интересного и надёжного? Правда, и это отношение Насти к Леону почему-то вызывало у Ларика чувство глухого раздражения, сродни ревности.

– Не ревную же я её? Сестра же... почти. Устроили тут избу-читальню!

Чувство раздражения у него вообще превалировало над всеми остальными чувствами в последнее время. Что-то шло не так. Точно определить, что именно «не так», он не мог.

Сразу и слишком многое шло не так. Ощущая свою ответственность перед решающим смотром он старался себя перенастроить, отвлечься, убрать куда подальше это гнетущее чувство, но не получалось. Тогда он пустил всё на самотек, слишком много сил приходилось вкладывать в работу. После репетиций, придя домой, сняв потную рубаху, он тут же проваливался в тяжелый сон. Эти «пьяные» концерты на стороне, которые вначале казались такими весёлыми, значительными и даже полезными с точки зрения компенсации Пятакову, теперь выбивали из нормального ритма. После концертов мужиков из хора обычно усаживали за особый стол, а Ларика приглашали за «приватный», для своих. Мужики косились, но молчали, понимая, что они в чужом приходе, куда со своим уставом не ходят. По дороге домой беззлобно подшучивали над ним, но капля и камень точит, не то что отношения между людьми. Появилось что-то, смутное, неприятное, между ним и хористами, чего Ларик вовсе не хотел.

Но сегодня с утра всё было прекрасно, загрузились и «с Богом» поехали в город, провожаемые женами, приятелями. Даже Пятаков вышел на крыльцо пожелать успеха, Ворот тоже должен был ехать вместе с хором, но в последний момент ему неожиданно позвонили, и он остался на работе, чтобы подготовить срочно кому-то в райисполкоме понадобившиеся планы работ и мероприятий клуба до осени. Леона это удивило, и он тоже вышел к автобусу, лишь проводить и проверить, всё ли взяли с собой. В принципе он там был не ну-

жен, ни как помощник, ни как организатор, Синицына давно ему это сказала.

–Илларион Николаевич, ты там будь аккуратнее, мужиков держи и сам не плошай, – улыбаясь, напутствовал Ларика Лео, шутя и явно намекая на состоявшийся между ними разговор.

–Да не бойсь, Леон. Не впервой. Чего это ты вдруг забеспокоился-то? – Ларик иронично сощурил глаза.

– А я тебе уже всё давно сказал, Ларик, что хотел, просто будь осмотрительнее, – Леон «надел» на лицо своё странное «вялое» выражение, как всегда, когда волновался из-за чего-то.

Всё взяли с собой артисты. Не первый раз ехали. Честно говоря, никто не сомневался в победе на смотре, но все немного волновались, потому что просто устали. Правда впереди была надёжная пара дней на спевки, репетиции в незнакомом зале и только потом, наконец, последний аккорд – смотр через два дня.

Разместились в гостинице. Вместе с «пыталовцами» на этаже разместились ещё несколько коллективов из дальних районов, этаж по вечерам шумел. Несмотря на объявленный сухой закон, из-за дверей неслись весёлые разговоры, песни, взрывы смеха, а кое-где и перебранки.

Ольга Павловна крепко держала руку на пульсе такого знакового события. Никакие срывы и небрежности при ней были невозможны. Все руководители городских и районных

отделов культуры всей области и руководители некоторых коллективов собрались вместе на одном этаже в этой гостинице на окраине большого промышленного района рядом с дворцом культуры металлургов, где и был назначен областной смотр хоров и коллективов художественной самодеятельности со всей области. Этот грандиозный дворец был вполне сопоставим с Оперным Театром.

На эти два дня и Ольга Павловна решила поселиться здесь же, так сказать, среди масс, чтобы изнутри чувствовать все нюансы и строить планы на дальнейшее в своей работе. Среди «масс» начальникам надо бывать и желательно как можно ближе, чтобы пульс событий не выпускать из-под своего влияния.

В одиннадцать часов ночи в гостинице был объявлен час тишины и отбой. Ларик разместился вместе с мужиками в одном из самых больших общаковских номеров гостиницы с расставленными там дополнительными раскладушками. В тесноте, но все вместе. Но в половине одиннадцатого его вызвали на совещание к Синицыной. Пришлось Ларику опять вставать с кровати, на которой он только что удобно устроился, чтобы съесть бутырики на тарелке, поданной ему расторопным хозяйственным Ваняткой. Пришлось оставить это приятное намерение, надеть костюм и галстук и подняться на два этажа выше. Там были номера повышенной комфортности, с душем и туалетом прямо в номере.

Ольга Павловна была одна, сидела в кресле у столика и

смотрела ночные новости по телевизору.

– Вызывали, Ольга Павловна?

– Приглашала.

– Ну да. Приглашали?

– Садись, Ларик. Как настроение? Не страшно?

– Нет. Скорее бы уже. Устали мужики. Жены дома скандалят.

– Их что, не трогает, какое место займут их мужья?

– Их больше трогает, чтобы земля под картошку вовремя вспахана была. Песнями в деревне не наешься.

– Но разве вы не получаете сейчас очень приличные премии за своё искусство? Я наверняка знаю, что получаете.

– Получаем. Но дело же не только в этом. Землю всё равно надо пахать, и садить надо, как без этого в деревне? И вообще...

– А в чём ещё дело? Что-то на вас никак не угодишь, я смотрю.

– Да почему не угодишь? Хорошо всё. Только несерьёзно это всё. Вы же понимаете. Держимся на запале, а он не вечный. Хотя... для наших Берлушей эффект очевидный.

– Ты о чём? – подозрительно спросила Ольга, стараясь погасить возникшее раздражение: «Вечно эти людишки от земли чем-то недовольны. И этот туда же... «не нае-е-е-ешь-ся...» – психанула она про себя.

– Я? Я о том, что то, что мы сумели сделать, ну и ещё, конечно, немного улучшим и расширим, в принципе нико-

му не нужно по большому счёту. Но свадьбы и похороны, и проводы в армию теперь будут сопровождаться высокохудожественным пением. Я шучу, конечно. Но что-то такое в этом есть. Спасибо за помощь, Ольга Павловна, благодаря Вам я свою планку понял, – Ларик держался в этот раз не как всегда. Исчезла его пацанья суетливость и тревожность, и желание угодить тем, от кого зависела судьба его хора, которые раньше видны были невооруженным глазом.

– А что случилось, Илларион Николаевич? Мне казалось, что раньше вы были более... оптимистичны, что ли?

– Оптимистичен? Ну, может быть. Я же говорю, на запале к новому делу едем пока.

– И что дальше?

– Дальше? Ничего. Так и будем петь. Только на смотри эти всякие вряд ли ещё потянет. Наездились, навыступались. Впереди посевная, лето. Заготовить надо всё успеть, дрова, сено, никто за нас это делать не будет. Нормально всё. Спасибо.

– Как?! Вы собираетесь всё это бросить?!!

– Ну почему бросить-то? Нет, теперь не бросим, но только петь для важных городских тузов больше, думаю, не будем. Так казаки постановили.

– Какие к черту казаки?! Вы просто ряженые. Ряженые... И не более. Что вы там вообразили себе? Вот всегда так. Я так и думала! Дай за палец подержаться – вы и руку откусите. Казаки они! – Ольга Павловна рубанув раздраженно ру-

кой воздух отошла к окну, чтобы скрыть злость и ярость на лице. Потом несколько успокоившись и не получив от Ларика никакого ответа, неуверенно продолжила: «Но ведь всем хорошо приплачивали за эти выступления? У меня очередь на вас на год вперёд расписана».

– Как это? На год вперёд? И нас не спросили? Как крепостных, вот так просто?!

– Нет, Ларик, подожди. Это я просто так выразилась... нет никакой очереди (Ольга неловко и не очень умело врал), это всё только теоретически. Интерес к вам огромный. И серьёзный. Ты понимаешь, вы – новое слово в фольклорной культуре, вы, как эти... ну как их, ну из Москвы...,

– Покровский и Щуров?

– Да. Да, они самые.

– Вы знаете, Ольга Павловна, вы случайно ж*пу с пальцем случайно спутали, – Ларик намеренно был груб и жёсток.

– ?!

– Там Москва, Ольга Павловна. Понимаете? Москва! Там шестидесятники всю воду перебаламутили, эмоционально всех растормошили. Теперь эти ребята из Гнесинки и Покровский ловят рыбу в поднятой мути. А у нас тут всё тихо. Нет тут никаких шустрых талантливых шестидесятников. Тут работающие и серые семидесятники в основном. И город с огромными дымными трубами, а не с высотками сталинской застройки. Я всё понимаю, другое время пришло, и даже, вроде, время других возможностей. Но нас дальше дач об-

комовских, что в высоком бору, никто никуда не пустит. За высокие места под небом искусства надо уметь пробиваться не только в честном бою на ринге, но и под коврами ползать уметь. Я – не умею. Или иметь счастье большой удачи. Да и здесь мы только ради, сами знаете, каких песен. Вы не волнуйтесь. Мы хорошо споём. Хорошо. Это же не душой выкладываться, а только голосом? Выложимся.

– А я не волнуюсь, зачем только надо было такую бучу поднимать: клуб, сиденья, шторы, занавес?! Если к этому не относится, как к самому важному делу?

– Ну, так это-то обязательно должно быть в каждом нормальном клубе? Не свиней же в них держат? Людям праздники устраивают. Люди, наломавшись на работе, приходят туда душой отдохнуть. Разве нет? Леон говорил, что всё это получилось благодаря лично Вам. Спасибо огромное – все очень рады.

– Пожалуйста. Ешьте на здоровье, – Ольга поняла, что сейчас вышвырнет этого наглеца из номера, и не видать ему будет никаких призовых мест. И тут же поняла, что ему это «по барабану», как говорил иногда Воротов. Нет, так вот просто потерять бездарно почти готовый и солидный куш, она не собиралась.

– Что-то погода нынче неустойчивая. Ветер такой, – внезапно сменила она и тон, и тему разговора, – голова сильно болит. И ты ещё тут расстраиваешь своим настроением, Ларик. Поухаживай лучше за дамой, если не трудно...

– Да конечно, что...

– Вон в той тумбочке спрятан бар, там коньяк стоит и бокалы, возьми те, которые с сужающимся кверху краем. Да, да эти... – Ольга смотрела на Ларика, склонившегося к низкому барчику, и безотрывно следила за качающимся концом его длинного галстука, болтающегося и мешающего ему брать и доставать из бара то, что она просила. – И ещё, пожалуйста, не сочти за труд, найди там где-то лимон нарезанный и плитку шоколада, – все её планы висели и неопределённо болтались сейчас, как этот галстук и могли оборваться в любой момент. – И мандарины, пожалуйста, достань. Нет, нет мыть не надо, всё уже помыто, ставь сюда. Наливай, Ларик.

Ларик, придерживая левой рукой галстук, налил из открытой заранее бутылки коньяк в один бокал до половины. Он не знал, сколько коньяка наливают на один тост.

– Нет, нет, – Ольга мило улыбнулась, настроение просто необходимо было сменить и срочно. – Надеюсь, ты меня не считаешь пьяницей, которая может пить в одиночестве. Раздели со мной минуту головной боли и невинной радости очень уставшей немолодой женщины. Налей и себе, возьми второй бокал.

– Ну, хорошо, только немного, мне завтра, ведь, выступать, руки не должны дрожать, а то меня друзья неверно поймут.

– Господи, Ларик! Разумеется чуть-чуть. Полбокала всего. Тут, кстати, сухой закон так-то. Но не для нас. Мы вы-

ше закона, слава богу, на целый этаж! – Ольга рассмеялась своей шутке. – Ну, давай, за успех! И вообще за оптимизм. Мне кажется, что ты рано скис. У тебя море, ... нет, океан! возможностей. Ты даже не представляешь, каких.

– Вы о чём, Ольга Павловна?

– Давай выпьем сначала. Да, я забыла спросить, у тебя планов никаких? Ты не торопишься?

– Да нет. Куда ж мне торопиться? На свой этаж – не на трамвае ехать, всегда успею.

– Вот и хорошо. За тебя!

– Ну, тогда – за Вас. Взаимно.

Бокалы были подняты и выпиты. Ларик опрокинул бокал сразу, как водку, а Ольга, разогревая в руках, вертела бокал, склонялась лицом к нему, вдыхая аромат. Где-то она читала, что правильно пить коньяк надо именно так: наслаждаясь цветом, вкусом, ароматом и медленно растекающимся от горла теплом. И пропуская очередной крошечный глоток, подняв голову, она рассматривала его руки, большие и красноватые. Его длинные крепкие «музыкальные» пальцы чуть нервно подрагивали. Ларик скромно зажевал коньяк кружочком лимона прямо с кожурой.

– Какие они у него на ощупь? Горячие или холодные? – этот вопрос давно занимал Ольгу Павловну, но сегодня впервые она могла их рассмотреть так близко и совершенно спокойно.

– Ты играешь на каком-нибудь инструменте, Ларик?

– Да. На многих.

– А на чём больше всего?

– Рояль. Аккордеон, гитара. Ну, балалайка и баян. Да и на других, если надо. Там всё одинаково в принципе, если слышишь и хоть немного умеешь пальцами шевелить.

– Для меня это непостижимо!

– Да. Бывает. Такое мне встречалось, – Ларик невозмутимо жевал душистую горькую корочку лимона. Начало сказываться, что не успел проглотить приготовленные мужиками бутырики с кабачковой икрой, луком и колбасой. Коньяк сильно разогрел желудок. А потом и всё тело, Ларик почувствовал, как тепло прилило к щекам и шее, галстук удавкой сдавил горло, пришлось незаметно ослабить узел, который ему так тщательно завязала Настя, готовившая вместе с бабулями его к смотру.

– Ну вот, вроде сосуды отпускает. Давай ещё! Хороший коньяк, из Армении, пять звездочек, – Ольга выразительно кивнула на бутылку. Ларик повернул этикетку бутылки к себе.

– Действительно. У Леона как-то такой же пробовал. Так зачем вы меня вызывали-то, Ольга Павловна.

– Вы дружите с Леонидом? – Ольга умышленно пропустила его вопрос мимо ушей.

– Да, как сказать? Скорее плодотворно сотрудничаем, – Ларик разливал темный опалесцирующий на стенках прозрачного бокала напиток, а Ольга не отрывала глаз от его

рук, представляя, как они могли бы массировать ей ноги...
– так зачем приглашали-то?

– У меня есть тост, Ларик. Только восприми его, как чисто дружеский, ведь мы коллеги. А знаешь, в артистической среде принято, не считаясь с регалиями, говорить друг другу «ты». Я почему-то уверена, что у нас будет тоже долгое плодотворное сотрудничество и очень даже позитивное, в отличие от твоего упаднического настроения.

– Вы так думаете?

– Не думаю. Уверена.

– И что же это за тост? – Ларик весело улыбнулся. Жизнь, начиная от желудка, как-то стала мягче и расслабляться, растекаясь лёгкостью и теплом по всем жилам.

– Давай, выпьем на брудершафт? Мы же сравнительно молоды ещё, хотя ты меня считаешь, может быть, старой клячей, но...

– Да нет, что Вы! Вы очень даже ничего себе. Вы многим молодым форы дадите... – никогда Ларик не был мастером делать комплименты, и сейчас он говорил первое, что на ум приходило. Вроде и неплохо приходило, Ольга разулыбалась.

– Ты наливай, наливай. По бокалу можно выпить ради такого тоста, – Ольга Павловна поймала драйв от происходившего и по праву женщины командовала мужчиной, и Ларик, придерживая галстук, снова налил в бокалы тёмную ласковую жидкость, которая так согрела и смягчила всё вокруг

слегка туманным ореолом.

– Вот и прекрасно, давай сюда твою руку, – его рука оказалась даже горячеей, – вот так, тебе придется нагнуться, слишком ты вырос для меня, пьём до дна! – Ольга рассмеялась, удивившись тому, как же бывают схожи ситуации... – Теперь целуемся, целуемся! – она продолжала смеяться, глядя прямо в глаза Ларика почти черными от расширившихся зрачков глазами.

Ларик едва коснулся её губ, пахнувших шоколадом и коньяком.

– Нет, это не честно! – Ольга рассмеялась и, обхватив его руками за шею, припала к его рту. Если бы она знала о брезгливости Ларика, который из-за этого всегда избегал целоваться с бабами, она бы конечно так не сделала бы, но она сделала... и не получила в ответ ничего.

– Ну вот... теперь на «ты» будем, – в замешательстве сказала она.

– Так Вы со мной и так на «ты», – улыбнулся быстро хмелеющий Ларик.

– Нет, теперь и ты не можешь мне «выкатать». Понимаешь?

– Понимаю.

– Ну вот скажи мне что-нибудь?

– А что мне тебе сказать?

– Ну, признайся мне честно, что ты собираешься дальше делать, Ларик?

– Честно?

– Да. Только налей ещё этой амброзии... – Ольга глупо хихикнула в ладошку, – я, Ларик, похоже уже немного пьяная. Надо было колбасы копченной лучше припасти. Но я же хотела по-культурному. Как принято у нас там. Хотя потом, когда нажруться, они все хлещут эту амброзию, – Ольга снова хихикнула, – прямо из горла, ... без лимонов этих. А от тебя очень приятно пахнет лимоном. Ну, признавайся, что ты удумал? Я же понимаю, что ты не простой мальчишка... а очень даже перспективный. Что удумал? – Ольга почти навалилась на него с бокалом в руке. – Давай выпьем, чтобы... проще было. Давай, чтоб совсем просто? Да?

– Ага-а-а, – Ларику пришлось её усадить в кресло, которое и у него слегка плавало перед глазами, чтобы не держать её на весу рукой.

– Ну! Я жду!

– Чего ты ждёшь?

– Твою тайну.

– Да нет у меня никакой тайны. Женюсь – и делу конец.

– Как это... женишься?! На ком?

– Да что, девчонок, что ли нет? Вон их, скучающих, какие толпы бродят везде. Только свистни.

– Ага. И одна из них сидит у тебя уже в клеточке дома? Правильно я понимаю?

– Да ничего ты не понимаешь. Эта клеточка на крепком замке и со свирепым сторожем.

– И кто сторож?

– А вот это без пол-литры не понять.

– Без пол-литры? Хорошо! Лезь теперь в тот ящик, тоже мне – бар он у них называется! Смешно! Баров они и не видели! Там ещё есть бутылка. Надеюсь, с ней мы во всём уж разберёмся. Это понадёжнее пол-литры твоей будет. Открывай! – Ольга поняла, что одной бутылки им «ни то, ни сё» при таких разговорах. Ларик зубами нетерпеливо оторвал жестяную пробочку, не до конца отвинтив её и слегка порезал губу об оставшийся поясок пломбы.

Хватило ровно на три двойных полных порции. И выпили они эти три порции почти сразу, одну за другой. Ольга, чтобы окончательно сблизиться с Лариком, а Ларик, чтобы расслабиться. В конце концов, он давно смотрел на эту бабу. Ну, и что ему мешает расслабиться и окончательно уже на сегодня усыпить совесть, которая пугливо где-то присутствовала, как и звенящий в ухе голос Леона: «Держи на поводке... Не промахнется», – они ещё немного притормаживали Ларика.

– Понимаешь, Ларик, жениться надо с толком. Жизнь, сволочь, такая короткая штука! Не успеешь оглянуться – четвертый десяток мимо промчал. Понимаешь? И никому ты не нужна, – Ольга всхлипнула. – А у меня столько возможностей, Лёня, столько возможностей, даже сама не знаю, сколько их у меня, – ни Ольга, ни Ларик не заметили, как она оговорилась.

– Ну, чё ты мелешь? Нужна ты. Очень даже, может, ко-

му-то нужна, – Ларик слегка приобнял её, утешая.

– Кому, Ларик? – Ольга, прижавшись к нему, беспомощно подняла лицо к нему.

– Ну, кому? Ну, никто бы не отказался... от такой... – и кто-то внутри Ларика выговорил: «чернобурки», – Ларик чуть очередным своим лимончиком не подавился, услышав, что говорят его губы. Но Ольга, казалось, не расслышала сомнительный эпитет в свой адрес.

– Ты талант, Ларик. Это мне Лёня сказал. Он умный, только слишком уж хитрый. Его голыми руками не возьмёшь. Вообще не понятно, какими его руками взять можно?

– А я вот знаю, какими его можно руками взять.

– Да? И какими же? – Ольга пытливо вглядывалась в лицо Ларика, которое немного было туманным, и всё более и более расплзлось с очередным бокалом армянского пятизвёздочного.

– У тебя таких нет. Это точно.

– Каких таких? Нормальные у меня руки, – надула капризно губы Ольга. – А у тебя такие красивые руки, большие, обожаю большие сухие руки, и горячие такие, – Ольга прижала его ладонь к своей щеке и блаженно зажмурилась. – Я всё для тебя сделаю. И сцену, и хор, и славу, и известность... за эти вот руки. Ты понимаешь меня? Я тебе нужна?

– Наверное, да. А ты, что? Хочешь меня, что ли, так виснешь на моём ремне?

– Хочу?! Да! Хочу! Разве непонятно?!

Ларику снилось, что струя холодной воды из уличной колонки с огромным напором бьёт, но он никак не может припасть к ней губами. Струя всё отодвигалась и отодвигалась от него, даже не замочив его ноги, а горло уже стало таким сухим, что стало болеть, он проснулся, и не сразу смог пошевелить языком во рту. Наждачная бумага была во рту, а не живой язык.

– Черт! Где это я? – с трудом повернув, затекшую от неудобного положения головы, шею, он увидел за спиной тело. Тело было женским и слегка похрапывало, выводя носом какое-то бухтение. Ларик приподнялся, чтобы познакомиться с дамой, и обратно рухнул в кровать.

Это сопело тело Ольги Павловны Синицыной, совершенно голое, как впрочем и его тело, тело Арсеничева Иллариона Николаевича, у которого сегодня по плану должна быть ответственная репетиция с хором. Возможно, от этой мысли Ларик сразу почувствовал, что голова у него просто раскалывается от чего-то, потом промелькнула неутешительная мысль про угрызения совести, и даже страха перед свершившимся фактом, – а то, что она у него раскалывается от бутылки выпитого натошак коньяка он сейчас не мог не только предположить, но и вспомнить чётко прошлый вечер не мог.

Возникла мутная мысль: «Говорил же Леон, что коньяк надо пить наперстками и понемногу. Чтобы сосуды не слишком расширялись, потому что потом они слишком сузятся обратно, или что-то такое подобное...» – Ларик точно не

помнил. От водки голова у него так никогда не болела.

Не очень вращая шеей, он огляделся и увидел полосу света под дверью возле входа, слышалось журчанье воды из сливного бачка.

– Затворы воды и тут в дефиците, – мелькнула и пропала деловая и почти трезвая мысль. Предстояло пройти эти несколько метров до спасительного душа, в котором, он смутно это вдруг вспомнил, он вчера мылся с женщиной, – то есть... с Ольгой Павловной?!

Стараясь не разбудить её, Ларик поднялся и кое-как встал с кровати, сильно покачнувшись при этом, но удержался, оперевшись на стену.

– Это же полный попадос! И полный пи*дец! Откуда у них здесь вода-то течёт, бляха-муха, воняет от неё, как из канализации? – потом эта вонючая застоявшаяся в старых трубах водяная пробка прошла, и вода запахла, как обычно – хлором. Запах такой привычный, казалось бы, с детства, сейчас вызвал приступ тошноты, Ларик, пересиливая себя, сделал пару глотков и прополоскал рот, чтобы нормально зашевелился язык. Мало-помалу теплая вода из душа начала приводить тело в чувствительность, в голове ясно, но то, что без аспирина сегодня не обойтись, и ежу в лесной норе стало понятно.

Сделал душ погорячей и, намылив чью-то мочалку, тщательно помылся, особенно внизу, как всегда это инстинктивно делают все мужики. Жизнь товарища Арсеничева несме-

ло возвращалась в его тело.

– А ты сделай контрастный. Только постепенно. Чтобы башку не зажало, – просипел внутренний голос, явно желая быстрее прийти в себя и хоть что-то предпринять, чтобы выглядеть более-менее адекватным и распрямившимся. – И где все мужики? Господи! Да я же ещё вчера ушел сюда. Ну, всё. Прозвище «чернобуркин» обеспечено. Это к Леону оно не пристало, слишком очевидно было, как Леон стебался над ней. Явственно. Только она этого не понимала. И я не понимал, чего это он ею так пренебрегает. Как бы уйти сейчас незаметненько? Господи, помоги! – безнадежно взмолился Ларик, включив чей-то дамский фен, чтобы высушить волосы.

Господь не помог.

Ольга Павловна внимательно изучала дно поднятой над головой бутылки.

– Здрассьте! – неожиданно для себя выпалил Ларик, вывалившись из душа.

– Привет. Уже освежился? Молодец. Сейчас и я встану, и пойду приводить себя в порядок, – Ольга, похоже, ещё не совсем проснулась. Лицо со смятой вдоль щеки морщиной и отекие нижние веки роднили её с самыми отпетыми посетительницами пивных забегаловок. По всему было видно, что она отнюдь не прочь продолжить.

– Там ничего в баре не осталось? Поправиться бы чуток.

– Я не знаю, – робко ответил Ларик, не попадая пугови-

цами в петли.

– Так ты посмотри, в левом ящике, – Ольга ткнула пальчиком в бар.

– Ага, я сейчас, – засовывая рубаху в брюки, пробормотал Ларик. Он не знал, как ему сейчас вести себя, вернулась непонятная робость мальчишки, который зависим и нашкодил тут, нагадил прямо в углу, куда его поставили.

– Посмотри, посмотри. Я пойду в душ. Водичка хорошая?

– Угу, хорошая, – Ларик согнулся в три погибели перед этим дурацким низеньким баром, и в голову ему тотчас ударили молотки по темени и по вискам.

Когда Ольга вышла из душа, на столе стояла открытая бутылка коньяка, лимон и мандарины. Ларик исчез. Он попросту сбежал.

– Ну, ничего, ничего. Привыкнешь, дуралей. Но что-то уж очень низкий у тебя храм Кхаджурахо? Или это он у Леона был такой высокий? Ладно, разберёмся. Полдела-то сделано, Оля! С успехом тебя, дорогая, – Ольга Павловна подняла бокал к зеркалу и чокнулась со своим отражением.

Мужики совсем потеряли своего командира, даже первый завтрак пропустили, пытаясь выяснить его местонахождение. «Чернобурка» давно порхала среди членов комиссий и жюри, деловая и, как всегда, подтянутая. Правда, от неё подозрительно пахло разжеванными зёрнами кофе с коньячным ароматом, перебивая запах сильных специфических духов, вообще непонятно чем пахнувших.

Ларик появился перед самым началом репетиции, осунувшийся, но с румянцем на щеках. Он целый час искал тут в микрорайоне дежурную аптеку. Спасибо ранним прохожим, торопившимся в первую смену ехать в город, отсюда до центра надо было добираться больше часа, они и показали ему, где тут аптека местная дежурная расположилась. Таблетки аспирина и тройчатки вернули Ларика к жизни, свернув желудок при этом «в трубочку». Потом он набрёл в рано открывшемся магазине на прилавок, где продавали кофе и чай. Выпил несколько стаканов. Тело стонало и ругалось на хозяйина, а совесть совсем заела.

– Стыдобища-то какая! Вот зарекался же не пить на голодный желудок с незнакомыми! Ну зачем тебе это долбанное приключение на твою тощую задницу? Зачем?! Главное, что ничерта же ты не помнишь! Залетел, похоже, как девочка, бли-и-ин! И чо теперь будет? Это сколько же я выпил-то? Господи, дай мне выжить сегодня. Хотя зачем, после такого позорища? – Ларик даже материться разучился совсем и враз.

Взглянув на своего руководителя, мужики поняли, что вопросы ему, почти адекватно и нежно смотревшему на них всех сразу, задавать вообще неуместно. Задача встала хоть бы его сегодня умудриться понимать, как-нибудь, если будет что понимать вообще. Лицо Ларика было слегка окаменевшим, чай и кофе погнали вчерашний коньячок, разбавляя его, по всем жилам. Ларик не очень и сопротивлялся этим

струям, что толку парусом ветер задерживать?

Ну, в общем, спели...

После первых аккордов Ираиды, мужики поняли, что надо просто петь, как всегда, не выделяваясь, и сами по себе, как уж смогут, так как Ларик немного пропустил начало, взмахнул невпопад. От слова «совсем». Так хреново они ещё никогда не пели. Ираида была в полной прострации и после выступления слегла с головной болью и каплями валерьянки на кусочке сахара. На Ларика она даже ни разу не взглянула.

Потом все пошли к себе в номер, отдохнуть, и надо было ещё в буфет идти, позавтракать, наконец. Есть Ларик отказался. Прилёг на свою кровать и заснул. И снилась ему Марфа, зовущая его в малуху подальше от Настиных глаз: «Ну-ка иди сюда, Финист, поговорить надо!»

– Ларик, вставай, зовут, идти надо в зал. Ларик, вставай, идти надо! – толкал его сердито Ванятка. Победителей объявят сейчас, кто какие места занял.

– Ну и пусть. Всё равно женюсь! – оттолкнул Ларик руку Ванятки. Тогда Строгин, приглашающе махнув рукой Тимохе, подхватил Ларика под руки, и вдвоём они поставили его на ноги, брызнув в лицо водой из графина.

– Ну? Отошел?

– Ага. Дайте воды, я сейчас, – ополовинив графин, Ларик снял галстук, который его почти задушил и бодро сказал: «Ну, что, х*ебратия вы моя? Петь-то всё равно будем? Только для себя теперь. Пошли! Х*ли нам, бля*унам за**а-

ным, терять-то?»

Все молча и обречённо пошли за ним следом. В зале собрались уже все, при виде «пыталовцев» занявших места в самом конце зала, председатель жюри, встав из-за стола президиума на сцене, начала подводить итоги. Долго говорила о значении такого прекрасного смотра для идейного воспитания молодежи и патриотизма в массах, о том, какие талантливые люди сегодня выступали на сцене и, наконец, приступила к оглашению предварительных списков по результатам генеральной репетиции. Мужики сидели и хмуро смотрели на весь «этот засюсюканный балаган», как выразился Роман Лавров.

Не известно, какую бурю выдержала Ольга Павловна в спорах с жюри, но «пыталовцев» отметили особо, как хорсамородок, неординарный коллектив и, «несмотря на некоторые шероховатости», хор – несомненно, один из лидеров смотра. Им хило и недружно, с ехидными выкриками типа: «им топором их шероховатости править надо» –поаплодировали. Ларик уткнулся глазами в переднее сидение и не проронил ни слова. Сразу после оглашения предварительного просмотра, мужики взяли Ларика в тесный кружок, завели его в свой номер и на все попытки посыльных, приглашающих его на совещание к Синицыной, жестко и однозначно отвечали: «Приболел. До утра не велел будить!». И целый день они за ним ухаживали, как за малым дитятей, только что с ложечки не кормили.

– Слышь, Ларик, – Стругин, улучив минуту, когда мужиков в комнате не было, доверительно шепнул: «Ты не журишься. Если баба сама на шею виснет – твоей вины тут нет. Она ж в матери тебе годится, а ты ещё просто зелёный, чтобы с такой шмарой сухим из воды выйти. Забей. Смотри на неё, ну... как на обычную давалку. Вот увидишь, перестанет из себя корчить победительницу».

– Да, причём тут победительницу-то? Я просто плохо вообще всё помню. Козёл я слабый, вот и всё. Пролетел, как девочка над Парижем.

– Ну и забей. Если из-за каждой подстилки так переживать – нервов не хватит. Давай покажем им всем и ей, прежде всего, что мы и без её помощи тут всех порвём, как тузик грелку. Тебе чего принести? Соку?

– Ага, только томатного, трёхлитровку. И соли.

К вечеру Ларик почти отошел, два раза ходил в душ, стараясь привести тело в обычное состояние. Кто-то на флоте говорил, что вода больше всего токсинов с тела смывает, вспомнил, как после изматывающих марш-бросков по горам в самую жару, вяленое и иссохшее под солнцем тело буквально оживало под струями прохладно-тепловатого душа или от купания в море. И сейчас оно быстро восстанавливалось, и даже чувство некоторой гадливости прошло: «Ну, баба и баба, в конце концов. Прав Андрюшка. Только, как такую теперь на привязи держать? Сам, ведь ... Никто силой не заставлял».

Ночь прошла спокойно. За Лариком больше не присылали. Утром все проснулись от того, что кто-то начал тихо распеваться. Это Ларик, выпив чашку чаю и съев несколько бутербродов, пробовал ноты, и сам себе не поверил, что организм работает, как часы. И дело, в конце концов, не в том, что ты совершил глупейший поступок, а в том, что от тебя не отвернулись друзья. Иначе, зачем они?

Мужики с удовольствием подтянули Ларику в распевке, и пробуждение было весёлым и бодрым. Негласно все настроились на самый отчаянный в своей коротенькой сценической жизни кульбит: так рвануть голосами, чтобы занавес зашевелился и волосы на голове у жюри – тоже.

Эх, вот если бы им казачью какую-нибудь тут разрешили!
Куда там!

По кругам, близким к концертным ходил то ли анекдот, то ли выдумка, то ли правда, что одну песню Тухманова запретили исполнять накануне празднования годовщины только потому, что там слова были: «... в каждой строчке только точки после буквы Л...» Ржали все. Какие уж тут «казаки»?!

Ольга Павловна надулась, или делала вид, что очень сильно занята, и ни разу не взглянула на Ларика. А ему это только на руку было.

Появление «пыталовцев» на сцене было встречено с весёлыми смешками из рядов конкурентов: «Топорики-то принесли?» И насмешливыми взглядами членов жюри. Синицына сидела, уткнувшись носом в какие-то бумаги и совсем не

смотрела на своих «выкормышей», как ей вчера язвительно бросили на обсуждении.

– Надо уметь держать паузу. Это самое большое искусство актера, – не раз повторяла Ираида во время репетиций. И сейчас повторила: «Пока все не затихнут, чтобы муху слышно было – не начинаем! Только так. А после вчерашнего – особенно. Они у нас ещё веерами пообмахиваются!» – это была самая страшная угроза в её лексиконе.

1973

Пауза перед первой нотой.

Ларик, высокий и тонкий, в отлично сидящем фраке, в белоснежной сорочке и бабочке, с белыми манжетами, чуть выглядывающими из-под рукавов, с атласным черным поясом, перетягивающим его, как прирожденного аристократа, всегда носившего такую одежду, сразу приковал к себе внимание. Куда девался вчерашний, тяжело вздыхающий и беспомощно машущий невпопад руками дирижер-подросток, длинный и вешалкообразный? Концертмейстер, растерянная и рассерженная вчера, сегодня была царственно спокойна в великолепном темно-синем с блёстками платье. Всё было строго, несколько чопорно и «очень, даже немного чересур», изящно.

Галантно проводив её к роялю, дирижер встал перед хором, что-то сказал им всем, все чуть улыбнулись, на секунду расслабляясь, и тут же вытянули подбородки, замерев, когда он легко взмахнул головой, откинув волосы назад, застыл в напряженной тишине зала.

Эта тишина так ни разу и не нарушалась с этого момента и до последнего звука песни про Ленина. Она продолжилась с десяток секунд и после исполнения. Кто-то громко и бестолково неритмично захлопал и зал взорвался аплодисментами. Ларик снова вывел Ираиду Ивановну к рампе, поцеловав её благодарно руку. Конферансье объявил вторую песню.

Второй была песня про «сотню юных бойцов из Буденов-

ских войск» Мужики неслучайно выбрали эту песню. Они нашли казачий распев песни «На реке Лаохэ» – откуда и была списана эта песня про молодого бойца. А в первоисточнике – про молодого казака.

Да какая разница!?! Там и там за свою правду бились и гибли люди русские.

Спели её мужики так, что слёзы-таки навернулись кое у кого на глазах. По-казачьи спели, с размахом, со стоном души.

– А зачем иначе такие песни петь? – такая установка с самого начала у Ларика была.

Под конец своего концерта спели «пыталовцы» песню «Широка страна моя родная». Вот тут уж дали они себе волю!

Показали они, как можно петь такую песню задумчиво и любовно, лаская по-мужски каждое слово и строку, как женщину дорогую и любимую. Основную партию песни вёл Роман Лавров своим густым ласковым баритоном, чуть прикрыв глаза, слушая что-то внутри себя. А вокруг его голоса свивались жгутом остальные, отставая, повторяясь и дробя эхом отзвуки. Каждый пел её по-своему, но вместе со всеми. Это была не песня, это был задушевное раздумье о Родине. Такого никто не ожидал. Вчера-то они её пели, как по школьным нотам в пятом классе поют.

А сегодня им не хватало только казачьих папах для полного впечатления. Только никто, кроме Ольги Павловны, этого

не понял. А она-то это уже слышала и даже при всей её тугоухости не могла не запомнить. Исход смотра был предрешен.

И некоторые потом извинялись перед Ольгой Павловной за сомнения и насмешки. Да только ей самой было глубоко плевать на все эти их извинения.

Ларик, перетянутый в поясе, стройный, со взлетающими руками, держащими всю эту толпу в состоянии тихого оргазмического восторга – вот о чём сейчас думала она. Дурой Ольга Павловна не была и прекрасно понимала, что Ларик намеренно окружает себя своими мужиками, и ни разу не взглянул на неё.

Ну да, конечно, она была сердита на него. Но не век же дуться друг на друга после такой ночи. Хотя, собственно, уж никакой «такой» ночи и не было вовсе. Просто она себя так завела, что и малюсенького храма Кханджурахо от Ларика не потребовалось. Всё само собой произошло.

– Может это больше заслугой Лёни было, – разочарованно думала она. Ларик ни разу даже не попытался быть нежным, или хотя бы внимательным. И даже от поцелуя, почти как и Воротов всегда, уклонился, буркнув что-то. Мальчик был явно не отёсан.

– Вот бы соединить тело этого и умение того – было бы в самый раз! – раздражённо подытожила Ольга Павловна, собирая бумаги на столе жюри в очень аккуратную стопку, как и всегда.

Хотя чем ей не нравилось тело «того», она бы не смогла

определить. А признать, что тело «того» никогда ей не принадлежало по сути, а просто использовало её тело, как необходимую «прикладную» вещь, получая нечто своё, независимо от неё – ей было тяжело. Признаться в этом – означало расписаться в том, что она его не способна была даже просто привлечь, завести, заставить себя желать.

Леон делал это, как бы помимо неё, сам по себе. Можно сказать «не касаясь». Да, он приоткрыл ей немного себя, когда заставил её так желать и извиваться в его руках, и напугал её своим «В тебя!». Но это было в первый и в последний раз. Потом он ей таких праздников не устраивал. У неё даже закралась обидная мысль, что он специально так делает, чтобы она им не увлеклась чересчур. А она, ведь, почти серьёзно стала строить свои планы, имея в виду его, увлеклась... если бы не этот мальчик. Вот от него, от одного его прикосновения у неё ползли мурашки по телу, и в один момент намокали трусы, чего раньше с ней не бывало.

И этот, всем ей обязанный выскочка, не хочет смотреть на неё?!

Ничего. Нет в жизни ничего невозможного, тем более, что он без её помощи – только «возможность». А амбиции у него, насколько она смогла понять, были – ой! какие. Не чета Воротову, неудачнику.

Целый час ушел на вручение грамот, призов, дипломов. Получив, наконец, и свой приз, какую-то хрустальную абстрактную фигурку, укреплённую на зеленоватом куске зме-

евика, с табличкой, удостоверяющей, что они победители, мужики начали потихоньку «вытекать» из зала, Темнело уже, а до дому ехать да ехать, ещё и из гостиницы всё забрать надо. Стайкой остановились у буфета, в котором кроме сухих молочных коржиков да воды газированной «Дюшес» уже ничего не оставалось.

– Ну чо, мужики? За победу! Теперь отыграть эти концерты и за пахоту. Пятаков совсем зверем смотрит, – подняв стакан с шипящей газировкой, как шампанское, подытожил Роман Лавров

– Ничо. Теперь подмажем. Наверняка пригласят куда-нибудь? – голос Ларика сошел на «нет» под взглядами мужиков.

– Ларик, а тебе не надоело?

– Да, вы чего так смотрите? Я, ведь, про то, что пока не отпоёмся на всяких этих торжественных собраниях никому же житья не будет. Ни нам, ни Пятакову, ни парторгу, ни Вороту. Это же и козе понятно. Взялись уж за гуж – поздно белым флагом размахивать. Выдержим. Надо только с умом.

– Вот! Правильно, товарищ Арсеничев! Надо правильно сочетать личные и общественные интересы. Посевная в этом году припозднится. Не мне вам, специалистам, об этом говорить, – «Чернобурка» незаметно и неизвестно откуда выплыла и подкралась к ним сзади. – Ну вы же не сможете оставить праздник Первого Мая, День Победы без ваших песен. Это будет нечестно. Пятакову поможем. Пришлём ему,

в конце концов, помощь. А потом... да хоть всё лето и до октябрьских праздников – свободны! Договорились, товарищи? Причём, я вам по секрету скажу, что материальное поощрение будет весьма значительным. Выделили средства ради такого знаменательного события. Мы понимаем, что от вас потребовались недюжинное напряжение сил, вы отняли время от своих семей. Но! Мы же самая Великая страна в мире! И мы умеем отмечать дорогие каждому российскому сердцу даты. На вас надеются все: и простые граждане, и ваши односельчане, и высшее руководство области. Вы – наша гордость, вы – наша трудовая интеллигенция в самом высоком смысле этого слова. Вы начали новую страницу в художественной самодеятельности нашей области, на уровне лучших столичных образцов. Я лично благодарю вас от имени облисполкома, товарищи. Спасибо. А теперь мне надо с вашим руководителем обсудить пару вопросов. Вы свободны, товарищи.

Мужики, огорошенные и деморализованные внезапным появлением Синициной и таким разворотом дел, помявшись, стали спускаться, виновато оглядываясь на Ларика, который оставался один на один с этой говорливой бабой. Только Строгин не растерялся:

– Ларик, я тебя вон там, у колонны подожду. Нам же ещё в магазин надо успеть, ты не забыл?

– Ага, – облегченно ухватился Ларик за соломинку, – я помню. У меня целый список тут в кармане.

– Вот-вот, а я твоё пальто возьму, давай бирку, – Строгин выиграл эту дуэль у Чернобурки, не расчехляя пистолетов.

– Ты так торопишься? Я думала, что ты задержишься в городе. Думала, что мы отметим твой триумф в неформальной обстановке, я столик заказала, храм Кханджурахо немного повысим...

– Что? Какой храм?

– Ты не знаешь этот храм?

– Нет, я в храмах вообще не силен. Извини. Надо ехать. ты уж тут со своими... этот храм... отметь. Дома все волнуются.

– Кто все? Твоя спасенная жиличка? – глаза Ольги сыпали горячие искры. У Ларика аж зубы заныли, так захотелось её отбрить, но сдержался.

– И она тоже. Она не просто «жиличка», как ты говоришь. Она – член нашей семьи.

– Даже так?! Неожиданно. И как вы её с Леоном делите, интересно было бы знать?!

– Ольга, ну чего ты злишься? Я же попросил у тебя извинения. Я был в дуду пьян. Я виноват. Но я просто не успел поесть, а на голодный желудок...

– Всё ясно! Виноват он! Трус! Неумеха! – слова летели в Ларика, как стрелы одно за другим, но на почве принятого им на вооружение пофигизма, не приносили ему ощутимого вреда. Это почувствовала и Ольга.

– Ладно. Личное – это личное. Но концерты, будь уж так добр, проводи на высоте. Ты не один, в конце концов, всё это

создавал. Отработай!

– Хорошо. Я понял.

– Позвонишь мне...

– Нет, нет. Лучше ты Воротову звони, если что. Всё-таки он – мой начальник, я привык соблюдать субординацию.

– Да?! А что же тогда ты её вчера не соблюл? А сейчас хвост поджал? Пока мы в одной связке, запомни! Это вам не ваш задрипанный клуб с обносками на окнах. Здесь уже власть!

– Я понял. Ну, извини, меня ждут, – Ларик, даже не кивнув, повернулся и сбежал вниз, где Строгин приготовился, шутя, «подать» ему пальто. Приятели выкатились из Дворца. И почему-то Ольге Павловне показалось, что они смеются.

– Ничего, смеётся тот, кто смеётся последним, ещё приползёшь. На коленях! Щенок!

Ни Ларик, ни, тем более, Строгин Андрюшка даже предположить не могли, насколько может быть разбивающей всё вдребезги месть отвергнутой, влюблённой женщины с большими властными полномочиями.

В таких случаях надеяться можно только на провидение и Ангела твоего, или на Господа Бога.

Глава 13. Храмы Кхаджурахо и Короли

Разумеется, несколько дней главной обсуждаемой новостью было первенство на смотре. Как и обещали в районной и областной газетах были материалы, фотографии, поздравления. Больше всех поздравлений досталось Пятакову от друзей-конкурентов. Все позвонили. Отметились, так сказать, на всякий случай. Мало ли куда теперь «пыталовцев» с их славой закинет. По району давно слухок шел, что Пятаков дверь к районному начальству ногой открывает. Поднялся мужик. На пустом месте поднялся.

«Кзаки» устроили себе отпуск.

– Как после войны руки к земле тянуться, – шутил Ванятка, обнимая Раечку.

Но все понимали, что теперь с них с живых не слезут, пока вся эта юбилейная столетняя кампания и её отголоски не затихнут. Дня через три Воротову позвонили из обкома партии, звонили, чтобы согласовать расписание выступлений хора на разных, но самых главных площадках. Там все самые сливки собирались, и всё должно было быть достойно. Сразу и на День Победы договаривались. Не то, чтобы и договаривались, просто ставили перед фактом.

Леон спокойно соглашался, записывал, составил график и, наконец, вызвал Ларика.

– Вот, смотри. И это только первый эшелон. Официальный. Намекали, что возможны и приватные концерты, коль скоро важный гость какой-нибудь или местный босс захотят послушать.

– Так это... почти без перерыва? – Ларик такого не ожидал.

– А ты чего хотел? Славы? Вот – она самая, что ни на есть. Слава!

– Ты издеваешься, что ли?

– Даже и не думаю. Хочешь жить спокойно – не высовывайся. Летай низэ-э-энько. Ты же доказать хотел? И не просто доказать. Это бы ещё ничего было. Ты же хотел их всех поразить?! Ну, поразил. Ты и меня поразил в самое сердце. С удовольствием бы вас слушал и слушал. Чего же ты хочешь теперь?

– Ничего я уже не хочу. Пожить бы спокойно.

– Ха! Поздно брат. Но я тебе немного помажу рану. За «просто так» даже лягушка не квакает и кукушка не кукует. Кстати, ты думаешь, она тебе года накуковывает? Фигня это всё. Чем дольше кукует – тем больше размножаться ей хочется. Вот так-то. Кстати о размножении, я им сразу вопрос задал, по какому тарифу будут оплачиваться ваши выступления, надо же как-то компенсировать вашим женам .

– И чо?

– И ничо. Проехало. Сказали, что этот вопрос решается на самом верху из каких-то там резервов, и наверняка вы

будете довольны. Так что с девятнадцатого апреля вы все в особом режиме труда и отдыха, по два концерта в день. А нечего было так выделяться. Ты погоди, вот после праздников междусобойчики начнутся – совсем весело станет.

– Ладно, давай список. Совхоз-то хоть получил премию?

– Получил. Решили на малых истратить. Тоже в костюмы их надо нарядить. Дисциплинирует. Не забыл, что ты оркестр тут собрал? От желающих отбоя нет.

– Не забыл. Успеем до осени, сотворим что-нибудь приличное. Ну пока.

– Давай.

Ларик почти открыл дверь, потом вернулся, несколько смущённый.

– Кстати, Леон, ты не знаешь, есть какой-то храм Кожу, ... Ккажду, черт не помню...

– Кхаджурахо? – Леон с удивлением посмотрел на Ларика, в его глазах появились огоньки смеха.

– Во-во. И чо это за храм такой?

– А она где тебе про этот храм сказала?

– Кто?

– Да не валяй дурака. Кроме Синицыной некому. Значит, вы теперь близко знакомы, и у тебя есть связи на самом верху почти? Поздравляю!

– Кончай ёрничать. Чо это за храм, который можно повысить?

– Она даже так сказала? – Леон, не выдержав, громко за-

ржал и хохотал до слёз. – Ну ты, Ларик, даёшь! Молодец! Оставил-таки бабу с носом!

– Ху*и ты стебёшься? Можешь ответить нормально?

– Могу,... ой, нет,... не могу! – от хохота Леон не мог говорить. – Во, молодец! И здорово она на тебя разозлилась?

– Нормально. В чём дело? Можешь ты своё х*йло на минуту закрыть и сказать по-человечески? – Ларик явно кипятился.

– Ой, не могу! – Леон ещё взрыдывал от смеха. – Ладно, садись, сейчас объясню, На смотри, да никому больше не показывай, во избежание травматизма в личной жизни, – он достал из стола и сунул Ларику в руки плотный маленький пакетик. Это были открытки, красочные и чёткие. Надписи на обороте были на английском, который Ларик учил в школе и на флоте, на случай закордонного похода.

Да, храмы Кхаджурахо были очень высокими. Теперь Ларик понял, что его храм был действительно низковат. Заканчивался буквально на первой лежащей ступеньке.

–Откуда это у тебя?

– Друзья привезли из-за границы.

– Ты ей это показывал?

– Нет. Так немного просвещал, может и поняла... до второго этажа. Ну, я смотрю, название она выучила, и то хорошо.

–На, возьми. Пойду я. Сарай к отелу почистить надо.

–Чисти, чисти. Бабушкам привет.

Леон задумчиво смотрел Ларику вслед из окна. Пока его долговязая, чуть сутулая фигура не скрылась за домами.

– Что же ты за фрукт, Ларик? И чего она в тебе нашла такого, чего во мне нет? Возраст? Может быть. Но тут дело в другом. В другом... Чувствует она, что я её и трогать боюсь. И взглядом потревожить даже боюсь. Если бы не это... Если бы не это, я бы тебя, маленькая, ни Ларику и никому другому бы не отдал. Зачем ты так появилась, что ты мне хочешь сказать, чего я не знаю ещё, и в чём ещё виноват? Господи, как это всё перенести? Да не о том я сейчас, перенесу я всё, только ты живи теперь. Живи! – Леон бормотал слова почти вслух и желваки привычно ходили на скулах под руками, сжимающими лицо, чтобы не заорать от боли, от того, что иногда ему казалось, что он сходит с ума наяву.

Дни проходили, как один. Ларик с хором мотался каждый день по концертным площадкам, слава Богу, что приходилось петь пока в основном песни про партию, про Ленина. С триумфом выступили на праздничном заседании Обкома партии, потом на собрании представителей передовых рабочих и передовой интеллигенции, потом ещё несколько праздничных торжественных выступлений. Казачий репертуар в таком темпе они бы не вынесли. Жены каждый день стирали концертные рубахи мужей, солёные и вонючие от пота и выветривали на верандочках смокинги, накрывая их кусками марли от старых детских подгузников, чтобы нахальные воробьи их не обгадили.

Последние дни апреля были исключительно теплыми и сухими, Пятаков каждый раз тоскливо провожал глазами автобус с мужиками. Как на зло с самыми толковыми и работающими. Но уже не ругался, кое-что неожиданно-приличное и ему перепало в этой празднично-политической кутерьме.

После первого мая наступило некоторое затишье, весь город был увешан флагами, на столбах вдоль главных улиц областного центра, на балконах, выходявших на проезжую часть, на декоративных тумбах, грандиозно возвышавшихся на причёсанных газонах – везде полыхали великолепные костры алых флагов и флажков.

После майских праздников в селе все лихорадочно дергали друг у друга трактора «Беларуси» и пахали огороды, за день засаживали свои нескончаемые сотки картошкой. Это в деревне, уж, как «Отче наш» – обязательно надо. Будет картошка, будет и молоко, и сало, и сам сыт.

В самый День Победы поехали по заранней договоренности к шефам, Леон тоже поехал. Там их встретили на «ура», как родных. Вот там мужики отдохнули душой, без напряжения, с друзьями по сцене, они целый вечер пели от души свои казачьи любимые.

Ларик нашел заметки в старых дедовых газетах о том, как в сорок первом семнадцатый корпус кубанских казаков три дня сдерживал танковую дивизию и отряды немецких отборных горных стрелков, прикрывая шашками разрозненные силы наших необстрелянных пацанов-новобранцев. А в это

же время наши нефтяники срочно демонтировали и вывозили оборудование, и намертво закупорили бетоном нефтяные скважины. Казак Недорубов один порубал саблей семьдесят немцев. Героя мужику дали. Такие рассказы перед концертами наполняли песни живым бьющимся пульсом, горячей кровоточащей памятью и восхищением мужеством своих, русских.

После концерта, за вечерней «рюмкой чая» долго сидели, обнимались, братались и задружались русские мужики, напрямую соединенные чудом музыки и военного братства.

Тогда ещё все считали, что в армии служить – долг чести любого мужчины.

И не было никакой дедовщины.

Синицына не приехала. Ларик абсолютно расслабился, полагая, что на этом неудачный эксперимент вхождения в эшелоны высокой власти у него и закончился. Отвалила баба сама со своим «Кхаджурахо».

Но, как ни крути, а получалось, что Ларика она опустила ниже нижней ступеньки. Последние её слова: «трус» и «неумеха» были адресованы к его гендерной принадлежности.

– И кто же тогда не трус и умеха? – вопрос жёг Ларикову мужскую честь. И гордость тоже.

Ответ напрашивался сам собой.

Слишком беззастенчиво и нахально ржал «умеха» над Лариком. И хотя Ларик и понимал, что Леон не со зла ржёт, но злился всё равно.

Леон, пока «казаки» соревновались и братались с давними «соперниками» своими по сцене, встретился в воинской N-ской части с каким-то старым приятелем, судя по тому, как они лупили друг друга по спине, приветственными шлепками, а потом о чём-то долго разговаривали, причём тот напирал на Леона, а Леон явно оборонялся, но с каким-то чувством превосходства над приятелем, они были некогда очень дружны. До Ларика донеслось один раз имя, громко вырвавшееся у Леона в споре, – «Глеб».

Когда уже усаживались в тесном маленьком автобусе, до Ларика снова донесся голос этого Глеба:

– Леон, я серьёзно. И не только я. Ты же его знаешь! – и рассмеялся, рассмеялся по-доброму. Леон только вяло махнул рукой: «Да пошли вы!»

Настя целыми вечерами сидела и занималась. Она не любила делать всё в последний момент. Ларик, который никогда не был силён в учебной дисциплине, всегда удивлялся, как споро у неё всё получалось, как бы само собой. Она легко переключалась с одного дела на другое, вроде вот только писала что-то, а уже ведро с молоком тащит, помогает бабулечке Марфе, у которой спину прихватило.

Только что дрова бегала в баню подкинуть, – и уже сидит и карандашом пометки на полях пишет. Леон ей часть книг

просто подарил, он бы и все подарил, вот в этом Ларик не сомневался нисколько, только ставить их было уже некуда в Настиной комнате. Так и стояли аккуратными стопками на столе, на шифоньере, на стульях, на подоконниках стопки книг, которые Леон отказался принимать назад. Можно было, конечно, смастрячить какие-нибудь стеллажи или хотя бы полки, но Настя ни о чём не просила, а Ларик не навязывался. Надо будет – пусть подойдёт и попросит. Какой-то тугой узелок в их отношениях завязывался, жесткий и неуступчивый, даже злой. И один конец этого узелка вокруг Насти держал в своих руках Леон, а Ларик тянул за другой конец.

В один из дней, после Дня Победы, Леон поманил Ларика к себе пальцем. Когда мужики после очередной репетиции, которые ещё по инерции собирали их на три вечера в неделю, толпились в вестибюле, не торопясь расходиться. Накал сбросили, но пока остановиться не могли, тянуло друг к другу.

– Чего, Леон?

– Да вот, только что звонок принял. Оттуда, – Леон поднял палец кверху.

– И чо им ещё от нас надо? Праздники-то закончились уже.

– Тут личная просьба. У Самгина юбилей. Не бесплатно, на весь вечер и, может быть, до утра. В обкомовских дачах где-то «на заимке». Насколько я помню, это там отдельная такая избушка метров на триста квадратных, с сауной, бас-

сейном и прочей мурней. По двести на человека. Тебе – триста. И чо ответить? Ответа ждут в течение получаса. Я сказал, что народ надо собрать для коллегиального решения. Так какое будет коллегиальное решение? – Леон посмотрел на часы. – Двадцать минут осталось.

–Фу-у-у-у! Сейчас с мужиками перетру. Но им это всё – вот где! Ларик провел ребром ладони по горлу.

– Понятно. Иди перетирай, да мне не забудь сказать.

Судя по возникшему гомону, мужикам это действительно было «вот где». Потом гомон поутих. Возможно, Самгин тоже знал, что почём. Такие деньги на дороге не валяются. За вечер, ну пусть за пол ночи – дольше всё равно на жопе ровно не высидеть под пиво, коньячок и водочку с шампанским – почти месячную зарплату получить. Такое тоже не каждый день предлагали.

– Ладно, согласны. Про репертуар обговаривали? Про партию надо?

– Не-не, только казачьи. Ну, костюмы на всякий пожарный возьмите, но мне про баню больше говорили, про простыни. Их там выдают. Чистые трусы, плавки и носки – вот это обязательный костюм в основном, как я полагаю. Костюмчики возьмите, конечно, по крайней мере, для начала, а там – по ситуации. Я не вдавался.

– А ты не поедешь?

– Я?! А зачем? Нет. Не поеду. Чем от таких дальше – тем оно спокойнее. И тебе советую.

Много позже Ларик понял, что всё, что говорит Леон надо воспринимать буквально. Целее будешь.

Встретили их у самых ворот. Сторож, или встречающий, залез к ним в автобус, вежливо поздоровался со всеми и, стоя на подножке, указывал дорогу через вековой лес с нетронутой по краям дороги травой, ведущую куда-то вглубь территории, подальше от любопытных глаз, провожающих их от самого входа, с балкончиков и террас. Несмотря на весну, дачи были заселены уже плотно.

Разместили их в небольшом зальчике с креслами и столом посередине.

– Вы можете здесь переодеться, что вам принести из прохладительных? – учтиво спросил парень в строгом черном костюме и с бабочкой на шее.

– Не иначе – официант вышколенный, – Ларик впервые был в таком месте. Мужики исподтишка тоже глазели по сторонам. Все, кроме Строгина Андрюхи, тот сосредоточенно застёгивал пуговицы на рубаше.

– Сначала дело, остальное по мере поступления, – любил он приговаривать, когда оказывался в незнакомом месте, незаметно применяясь к обстановке, чтобы не оказаться в дураках.

Они долго отдыхали в удобных креслах, от лимонада приятно пощипывало язык, легкая закуска из красной рыбы, копченых кур, лежавших золотистыми тушками на подно-

сах, и бутербродов с икрой пришлась кстати. Не все дома успели поужинать.

– Эй, на воду не налегать. А поесть поешьте, чтобы не сосало, – Ларик и здесь не бросал кормило власти. – Заказчики, ведь, не в концертном зале сидеть будут, а за столом. И уж точно стол пустым там не будет, так что ешьте, чтобы слюни не пускать.

За дверями иногда слышались весёлые женские голоса, «пробегавшие» мимо. Ванятка прислонился к двери ухом, чтобы расслышать, что там происходит, и кто их тут окружает со всех сторон, и именно в этот момент дверь открылась, Ванятка так и ткнулся в живот «официанта» щекой. Тот и ухом не повёл, как будто бы так и надо, и пригласил всех пройти в зал. Зал был рядом, за стеной, если по прямой. Но их завели за угол, и только там оказалась широкая двойная открытая настежь дверь в зал, освещённый несколькими хрустальными люстрами.

– Чуть поменьше, чем в оперном, – шепнул Тимоха, озираясь.

– Ты прямо смотри, деревню-то спрячь, – почти приказал Строгин тихо.

За огромным овальным столом сидело человек тридцать, все были при галстуках и в жилетках. «Как в форме все», – подумалось Ларику.

– Вот, пожалуйста, гости дорогие, – ваши места, – официант сделал широкий жест рукой, приглашая всех «казаков»

сесть за общий стол. Это было что-то новенькое. Все присутствующие поприветствовали «новеньких» небольшими аплодисментами, ненадолго оторвавшись от удобных спинок стульев с подлокотниками. Такие же были приготовлены и для «казаков».

– Ну вот, все в сборе. А эти подтянуться, – небрежно ткнул рукой в сторону пустующих двух стульев, видимо, сам Самгин, сидящий по центру широкой стороны, как раз напротив «казаков». – Давайте знакомиться. Надеюсь, мы станем друзьями, – меня зовут Илья Сидорович Самгин, у меня сегодня тут мальчишник по поводу моего совершеннолетия, – все рассмеялись, негромко, дружно и учтиво. Речь была явно рассчитана на новые лица. «Казачки» сдержанно улыбнулись. Не сговариваясь, как бывает в очень слаженной команде все они «взяли равнение» на Ларика, на самого опытного и городского, и, вообще главного. И он эту роль взял на себя тоже молча.

– Ну давайте, ребята, за знакомство поднимем бокалы и за моё здоровье тоже. Зря я, что ли, в этот день кряхтя на свет появился, мамку чуть не разорвал. Пять кило! И как она меня только доносила, царствие ей небесное. Ну, вот за всё за это и выпьем. Илларион, у вас как с сухим законом?

– У нас есть один закон. Пьём только по взмаху дирижерской палочки. Больше никак.

– Да? Ну, чо? Уважаю. Но первый-то раз можно?

– Первый можно, только водку. Коньяк – не наливать! –

мужики усмехнулись хмыкая, маскируя улыбки, кто рукой, кто фужером, кто вилкой с селёдкой.

– Ты слышал? Метрдотель!

– Да, да, – невозмутимо ответил «вышколенный» и что-то сказал помощнику. В тот же момент коньяк на «казачьей» стороне был заменен водкой в узких высоких бутылках, которых мужики отродясь не видали. Называлась она «Кремлёвская».

– Ну, мужики, поехали что ли?! – и Самгин опрокинул в рот рюмку коньяка.

– Поехали, благословясь, давайте понемногу, – раздались нестройные поддакивающие голоса.

– С днём рождения, Илья Сидорович! Здоровья, счастья.... – Самгин не обращая ни малейшего внимания на эти возгласы, начал с аппетитом хрустеть солёными груздями, чем немало удивил Ларика. Коньяк обычно закусывали деликатесами, которых тут было в избытке. Потом вдруг вспомнилось Ольгино: «...когда нажрут, они эту амброзию из горла...»

«А что? Вполне может быть», – Ларик ковырялся в салате из морепродуктов. Что-то такое похожее он как-то видел в кафе в Керчи, куда он водил однажды ту девушку. Но такого он не видел: большие мидии, маленькие осьминоги, крупные креветки и ещё какая-то мелочь, пересыпанная мелкими желтоватыми зёрнами. Попробовал на вкус – кедровые орешки с крупными красным икринками создавали непри-

вычную гамму вкуса.

– Чересседельник с арбузом, – тихо буркнул Ванятка, попробовав, и отложил вилку. – Только осьминогов я и не жрал! – вообще он их представлял себе большими. А тут козвочные какие-то, детки беззащитные можно сказать, и такие скользкие и противные.

Строгин выбирал из мидий что-нибудь эстетически однородное. Не мог проглотить эту пеструю ракушку со вкусом яйца вареного, ему казалось, что тут слишком много чего-то кишечечно-полостного.

– А я слышал, что в Китае и тараканов едят. Жарят, а потом хрустят, как сухими обжарками, – Тимоха даже смотреть на это всё не мог, налегал потихоньку на бутерброды с кетовой икрой, крупной и красивой. – А черная – вроде как солонее, да? – обратился он к Николке.

– Ага, – раздраженно и тихо буркнул тот. Всё, что стояло перед ним не вызывало у него никакого аппетита. – Дали бы лучше котлет нормальных.

– А вот вы попробуйте балычок, – пришел ему на помощь официант, один из тех, что стояли почти за каждым стулом.

– А мясо какое-нибудь тут есть?

– Разумеется. Это вот заливной язык – это только сверху зелень. Там внутри мясо, и вот – вырезка, – на блюде лежали кусочки ровно нарезанного чего-то, как квадратная колбаса.

– А! Вот, это самое то. А котлеты у вас есть?

– Котлет нет, но будут эскалопы, и на второе блюдо будут

шашлыки.

– Эскалопы – это чо?

– Эскалопы – это особым способом прожаренная свинина, очень сочная и мягкая.

–А, во, это нормально. Это пойдёт.

Самгин с удовольствием наблюдал, как новые гости выпутывались из лабиринта незнакомых вкусов, запахов и названий. Впрочем, ели мало, больше ковырялись в незнакомых блюдах, Самгина это забавляло. Себя вспомнил. Но он старался тогда, преодолев тошноту, есть всё, залпом, и съел что-то типа креветки, не очистив розовую тонкую кожуру, тогда нечищенных на стол поставили. Нет, чтобы, дураку, на других посмотреть, как надо. Подавился тогда, горло оцарапал. Самгин улыбнулся... Как только Ларик отодвинул тарелку с закуской, все сразу последовали его примеру.

– Хорошо умеет держать народишко-то. А с виду тощева-тый, но жилистый же черт, есть в нём сила. Есть.

– Илларион, а может после второй вы меня порадуете чем-нито? – подыгрывая народной простоте спросил Самгин.

– Разумеется, Илья Сидорович. Для этого мы и здесь.

– Ну, так наливайте им, ребята уж скучают, как я вижу, – шумнул Самгин на официантов.

– Нет, мы пропускаем, – твердо сказал Ларик, иначе какие же мы «казаки»? Голова должна быть на плечах, сабля в руке, нога в стремях, как говорится. Где нам петь?

–А где хотите. Места хватает?

– Да вполне. Как вам удобнее на нас глядеть?

– Нет уж. Устал я командовать, отдохнуть хочу. Вы всё сами тут. Поёте, а я слушаю только.

– Ну, тогда обычным кругом, – мужики вышли из-за стола, разошлись в полукруге, Тимоха с гармошкой сбоку на стуле пристроился. Ларик с другого конца, чтобы всех видеть, и чтобы его все казаки видели.

Начали с застольной: «Бывайте здоровы, живите богато, а мы уезжаем до дому до хаты!»

Песня вышла простой, теплой, – самое то для распева. Гости за столом начали снимать пиджаки и жилетки, закидывая их на спинки стульев. Под эту песню челюсти начали только быстрее двигаться. Гости жиденько поаплодировали и продолжали жевать.

Потом затянули «Распрягайте, хлопцы, кони, да ложитесь спочивать...» Припев гости хозяина уже подтягивали немного: «Маруся, раз-два-три калина, чорнявая дивчина...». Под конец песни, в припев, эти «кресложопотеры», как их окрестил Андрюха, уже хором вступали, пели все.

Потом спели Донецкого «Черного ворона». Сначала слушали не понимая, ожидая обычное: «Что ты вьёшься над моею головой?», а эта была шире, иначе звучала, не только о себе. Это была товарищеская песня, забота об исходе боя: «Мало там или не мало недобитых басурман? Есть у них штыки и пули, чтоб нагрнуть в гости к нам?» – молодецкая, задиристая игривость и ирония над врагом, шли в этой песне

впереди заботы о себе, о своей доле. И опять голоса разбежались, каждый по своему уделу в этой битве, рассыпаясь отчаянной удачью, молодецким посвистом и смиренным предугаданием своей судьбы: «если так должно случиться – мне погибнуть на войне, полети ты, черный ворон, к маладой маёй жане», – голоса затихали перед трагическим ожиданием судьбы, всё тут было сжато до пружины курка. Всё просто и неизбежно, и абсолютно осознанно.

Гости хозяина выпили уже немало, глаза замаслились, мысли размягчились и нервы отпустили. На глазах некоторых появились даже слёзы. Но Самгин не собирался растекаться тут слезами. Ничего особенного он пока не увидел.

– Всё, хорош пока, – скомандовал Самгин, – нечего тут всё в один комок валять. Давайте, поздравляйте меня, подарки где?

«Казачки», немного смущенные таким приёмом, присели на этот перерыв к столу.

Все гости засуетились, полезли в карманы, стали доставать коробки из-под стола. Все подарки юбиляру были небольшими, зато блестели. У мужиков рты приоткрывались, когда очередной даритель открывал коробочку и показывал свой подарок. Ярмарка тщеславия была в самом разгаре: золотые часы, золотой браслет для часов – «Вы чо? Договорились?» – грозя пальцем дарителям, довольно смеялся именинник. Затем проблистал перстень с черным обсидианом, потом запонки сверкнули на золоте алмазиками, затем

набор трубок для табака, привезенный из Индии, инкрустированный золотом, потом совершенно непонятный стеклянный самовар какой-то с двумя трубками, проплыла в руки именинника и булавка для галстука, сверкнувшая, как маленькая фара.

Мужики, решив про себя, что нечего тут особо и выгибаться, раз их слушать особо не захотели, надо, по крайней мере поесть, как следует, уткнулись в блюда, принесенные им на смену первым. Тут были тоже закуски, мясные салаты, рыбные рулетики и ещё чёрт знает что. Всё приходилось пробовать на вкус, спрашивать у официанта, приставленного к ним, и делиться знаниями с соседом, что в той или другой тарелочке тут лежит. В общем, все были довольны. Казаки тем, что им не надо было ничего никому тут дарить, всё равно не по карману, а «свои», кто сумел вызвать у Самгина хоть немного интереса, были довольны тем фактом, что их просто заметили, и дай бог, при случае «не забудут».

Потом снова пили и ели, потом снова пели «казаки», теперь уже вызывая пьяные слёзы сопричастности, к этому «казаки» тоже привыкли.

Нет хуже – быть трезвым в чужом пиру, но дирижерская рука Ларика только трижды дала отмашку на «принять». Ларик считал, что и этого много, хотя голоса звучали свободнее, но уж чересчур, пожалуй, разливисто. «Вот так и спиваются, но терять сегодня тут нечего, ничерта не понимают эти «кресложопые» – бухтел он про себя. Иной раз Ларик

боялся, что не «соберёт» своих, разбежавшихся, беспечно, казалось, расплескавшихся в этой реке музыки парней. Но выучка сказывалась, и всё проходило, как по маслу. Концовки были «мужскими», как любил говорить Леон. Сам Ларик только пригублял, помятуя о своём коньячном позоре. Наконец все гости отяжелели от выпитого и особенно от съеденного.

– Ну всё, все в бассейн, спинки тереть. Хватит жрать-то. Пиво нам к бассейну! – приказал Самгин «вышколенному».

– Разумеется, будет исполнено.

– Только что под козырёк не взял, – подумал Ларик.

– Ну, а вам специальное приглашение, что ли, надо? Простыни вам там принесли, идите, тоже в конкурсе участвовать будете.

– В каком конкурсе? – Ларик ничего такого не предполагал.

– А увидите. Не задерживайте, без вас не начнём.

Вокруг бассейна все столпились с обернутыми ниже пояса телами. Одинаковые простыни всех уравниали. И жилистые, привычные к труду фигуры «казаков» выгодно отличались от местных упругими, крепкими мышцами на руках и ногах. Широкие развернутые плечи и перехваченные в талии постоянной работой тела смотрелись явно выигрышнее. Правда, загар у них был деревенский. Полосатый, клочкастый. Никто в деревне о загаре никогда и не думал. Что подгорело на солнце, то и темнело потом всю зиму. От футболок

и маек светились полоски на плечах и предплечьях, а ноги и вовсе были белыми, как и задницы, которые от комаров и пыли тщательно прятались в штаны. А у местных загар был цивилильным. И ноги, и спина, и руки, и тяжелеющие животики, и ягодицы – ровно темнели, загоревшие под искусственным кварцем, и под южным солнцем санаториев для спецотрудников.

– В воду, в воду все, скидывай с себя все тряпки! И плавки тоже! Нечего тут пляж устраивать! Снимайте, снимайте свои кальсоны, – махнул мужикам рукой Самгин, и они нехотя стянули с себя и плавки, увидев, что и все остальные лезут в бассейн голяком Командовать было, похоже, второй натурой Самгина. Этот бассейн был мелким, так, чтобы сидеть в воде можно было погрузившись до подбородка. – Сейчас нам лучшее блюдо подадут, вот и посмотрим, кто тут у нас король? – все местные заржали, погружаясь в воду. Из боковых дверей бассейна вышло десятка два девушек в купальниках и с сияющими улыбками на лицах, они тоже прыгнули в бассейн, обдав шутливо брызгами тех, кто оказался рядом.

– Ну? Нормально? По одной на двоих?

– Нормально. Куда торопиться-то? – раздались отовсюду голоса мужиков. Среди «казаков» тоже оказалось несколько весёлых красавиц.

– Ну, что, мальчики? С кого начнём?

– Чо начнете-то? – испуганно спросил Тимоха, панически боявшийся и одетых-то деревенских баб, которые его за та-

кую трусость тотчас на смех поднимали.

– Как что? Массаж расслабляющий. Давайте с вас и начнем?

Тимоха хотел было выскочить из бассейна, но вовремя вспомнил, что он только волосы на теле имеет из одежды, а больше – совсем ничего.

– Не-не. С другого кого начинайте, чо с меня-то? – отнекивался Тимоха, но было уже поздно. Две красавицы взяли его за руки и стали разминать ему пальцы рук, отчего их так у него скрючило, что он вдруг испугался, что не сможет совсем играть на гармошке. Потом они перешли к его стопам, которых женская рука ни разу даже во сне Тимохином не касалась. Потом ему промассировали плечи и шею, потом спину. Иногда глаза Тимохи совсем вылезали из орбит, давая понять, что проворные руки массируют ему в воде не только спину, руки и ноги.

Пока Тимоха лихорадочно прикидывал, как бы ему выскочить и до спасительной простыни добраться, девицы перешли к следующему клиенту. Это был Андрюха Строгин. Ларик с любопытством наблюдал, как его друг будет вести себя в такой ситуации, а то советовать-то «всегда готов!»...

А Андрюха вел себя так, словно он каждую неделю только и делал, что такой массаж принимал:

– Во-во, тут ещё помассируй, затекать что-то начинает. Ага, хорошо, и бедро повыше чуток. Ага, чувствуешь, мышца напряжена?

– Чувствую, чувствую. Напряжена. Я потом отдельно тебя помассирую, весёлый ты мой.

Ларик решил, что не поддастся на уловки этих прошмондовок. Слышал о таком там, на юге. Чего и кого там только не было. Кто за чем туда ездил. И все находили там желаемое.

– Ты очень зажат, расслабься, я тебя не съем, красавчик. А то меня съедят, что не отработала, как следует. Тебе ещё петь да петь сегодня. Может, потом встретимся?

– Занят буду, – Ларик буркнул совсем не вежливо.

– Ой, какие мы серьёзные. Ну, ничего, многие так в первый раз. Привыкнешь. Мы, если и кусаем, то очень сладко, вот так, – и девица укусила его за ухо весьма чувствительно.

– Эй, ты, поосторожней!

– Да ничего. Скажешь своей, что о ветку поцарапался, – девушка явно разозлилась на сухого и жесткого парня.

«Кзаков» всех массиовали, а они лежали в основном на животах, облокотившись на края бассейна, и кто терпел, кто делал вид, что он и не такое видал. А кто-то тоскливо думал, что же дома теперь будет, если какой-нибудь из них, козлов этих, дружков деревенских, проболтается?! Хотя всем известно, что вот в чём-в чём, а в этих вопросах солидарность у мужиков – обычно выше всяких похвал, потому что земля – она круглая

– Ну всё? Всех обслужили красавицы? Кому добавки? – Самгин был подозрительно благодушен. Ларик оглядел его приближенных, те загадочно ухмылялись. Знали что-то.

– А теперь, на счёт «три» дружно все встали! Кто не встанет – того эти барышни первым уволокнут.

– Домассируют, – раздался дружный смешок в рядах свиты.

– Раз, два, три! – Самгин сам проворно встал из воды. За ним торопливо поспешили все. «Казачки», не понимая в чём подвох, не торопясь, но тоже последовали примеру бывалых. Вставали, инстинктивно прикрыв руками «срам».

На минуту воцарилось молчание. Все с любопытством осматривались, кто друг на друга, а «свита» внимательно смотрела на руки новичков. Смех возник почти сразу. Сначала, не очень громкий, «давившийся». Потом почти все заржали, громко и беззлобно. Кроме Ванятки и Тимохи.

Этим было не до смеха. Прикрыть, всё, что хотелось бы прикрыть, ни у того, ни у другого не было никакой возможности просто. Даже их, больших и широких, привыкших к тяжелому труду, рук никак не хватало для прикрытия.

– Ну, что ж. Короли выбраны. Можно, конечно, и угол замерить, но на первый раз опустим такие мелочи. Давайте, девушки, наградите уже чемпионов, – Самгин был явно доволен.

Девушки бойко впорхнули в бассейн, окружив несчастных Тимоху и Ванятку, и что-то там на них надевали в толпе. Потом выпрыгнули из бассейна с хохотом и визгами. Оба «короля» были одеты в красные атласные трусы, а на головах у них были венки из сосновых веток, торчавших, как рога у

коровы.

– Ну, командир, разреши им пригубить из кубка, – обратился Самгин к Ларику.

– Только соку если.

– Ну, соку, так соку, наливайте соку, девушки, и угощайте героев, – все затаив дыхание смотрели, как девицы снова обступили Ванятку и Тимоху.

– Какое-то тут запахло, ей Богу, зуб даю, – проговорил Строгин, сложив руки на груди, он и Роман стояли рядом спокойные, как Аполлоны. Быть королями им не угрожало, от слова «совсем», как будто каждый день на нудистском пляже ошивались.

– Черт, как они так себя держать могут? – удивился про себя Ларик, слегка прикрываясь на всякий случай.

«Короли» выпили соку, девицы, визжа, разбежались от них в разные стороны с хохотом, и тут все грохнуло от смеха. На глазах у публики, красные атласные трусы расплзались по переднему шву, обнажая то, что неоспоримо опять подтвердило присвоенный королевский титул. У Ванятки и у Тимохи аж глаза покраснели вместе с ушами и гармонировали с трусами. Остальные только догадывались, что этим двоим там, в толпе полуголых баб, пришлось вынести.

– Однако! Шуточки тут у вас, – Ларик искоса взглянул на Самгина, который не отходил от него ни на шаг.

– Нормально. Так выдержка проверяется. Безошибочно. У тебя же нет красных трусов? Все в равных условиях, оби-

жаться не на кого, да и незачем. Тоже суметь так надо, – Самгин прыснул в кулак. – А знаешь, деревня нас, городских обходит, пожалуй. На свежем-то молочке. Смотри, как мои денщики присмирели, а ваши хоть бы хны, как будто всегда так трусы выигрывают, – городские, и вправду, с безразличными лицами вылезали из бассейна и кутались в простыни.

Как бы смешно и нелепо это не выглядело, но среди «казачков» общинный дух повысился, и как бы там ни было, а «наша-то взяла». Не торопясь они ловко выскакивали молодецки из бассейна, рискуя поскользнуться на мраморном полу, одобрительно хлопали своих героев по спине, давая понять, что морально поддерживают их всячески.

После бассейна некоторые из «свиты» пошли в баню, а некоторые куда-то исчезли. Хористы, обмотавшись простынями, сидели плотной кучкой, боясь, что поодиночке эти наглые русалки их выловят и куда-нибудь уволокут. Но Самгин был великодушен.

– Эй, казачки, давайте в парилку первыми, наддайте там парку, а потом в бассейн. Не бойтесь, тут воду проверяют, обеззараживают, да и девки все здоровые, – Самгин не торопился в парилку, лениво полощась в голубоватой воде бассейна. – А ты иди сюда, Илларион. Там места не так много, не Сандуны. Потом сходим, парильщик придёт, попарит, как следует.

Пришлось Ларику присоединиться к Самгину.

– Нравится мне, как ты с людьми управляешься. Без тебя

даже вилку не берут. Это почему? Материально держишь, или другой интерес есть?

– Другой.

– И какой же это?

– Идеальный.

– То есть? Везде идеи сдают позиции, а у тебя идея шишку держит?

– Так, ведь, смотря какая идея.

– И какая же это у тебя идея? – Самгин смотрел на него с саркастической ухмылкой.

– Да не у меня. У всех них, у нас, то есть. Идея, что не следует забывать то, что с кровью нам досталось. Ну, всем нам. Народу. И конкретно нам, берлушовцам. В Берлушах, это посёлок наш, – пояснил Ларик, на что Самгин только нетерпеливо головой мотнул: «знаю, мол» – в основном же казаки раньше жили. Крайняя к башкирам деревня, потом село стало.

– А какая разница, деревня или село?

– В селе церковь есть, в деревне нет, – спокойно пояснил Ларик.

– И что?

– Да ничего. Особый там уклад жизни был. Старики ещё помнят. Да и сохранилось кое-что. Даже одежда некоторая. Фуражки. Ногайки. Маленьким был, несколько сабель помню мальчишки показывали, отцы в подпольях прятали. Прадедовы ещё. Ржавые, а сохраняли. А кончики-то точеные.

– Что значит – кончики?

– Так казаки всю саблю никогда не точили. Ни к чему это. Только на треть. Рубали же только кончиком, легонько, под углом, чтобы поглубже вошло. Насмерть. А всем палашом рубанешь, он в кости и застрянет, – Ларик оглядывался во круг. Здесь, когда все были в одинаковом прикиде, как-то сразу резче проявлялось, кто и что из себя представляет. Человек превращался в лицо, простыню и позу.

– А это, между прочим, холодное оружие, запрещенное к хранению, – значительно вставил Самгин, чтобы хоть что-то ответить, прикрыть свою неосведомленность в делах сугубо мужицких.

– Так это когда было-то? Да и не в этом дело. Рассказы, истории разные, фотографии живут ещё. Ну и песни. Я музыкант, мне это очень интересно. Народное многоголосие – уникальная манера пения. Вот вам же нравится, раз пригласили сюда?

– Так кому это не понравится! Я слыхал, вас везде приглашают?

– Да. Есть такое дело. Но скоро лавочка закроется.

– А это ещё почему?

– Посевная в разгаре, я их еле уговорил, ну из-за гонорара согласились, конечно, деньги всем нужны. Потом сенокос, потом обработка пойдёт, силос, потом уборка. И пары ещё пахать. Не управляют. И техники не хватает. Раньше с эмтээсами проще было, централизовано. Сейчас стонут пар-

ни. Надо всё своё.

– Так своё-то лучше, Своё – оно и есть своё.

– Так сначала денег надо заработать, чтобы своё-то купить. Кредиты душат, говорят. Я только передаю, что слышу. Я в этом мало смыслю, честно говоря. Вон у наших поспрошайте, если интересно. Тут все от баранки, да от рычагов.

– Нет, с ними потом, при случае. Вон, кстати, парильщик пришёл, сейчас он их отжарит по-быстрому, по короткой программе, потом и мы пойдём. Так я не понял, а у тебя в таком случае, какие планы личные, если всё это только на энтузиазме держится?

– Да нет у меня никаких особых планов. – Ларик скучающе оглянул зал, который почти обезлюдел. – В институт по-пробую, потом... потом женюсь, наверное. Оркестр детский поднимать да поднимать ещё. Хор детский. Ну так... поменьше.

– И интересно это тебе?

– А что нет-то? Не хуже любого другого дела. Вам же нравится? – опять спросил Ларик усмехаясь.

– А чем раньше занимался? – не отвечая на вопрос, продолжал расспрашивать Самгин

– Служил. На крейсере. Училище до того закончил. Ну и тут, в Берлушах. Всё.

– То есть, если мужики захотят, вернее не захотят, то хор развалится?

– Да. Если не захотят, то развалится.

Самгин молчал, о чём-то думая. Из парилки с криками и смехом стали выскакивать красные от жара мужики и, скинув простыни, бросаться в воду, погружаясь на дно красными раками.

– Ладно, пойдём, парилка разогрелась, наверное. Сначала-то холодновато бывает, а сейчас сразу в пот так кинет, аж холодеешь, – Самгин передернулся. – Ты любишь париться?

– На голодный желудок люблю. А так нет.

– Чо? Переел что ли?

– Ну, вроде как, ... жирновато тут у вас. Пища непривычная.

– То-то вы ковырялись все в тарелках.

– Так, не то что, как есть, не знают, и что это такое вообще – не знают, и я не знаю, как эти устрицы-креветки называются. Не привычные мы, я же говорю. У нас картошечка всё больше с молоком да котлетами магазинными, если привезут вдруг, своё-то мясо только по холоду появляется. Или яйца. Яйца свои у всех, салат какой-нибудь зелёный с редиской и огурцами. Помидоры не всегда вызреть успевают, в основном на печке доходят. Лёгкая у нас пища по сравнению с вашей. Здоровая.

– То есть, ты своей жизнью доволен?

– Вполне.

Жар в парилке с непривычки показался свирепым, аж дыхание перехватило, и глаза сами собой прикрылись.

– И сколько тут сегодня? – Самгин, морщась, полез на вто-

рой полок, отхлебнув ещё из бутылки, прихваченной с собой.

– Семьдесят, – ответил парильщик, сухой и крепкий телом парень в войлочной шапке, навроде киргизской, обмотанный короткой простыней ниже пояса. Он готовил веники, что-то разглядывая и выбирая, пробуя рукой.

– Сойдёт за третий сорт, подскажи там, чтобы ко второму заходу подняли малость, градусов на пять.

– Скажу. С кого начинать будем? – парень явно не церемонился с клиентами.

– С него вон и начинай. Я отдохну пока, пот погоняю, – Самгин развалился на белой свежей простыне, которую растелил на полке парильщик.

– Ну, давай, служивый, – панибратски обратился парень к Ларику, – ляг и расслабься, забудь и про жену, и про любовницу, сейчас тело в покое, дух безмятежен должен быть. Иначе толку – «пшик, да маленько», будет.

Ларик, привыкнув дышать раскалённым воздухом, тоже уже лежал на высоком полке, типа стола, куда молча указал ему банщик. Веники прошлись над телом, почти не касаясь его, только жар стал почему-то сильнее, тело закололо тысячами тонких иголочек. Не сказать, что ощущение Ларику понравилось. Потом банщик стал проворно махать вениками над ним, как бы нагнетая жар сверху, стало ещё горячее, Ларик вдруг ощутил, как в местах, где кололись тысячи иголочек, раскрылось что-то и по спине, бокам, плечам просту-

пил пот, потом он потек ручейками и по рукам, и по пальцам. Сразу стало прохладнее. Лицо просто было залито потом. Простыня, прижатая им на минуту ко лбу и глазам, стала мокрая тотчас.

– Это сколько же из меня воды выйдет? – спросил Ларик.

– А сколько надо, столько и выйдет. Если больше закажете, больше выжмем. Вы молчите лучше, я сам по коже вижу, когда хватит, не высушу больше, чем надо.

– Ты доверься. Он знает дело, – Самгин наблюдал, как Ларик ёжился под невесомыми прикосновениями раскалённых веников. Ларику казалось, что тело у него становится всё легче и легче, всё больше и больше, как надувающийся шарик. Пот тек непрекращающимися ручейками по всему телу.

– Вот, теперь мышцы ваши помнём, – в воздухе приятно и свежо запахло каким-то маслом, которое парильщик налил себе на руки из маленькой тёмной бутылочки.

Руки парня оказались на редкость сильными и мягкими, хватистыми и ласковыми. Они прошлись по спине, плечам, ногам, разглаживая и привыкая к телу. Это было настоящее блаженство. До того Ларик ни разу не испытывал массажа на себе. После поглаживаний, началось разминание всех мышц по порядку, потом жесткие похлопывания, которые, казалось, выбивали из тела остающуюся жидкость и напряжение, тело захотело спать. Ларик закрыл глаза.

– Вы за двоих заплатили по полной, а за тех только за веник. А остальные как?

– Остальные? А если никто не заплатил, так и не переживай. Пусть они за тобой ходят. Завтра точно все придут. Кто не вмещается в график, посылай всех на*ер. Им сказано было, что ты сегодня работаешь. А они баб предпочли, вот и хорошо, не торопись. Нам сегодня на весь вечер на двоих тебя хватит. Или ты подкалымить ещё хотел?

– Да нет, наколымился за эти дни. Отдыхать буду, а то вся соль из меня вышла, только на вас и хватит.

– Ну и лады. Пойдёшь, отдохнешь, тебе там приготовили всё, как всегда. За стол приходи, послушать этого, – Самгин ткнул в бок почти уснувшего Ларика. – Ишь разморился. Ну что, живой он?

– Да, этот живой долго будет, одарила мать-её-природа. Сухожилия, как резинка тугая, мышцы – молотобойцем за просто работать может, хоть с виду и тощий. Не тощий он, просто тонкий и жилистый. Такие долго не устают. Ты где служил, музыкант?

– На крейсере, морская пехота, десант. Слышал?

– Слышал.

– А ты где служил?

– Да где я только не служил. И всё по баням, – Самгин и парень захохотали, как знающие нечто, что другим знать не положено. – Давай отдыхай, во второй раз я тебе кости промну, связки растяну малость, зарядкой-то перестал заниматься? Оно и видно, сразу дрябнет. Ладно, сегодня немножко поправим. Лежи, только не пережарься с непривычки.

– Ну что, Илья Сидорович? Вышел ваш коньячок? Вы так себе точно сосуды когда-нибудь посадите. Не буду я вас сегодня жарить, просто помассирую малость. Боюсь. На той неделе один откинулся прямо во время массажа. Это нам надо?

– Ты спец, ты и отвечай. Я полежал, давление вроде в норме.

– Я рисковать не буду. Сказал только массаж лёгкий – значит массаж лёгкий. Или другого вызывайте.

– Ты чего? Я же ничего, просто сказал...

– Ладно, расслабьтесь, голову ко мне лицом, чтобы видел, знаю я вас... – ворчливо прохрипел парень, начиная разминать с маслом покрытую уже приличным слоем жира спину Самгина.

В парилке стоял жар и тишина, только парильщик тяжело дышал, нежно массируя мышцы Самгину.

– Ты не спишь, часом? – Самгин поудобнее повернул голову к Ларику.

– Нет. Балдею. После такого даже не знаю, как петь получится?

– Не переживай. Получится. Нам спешить некуда. Тебя предупреждали, что на всю ночь у вас ангажемент?

– Предупреждали, только про парилку не предупреждали. И про бассейн тоже. Деморализовали вы моих мужиков.

– Да ни х*ра им не будет. Какой это мужик с горя повесился, свою красоту бабам показав? Это у них обоих, может,

соловьиная песня была?

– Ну-ну! Соловьиная будет, если по пьяни кто-нибудь не расколется. Вот тогда уж будет им песня и соловьиная, и лебединая, и матерная, и сковородкой. Ещё и кликуху приклеят такую, что не отмажешься. Народ-то у нас – талантливый. Поэтичный.

– Эт-т точно, талантливый. Вот смотрю на тебя и себя вспоминаю. Такой же был. Поэзия, ети её мать, музыка-ху-музыка, то-сё. Фигня это для жизни. Сколько не играл, не пыжился, а на носки шелковые заработать не мог, всё на жратву да на учёбу уходило. Потом завод. Самодеятельность. Любовь-морковь. Квартиры ждать несколько лет, общага с вонючими вёдрами в коридоре, это ещё счастье, что вообще получил угол свой. Беляши на солидоле.

– Ну, все так поначалу...

– Не знаешь, – не говори. Не все! – Самгин откинул простыню с лица и повернулся к парильщику, разминавшему ему икры ног. – Ладно, хватить меня мять, не девка, иди, свободен. Дай нам тут отдохнуть вдвоём, скажи, чтобы никого не пускали, пока не выйдем.

– Не заморитесь?

– Да иди ты на х*й. Не заморимся

– Я минут через десять приду проверить, – не обращая ни малейшего внимания на ругань и ворчание Самгина, проговорил парильщик и вышел, поставив веники в бочку с кипятком.

– Придѣшь, придѣшь, – садясь и переворачиваясь на спину, проворчал вслед ему Самгин. – И был я точно такой же, как ты. Война только закончилась, не участвовал, но отслужил. В институт поступил, в сельскохозяйственный, он тогда один у нас здесь был, на заочный. Подрабатывал, подпевал, играл и артиста из себя строил. Стихи писал. Мелодии. На гитаре брякал. А вот теперь ты мне слух услаждаешь. За бабло. Во-о-от! – как-то удовлетворѣнно и добродушно отдышал Самгин, поглаживая себе круглый животик.

В принципе он очень неплохо выглядел для своих сорока пяти. Лицо выражало ту уверенность и силу, которая в мужчине ценится больше красоты. Да и черты лица у него были крупными, чистыми.

– Наверное, красивым был, – подумал Ларик глядя на раскрасневшегося, обливающегося потом Самгина. И руки у того были сильными, и бѣдра ещё упругие. Голова была добротнo туго и упрямо приделана к телу. Сало только начало нарастать на боках и животе. – А Леон при всѣм при том гораздо моложе выглядит, подтянутым и пружинисто-вальжным а, ведь, они одногодки почти. И рядом с Настей он смотрится не так уж и старо... Интересно, а она это тоже видит, или, правда, только за дяденьку хорошего его принимает? – заглянула вдруг в голову непрошенная мысль и раздражила Ларика. Он почти не слушал этого «сивуча», как окрестил Самгина про себя Ларик....

– ...и что? Думаешь, это – искусство? – всплыл в сознание

хрипловатый голос. В этот момент в дверь заглянула одна из девиц, которая ни на минуту не отходила от Самгина в бассейне. Она было явно на особом положении, не участвовала в общей толкотне. – Брысь отсюда! Позову – тогда придёшь! – властно прикрикнул на неё Самгин, девица с обиженным лицом исчезла, прикрыв двери.

– Вот это – искусство! – Самгин ткнул пальцем в сторону исчезнувшей девицы. – Это и здоровье, это и самооценка твоя. Кстати, ты сходи. Я ей ждать тебя приказал. – Самгин усмехнулся. – Попробуй блюдо с барского стола. Стоит того. Я на неё хренову тучу рваных трачу. Тряпки, массажи.

– Я думал, это твоя любовь, чистая и непорочная, – вдруг перейдя на «ты» усмехнулся Ларик, Самгин только зыркнул на него, то ли с усмешкой, то ли восхищаясь нахальством.

– Ох*ел ты, что ли? – лениво промямлил Самгин. – А вот, что на «ты» перешел – уважаю. Мужики, когда они все в том, в чём мать родила, в принципе не должны ни перед кем голову сгибать. Ты не гнёшь. Вижу. Раньше солдаты с полководцами на «ты» были. Тогда были мужики. И били всех подряд. А сейчас... А-а-а! Говорить неохота.

А эта бл*ть такое умеет... просто... ну сам увидишь... пока я добрый... – Самгин говорил медленно, явно о чём-то думал. Потом продолжил, задумчиво и обыденно как-то: «У меня жена есть. Семья. Хорошая семья. Дружно живём. От жены многое зависит. Да всё от неё зависит, как ни крути. Правду говорят, что жена – шея. А у меня она не просто шея

– пропуск в верхний эшелон. Думаешь, я сам «допелся» до члена Бюро обкома? Щас! Как же! Ждали меня тут. Я в доме культуры работал, всё старался к искусству поближе быть, дурачок молодой. Отец её по указке своей жены на меня внимание обратил на каком-то концерте. Не помню уже. Мотался, как и ты, подражал всяким, чо-то своё изобретал, навроде джаза. Но с этим не выступал, конечно, сразу бы объявили антисоциальным элементом. Всё больше лирику гнал. Вот и догнался. Дочка их на меня запала. Ну, молодой, красавец с кудрявыми патлами, в парусиновых туфлях белых, в парусиновом костюме. Все дела. Они нас критиковали, а дочери ихние на нас западали, – Самгин замолчал.

Ларик не перебивал, соображая, с чего бы этот член Бюро обкома перед ним, первым встречным фактически, так выёживается. Такие пить умеют, на этом у них все дела делаются, и язык за зубами держать уж точно умеют. Леон не раз заикался о привычках этих людей, где-то, когда-то он однозначно бывал накоротке с такими. Как ни молод и прост был Ларик, но уже издали слышал и чувствовал, какой перед ним встречный стоит. И Леона Ларик «чувствовал» всегда тоже.

– Не поверишь, – Самгин перешел почти на шепот, – у меня девок было, ... вагон и маленькая тележка, сами в объятия падали. Любую мог выбрать. Была одна, ... только одна такая и была. Не упала. Учились вместе. Характер свой против моего поставила. Ну, так и осталась со своим характе-

ром. Умная, весёлая, красивая, уверенная, – всё воспитывала меня: «Не разбрасывайся, займись серьёзно сначала чем-то одним. Тебе много дано, много и спросится.» – Самгин говорил, явно ёрничая, передразнивая ту, не упавшую в его объятия. – Так замуж и не вышла, дура, простроила из себя принцессу. В институте преподаёт. Годы её не берут, всё, как в двадцать пять выглядит. Доктор наук, и за границей была не раз, и страну всю объехала. Иногда встречаемся на каких-нибудь заседаниях. Смотрит. Со своей ухмылочкой! Королева, сука гордая! – раздраженно проговорил Самгин и снова замолчал. Потом продолжил не торопясь, как бы оценивая то, что пережил когда-то .

– Думал спервоначалу, очень сильно даже сомневался, смогу ли я с ней, ну с моей женой, в первую ночь-то... того-самого. А всё просто оказалось, темнота само собой помогла.

– Боялся папаши? Что ли? – Ларик не понимал.

– Да, причём папаша-то? Некрасивая она у меня, как семь смертных грехов. Черт его знает, как так природа распоряжается с этими носами, щеками и ногами? Отец, вроде, и ничего. Ну, толстомордый. Нос картошкой. Ну, нормально, внимание не особо обращает. А вот когда дочка точь-в-точь – папаша!... Тут такое бывает... ну или в мамашу... тоже. И, главное, идёт это по крови! И не вытравить. Короче, сомневался я в себе. А потом оказалось, что зря я сомневался, боялся бутылочку распечатывать. Ха-ха! Пробки-то дав-

но не было уже! – Ларик недоумевал, как можно откровенно с незнакомым о таком говорить, но Самгин увлекся и не замечал выражения лица Ларика. – Так мы с ней до утра и пили потом. Что-то дорожущее по тем временам было. Не помню, фигня какая-нибудь, коньяк может быть. Его же в пятидесятом днём с огнем было не достать. Это сейчас, ... как квас, – Самгин опять замолчал.

– И дальше что? – Ларик невольно подтолкнул разомлевшего «сивуча» дальше.

– Дальше? А всё за*бись дальше было. Жизнь прикольная началась. Тут не поспоришь! Всё тебе – на! И квартира в центре с лифтом и мусоропроводом, и курорты, и барахло. Сталин-то уже не при делах, видать, был. Все, кто на воронках ещё по старой памяти ездили – за одним столом со мной сидели, из одного распределителя ели-пили. Только я во вкус вошел, дочка родилась, а тесть, хрен ёба*ый, – бац! ... И сыграли ему похоронный марш. Жить только да жить, кукурузу растить, двадцатый съезд прошел. Нет, на самом подъёме, у*бок пархатый с рельсов сошел, вертись тут один, как знаешь, – Самгин сплюнул между планок полка, на котором лежал. – Раньше детей надо пристраивать, пока помочь можешь. А мне тут никуда уже не деться было. Сплёнут по рукам и ногам. Партбюро, ребёнок, я в отделе культуры на должности младшего инспектора, меня, видишь, с самого низа начали поднимать, чтобы быстрее въехал, как и кем дела делаются. Думали одно, а получилось-то совсем

другое. Жена после родов в три горла жрать начала, совсем толстая стала. Дочь орёт целыми ночами. Всё было – и ничего не стало! Никому не нужен. Разом. Наоборот, так и норовят оттолкнуть, да побольнее чтобы, значит.

Даром, что зять Первого Заместителя Первого. Первого... – но бывшего!

Похороны, конечно, по высшему разряду,... нас там всех так хоронят. Самое почетное место. Там тоже ранжир соблюдается. Прикинь, я примерно вот знаю, где там моё место. Это, как заедешь на главную дорогу, сразу направо аллея такая. Аллея героев. Ну, вот там. Там могилы редко стоят. Чтобы всегда можно было вложить, кого надо между кем-то и кем-то. Такие дела. Но это так будет, если меня на повышение не потянут, что очень даже вероятно. Самых-то первых не трогают – от греха подальше, пусть тут уж блюдут. А вот молодых и перспективных, как я примерно, этих теребят. Теребят! Поживём, увидим, как говорится. А тогда-то я дрогнул, честно сказать, – Самгин замолчал. То ли задремал, то ли вспоминал.

– Ну, и как ты потом? – Ларик видел, что Самгин расклеивается от выпитого и сел, чтобы в случае чего парильщика позвать

– А! Просто! Я же говорю, жена – пропуск! Связи-то у моей оставались! Она с детства там крутилась. Кому Первый секретарь, а кому и дядя Лёня. Ну и всё. Я у неё вроде любимой красивой игрушкой был, всё смеялась: «Ты для улуч-

шения породы нашей.» Улучшал, как мог, ждал, пока мне мой случай не подвернулся, с её подачи, само собой. Ну и покатило дальше. Тут главное вовремя на рельсы встать правильно. Дальше само катит.

Сын родился. Вот кто по улучшению пошел! Красавец! У меня на него большие планы, далеко парень пойдёт, молодой ещё, но борзой. Это хорошо.

А вот доченька... – люблю её заразу. Но ноги-то все в мать – сардельки! И нос! Посередине лица – картошка с дырками наружу. И никуда от этого! – Самгина совсем развезло.

– Может, пойдём, в бассейне прополощемся? – предложил Ларик.

– А чо? Пойдём... – Самгин неловко слез, почти свалился, с полка, Ларик вовремя его поддержал.

– Только ты не думай... У неё женихов всяких – хоть лопатой. Да только я их всех насквозь вижу. Рвутся к власти все. Выше! Слаще! Больше! А ху-ху...? Не...? Ты понимаешь, мне бы человека хорошего, чтобы любил её, дуру, ... а я бы помог бы. Всё, – Самгин – приставил палец к губам, оглянувшись вокруг, – тут – тихо! Тут мы замолчим и полезем в бассейн... – Самгин неловко плюхнулся, подняв тучу брызг и вынырнул, как бегемот, сначала распластавшись на дне .

– Эй, там блюда нам заменили? Давайте к столу все, хорош сиськи мять, успеете. Я слушать хочу моих новых друзей. И вы слушайте. Илларион... Эй? Ты куда?

– Нам настроиться надо, – Ларик отодвинул руки сильно

захмелевшего Самгина. И к тому тотчас подошел незнакомый парень, помог вылезти из бассейна и повел к столу, запахнув на нём простыню.

Когда «казачки» были готовы петь, Ларик обернулся и увидел, как на него совершенно трезвыми насмешливыми глазами смотрит Самгин.

– Что такое он выпил, гад? Только что, же, был в бандуру? Что-то Леон такое говорил когда-то... – но размышлять Ларику было уже некогда, надо было деньги отрабатывать. Пели на своё усмотрение. По заведенной с самого начала привычке, Ларик перед каждой песней давал кратенькую историческую справку, когда и чему была посвящена песня. Эффект от этого всегда был двойной. Сейчас он сомневался, дойдут ли слова его до этих пьяных ушей?

Дошло.

Гости Самгина сидели задумчивые, забыв про тарелки и еду. Девиц куда-то засунули с глаз долой. Наконец, после девятой песни, Самгин не выдержал: «Слышь, мужики, дайте перекуру. Душа рвётся нахрен. Командир, – он глазами нашёл Ларика, – иди сюда, садись рядом. А ты, – Самгин ткнул пальцем в плечо своего соседа справа, – брысь, отвали на х*й на другое место. Иди сюда, приятель, утешили вы нас. Тебе деньги ещё не отдали?»

– Так не вечер же ещё?

– Ты уже мне вечер сделал. Я в должниках ходить не люблю. Эй, мажордом, или как тебя? – Деньги давай! – тотчас,

парень с бабочкой оказался рядом, принес конверт и сунул его в руку Самгину.

– Ты чо?! Это ему, а не мне, – Самгин положил руку на плечи Ларику. – Можешь не пересчитывать. Как договорились, тут не ошибаются. Ошибки тут слишком дорого стоят. Понял?

– Понял. Спасибо, – Ларик протянул деньги через стол мужикам.

– А вы их на стол у себя положите, никто не возьмёт. Идите, отдохните, коль устали, там терраса, и девицы там, – после таких слов, мужики дружно двинули в противоположную террасам сторону, вызвав гомерический хохот всех остальных.

– Утешил, утешил ты меня, – Самгин легонько похлопал Ларика по плечам. К их разговору прислушивались. – Эй, а вы чо тут уши развесили? Идите, воздух мне тут сивухой не портите, поговорить с человеком надо, – вокруг них мгновенно образовалась пустота, Ларик ловил на себе ироничные и даже злые взгляды.

– Да пофигу, мне с ними не детей крестить, но это шака-а-а-алы, – услышал Ларик, занятый тревожной мыслью: «Что ему надо от меня? Или он просто в уматень набрался, всё-таки?»

– Голову, поди, ломаешь, что мне от тебя надо? – как бы услышав Лариковы мысли усмехнулся Самгин. Ларик промолчал, молчаливо согласившись с вопросом.

– А ничего мне от тебя не надо. Наоборот, предложить хочу.

– Что предложить?

– Что? Во-первых дружбу.

– Так Вы же меня не знаете. Какая же может быть дружба?

– Во! Так и знал! Сразу отодвинул на километр, снова на Вы. Молодец, – задумчиво сказал Самгин. – Не ссыкливый ты мужик, гордый. Нормальный, в общем. Как и те, про которых песни вы тут поёте. Про настоящих мужиков песни ваши и для настоящих мужиков, а не для этого... – он обвел глазами компании своих «денщиков», рассосавшихся группами по залу, – ... повидла.

– Что уж Вы так? Они тоже слушали...

– Они?! Слушали?! Хочешь на вшивость проверочку проведу, прям при тебе?

– Да не , зачем это...

– А затем. Вот я слушаю вас и понимаю – мужики! И я в душе, такой же, как те, под Иканом. И от голоса твоего дрожь по шкуре! Не мурашки, а волны бегут по телу. Зубами бы любого загрыз, встань кто на дороге в такой момент! И жизнь не жалко за друзей, что об руку с тобой бьются, положить. И трепещет всё во мне! Пусть косточки мои растащат звери по полю. Пусть! Зато дело правое живёт. А вот эти вокруг? Думаешь, друзья? Холопы они жадные, плебеи. Да вот, смотри, любуйся!

Самгин взял со стола тарелку и как будто случайно выва-

лил её на себя, на голую волосатую грудь, на колени.

– Ой, мать моя женщина! Эй, Саня, – он позвал одного из своих соседей по столу, – подь сюда, глянь, как я обделался. Черт, салат-то дорогуший, икра сплошная с орехами, ну-ка давай, слизни, что можешь. Не пропадать же добру...

Саня был рад услужить шефу, что-то собрал в тарелку, а остальное принялся слизывать с живота и коленей начальника.

Такого дерьма Ларику в жизни не приходилось видеть.

Остальные хохотали, подбадривали Саню и показывали, где ещё много осталось. Возможно, кто-то желал бы на месте Сани оказаться, так как в конце экзекуции Самгин шлёпнул Саню по заднице и, смеясь, сказал: «Вижу. В самой говенной ситуации на тебя можно положиться. Учту непременно. Иди рожу умой, а то блевану сейчас».

Саня ушел, окруженцы, хохоча и юродствуя, тоже разошлись. И только молодой парень, который вытаскивал Самгина из бассейна и чем-то его отпоил, внимательно смотрел на Ларика.

– Видел? А те, под Иканом которые бились, стали бы они пузо своему Серову облизывать? Не стали бы!! То-то! Не стали бы!

– Так и он бы такое не стал делать, – резонно возразил Ларик.

– Правильно. Не стал бы. Он в них уверен был. Жизнь за него отдадут, а лизать не станут. И я в своих уверен. Эти –

станут! И при первой же возможности спихнут меня с кресла и затопчут с удовольствием. Ты даже себе представить не можешь, какие ничтожества вами управляют.

– А Вами?

– Хоть ты и смелый, но не борзе-е-ей! Мне так вот вылизать никто не предложит. Потому что знают...

– А что же вы этих не замените?

– Легко сказать. Это извечная проблема. А где лучше-то найти? Вроде нормальный приходит, в глаза смотрит честно. А потом ... ать! И на воровстве или обмане пойман. Думаешь, почему они все лизать готовы? Да потому, что я их подноготную знаю, все их делишки. Боятся! У меня на каждого из них два тома делишек их пакостных. На страхе держаться. Только своим родным и можно доверять. Слушай! – вдруг как бы невзначай встрепенулся Самгин, – а ты, ведь, не женат. Так, может, породнимся? Ну, не красавица она у меня, но с лица не воду пить, как говорится, а темной ночью все кошки серы. И нос мне твой нравится. Забить бы эту картошку в генах этих на х*й. Надоело. Ну, как тебе?

– Вы же меня совсем не знаете, а дочь любимую готовы отдать уже...

– А мне и не надо знать ничего про тебя, я и так всё вижу. Мужики уважают. Перед должностью не гнешься, руководишь взглядом одним. Насчёт любви – хе*ня это всё полная, сказочки, басенки для девиц. Дети рождаются – перестанешь и на нос её смотреть, а всё остальное у неё, как и у

всех – вдоль. Не поперек. А прочее? Да чушь собачья всё прочее, – Самгин увлекся.

– Да не, не могу я, – Ларик лихорадочно соображал, как отвлечь неминуемого тестеньку от темы. Случайно он встретился со смеющимися глазами того парня, на конце стола. Парень выразительно, щелкнул пальцами по бутылке.

– Может выпьем, Илья Сидорович.

– А чо это ты? То – не пил, то – давай выпьем? Давай! Я никогда против не был. Тут закалка необходима. Эй, малый, налей-ка нам. Тебе водки?

– Да водки, – Ларик снова посмотрел на парня, тот, поняв игру, зажал руками горло, как будто оно у него болит и потом сел, раскинувшись, как умирающий, на кресле, и весело по-свойски улыбнулся.

– Ну, давай, за твоё здоровье, – Самгин слегка чокнулся с Лариком тонко звенящими хрустальными рюмками.

– Да, вот этого мне не помешало бы, здоровья-то, отклонение у меня, – невнятно проямлил Ларик, так ничего и не успев придумать с горлом, и опрокинул рюмку залпом, закусив солёной красной рыбой.

– Не бойсь, как говорится. Какое отклонение? Тут у нас всё схвачено. Парильщик же сказал, что ты двужильный и здоровый. Остальное – чепуха. Главное аппарат у тебя заиб*ние сплошное, вон как все оглядываются, чо ты прикрываешься? Да не смущайся ты, хрен е*учий. Пусть те смущаются. У кого нет ничего. Как ни крути, а и х*ями мы тут

меряемся. И по этой статье мы с тобой их всех тут забиваем на*уй. И «королей» бы забили, если бы они не такие впечатлительные были, – Самгин довольно заржал. – Представляешь, сразу квартирку в центре, машину. А там родит – и как по маслу. Что ни говори, а к родной пи*де привыкаешь, как к шапке ушанке – это кто-то из великих сказал. Баб тоже сможешь иметь. Только чтобы я не узнал. Не дай бог! Зашибу нах*й и тебя, и её, чтоб неповадно было мужиков чужих соблазнять.

– Да нет, не могу я, я же говорю, – Ларика посетила удачная, как ему показалось, мысль.

– Да чо ты не можешь-то?

– У меня в родне урочные, через одного, мужики были.

– Какие ещё урочные?

– Шизофреники. С виду нормальные, а по ночам иногда кузнечиков в кровати ловили вместо бабы. И проявляется, главное, это дело, когда уже женятся.

– Самгин ошарашенно вылупился на Ларика: «Ты чо несёшь? Какие кузнечики? Ты же женат не был? Откуда знаешь?»

– Так в том и дело, что не был. А что бы ты мне потом сказал, когда это вскрыется? А? И сейчас вон голова трещит, а вроде и не пил много.

– Вот видишь, честный ты. Я сразу это в людях вижу, – в голосе Самгина явно слышалась издевка. Иди к этой б*яди, ждёт, ведь, без моего приказа спать не уйдёт. Она такое

умеет! Закачаешься. С женой такого не попробуешь. Сразу от кузнечиков своих вылечишься.

– Да не. Башка трещит чо-то на самом деле, – Ларик блефовал, из последних сил стараясь быть убедительным.

– Ты чо? Перепил что ли? От такой сучёшки отказываешься – самое мясо!

– Блевать тянет чего-то, – Ларик помотал головой, его и вправду слегка поташнивало.

– Ну иди, продышись. Наблюешь ещё тут. А х*р у тебя загляденье просто. Жаль, что шизик. Я лекаря к тебе пришлю. И ты мне кончай тут, ... голова у него болит. Не баба, ведь. Деньги заплачены, отработай.

– Да ты не беспокойся, насчёт работы всё тип-топ будет, я на автопилоте. Я доведу их до конца, допоём. Не беспокойся, – Ларик был рад-не-рад, что отвязался, похоже, от непрощенного родства.

Зря он радовался, лучше бы понаблюдал, как Самгин с него прищуренных глаз не спускает, как кот, увидевший мышку в траве и не собирающийся с ней расстаться.

Отдохнувшие мужики спели ещё несколько песен, и Ларик даже слезу в глазах Самгина заметил, прикрытых рукой. Стало немного жалко его, по сути одинокого и, в общем, неглупого мужика. Ну, наглого, ну фанфаронистого. А кто без греха? И дочь тут ещё с ногами сосиской и с пороссячим пятакон...

– Ну что, пойдём на второй заход париться. Выдержит

твоя голова, или кровь пустить, как в старину делали? Эй, Витёк, – окликнул Самгин весёлого парня с конца стола, – смеряй-ка ему давление, а то, может, его в кровать уложить к девочке какой, давление снизить в банане?

– Не-не, нормальное у меня давление. Пошли в парилку.

– Да нет уж, померяем давай, а то тревожно мне за тебя что-то стало, – Самгин с большим сочувствием и издёвкой смотрел на Ларика

Витёк с непроницаемым выражением лица накинул манжету Ларику на руку и смерил давление, Самгин развернул аппарат к себе, следя за ртутным столбиком.

– Космонавт! Пошли, хлызда. Сейчас тебе все кости попереломают, я лично прикажу.

– Ничо я не хлызда, правда голова болела, – мямлил Ларик, оправдываясь и испытывая чувство стыда.

И снова его парили веником. Растирали и разминали Ларику мышцы, потом парильщик снова нежно гладил Самгина, наотрез отказываясь его сильно парить.

А потом банщик взялся за Ларика, как свирепый борец, он на нем почти прыгал, проминая каждую косточку позвоночника. Он загибал ему руки за спину так, что казалось кожа лопнет, потом он загибал ему ноги доставая пяткой почти до затылка, и руки в этот раз у парня были совсем не нежные и не ласковые, а жесткие и хватистые, как клещи, а потом он так крутил ему шею и поднимал за согнутые в локтях руки, растягивая его, что Ларику уже небо с овчинку казалось.

– Ну всё, растянул малость, заниматься надо начинать собой, постареть всегда успеешь, жаль такой генофонд губить, – весело приговаривал парильщик напоследок массируя тело, красное и горячее, унимая боль растянутых мышц и сухожилий. – Сейчас, как новорождённый себя почувствуешь, – ласково глядя его, массируя нежно кожу с пахучим маслом, почти шептал банщик.

– Всё, хватит его нежить, давай меня побалууй, только не сильно ноги задирай, старею уже, – Самгин был чем-то сердит.

После продолжительного отдыха снова «казачки» пели, снова гости подняли рюмки и произнесли несколько здравниц в честь именинника.

Ларика «сивуч» от себя не отпускал.

– Врёшь ты всё, как сивый мерин. Ни одному твоему слову не верю, хвалю, что пробуешь меня объегорить, но меня на мякине не проведёшь. Знаю я, каких кузнечиков и у кого в кровати ты ловишь. Она же старуха, да не красней, не красней, дело житейское. Зачем она тебе?

– Вы о ком? – бестолково и слабо возразил Ларик, понимая, что просто так ему такую шнягу «лепить» не будут.

– Да кончай ты со мной-то комедию ломать. Я сразу всё понял, когда она мне тебя с твоим хором сватать начала. Молодец. Двух зайчиков прихлопнуть захотела. Тебя ублажить и передо мной очков набрать. А что? Служака из неё не плохой. К цепи привычная. Я её возьму, пожалуй. А ты про неё

забудь. Я тебе гора-а-аздо лучшее предлагаю. У нас с тобой есть взаимный интерес. Ты, благодаря нашему родству, сразу – весь в шоколаде, а у меня надежный человек появится, ну, ... предположим, в культуре. Да ты и идеологию потянешь, послушал я тебя сегодня, как ты говоришь. Умеешь зазечь. Я в силе сейчас. Определяться на будущее – самая пора. Жанку выдам за тебя, сына женю на промышленности, ... нет, лучше на КГБ, там через год невеста будет готова, и всё! Никакие бури нам будут не страшны. А бури-то будут. Лёня уже не молод, пришамкивает, но пока силён. Силён! Лет десять продюжит ещё. Обрасти вам надо успеть, делами, заслугами и всем прочим тоже. А там... А черт его знает, что там будет, куда понесёт? Эти же все друг за другом почётно свалят с горизонта, прям под кремлёвскую стенку. Там только Андрон моложе их. Ну от этого ... Этот всех в кулак зажмёт и выжмет сок в свой стакан. Успеть надо, говорю. Последние годы в этом теплом болоте гремсея. Да оно, может, и к лучшему. В мутной-то воде знающим сподручнее рыбу ловить. Всё, иди, отдохни перед дорогой, светает уже. Эй! Метрдотель, нагрузите им коробок в автобус, чтоб бабам ихним угодить, на каждого загрузите.

Уезжали под утро, уже солнце где-то там приготовилось выкатиться и осветить помятые бессонной ночью физиономии «казаков». Столько петь им ещё не приходилось. Такой «Сивуч» и платить мог, и спрашивать работу тоже мог. Он один, из всех «кресложопых» крепко держался на ногах, вы-

шел проводить «курганец» с певцами, но в основном его интересовал Ларик, которого он до последнего момента приобнимал по-отечески за спину и что-то вполголоса говорил ему.

– Слышь, парень, я слов на ветер не бросаю. Сказано – сделано. На днях позвоню или машину за тобой пришлю, повод есть. Познакомлю тебя с семьёй, – Ларик дернулся, было, но рука Самгина держала его железной хваткой. – Ты не дергайся, не дергайся. Силой тебя женить я не собираюсь. Но почему тебе не использовать некоторый и довольно редкий, я тебе скажу, шанс. Понимаешь? Шанс! И для меня это тоже – шанс. Мы взаимно выгодны друг другу. Просто не горячись и осознай перспективы. Любые! Понимаешь? Любы-ые! Хочешь хор – пожалуйста. Хочешь оркестр – пожалуйста. Не хочешь? Ладно. Театр хочешь? Устроим, правда не сразу, но устроим. Но сдаётся мне, что всё это мелковато будет для тебя. Мелковато! У тебя отец – кто?

– Строитель. Начальник стройки.

– Где?

– В Казахстане. На целине.

– Ну вот! Видишь? Героический у тебя отец. Гены у тебя нормальные. Ему тоже должность правильную соорудим. А мать?

– Музыкант. Концертмейстер.

– Ну, вот же! Вот ей всякая музыка-хумузыка подойдёт. Самое то для женщины. Организуем. А ты птица другого

полёта. Я тебя вижу. Короче, до скорой встречи, сынок, – «сынок» прозвучало уж совсем издевательски. – Ладно, пару часов расслабиться надо. Зря ты с этой су*кой не отдохнул, чувствовал бы себя, как огурец сейчас. Кстати, захвати-те с собой до города Витька моего. Чо машину зря гонять? Пацан у него приболел чо-то. Потом обратно приедет, когда проснусь.

В «курганец» зашел тот весёлый парень, с которым Ларик переглядывался за столом, подсел сразу к Ларику. Домой «курганец» ехал быстро, устало тархтя стареньким мотором.

– Ты чего мне на горло показывал? – тихо и по-свойски спросил парня Ларик.

– Я тебе на аллергию намекал, что приступ удушья, мол, выйти на воздух надо, мол. Это на взгляд не определяется, пока совсем не посинеешь.

– А-а. Не слышал о таком.

– Вот и хорошо, что не слышал. Что? Сватал, небось?

– Как догадался?

– Так больно уж он сливочный с тобой. Непривычно. Только в оба гляди тут. Дочка его, ой, непростая штучка.

– А ты почему мне об этом говоришь? Впервые видишь – и говоришь такое.

– А я сразу в людях разбираюсь. Психиатр по образованию, – парень ухмыльнулся. – Чтобы тут работать, надо всё и вовремя просекать. Предвидеть, одним словом. А ты, пока

не научишься, или если надо удочки по-быстрому смотать, – пеняй на аллергию. Никто про это пока не знает точно ничего, любой симптом пройдёт, как по маслу. От неуёмного чиханья или насморка, до полной потери памяти, – парень рассмеялся. – Ну, бывай, казак! Здорово вы поёте, никогда такого не слышал. Вот, возьми на всякий пожарный, визитка. Телефон домашний. Проконсультирую, если припрёт какая болячка.

– Да никакой я не казак, так, примазываюсь, – улыбнулся Ларик Витьку, попросившему остановить автобус у обочины. Визитку Ларик впервые видел и держал в руках.

Она пригодилась ему очень скоро.

Глава 14. Принцесса

Через неделю Леон вызвал Ларика с репетиции оркестра и кивнул на снятую телефонную трубку: «Тебя. Самгин.»

– Привет, казак.

– Здравствуйте, Илья Сидорыч.

– Узнал? Ну и славно. У меня тут вечерок приватный намечается в «Уральских пельменях». Знаешь это кафе? Недавно открыли, злачное местечко. Пельмени с медвежатиной ел?

– Нет. С медвежатиной не ел.

– Вот и попробуешь. Отказа не принимаю, у дочки моей день рождения, понимаешь. Хочется девчонку порадовать. Я тебя с хором приглашаю, ну, это,... без бассейнов в этот раз. Чинно и благородно...

– Это не я один решаю....

– Так понятно, я всё понял, что у тебя там железная демократия. Разумеется, посоветуйся. Только учти, что я поименные приглашения вам всем выслал, у начальника твоего лежат. Фамилия у него какая-то... каменная...

– Воротов?

– Во-во, он самый. Возьми, раздай кому выслал и, прошу тебя, утешь меня, старика. Оплата достойная. По сто на нос. И только до одиннадцати. Пойдёт?

– Я спрошу, но вообще-то деньки горячие. Некоторых и

совсем тут нет, на полевых станах уже.

– На «нет» и суда нет. Меня и пять человек устроят. Завтра отзвонись. Телефон у начальника возьми. До встречи, Илларион Николаевич, – трубка загудела.

– И что? Опять в бассейн? – Леон ухмыльнулся.

– Чего ты ухмыляешься?

– Да я ничего. Моё дело было позвать.

– И кто про этот бассейн растрепался? – Ларик был на взводе.

– Да никто, собственно. Так шепотом между собой высокие власти обсуждают. Вслух боятся. Да и жен боятся. Те их совсем никуда пускать не будут, и останутся у тебя только пацаны, холостые да неженатые. Где басы и баритоны брать будешь? – Леон добродушно улыбался.

– Не твоя забота, Леон Сергеевич, за молодежь переживать. Ты бы себе в друзья и подруги кого постарше бы нашел.

– Так у меня в клубе разные возраста обитают. Каждому по потребностям. Не запретишь.

– Ну-ну. И хватит молодежи подарки дарить. Книги твои уже в комнате не помещаются, хожу, спотыкаюсь.

– Ладно, – задумчиво сказал Леон, – исправимся.

Деньги могут не всё, но многое.

Хоть и в ограниченном количестве, но в «Уральские пельмени» хор поехал. Молодёжь в основном. Строгин, Лавров и Мятлев дома остались. Жены и на деньги не клюнули. Другие сами не захотели. Наметился очевидный разброд в рядах.

Видно, тема с бассейном откуда-то просочилась-таки.

И про баньку ту, и про события в ней тоже, разговоры смутно бродили в народе. Даже неугомонная бабушка Марфа с какой-то подначкой спросила у Ларика: «Я, чай, баню-то там жарко топят, раз столько народа в ней зараз успевают попариться?» – Ларик предпочел тему эту замять для ясности, тем более, что и Настя тут сидела и смотрела на него своими глазищами, задумчиво теребя выбившуюся из косы прядку.

В этот раз было бы всё действительно чинно и благородно, если бы не сама именинница. Она сидела справа от отца. А справа от неё сидела её мать.

– Всё-таки порознь их надо было посадить. Растушевать в толпе породу, – подумал про себя Ларик, которого усадили как раз напротив них. Всё, что рассказывал Самгин про свою семью, было правдой. И сын красавчик, весь в отца, окруженный девушками, и жена, и дочь. Ничего особенного, собственно. Такие лица сплошь и рядом в мультиках рисуют, подчеркивая сугубо «русскость» и хамоватую народность отрицательного персонажа.

Хор справлялся со своей работой, вперемежку с солисткой кафе для вечерней программы, поддерживаемый оркестром этого заведения. Ларик в этот раз был намеренно дистанцирован от своих, и из-за этого чувствовал себя крайне паршиво. И особенную паршивость добавляла присутствующая здесь в качестве гостьи Ольга Павловна. Она, напротив,

была рада их встрече, приветливо поздоровалась и не отводила глаза, но и не искала его взгляда. Но даже Ларику, далёкому в общем-то от подковёрных интриг и схваток, достало ума почувствовать, что за этим ласково искрящимся взглядом обиженной им женщины, торчит, как минимум, острый стилет. Тонкий и опасный. Чувства чувствами, но что она могла противопоставить Самгину? Это Ларик тоже уже понял, кто здесь «в доме» хозяин, и кто в руке держит хлыст, если что. «К цепи привычная», – эти слова полупьяного «сивуча» всё и сразу расставляли по своим местам.

– И зачем он её-то пригласил, раз знает подноготную? Меня что ли проверить? Ладно. Проверимся.

Как всегда за столом произносились тосты за здоровье именинницы, родителей, при этом тостующие вытаскивали, кто откуда, коробки, красивые свёртки с бантами и одаривали ими Жанну, Жанночку, как ласково называл её отец. Мать называла её Жаннетой.

Стол был обильным, и вкусным тут было всё. Только было очень жаль медведей, из которых обещали сделать пельмени, это портило Ларику аппетит значительно: «Настюха вообще бы отказалась это есть, скорее всего. Она и над курицами готова была рыдать, когда я им головы рубил», – Ларик усмехнулся, вспомнив, как Настя в первый раз, когда сварили лапшу из свежезарубленного молодого петуха отодвинула от себя тарелку. Потом привыкла. В доме обычно одно главное блюдо готовили.

– Чем, интересно, она сегодня занимается? Леон нас обо-
гнал, когда нас сюда везли, так что она точно дома, не в биб-
лиотеке его. Что-то часто он в город ездить стал? Нет, пра-
вильно я его обрезал, хватит Настюшку подарками и бутер-
бродами завлекать. Просто так не может, – так этак подъез-
жает, козёл старый! – Ларик почти рассвирепел. И сам себя
остановил, подумав, что слишком часто он на Настю сердит-
ся, аж желваки опять заболели.

– Можно Вас пригласить на Белый танец, Илларион Нико-
лаевич? – перед ним стояла Ольга Павловна в почти прозрач-
ной нейлоновой кофточке дымчатого цвета с бантом изящ-
но-небрежно завязанным и перекинутым через плечо.

– На белый?

– Ну да, объявили Белый танец. Вы что не слышали?

– Да нет... что-то задумался... – Ларик понял, что ему
сейчас не отвертеться, как на той неделе, когда он просто
трусливо спрятался в кустах, увидев, как к зданию клуба
подъехала её машина. И довольно долго он шкерился там на
скамеечке для доминошников, укромно запрятанной от глаз
жен и матерей. Там же иногда мужики собирались, чтобы
шкалик «раздавить».

Ольга Павловна вышла тогда из клуба сердитой, и одна,
видимо искала его, а потом вдруг резко оживилась и пошла,
вслед за вышедшей из школы Настюхой, направлявшейся в
магазин. Пришлось и это переждать. Ларик не считал себя
должным ей. Он же и по факту ничего не помнил. А вот она

его честь задела. Первым этажом храма. Ну, ничего, тоже наука впредь. Леон, обидно поржав, выдал ему книжку всего на неделю. Там не было храма Кхаджурахо. Там было больше. Но откуда он такой бестселлер, гадство, выкопал? За такую книжонку Ларик бы многое отдал бы. Но не переписывать же? Пришлось заучивать, просто логически развивать тему, но проходить эту тему с Ольгой Павловной он не был согласен. Ни за какие «преференции», как она говорила.

Потом Ольга Павловна вышла из магазина с Настей и, тепло с ней попрощавшись, уехала, со свёртком в руках.

А между тем жительница села, Анька из бухгалтерии, ехавшая в тот день вслед за машиной Ольги Павловны Чернобуркиной, – как её обзывали в селе с самого начала её появления здесь, в клубе, – в коляске мужниного мотоцикла с удивлением увидела, как из машины впереди высунулась женская рука и швырнула какой-то свёрток на обочину в траву. После этого машина прибавила ходу и скрылась в клубах пыли.

– Ну и хорошо, не увидит хоть. Чо это такое там? – Анька, тормознув мужа, бодро выскочила из коляски и подобрала свёрток. В нём лежал новёхонький халатик, такие только на той неделе в магазин привезли. Все женщины ходили, смотрели да облизывались. До получки ещё неделя, а тут одиннадцать рублей выложить надо. Привалила Аньке удача. Никто не видел. И назавтра Анька на работу в новом халатике

пришла. Первая купила!

И вот теперь Ольга Павловна стояла перед Лариком, ослепительная в такой модной кофточке, и ласково смотрела на него, как на нашкодившего мальчишку.

– Пойдём, пойдём. Даме нельзя отказывать. Это пошлый моветон.

– Что-что?

– Ничего. Пойдём танцевать, невозможно столько неподвижно сидеть за столом. Я вижу, ты тут ко двору пришелся?

– Да я просто...

– Тут просто ничего не бывает. Ты с Жанночкой-то познакомился?

– Ну, ... да... здоровался. Цветы подарил.

– Цветы? Какие цветы?

– Так в огороде у нас много всяких..

– Нет, ты положительно неподражаем! Цветы из огорода для дочери первого зама! А может ты ещё что-нибудь в середину букета положил? А?

– А что туда можно положить? Выпадет же?

– Нет. Ты прелесть! Но может быть именно это ей и понравится. Она у нас девушка оригинальная! Только что волосы в зелёный цвет не красит.

– Волосы в зелёный?!

– Ну да. Это для хиппи нормально.

– Она – хиппи? – Ларик знал, кто такие хиппи. Иногда он

слушал там, на юге, пластинки из рентгеновских снимков с музыкой этих хиппи. Кое-что было интересным.

– Тем не менее, она неплохая девочка. Только травку курит.

– Какую травку?

– Какую? Ты и правда, не знаешь? Все хиппи курят травку. Марихуану или опиум, или... героин.

– А это что такое?

– Героин? Раньше это было лекарством от кашля, детям давали, чтобы кашель унять. А потом обнаружили, что это сильнейший галлюциноген. Смертельный собственно, – Ольга Павловна умолчала, что такими сведениями про героин её обогатил в своё время Лёнчик.

– И что? Она курит эту травку-героин?

– Это уже не курят. Это в вену себе вкачивают и так потихоньку себя убивают, находясь в грёзах.

– Но это же – глупость?

– Первая доза – обычно глупость, интерес. А потом это превращается в жесткую зависимость.

– Ну... можно же лечиться?

– Это не лечится, если человек сам не захочет избавиться от такого ига.

– А ты откуда это всё знаешь? Такими вещами обычно не делятся.

– Разумеется. Не делятся. Но если бы я этого всего не знала, я давно бы работала какой-нибудь секретуткой, в ка-

ком-нибудь Мухосранске. А я скоро буду работать в Обкоме партии, переводят.

– Поздравляю.

– Мм. Поздравляешь. А что же ты мне не позвонишь, как старому другу? Забыл всё?

– Ольга Павловна...

– Мы на «ты», просто – Оля. – Синицына жестко вцепилась ему в плечи.

– Хорошо. Оля, всё кончено.

– Кончено? Вот, оказывается, как... Ты случайно не влюблён?

– Случайно... да, влюблён.

– Мм. В эту твою падчерицу, или как она там называется?

– Просто квартирантка.

– Ясно. Ну, слава богу, кончилась эта идиотская музыка, – Ольга Павловна с раздражением прошипела: «До моего места меня проводи. Не показывай тут всем, что ты валенок неотёсанный!» – Ларик, идя сзади, слегка поддерживал улыбающуюся Ольгу Павловну под локоть. И только яркие красные пятна на её шее выдавали истинный результат их общения. Самгин довольно усмехнулся: «Выдержал экзамен «сын-ок», распотрошил козу драную».

Ларик сел на своё место и, не зная чем заняться, потянулся к тарелке с какими-то гадами морскими, креветки среди них он точно углядел. А когда ставил блюдо на место, неожиданно встретился глазами с глазами Жанны, иронично скри-

вившей губы и смеющейся. Он тоже неловко улыбнулся в ответ, именинница, всё-таки, неудобно не ответить. Невольно перевел глаза на «Сивуча», тот откровенно сморщился в издевательской ухмылке, но вдруг неожиданно подмигнул ему, чуть заметно качнув головой в сторону дочери. Ларик не понял: «Чего он тут раскивался?» И вдруг Самгин повертел пальцем над головой дочери и кивнул на тацпол : «Приглашай, мол, чего тянешь?»

Ларик уткнулся в тарелку, выковыривая креветок и мысленно матерясь на себя самого: «Вот х*ли ты сюда за*бался? Теперь плати, уё*ок!»

Приглашать Жанну-Жанночку-Жаннету ему совсем не хотелось. Выглядела она высокомерной барышней в дурацких длинных бабских белых бусах завязанных на груди узлом и в чёрном бархатном платье.

– Какая она, нафиг, хиппи? Запаковалась в черное. Думает это её стройнее сделает? Ага, сейчас. Все складки наружу. Элька недаром говорила, что светлое любой недостаток скроет. Вон Настюха, какой королевой была на выпускном. А казалась тощей козявочкой сначала.

Но решение надо было принимать и соответствовать правилам игры. Или свои тут установить, если сможешь. Назвался груздем – не топись в луже...

С первыми аккордами оркестра Ларик, вытерев салфеткой рот, решительно поднялся и направился в обход стола к имениннице. Гости ещё только «вилки разминали» и тан-

цевать выходили немногие. Он точно будет у всех на виду. Взглядом окинул ослабившихся «казаков» и незаметно показал им кулак, отчего они, фыркая и смеясь, сразу уткнулись в тарелки за своим столиком, сервированном отдельно, ближе к оркестру.

Ларик крыл себя трёхэтажным, чувствовал, что даже походка у него нервная стала, дерганая, но разобраться раз и навсегда с этим вопросом было необходимо.

– Хоть бы отказалась танцевать, что-ли? – тоскливо, как перед казнью, подумалось ему. А язык уже сам выговорил: «Разрешите Вас пригласить?»

Жанна оглянулась и вдруг улыбнулась: «Пойдём. Я тут у тебя спросить хотела... – последние слова дочери «Сивуч» не услышал. Но её улыбка говорила ему: «Не даром папка для дочки старался. Недаром!» – Самгин, не дожидаясь востепенувшегося официанта, налил себе сам и залпом выпил стопку конька и не стал закусывать: «Может, пойдёт дело? Обмою-ка я его по-хорошему».

– Ты что хотела спросить? – Ларик решил сходу перейти на «ты».

– У меня два вопроса, – Жанна улыбнулась. – Можно?

– Валяй.

– Слушай, ты где купил такой букет? Вон на столике сзади меня стоит. Твой же?

– Мой. А я не покупал, я его в огороде нарвал, – Ларик и сам видел, что его незамысловатый букет разительно отли-

чается от остальных, пышных, подобранных по цвету и сортам, по высоте и ширине, помпезным и точно дорогим. – А что? Не нравится? Но я от души, сам и рвал.

– Да наоборот! Нравится! Он настоящий. А у тебя что, и огород есть?

– А что тут такого? И огород, и двор, и коровник, и куры – всё есть. Мы же из деревни. Мне нравится. Яички свежие, творожок, курочка опять же свежеоципанная.

– А кто её колет и ощипывает?

– Кто? У кого время есть. Тот и ощипывает. А колю я.

– Ножом?

– Почему ножом-то? Топориком. Бац – и всё! А тебе что, не нравится такое живодерство? – Ларик провоцировал, но не очень удачно. Этого его: «топориком» – только разожгло к нему интерес.

– Почему живодерство? Необходимость. Нам домой таких же привозят. Из деревни, свеженьких, опаленных, и яйца, и творог. Вот цветов не привозили пока таких, – Жанна обернулась на букет, потом посмотрела на Ларика и весело захохотала. – Непременно теперь заказывать буду.

– Зачем?

– Ну... понравился мне очень твой букет. Я его домой возьму.

– А остальные?

– Остальные? А я их здесь оставлю, обслуге. Пусть, что хотят, то и делают с ними. Вообще я сорванных цветов не

люблю.

– Почему?

– Не люблю смотреть, как они увядают медленно и неотвратно, и уже ничего сделать для них нельзя, – Ларик почти вздрогнул: «Это же почти слова Леона. Как подслушала, или с языка сняла».

– Ну, а второй твой вопрос? – Ларик смотрел на эту пампушку, которая, впрочем, легко и послушно шла за ним в этом импровизированном и неловко-смешном «танго с перетаптыванием» на глазах у всех гостей. Танцевать Ларик по большому счёту не умел совсем. Чьи-то глаза просто прожигали Ларику затылок. Он был чувствителен к таким вещам, «как индус», говорил об этом феномене Леон. Почему индус, Ларик так и не успел у того выяснить. Он предполагал, что это сверлит его взглядом Ольга Павловна. Про себя он упорно продолжал называть её по имени-отчеству

– Второй? А почему ты музыкой именно стал заниматься?

– А тебе не понравилось, как мои «казачки» поют?

– Понравилось, конечно. Хорошо поют.

– Так в чём дело, что за вопрос?

– И что? Это предел твоих желаний?

– У-у-у! – подумал уныло Ларик, – дочь своего отца, яблоко от яблони... а вслух сказал: «А мне нравится. Когда получается нужный звук, кожа мурашками покрывается. У тебя не покрывается?» – Жанна неопределённо пожала плечами.

– Даже не знаю. А! Вот, когда Гимн пели в детстве, тоже

покрывалась. Когда про маленькую ёлочку пели, которой холодно зимой. Помнишь? – Жанна снизу вверх с неуверенной детской наивной улыбкой смотрела на него

– Да, конечно. У меня мама учительницей музыки была, мы с сестрой много пели и слушали всякого. И мурашки по мне бегали часто, – Ларик засмеялся такому милому воспоминанию. – Мне мать всегда говорила, что музыкант – это врач души. Понимаешь? – Ларика понесло, он это понял. но останавливаться не хотел, лучше уж о музыке говорить. – Музыка – это универсальный язык между людьми. Всем всё понятно, когда слушают музыку. С самой увертюры всё понятно в основном. И потом, даже если слова не понимают, и то, более-менее, понятно. Слова только мешают иногда. В балете же нет слов? И всё понятно. С самой увертюры всё понятно тому, кто чувствует музыку, – повторил Ларик. – И вообще музыка конкурент массажу лечебному, – такой же эффект. Мурашки! Удовольствие! Чистое эпикурейство!

– Увертюры? Что это?

– Ну, это как бы пролог музыкальный, предисловие музыкальное. Понимаешь?

– Понимаю, – Жанна как-то съёжилась и тоскливо спросила: «Ты не находишь, что детство – это лучшее время в жизни человека? Увертюра, как бы?»

– Лучшее? Может, самое беззаботное? В каждом возрасте есть своё хорошее...

Танец, между тем, кончился. Увлеченные разговором, Ла-

рик и девушка не сразу остановились. Это не ускользнуло от внимания некоторых. Наученный Ольгой, Ларик чопорно довел партнершу до её места и вернулся к своей тарелке. Он так и не успел поесть, как следует. Да и в этот раз тоже не успел, ведущий сразу объявил их выступление.

Репертуар Ларик специально подобрал из шуточных и просто красивых песен. Ни к чему нагружать нарядных празднично одетых гостей песнями, заставляющими плакать или тяжело вздыхать от невыразимого сочувствия тем, кто сложил когда-то эти песни душой, изрезанной в кровавые лохмотья.

Жанна сидела, не поднимая глаз от стола, задумчиво постукивая вилкой по краю тарелки, только бусы с её шеи куда-то исчезли. Её песни не смешили и, казалось, она вообще не слушает «казачков» с Лариком во главе.

– Нервная вся какая-то, – подумал Ларик и тут же забыл о ней, оглянувшись на обжигающий его затылок взгляд. Но Ольга Павловна сидела к нему спиной, увлеченная беседой с соседом по столу.

– Черт! И я тоже уже нервный. Вот нафига я сюда приехать согласился? Ясно же, что она мне не пара, от слова «совсем». Скучная, и вообще... вся в мать.

Между тем, за столом возникал и становился всё оживлённее «сытый» шум, завязывались разговоры между соседями, ведущий что-то пытался рассказывать и смешить, получалось это всё у него замученно и не смешно, пока Самгин

не махнул тому рукой, «уймись», мол.

Ларик ел, переглядываясь со своими, и видел поднятые вверх большие пальцы, жратва ребятам явно нравилась. Отворачиваясь от них с улыбкой, он опять встретил взгляд Жанны, упертый прямо в него.

Он вздернул головой слегка: «Чего?» – мол. Но она отвернулась и сделала вид, что увлечена разговором соседней. Он вытер салфеткой рот и стал слушать, о чём это тут говорят солидные люди, стараясь не встречаться взглядом с Сивучем. Не собирался Ларик играть под его дудку. Мало ли, что тому в голову взбрёт?

– Нет, вот вы подумайте! – уверенно воскликнул толстенький подвижный мужичок, захватывая внимание сидящих с ним рядом. – Вот Бог мог сразу сделать мужика просто счастливым. Дать ему... футбол, ружьё пятизарядное, автомобиль, водочку, табачок-с хороший... Так нет! Дал он ему бабу. И вот зачем он её дал ему? Вот вопрос? А? Нет, первые года два – это ещё ничего. Пойдёт. Ну, а потом? Всё! Вместо животика – брюхо... – мужичок явно не в меру распалился, выговаривал накипевшее, даром что в коньяке его никто не ограничивал, – ... вместо прически – патлы-хвостики, вместо прогулок под луной – пелёнки, каши, потом ещё горшки-какашки. И только у тебя настроение возникнет – так у неё сразу, прям, голова болеть начинает? Вот и начинаешь маяться между «хочу жить по-человечески» и партбюро.

– Жены рядом у мужика точно нет, не развязывался бы так язык, – подумал Ларик, разжевывая очередную мидию, что-то в этих мидиях, всё-таки, было.

– А вы никогда не задумывались, что то, как выглядит Ваша жена, как она ведёт себя в постели, – это полное отражение Вашего личного стиля и возможностей? Вы уверены, что с другим у неё так же бы голова болела? – все замерли, это говорила громко и настойчиво Жанна. Ларик её не узнал: щёки разгорелись румянцем, глаза пылали негодованием, она подалась вперёд, – и не похоже было, что она собирается отступать перед этим недоделком, похожим на мужчину.

– Жанночка, да Сергей Степаныч пошутил. Что ты такая сердитая? – её мать поглаживала дочь по плечу, успокаивая такую внезапную вспышку.

– Я не сердитая, я не могу улыбаться всякой пошлости, не считаю это возможным. И ваша Людмила Васильевна однажды... А, кстати, Вы знаете вьетнамскую провинцию Кху Ям, не бывали там?

– Нет, не имел удовольствия там бывать, – Сергей Степаныч был явно ущемлён и испуган.

– Ну, вот и побываете. Однажды Ваша Людмила Васильевна от всего сердца пошлёт Вас туда, Кху Ям!!! – все замерли, а потом вслед за Самгиным разразились громовым хохотом. Жанна даже не улыбнулась. Ларик понял, что представление сегодня только начинается.

– А я помогу, – сквозь хохот простонал Самгин. – Но ты

тоже, понимаешь, распосылалась...

– А разве это – неправильно?

– Да правильно, правильно, мужчины не ценят... – послышался примирительный женский гомон со всех сторон.

– Да, дерзости тебе не занимать, была бы ты мужиком – цены бы тебе не было, дочурка, – Самгин утирался салфеткой.

– А я и так бесценная для кого-то. И не дерзкая, а в обиду себя не даю, и слов одалживать не собираюсь. «Всегда готова», как пионеры говорят, – Жанна спокойно откинулась на спинку стула, прищуриив недобро глаза.

– И чего это с ней? Как с цепи сорвалась? – Ларик, пользуясь паузой, насыщался всякими вкусняшками.

Снова заиграла музыка. Чтобы прервать неудобный инцидент, все пошли танцевать, а толстенький Сергей Степаныч затерялся где-то в толпе, подальше от внезапно разъярившейся дочери Первого зама, от греха подальше, как говорится.

– Илларион, пойдём танцевать, – махнула Ларику Жанна, весело улыбаясь.

– Ага, я сейчас, – Ларик на ходу допил стакан газировки.

Всё становилось простым, обычным, как везде, если не считать осетра, огромного, на огромном подносе, торжественно вносимом в этот момент к столу. Все почтительно расступились перед осетром, даже запечённый он был великолепен на своей собственной тризне.

– Слушай, это, прям, торжественные похороны осетра. И сейчас его сожрут. А вот встретились бы с ним в воде – точно бы в плавки наложили! – Жанна чему-то язвительно улыбнулась.

– Ты чего такая злая? – Ларик попытался пошутить.

– Я не злая. Просто это мне очень напоминает, как хоронят какую-нибудь «шишку». Столько помпы! А потом все косточки обсосут, обгложут и выбросят. Да и есть за что.

– Не, ты определённо не в духе. У тебя же юбилей? Радуйся!

– Чему, интересно?

– Как, чему? Всему. Погода хорошая, гостей куча, подарки, наверное, клёвые, музыка.

– И ты считаешь, что этого для счастья достаточно?

– Само собой. Папаша же у тебя тут за главного...

– А я сама?

– А что – ты? Всё у тебя нормально. Вон кавалеры в ряд сидят, и сразу с родителями, для благословения под венец, – Ларик ухмыльнулся.

– А они мне нужны?

– Ну, знаешь... у кого-то и сотой доли нет того, что есть у тебя.

– Ты завидуешь, что ли? С таким... восхищением... всю эту чушь перебираешь?

– Я?! И не думал даже... но...

– Так. Остановись. Ты знаешь, для чего мой отец тебя сю-

да затащил?

– Конечно. Он от нашего хора тащится. Жаль, ты не слышала его в полном составе...

– Да не дури ты. Очень ему ваш хор нужен. Там на заимке своей, в пьяной компании – может быть. А тут нафига он ему? И у тебя глаза бегают, как я погляжу. Он тебе посодействовать хотел, как я думаю. Он может. Хочешь содействия?

– Не думал. Обхожусь своими силами спокойно.

– А-а. Не согласен, значит, жениться на мне? – Ларик растерялся от такой прямой атаки. – А что? Я девушка образованная, даже слишком. Представляешь, у меня природная грамотность. Пишу вообще без ошибок. Училась всегда хорошо.

О биографии... если кратко: всё было, всё видела. Удивить трудно. Характер? Хороший у меня характер. Абсолютно сложившийся. Цинизм, по мнению некоторых, зашкаливает. А по моему мнению – это высокая потребность называть вещи своими именами, для краткости. Матершинность повышенная. Выбираю принципиально, чтобы невозможно было извратить смысл сказанного мной. Когда другие говорят: «всё, что ни делается – к лучшему», я говорю просто: «Полный пи*дец, надо всё начинать сначала». Уверена, что я при этом – точнее. Кажусь весёлой и простой, но при ближайшем контакте могу укусить сильно больно. Соображаю хорошо, особенно в экономике, в моей специальности, так сказать. Я же от нечего делать институт экстерном окончила.

С красненьким дипломчиком. И это – не папочкина заслуга. Это – мой первый рекорд. Вынужденный. Чтобы стать быстрее независимой. Предрекаю глобальную экономическую катастрофу, и вслед за ней политическую, вплоть до разрушения всех политконстант, если и дальше так руководить нами будут недоумки, старперы свихнувшиеся.

– Что-что? Каких политконстант ещё?

– Простых. До разрушения политического строя и развала страны. Понятно теперь?

– Жанна, ты что?! – Ларик постарался вывести её за круг танцующих. Ему, честно говоря, было не по себе слышать эту крамолу.

– Да не бойся. Меня тут за психопатку считают. Я в психушке полгода лежала. Так что спишут, если что. Ну, продолжим знакомство с экспонатом? – Жанна насмешливо взглянула на него и весело продолжила: «Ну так вот. Знаю два языка. Нет, четыре! Четыре же! Вот балда! Русский, английский, как водится в лучших домах, немецкий – это для работы надо, и матерный. Сварлива. Люблю пожрать. Поэтому такая толстая, но мне плевать, мою красоту уже невозможно испортить. Но... тут я ни при чём. Претензии к производителям. Что-то не так произошло при осеменении породистой девчонки.

– Жан...

– Да не перебивай ты меня. Не видишь? Я в азарт вошла... так вот. Приручать меня – не советую. Прилипчива и влюб-

чива. Видимо на почве неискоренимых комплексов. Зависимости? До фиги всяких. Борюсь. Курить почти бросила, врут всё. Ничерта не худеется. Выпить иногда могу до потери ориентиров, но всё помню, при этом всем леплю всё в глаза. Говно называю говном, а офигительного мужика сразу стараюсь прибрать к рукам, и говорю ему, что он – офигительный. В основном пугаются. Хотя были и смелые офигяшки. Были. Ты смелый?

– Понятия не имею.

– Но ты не говно. Ты жук лапчатый. Стараешься проплыть между Сциллой и Харибдой и при этом целеньким остаться? Не получится, сразу предупреждаю.

– Не придумывай. Я не жук. И я всё сразу твоему отцу сказал... про себя.

– Что? Очень я некрасивая?

– Да перестань...

– Нет, ты же – не говно? Вот и скажи мне правду в глаза.

– Да, ты не красавица, но вполне допустимый вариант наружности. Бывают гораздо хуже...

– Вот! Спасибо тебе. Теперь верю, – она иронично скривилась, Ларик смутился от неловкой оговорки

– Жанна, ты пойми, дело же не в форме глаз, кстати, у тебя они очень умные и проницательные, и не в форме... – она не дала ему закончить и почти воскликнула: «носа, Илларион, носа и ног ещё. Абсолютные сардельки с толстыми лодыжками. Видишь? – Жанна приподняла край своего чер-

ного платья из тяжелого бархата. – И жопа ещё! Всем жопам жопа. Как у маменьки, куда деваться?»

– Кстати, а чего это ты в черный бархат залезла? Он же старит? – Ларик попытался стащить её с опасной темы.

– Это не я залезла. Это меня портниха мамочкина в него засунула, чтоб худило, значит.

– А ты смени портниху, тебе же всё по карману.

– Это да, по папиному карману мне всё доступно. А за-чем? Кому я понравлюсь, как человек – это же главное – тот и такую меня полюбит. Разве нет?

– Согласен. И вообще любят не за красоту?

– А за что же мужчины молодые любят?

– Красоту не любят, её жаждут, красота завораживает, парализует. А любят? – Ларик замолчал, раздумывая, как бы правильное высказать свои мысли. – Любят завитушки на шее, поворот головы, смех, характер тела, как человек двигается и как говорит. Ты очень умная и смелая, Жанка, таких мужики любят. Женщины с чувством юмора – наперечёт, вообще. Это глубже красоты, сильнее.

– То есть, ты меня смог бы полюбить?

– Я?! – Ларик растерялся перед такой прямоотой вопроса. Когда-то Николай учил его, что умный настоящий мужик самое неприятное всегда облекает и переводит в милую форму дружелюбия и симпатии и добивается того, чтобы, «если что», дама от него сама отказалась, чтобы «победа» была за ней, даже «репарацию» некоторую можно выплатить.

– Ну, не я же. Ну-ну? Я жду.

– Кстати, зря ты себя так не любишь, ты же этим настораживаешь собеседников. На самом деле у тебя отличное чувство юмора и четкие мозги. Они – вообще на вес золота.

– Ну, так поэтому ты мне и ответь: смог бы, или не смог бы?

– На свете нет ничего невозможного. У тебя отец – красавец. Мать – ну, не красавица. Но он её любит. И тебя кто-нибудь....

– Да-а-а! Умеешь ты горькую правду приятными словами излагать. Но... всё-то ты путаешь, Илларион. Он её не любит. Он без неё жить не может, потому что без неё он не смог бы править. Мать у меня умная. А в свете того, что отец убеждён, что тут главный он, она ещё и мудрая. И, кстати, живёт она счастливо, сама по себе. Не удивлюсь, если у неё где-нибудь бойфренд молодой и брутальный есть. Видел там тёлочку в баньке?

– Жанна?

– Видел, значит. Так вот, ей это всё по барабану. Захотела бы она – там институт благородных юношей в бане мылся бы прохладной водой во главе с папашей. Ей нравится быть дрессировщицей всяких козлов, и папочки в первую очередь. А телки ей обо всём докладывают, сама слышала. Ну, подслушала однажды, короче. Он ей дома тапочки в зубах приносит. Это тут... развалился... Мне, кстати, тоже нравится дрессировать некоторых. Хочешь, покажу?

– Не... мне это не интересно. И я – не дрессируюсь. Тебе со мной скучно будет.

– А это мы ещё посмотрим. Может и понравится? – Жанна многозначительно скривила в жесткой гримаске лицо.

Музыка закончилась, танцевавшие пары расходились по своим местам. Снова начали произносить тосты, теперь всё больше за родителей.

Ларик с любопытством, незаметно для окружающих, стал рассматривать родителей Жанны. Интересное мнение у неё было о своих родителях. Но самым интересным было то, как у него изменился вдруг взгляд на всё происходящее. Он стал замечать, как сказав что-нибудь, «Сивуч» тот час же оглядывается на жену, ловя выражение её лица, и как она иногда одобрительно хмыкает, даже не оборачиваясь на него, и он расцветает, или она едва заметно сводит брови, и он виновато покашливая, смолкает, исчезая на некоторое время с авансены. Только сейчас Ларик заметил, как ей целуют ручку те, кто там, в бассейне, корчили из себя запанибрата с «Сивучем», как к ней подходят иногда дамы, прижимаясь к щечке, что-то шепчут на ухо, как королеве, которой непременно нужно доложить о чём-то. И она их снисходительно выслушивает, иногда морщится брезгливо, иногда нехотя бросает что-то в ответ.

– Да, не просто тут у них, того и гляди, что укусят или стеганут чем. Положение, видно, повязывает всех в один венник, – Ларик отвернулся.

«Казачки» снова отработали два номера, кто-то из гостей даже начал в хоровод становиться, взмахивать руками, ухать и вилять задницами. Тот русский дух, пронизывающий юную графиню Ростову, о котором так поэтично написал Толстой, и тут тоже всех пронзил, только не так эстетично. Ларик уже невольно замечал, что по повелению одного пальчика Зои Григорьевны тотчас наполнялись фужеры и рюмки, и «Сивуч» тут же непременно заставлял кого-нибудь произносить тост, все чокались, выпивали дружно и всё более хмелели, тоже дружно. Это, в общем, было похоже на чистой воды спаивание гостей всех мастей. При этом дирижерша лишь пригубливала свой фужер, внимательно оглядывая поле боя с бутылками. Ларику не наливали только потому, что «Сивуч» сразу предупредил официантов об особом госте за столом. Ларик уже не раз ловил на себе внимательно-ироничный взгляд Зои Григорьевны и любопытные взгляды гостей.

– Смотрит, как рентгеном своим просвечивает. Не ужмёшься. Ну и фиг с ней, пусть смотрит, мне с ней не детей крестить, – беззаботно подумал Ларик и чуть не поперхнулся. – Черт, да меня же именно за этим и позвали сюда. И уж эта-то дама точно знает, почему это я тут их осетра ем. Нет, надо эту канитель как-то кончать. Леон прав: «Подальше, подальше, целее будешь».

Снова заиграла танцевальная музыка, на этот раз Жанна вдруг весело стала поднимать молодых людей, приглашенных видимо её мамашей, в качестве почетного показатель-

ного эскорта дочери, и вытаскивать их на середину.

Вытащили и поставили несколько стульев, затеяли какую-то игру, Жанна была арбитром и каждый проигравший приносил ей в зубах цветок из стоявших повсюду ваз с цветами и, встав на колени, вручал ей его... наконец, остался победитель, и он явно ждал особой награды от царицы бала. Она приказала составить четыре стула, на них взгромоздили пятый. И все парни подняли её на руки и усадили на импровизированный трон.

– Теперь, внимание. Вы же рыцари прекрасной дамы, – воскликнул вытащенный откуда-то ведущий, – произведём обряд посвящения в рыцари. Вашу ножку, прелестная? – Жанна подняла ногу, и ведущий снял с её ноги туфлю, изящную черную туфлю на гвоздике. – Шампанское сюда! – тут же появилась бутылка шампанского, которую с шумом открыли. В туфлю потекло пенящееся шампанское. Жанна взяла импровизированный «бокал» и поманила пальчиком победителя. Он подошел, принял из её рук туфлю и выпил, поцеловав край её платья. Всё то же самое проделали остальные. Гости хлопали, смеялись, мамы смотрели, чьего сына она выделит чем-то, замечая мельчайшие нюансы.

Ларик смотрел на всё это с нескрываемым сарказмом: «И что бы я сделал в такой ситуации? Тоже бы выпил?» – ответа от себя он не дождался, зато поймал внимательный и серьёзный, на этот раз, взгляд матери виновницы торжества, и на этот раз он глаза не отвел, выдержав дуэль.

Гости посмеялись, поаплодировали Жанночке, которая с вызывающим видом села на своё место.

– Прелестно, прелестно. Есть ещё гусары в наших рядах. Ура! – возопил восторженно сосед слева от Ларика. – За прекрасных дам, господа!

– Какие господа? Тут все товарищи, – слышалось с разных сторон.

– Так я же номинально! Они же госпожи наших душ и тел, и Жанночка это продемонстрировала блестяще. Мы никогда не можем устоять против чар таких очаровательных дам! За дам, господа! И пьем по-гусарски, с локтя! – сосед, он был толстым и высоким дядькой, поставил рюмку на локоть поднятой руки и потянулся к ней губами, но не рассчитал и чуть не опрокинул её на Ларика, но вовремя схватил рюмку за ножку. Все захохотали.

– Волшебницы Вы наши! – продолжал витийствовать сосед.

– Ага... Из мухи слона легко можем сделать, из-за какой-нибудь...какашки скандал на всю Европу, а из полного говнюка – любимого главнюка! Волшебницы мы, мля! – Жанна с ухмылкой обвела притихший стол. – Разве нет? Дамы?

Кто-то заржал, но захлебнулся своим смехом, кто-то неуверенно захихикал.

– Что-то у тебя сегодня настрой не тот, детка, ты иногда трудно переносима. К чему такие крайности? – Зоя Григо-

рьевна с укоризной смотрела на дочь

– Настрой у меня самый тот. И я легко перенося, просто у вас терпения на меня не хватает, – Жанна обвела взглядом стол, но гости все ели, или делали вид, что заняты своими тарелками. Только Ларик, весело прищурившись, смотрел на неё.

– Молодой человек, Илларион кажется? А Вы почему не поздравляете именинницу? – Зоя Григорьевна выжидательно смотрела на него.

– Он меня уже поздравил. Ни к чему повторяться. И вообще, когда у нас перекур? – Жанна нервно дернула плечом.

По жесту Зои Григорьевны ведущий тотчас объявил перерыв ко всеобщему облегчению. Жанна куда-то исчезла, за ней пошла и мать. Самгин поднялся, и вокруг него моментально образовался кружок, к которому на подносах тотчас принесли рюмки с коньяком. Всё-таки, коньяк тут был любимым напитком.

Ларик тоже обрадовался перерыву и хотя бы краткой свободе, он впервые был в этом заведении, тут всё было стильно нарочито-народно и круто, панели обитые деревом, нижние красные скатерти, как нижние юбки выглядывали из-под белых, над головами шумел второй открытый этаж. Там тоже были столики с посетителями. Музыканты тихо играли блюз.

Всё бы ничего, но как выбраться из этого душного месива живым и невредимым Ларик себе пока не представлял. Отошел к своим мужичкам, которые курили в сторонке, с ними

было как-то спокойней.

– Живут же люди. И хавчик ничего себе. Сколько это всё стоит? А, Ларик?

– Понятия не имею. Наше дело отработать и до дома добраться сегодня без дураков.

– Так ты тут, вроде как, в почёте? С собой нагрузят, или как?

– Да не знаю я. Ешьте, кто мешает? Не просить же?

– А чего ты такой, как простуженный? Именинница эта только тебя и приглашала. Все оглядывались, когда вы танцевали, того и гляди, что в затылок пулю получишь, – мужики рассмеялись. – Одна надежда на Настю, оживит тебя своими ресницами-опахалами. Вишь, какая принцесса! – Тимоха кивнул головой на второй этаж.

Ларик обомлел. Там, в белом выпускном своём платье, опершись спиной о поручень стояла девушка очень похожая на Настю, он её издали мельком видел и подумал ещё: «Какая! Ишь ты! Настька на неё чем-то похожа». Это и была она – Настя. К ней подошел из глубины верхней галереи Леон, улыбающийся, в шикарном светло сером костюме. Когда автобус готовился к отъезду, «Волга» Леона проехала мимо. Ларик и внимания на неё не обратил. Мало ли куда тот поехал? И Настю в машине не разглядел, она оставалась дома с бабулями. Только галстук ему завязала, когда он её попросил, и газету дала, чтобы букет обернуть.

– Когда же они успели? Черт! То-то она глаза от меня пря-

тала. Тихушница. И этот! Козёл старый! – мысли молниеносно пронеслись и дали ему хорошего пендаля. – Ну ладно... – выбежав из зала, Ларик рванул наверх по широкой лестнице, перескакивая через несколько ступенек.

– Ты что здесь делаешь? – заранее отведя руку в сторону Леона, как бы отстраняя того, спросил Ларик, приблизившись к Насте почти вплотную.

– Ужинаю. Мы празднуем день рождения Глеба, друга Леона. Можешь познакомиться, – Глеб радушно сунул ему свою руку, Ларику пришлось в ответ кивнуть и торопливо пожать руку. – А что?

– Что?! А это что? – Ларик взял из рук Насти высокий фужер с пузырьками на стенках.

– Отдай. Это газировка. Что тебе тут надо? Иди, веселись...

– А ты меня не гони... Ворот, ты себе отчет даёшь, сколько ей лет? Как её сюда пустили вообще?

– Да успокойся ты, Ларик. Отчёт буду вечером бабушкам давать. Они её отпустили со мной. А сюда в сопровождении взрослых детей с шестнадцати лет пускают, вообще говоря. Мы с паспортом.

– Ты ей никто. Понял?

– Понял. Ты тоже. Вот и всё. Разошлись. Не смехи людей. Там все гости, похоже, в этом.... В ауте, короче. Можем тебя потом до дома подбросить.

– Да пошел ты! А ты... – Ларик повернулся к Насте, –

дома поговорим!

– Поговорите, поговорите. Иди, Ларион, празднуй, – в глазах Леона бегали черти весёлые. – «Я ещё отомщу тебе за её красные глазенки, засранец!» – весело клокотал внутренний голос в груди Леона, оставшегося пока победителем.

– Ну что, Настюшка, будешь с нами на брудершафт пить? Или уже не хочется? – обратился Леон к девушке.

– Буду, обязательно буду! – Настя пылала от возмущения: «Сам танцует там со всякими, а мне поужинать, видите ли, нельзя!» – Я ещё ни разу «Набрудершафта» не пробовала. Это что такое? Это коньяк?

– О! Да ты, я смотрю, расвирипела, даже коньяк согласна пить, – Леон и Глеб расхохотались и довольно громко, все, наблюдавшие за этой сценой снизу, их хохот тоже услышали. – Ну, коньяк мы отставим годика на три-четыре-пять. А брудершафт – это братание. Люди чего-нибудь наливают, обычно вино, но и газировка сойдёт, рукой обнимают руку братающегося, вот так, – Леон скрестил руку с Настиной рукой, – теперь берём в эти руки газировку, выпиваем её, целуем друг друга в щёчку, и с этого момента говорим друг другу только «ты». Если ошибёшься, штраф будешь платить.

– Какой штраф?

– Ну, какой? Снова на брудершафт пить. Целоваться, – Леон весело рассмеялся. – Что, боишься на газировке разориться? Можно чаем заменить, без разницы.

Настя чувствовала, что это некоторый подвох со стороны

Леона, но насолить Ларику так, чтобы он там внизу совсем взбесился, очень хотелось. Она интуитивно, как и все настоящие женщины, тоже уже умела из сквознячка бурю устранивать.

У женщин хорошего происхождения, и правильно воспитанных, это умение присутствует в характере с детства.

Только она отчёта себе не отдавала, что всё это на её лбу сейчас написано. И это «всё» легко читал Леон.

– Давайте, Леон Сергеевич! Что мы на самом деле?! Больше года знакомы и всё выкаем, да выкаем, давно пора... это... перестать, выкать... – Настя решительно несла околе-сицу и остановиться не могла....

– Сейчас, сейчас, – Леон уже и не рад был своей шутке, но шуток она сейчас всё равно не понимала.

И только Глеб сохранял мудрое спокойствие, наблюдая за своим другом. Таким он его не видел лет сто, таким весёлым, счастливым и по-пацаньи растерянным. Даже это повторилось. Глядя, как Леон готовит из газировки этот самый «Набрuderшафт», Глеб опрокинул большую стопку водки, как он ни крепился, но Настя тоже повергла его в шок: «Так не бывает! Не должно так быть. Свихнуться и сдохнуть можно!»

Вокруг Ларика все рассаживались по местам, о чём-то говорили, шутили, его просили что-то передать. Он отвечал,

даже улыбался, передавал, но затылок его был, как простреленный насквозь: «Так вот чей взгляд я весь вечер чувствую. Назло мне, что ли, заявила сюда, или этот... своего добивается. И бабушки! Вот уж от кого не ожидал. Хотя, причём они-то тут? Она что хочет, то и вытворяет. Да он же тебя ... О, Господи!» Ларик обернулся, стараясь незаметно как-то облокотиться на стол... Там на втором этаже Леон нежно обнимал Настюху и целовал её в щёчку. На пол вслед за рюмкой упала и вилка Ларика. Тут же подскочили официанты и всё подобрали, заменили, внесли рюмку в список утраченного оборудования.

Больше Ларик не оборачивался.

– Лео, а где тут дамская комната? – Настя увидела, как Ларик смотрел на неё с Леоном. Она пылала вся – щёки, лоб, грудь...

– Дамская? Так вон, внизу, за ширмой такой из кованой решетки. Дамская справа. Проводить? Ты себя хорошо чувствуешь, Настенька?

– Нет, что Вы, я же не маленькая, я поняла. Справа. Нормально я себя чувствую. Я сейчас вернусь, – стройные Настины ножки, слегка дрожа, несли, её к спасительному одиночеству: «Только бы не разреветься сейчас, только бы не разреветься. Я умная, ... я не разревусь... какая красивая решетка...» – закрывшись в кабинке, Настя разрыдалась.

– Слушай, Леон, куда ты лезешь без защитных средств? Там же напряжение в тысячу вольт! Искрит на расстоянии.

– Никуда я не лезу. Ты лучше скажи мне – может такое в природе быть? Или я совсем с ума сошел?

– Не может. Но... есть. Удивительное сходство. Я бы сказал ... поразительное.

– Вот то-то и оно. Я уже немного привык, а первое время меня просто шарахало, боялся в обморок упасть. Помню, увидел первый раз её силуэт в проёме входной двери клуба, аж к стене прислонился, думал – глюк начался. А потом и голос услышал. Ну, всё, думаю, Стаська, наконец-то, наяву за мной пришла. Я вообще-то ждал чего-нибудь такого после её письма.

– Какого письма?

– Она мне, ... короче я письмо её накануне вскрыл...

– Не понял? В том году письмо пришло?!

– Ну да. Только не пришло... а ждало меня. Это не первое уже... – Леон весь сморщился, вспоминая тот момент. – Я после похорон на девятый день сон увидел, Стаси меня просила ящик у её стола починить, давно уже просила. Но нас же раз сто надо просить, чтобы... Короче. Проснулся, открыл дверцу, а там ящик уже совсем скособочился, вытащил его... – Леон сглотнул, чтобы восстановить дыхание, – а там несколько пачек писем. По годам разложены, пронумерованы и с датами, когда письмо положено вскрыть. И на каждом, приписка... ну в общем, ... личная об одном договоре давнишнем. Я, когда уезжал в командировки, с ней договорился смотреть на Орион в одно и то же время.

Потом рассказывали друг другу, о чём мысли в голову приходили. Игра такая была у нас, только странные вещи часто происходили. Я знал, кто к нам приходил в гости. Она знала, когда со мной что-то не так Угадывали что ли? Только слишком часто угадывали. Она знала, когда я забывал посмотреть на наш Орион, даты записывала. Ей в такие дни хуже становилось. Потом я уж не пропускал, тут во что хочешь поверишь. Наверное, это интуиция была так обострена. Не знаю. Факт остаётся фактом, – Леон замолчал, чертя пальцем треугольник по скатерти.

– Ну и?

– Стаси предсказала мне в письмах появление Насти, месяца за два. А за год до этого сказала (Леон не заметил даже, как слово «написала» он заменил на «сказала», зато профессиональное ухо Глеба это сразу уловило) чтобы я сюда, в Берлуши приехал. «Чтобы ты успел привыкнуть к людям», – вот так вот. Её письма эти годы меня и держали, как плот, на котором меня хоть и захлёстывало волной иногда, но держало.

– Так ты поэтому...

– И поэтому тоже. Но не только. Не валяй дурака, ты же всё помнишь и понимаешь?

– Помню, но не все же так реагируют, как ты? Все ошибаются.

– Я нормально среагировал, как положено. Не можешь – не берись. Иди в отставку. За ошибкой могла стоять жизнь

чья-то.

– Да всё ты мог, Леон. Мог. Сознайся, что просто причину нашел, чтобы слинять?

– Только отчасти, Глеб. Отчасти. И хватит об этом, я же тебе сказал, и Гречу сказал. Дайте вы мне время.

– Ты не поверишь, Леон, как сейчас горячо. Греч меня из-за тебя каждый день за грудки трясёт, я только погоны обеими руками прижимаю.

– Дайте мне время.

– Сколько ещё?

– Год с маленьким хвостиком.

– Почему именно так? С хвостиком?

– Ничего я тебе сейчас не скажу.

– Как я понял, это в очередном Стасином письме содержится, да?

– Пока я не знаю, что там содержится, но что-то содержится точно. Пустых писем ещё ни разу не было. Я не знаю, откуда она всё это знала. Она никогда не была сумасшедшей мистификаторшей. Не мне доказывать тебе это.

И смерть бабушки её она мне предсказала, за месяц. И тёщи моей – тоже. И обострение у отца. Вообще же ничего не предвещало? Он почти бегал, спортом, можно сказать, начал заниматься, настроился на жизнь, а не на существование. И с матерью у них всё наладилось прекрасно. Всё нормально было. Я не поверил, но отпуск взял, и мы с ним и Силычами на байдарках по Аю сплавились в то лето. Кампания подобра-

лась отличная. Такие счастливые дни у нас были. Шашлыки делали, грибы жарили. Читали. Он любил, когда я вслух что-нибудь читал по вечерам. Он меня с детства всегда просил почитать что-нибудь, особенно, когда мы в доме одни поселились. По ночам ходили в сад, смотрели на небо. Он хорошо астрономию знал, теперь и я знаю, ... вот так вот.

– Но он же оклемался?

– Оклемался, слава Богу, мама дома осталась в тот день по моей просьбе. Быстро сумели помощь оказать. Теперь уже долго ходит каждый день. Читает. Практически здоров.

– Ну вот. А ты не едешь к нему...

– Сейчас я ему не нужен такой. И я приезжаю, навещаю. Мне тоже надо оклематься, Глеб. И тут – видишь что.

– Вижу. Что отцу передать?

– Ничего не передавай. Нечего зря его тормошить. Пусть, наконец, свою библиотеку в порядок приведёт. Он давно мечтал. Помнишь, как он нам рассказывал про любую книжку тогда?

– Я помню, Леон. И библиотеку вашу помню и глобус тот, огромный. Жив?

– Да куда ему деваться? Только вот рассматривать его некому. Я часами вокруг него валялся. До сих пор все столы и страны помню.

– Ну и?

– Ну и всё. Странно жить, когда ты почти точно уверен в том, что с тобой завтра случится. Как полёт над жизнью

получается. Живу, как бы мимо себя. Не понимаешь?

– Не очень.

– И я пока – не очень. Ну вот. Потом Настя появилась. В сентябре я её увидел, когда после выздоровления отца жить сюда приехал. Жду теперь следующего письма. Аж, в руках горит. Когда беру. Скоро открою. Хотя ты материалист прожженный...

– Всё равно интересно. Кто там говорил: «Я знаю, что я них*я не знаю»?

– Не помню. Сократ, или Демосфен, ... или Диоген? Какая разница?

– И что потом, когда Настя появилась? Стаси писала?

Содержание писем его ужасало, поражало и тащило вперёд, в жизнь, всё далее и далее из облака смерти.

– Написала, что я буду очень счастливый рядом с этой девочкой. Рядом. Только рядом. И что девочка тоже будет очень счастлива рядом со мной. Рядом. Но не вместе, – Леон долго молчал, уткнувшись взглядом в стол. – Знаешь, недавно, с месяц примерно, ко мне сны вернулись. До этого пепел один снился, просто вокруг лежит везде пепел. Серый, а под ногами, когда на него наступаешь, он становится чёрным. Точно так же, как тогда в военном городке было. До мельчайших подробностей всё похоже. Страшно. Глеб, это же я во всём виноват.

– А ты-то причём? Авария просто была. Греч тебе сто раз обо этом говорил.

– А Греч ничего не говорил о моём решении не выезжать в пятницу? Сразу после курсов? Если бы я не дал себя уговорить и приехал, как и планировал двадцать седьмого утром – и не было бы ничего, никого бы она не пошла подменять. И были бы мы сейчас вместе, и было бы у нас пять детей. Может быть.

Обожаю сейчас засыпать. Засну, а Стаська уже ждёт. Гуляем, целуемся. Хохочем. К Насте не ревнует совсем. «Это, говорит, та моя часть души, которая как-то прошла мимо тебя. Случайно прошла, ты меня совсем маленькой видишь. Так бывает иногда. И ты должен меня охранять. Я тебе до-

веряю». – вот так. Не больше и не меньше. И что я могу после этого?

– Леон, тебе не кажется, что ты себе внушил чёрт знает что? С психиатром советовался? Налицо раздвоение личности и шизофрения. И что ты мне прикажешь Гречу сказать? Что Стаси тебе с того света регулярно пишет, а ты тут представлен, чтобы её частичку охранять и делать её счастливой?

– Да иди ты сам к чёрту! С психиатром... и говори, что хочешь. только тебя в «дурку закроют тогда. Мать говорила, что там хреново. А она знает, что говорит. Ты в курсе, что всё вообще относительно, кто тут нормальный, а кто нет? Я даю себе отчёт во всём, даже допускаю... некоторые отклонения на почве стресса. Впечатлительный я слишком, как оказалось. И опять это только допущение, один из вариантов нормальности. Давай, проверь меня. На каком будешь? Английском, немецком, китайском?

– А что мне тут проверять? И так всё знаю. А анализ когда сдавал?

– О! Я вас недооценил, б*ять! И зачем он-то тебе?

– Ой, только не надо наивного лица! Мне он не нужен, у меня задание, как ты понял. Просто думаю, раз так карта выпала и снова «джокер», почему бы и нет? Ты же ещё молодой? Почему не вместе-то? Выглядишь на тридцать пять... Вполне себе пара из вас, ничего себе...

– Ты не понял разве, Глеб? Независимо от анализа, а он всё тот же, кстати, ты же сам говоришь – тысяча вольт! Да,

я её люблю, чего уж тут. Обожаю даже. Идеализирую, что хочешь приплети – сгодится. А она... Кстати? Где она?! Не проходила же... – Леон вскочил, метнулся вниз по лестнице к кованной решетке, торопливо поговорил там с какой-то дамой и встал, как вкопанный, ожидая.

Глеб налили себе ещё рюмку водки и выпил. Сегодня он всей кожей с мурашками на ней ощутил, как до сих пор болит рана у Леона. Если и затянулась, то только тоненькой кожей. Чуть тронь – и брызнет живая кровь.

И это тот Леон, который, не задумываясь, так рискованно, точно и жестко проводил все операции, что даже сам Ткаченко когда-то только «ухал» и матерился? А Греч тот вообще Леона ястребком называл.

Сейчас Леон был трепетным мальчишкой, не хватало только разводов от химического карандаша на губах и щеке. А когда он действительно был мальчишкой – он совсем не был трепетным по отношению к женщинам. Самое малое, что он чувствовал и демонстрировал тогда по отношению к ним – презрение, резкость, граничащую с хамством, и беспредельный цинизм. «Отравился матерью», – как сказал когда-то Греч.

– Эх, Стаси! Что ж ты так с ума-то его сводишь? Чудо с ним сотворила своё и, похоже, и сейчас его творишь. И ни черта мы в этой жизни толком не понимаем, только воображаем себя царями природы, – Глеб обернулся на голос Леона.

Леон вел Настю под руку и что-то ей говорил, а она вытирала большим носовым платком Леона распухший нос и красные глаза и улыбалась сквозь недавние слёзы. Заиграла музыка, и они там, у пустого столика, и остались танцевать, не хотели расстраивать Глеба в его выдуманый ради Насти день рождения.

Жена с ребяташками уже доехала до моря, а ему ещё целую неделю тут кантоваться. Но, глядя на Леона, Глеб уже мысленно писал рапорт о невозможности выполнения поставленной задачи. Дело, конечно, обстояло гораздо лучше, чем раньше, но в таких обстоятельствах увезти его отсюда было нереально. И отпуск может благополучно накрыться медным тазом. А, может эта девочка и вправду снова сотворит чудо, как Стаси? То, что сны появились – уже подвижка. Когда-то психотерапевт об этом только мечтала.

Глеб вздохнул и улыбнулся, как ни в чём ни бывало, подошедшим оживлённым и смеющимся своим приятелям.

– Слышь, Леон, а можно я у тебя сегодня заночую? Неохота одному в квартире из угла в угол мотаться, они же и кота забрали, к матери увезли заранее.

– Да, какой разговор? Само собой, только рад буду. Жаль не зима, не услышишь, как ветер в трубе воет. Страшно, аж жуть!

– Ничо, перебыюсь без такого экстрима, – друзья рассмеялись, Настя тоже. И это было главным для Леона сейчас.

Иногда Ларику казалось, что от затылка его пахнет пале-

ным волосом. Но он понимал, что никто на него не смотрит, и что это полная чушь и истрепанные нервы. Он плохо различал голоса, боялся трогать приборы и рюмки, чтобы снова ещё чего-нибудь не разбить, не разлить, не уронить. Ему вдруг так захотелось остаться одному где-нибудь, где нет этих глаз испытующих, как у Зои Григорьевны, гневных, как у «Сивуча», настороженных, как у Жанны и насмешливых, как у Ольги Павловны.

– Да к чёрту их всех! – подали первое горячее, что-то мясное, с грибами, какие-то дурацкие малюсенькие пирожки. В рот ничего не лезло. – Скорее бы уж отработать гонорар. И продешевил я, пролетел, как фанера над Парижем, в этот раз! Такое позорище дороже стоит.

Ущемлённое самолюбие, испытанное на глазах у всех, горело жгучим раствором кислоты в желудке, началась изжога. Ларик встал из-за стола, пока все были увлечены поглощением ароматного мяса, и пошел в туалет, по дороге попросил у официанта ложку соды. Изжога утихла, но самолюбие в тишине пустого сейчас туалета – отнюдь! Не успокоилось.

– Специально так сделала. Могли бы и в другой ресторанчик... Хотя, в ресторанчик просто так не попадешь, даже если и места есть. Не попадешь, блин. Всё у них вечно забронировано. Значит, заранее бронировали. Совпало. Дура ты маленькая, Настюха. А этот хлыщ улыбается. Любит он её! Как же. Позорит он её на глазах у всех «казачков», разговоров теперь не оберешься. Придется ему рожу начистить. Не

отстанет он от неё со своей ангельской любовью, слишком х*р у ангела чешется, похоже. Господи! За что мне такое? Сестрѐнка, млять! – и тут Ларик впервые четко осознал, что за сестрѐнку он бы так не переживал. Может и гордился бы, что такой «зубр» на неё запал, что такая у неё будет каменная стена за спиной. – Никакая она мне не сестрѐнка... А кто тогда?

Так и не решив вопроса, вернулся Ларик в зал, где только что опять объявили «Белый танец».

– Идѐм? – Жанна, похоже, ждала его и перехватила раньше Ольги Павловны, которая тут же пригласила одинокого Сергея Степановича, мужа какой-то «несчастной Людмилы Васильевны с патлами-хвостиками», получившего, наконец, в управление отдел по хозяйственной работе в Обкоме. При помощи таких вот неформальных контактов крупная рыба ловится гораздо успешнее, уж кому, как не Ольге Павловне, состарившейся на организационной работе, было это знать.

– Ты чего такой? – Жанна насмешливо махнула рукой, закидывая ему назад прядь длинных волос.

– Какой?

– Взѐрошенный. Встретил тут кого-то?

– Встретил.

– Убрать?

– Кого убрать?

– Ну, тех, кто тебя разозлил.

– С ума сошла?

– Почему с ума сошла? Что хочу, то и делаю, как самая последняя сволочь. Я давно заметила, что если человек чувствует себя безнаказанным, он легко превращается во что угодно. Ты хочешь тоже почувствовать себя безнаказанным? И во что-нибудь превратиться? В сволочь всемогущую, например?

– Не мели ерунды.

– Однако, ты ко мне никакого пиетета не испытываешь, я смотрю. Я тут для тебя старалась, размазывала всех по паркету, а ты?

– Я не просил этого делать.

– Я знаю. Просто доказывала тебе свою теорию дрессировки. Ну и как, всё-таки?

– Никак. ППП.

– Что за «ппп» такое?

– Пыльно-пошлый поступок. Или первобытное поведение папуасов. Как хочешь, расшифровывай.

– Ну и ладно. Ты бы пить не стал?

– Не стал бы.

– Вот и хорошо. А это кто там на балконе?

– Я же сказал...

– Я про девушку. Очень красивая. У тебя приступ жажды красоты начался вдруг?

– Нет. Это другое. И никакая она не красивая, просто...

– Ларик взглянул вверх. Настя танцевала с Леоном, и он её снова нежно обнимал, говоря что-то на ухо, она улыбалась.

Как же Ларику захотелось... Настя вдруг приподнялась на цыпочки и поцеловала Леона в щёку.

«Расцеловалась там. Дура! Ну погоди. Вернемся домой»... – подумал он и проскрипел зубами, аж уши заложило, руки крепко сжали талию Жанны...

– Так, на чём мы остановились? – Ларик смотрел на Жанну и не очень понимал, зачем здесь эта девица сейчас.

– А на чём надо? – ответила она вопросом на вопрос.

– Ну, вообще. Какие планы?

– Давай завтра на колесе обозрения покатаемся. Новое же? Большое. Говорят весь город видно.

– А тебя отпустят?

– Меня? Мне вообще-то двадцать. Могу даже замуж без спроса выйти, если что.

– Тогда – давай.

– Замуж? – белобрысые брови Жанны взметнулись вверх.

– Ты себя хорошо чувствуешь? Какой замуж?! На колесе давай прокатимся?

– Я-то да, хорошо себя чувствую. А вот ты, похоже, не совсем. Завтра в двенадцать в парке. Запомнил?

– Запомнил. В двенадцать, в парке. А где в парке?

– Около колеса, разумеется. Надеюсь, ты один придёшь?

– Да, не заблужусь. Всё, нам пора петь. Ты сама дойдёшь до стула? Мне тут с музыкантами поговорить надо, изменить кое-что.

– Ну, хорошо. Дойду, конечно, только больше меня не

приглашай, понял? – Жанна вскипела раздражением.

– Конечно, понял, – Ларик уже направился к музыкантам. А Зоя Григорьевна, болезненно, едва заметно сморщившись, смотрела, как дочь, смеясь, останавливаясь около некоторых гостей, беззаботно хохочет, в одиночестве возвращаясь на своё место.

– Ну, погоди, бревно неотесанное, – мысленно швырнула она ему. – Петух жареный тебя ещё не клевал? Клюнет!

Мужики запели щемящую и весёлую песню казаков: «Когда мы были на войне...»

В Ларике что-то надломилось, появилось ухарство, овладевающее всеми в хоре, когда чувствовалось, что всё получается, и все точно и правильно вступают, и не они тянут песню, а она их тащит своей безоглядной удалью. И нет ни одного человека в зале, кто не подтягивает им, увлеченный этой стремниной казачьей песни, втягивающей всех в свой водоворот пойманного куража. И невозможно не устремиться туда со всеми в радостном заединщицком азарте и восторге.

Зал начал подпевать при повторе куплета. Второй этаж высыпал к перилам балкона, и тоже подпевал. И только Настя стояла бледная, не улыбалась и не пела, а сзади неё мрачной тучей громоздились Леон с Глебом.

«Как ты когда-то мне лгала, как ты когда-то мне лгала,
что сердце девичье своё давно другому отдала,

что сердце девичье своё давно другому отдала»

Ларик куражливо вычеканивал каждое слово, каждый слог, и смотрел, встряхивая яростно своими длинными волосами, на страдальчески сморщившуюся Настю. И не факт, что в этот момент поле боя осталось за Леоном. И победный вскрик радости и жизни заставил всех в зале засвистеть и заулюлюкать на последней фразе...

«И снова конь мой вороной меня выносит из огня!
И снова конь мой вороной меня выносит из огня!»

Из огня конь вороной, пожалуй, и вынес Ларика, но мимо Зои Григорьевны не пронес. Похоже, что перед этой женщиной и вороные спотыкались. Споткнулся, было, вороной и под Лариком.

Он сидел возбужденный и всё ещё «видел» Настю, судорожно сжавшую поручень балкона. Ему поаплодировали уже тут, за столом, соседи и сидящие напротив. Все, кроме Жанны и её матери. Наконец, Зоя Григорьевна нашла, что спросить:

– Илларион, а что же вы молчите? Как вам вечер? Сейчас пельмени с медвежатиной принесут.

– Нормальный вечер. Только мне медведя жалко. Раньше, мужики наши говорили, что лапчатых, кроме зайцев, на Руси не ели. Только копытных. Так что не уверен я в таком де-

ликатесе. И как его вообще добыли? На охоте? В зоопарке прикончили? В цирке?

– Какая разница? Просто редкое мясо. Почему не попробовать?

– Ну да. Можно и так вопрос поставить, если очень хочется. И мишка всё равно прикончен. Говорят, на дельфинов охоту запрещают. И у них тоже очень вкусное мясо, на японский вкус. И объём мозга больше нашего. Они ни разу в истории не напали на человека, не убили. Такие дела, – Ларик спокойно посмотрел Зое Григорьевне прямо в глаза.

Вороной закусил удила.

– Глаза «читающего арифмометра», – пронеслась у него в голове встреченная где-то фраза.

Принесли пельмени. Ларик, накрученный мыслями и эмоциями, к ним даже не притронулся, равнодушно поглядывал на часы, не поднимался, чтобы не нарушить обстановки за столом. Ещё кто-то где-то с кем-то танцевал, сидящие за столом поднимали вперемежку фужеры, рюмки, стопки, к концу чинность слетела со всех. Ждали «его высочество торт».

Сладкая газировка жажды не утоляла, просить боржоми – не хотелось внимание на себя обращать, вообще Ларик не хотел ни с кем говорить, даже с официантами. Хотелось одного: выпить воды и свалить. Если бы не надо было получить расчёт для парней – так бы и сделал. Паутина, гипнотизирующая и опутывающая, протянувшаяся к нему от «Сивуча»,

уже не работала, он был свободен. Он и сам не понял, когда он освободился от всего, от ярости на Леона, от злости на Настю, или от глаз Зои Григорьевны и Жанны?

Песня, что ли, его освободила и дала чувство уверенности и покоя, как броня?

Принесли огромный торт, поставили прямо в центре подобного стола, позади Ларика. Жанна весело выскочила и быстро задула все двадцать свечей. Официанты начали разносить куски торта и стаканы в подстаканниках с чаем, «всё, как в лучших домах «лондОна», шутил иногда отец Ларика, когда его Лирочка выдумывала что-нибудь этакое, навроде колокольчика к обеду. В трёхкомнатной квартирке на четвертом этаже.

На Самгина Ларик не оглядывался, ничего хорошего он там увидеть в принципе не мог.

Слышь, парень, – Самгин с улыбкой окликнул Ларика. – Ты чего приуныл, молчишь? Не нравится, что ли, тут?

– А я знаю, чего он молчит, – Жанна холодно смотрела на него, откинувшись в кресле.

– И чего он молчит? – Самгин с улыбкой повернулся к ней.

– А потому что говорить бессмысленно.

– Это как, то есть, бессмысленно?

– А так. Когда и так всё понятно, х*ли говорить? И, если всё равно ничерта не понятно, тоже х*ли говорить? Так ведь, Илларион? Или я ошиблась?

– Ошиблась.

– А что же тогда?

– Завтра с тобой об этом поговорим. Илья Сидорович, вы там команду дайте, пусть нас рассчитают, устали парни. Мы всё спели, как и договаривались.

– Ты не останешься на приватную часть?

– Да нет, спасибо. Завтра день тяжелый, дел много. По-едем. Пора.

– Ну, как знаешь. А завтра что?

– Завтра мы с Жанной встречаемся, если вы не против, конечно, – Ларик спокойно смотрел в глаза Самгину.

– Ну, ... дело молодое. Так, ведь, мать?

– Ну-ну. Поговорите, – Зоя Григорьевна, чуть задержавшись взглядом на Ларике, перевела взгляд куда-то, давая понять, что аудиенция окончена. Самгин смущенно кашлянул, Жанна растерянно и обиженно смотрела на чересчур учтывого и такого безэмоционального Ларика. Прицепиться было не к чему. Но отказываться от разговора с ним она не собиралась. Мать всегда говорила, что тот, кто сомневается – уже проиграл.

Ольга Павловна задумчиво смотрела на Ларика, удалявшегося с банкета вместе со своими «казачками». Судя по выражению лица «самого», разговор с ним у неё обязательно будет. Надо было просчитать все варианты. То, что Жанна Ларику совсем не понравилась, было ясно, как день. А вот та... с Леоном?... Самое время пришло использовать убийственный запасной шанс, которым умная женщина, давно

научившаяся прогибать жизнь под себя, всегда заранее об-
заводится.

Глава 15. Колесо фортуны

–Илья, ты хоть понял, что сделал непоправимую ошибку, пригласив этого неотесанного парня на банкет? – Зоя Григорьевна устало прикрыла глаза от бьющего яркого света уличных фонарей, мелькавших мимо.

– Почему, Зоя? Они же завтра уже на свиданку собрались?

– Эх ты. На свиданку. Это он специально так сделал, чтобы сегодня ей настроение не портить. В принципе он мне понравился... так, если... подстрогать, причесать. Но уже поздно. Он уже причесан и подстроган.

– Зоя, Жанка – не дура, и ей он точно понравился, я видел. Договорятся!

– Глупый ты глупый, хоть и красивый. Ладно, не первый он и не последний. В конце концов, можно и сынка Слепышева приголубить. Видел, с каким рвением шампанское из туфли пил?

– Да зачем мне этот...

– А речь не о тебе сейчас совсем. Ты её глаза видишь? Мне страшно. Она нас ненавидит.

– Да быльём всё поросло. Четыре года почти, как...

– Ты не просто глуп. Ты – дурак, Самгин. И я не лучше, – Зоя Григорьевна нагнулась и тронула за плечо водителя: «Миша, сейчас во двор и останови у третьего подъезда, мне надо к Полине Григорьевне зайти, она меня ждёт».

– Поздно уже, Зоенька...

– Дела не ждут, Илья. А парень хороший, правду мне про него твоя Лёлька говорила. Жаль. Миша, через два часа заедешь. Как всегда, – Зоя Григорьевна захлопнула дверь «Волги».

– Дела у неё.. б*ять накрученная! Ладно, когда-нибудь и по моей улице прогуляешься босиком, да по рытвинам. Я тебе устрою паркет, Зоенька, – перебирая всё это в уме, Самгин сгорбился и вжался в сиденье, тяжело и безрезультатно думая, уже в который раз, как нейтрализовать её гадючью привычку безнаказанно жалить вдогонку. Не ругаться же при свидетелях. Тем более, что никогда не ясно, кому и что эти свидетели доносят. И та сучка тоже туда же. Ладно, будут тебе талоны, будет тебе «Берёзка», Лёлечка! Выгоню к чертовой матери! – Самгин тяжело дышал от раздражения, но потом обмяк. – Какая разница, у неё там все подвешены на крючок. Я же тоже не пай мальчик – знаю, к какой она Полине Григорьевне пошла. Ну и х*й с ней, нашим легче. А этого сучонка я ни за что не выпущу. Раз Жанке понравился – пусть будет! Приручим дикаря. Такие диковатые – на вес золота для меня. Ишь, как одним взглядом Зоеньку-то укоротил. Хор-р-р-роший цербер может вырасти со временем. И Жанку успокоит, уж для этого у него всё в наличии есть. Зверюгой она на меня смотрит, видите ли. Дрянь неблагодарная! – Самгин развалился и приказал: « Домой, Миша!»

– Настя дома? – спросил Ларик с самого порога бабушку Марфу, которая сидела в кухне с носком и вязала, поджидая внука .

– Руки-то помой, да чай садись пить, – снимая полотенце с блюда с пирожками, ответила та.

– Ба! Я тебя про Настю спрашиваю!

– Да спит уже, поди. Недавно из бани вернулась. Ты чего такой взъерепененный? Случилось что?

– Случилось... – Ларик быстро подошел к Настиной двери и постучал костяшкой согнутого пальца, – Настя? – дверь открылась и Настя, запахнувшаяся в халатик и с чалмой из полотенца на голове, встала на пороге.

– Что тебе?

– А вы когда уехали?

– Тебя именно это интересует? Я на часы не смотрела. Ещё светло было. А что?

– Так... ты меня прости, я сорвался просто.

– Хорошо. Спокойной ночи, – дверь закрылась перед самым носом Ларика. Он вскинулся, снова хотел постучать, но передумал и так и пошел, как обруганный, в свою комнату, уныло опустив длинный, едва не прищемленный дверью, нос. Опешившая бабушка только мелко перекрестилась и убрала всё со стола в шкафчик.

Сон не шёл. Силуэты вещей в комнате, светлеющее окно, навевали такую тоску и отчаяние...

– Чёрт, и всё в одну точку съехалось! Что я не так сделал?

Почему мне так х*рово-то, Господи?

– Ну, признайся себе, Илларион: повёлся ты на «Сивуча», ну, хоть немного? Повелся?

– Ну, повелся.

– И чего теперь? Жанна эта – не дура, даже умная, ты ей точно понравился. Вспомни. Как смотрела снизу вверх, беспомощно. Жалко даже её.

– Жалко?

– Немного. Себя-то больше жалко. В таких случаях нельзя жалеть женщину – это значит обманывать её. И зачем? Ей же хуже. Завтра всё выясню, сейчас нечего об этом думать. Сейчас ты подумай, что произошло на балконе? Это же главное?

– Это.

– И что это?

– Не знаю. Оно мне жить спокойно не даёт.

– Ты действительно так опекаешь её? Как сестру?

– Опекаю? Может быть и опекаю. Как сестру? Нет...

– А что ещё может быть? Может быть, это ревность?

– Ревность? Да ну... Ревность?!

– Так похоже на то. Ты же автобус мысленно подталкивал, когда ехали на тарыхтелке этой?

– Подталкивал... ну да. И что?

– Да не влюблён ли ты в неё, Ларик-длинный нос? Казак недоделанный!

– Влюблён?! Да не... быть не может. Мы же, как брат с се...

– Ага. Брат. И ножки её, когда она пол мыла, ты, как брат, рассматривал?

– Не, это не то, я же тогда в ту, как её...

– Ну, вот!... Алиной ту звали. Забыл?

– Так это когда было-то? Забыл. Ну не забыл, конечно, первая была всё-таки ... Но там всё было не так. Смешно всё... сразу жениться собрался, конкурсы всесоюзные, известность мировая, по миру поездить... Дурачок я был. А тут-то...

– А тут полное говно у тебя, Ларикскопытами. Она же тебя насквозь всего видит и знает о тебе всё. Леон-то против тебя белый и пушистый в её глазах. Ты слышал, чтобы о нём слухи, ну кроме «чернобурки», ходили, как про тебя ходят? Да и при ней он с Настюхи глаз не спускал. Это же тоже все видели. И ты видел. И бабушки об этом говорили, что хороший он человек... Да, уж, хороший, со вкусными бутербродиками. А ты – круглый ты идиот, Ларикчернобуркин. А Леон... Леон с ней книжки читает. И у неё глаза светятся, когда он приходит в гости со своими подлыми тортиками. Он ими уже и бабушек купил, и Шарика бутыриками с копчёной колбасой прикормил. А ты получается – что?

– Лариквлюблённыйкретин получается. Вот что.

– Ну так...

– Не успел – значит опоздал. Жанна – не самый плохой выход для такого, как ты. Умник. Дерзай....

Окно стало совсем светлым.

– Значит уже шестой час, сейчас бабушки закопошатся, потом Настя. Нет, а чего же она тогда так смотрела, вцепившись в поручень?

– Ладно, Ларик, будь мужиком. Пусть она сама тебе всё скажет и пошлёт тебя подальше.

– А что она в жизни понимает? Ей же шестнадцать всего. Девчонка! А этот её обхаживает по всем правилам, козёл старый. Он ей в отцы годится. На двадцать с гаком старше! Нет, спокойно надо всё обсудить. Леон же говорил... ну да... говорил, что всё зависит от неё. А что в такой ситуации от неё зависит-то? Да любой опытный мужик любой девчонке голову может так закрутить, тем более такой, в таком костюме. И вообще, кто он такой, откуда он тут взялся? Он, может, вообще какой-нибудь жулик... Нет, Настюшка, не обойтись нам без разговора с тобой. Ну... уж... если, уж, замуж за него – тогда я пас, конечно. Но я из тебя это вытяну, хватит мне голову морочить вашими прогулками-провожданьями, а то я тут, как дурак, снег на дороге чищу по полночи.

Бабушки, как сговорившись, обе сразу пошли в хлев: «Надо корову доить да в стадо выгонять, кур кормить, а эти, – промеж собой бабушки их называли «дети малые», – пусть, уж, сами едят. Оладьи на столе. Кипяток в самоваре. И дури в голове – целое лукошко», – как сердито сказала вчера вечером Пелагея, глядя на припухшие глаза Насти и взбешён-

ного Ларика.

Ларик тщательно побрился, распарив горячей водой щетину, выросшую за ночь, даже одеколоном тройным прошелся после станочка с бритвой. Оделся, проверил карманы пиджака от нечего делать, а выйти всё не решался, ждал, когда бабушки для «разбавки обстановочки» вернутся. С ними как-то мягче всё...

Бабушки не шли.

Ходики тикали.

Нервы «ходуном ходили».

– Ладно, семи смертям не бывать... – Ларик решительно шагнул за порог кухни и... Насти не обнаружил. – Интересно, что это с ней? Пора уже вставать, на работу через час.

Он подошел к её двери и приложил ухо, там явно кто-то шевелился, скрипела дверца шкафчика, слышались шаги.

– Во, надо использовать моё преимущество внезапности, – Ларик торопливо вернулся в кухню. Поставил две тарелочки, открыл банку с вареньем, маленькую баночку с кремовыми сливками, поставил блюдца и бокалы для чая. Довольно оглядел накрытый стол, торопливо добавил чайные ложечки, Насте её любимую с витой ручкой, себе обычную. И сел.

Настя вышла, как обычно, уже одетая, со своим школьным портфелем в руках.

– Привет, – Ларик торопливо поздоровался первым.

– С добрым утром. А бабушки где? – Настя поставила

портфель на стул у вешалки.

– В сарайке что-то делают. Вот...оладьи настряпали. Положить? – Настя удивленно посмотрела на него.

– И самовар вскипятили, и когда только успели? Давай я тебе налью, – неся явную чепуху, Ларик протянулся за её бокалом.

– Что это с тобой? Я и сама могу.

– Нет, нет, давай я, – он почти вырвал бокал из её руки. – Ты сиди, сиди. Ты в школу? – Ларик пока не смотрел ей в глаза, но отступить от задуманного не собирался.

– Нет. Хотя сначала – да, в школу. А что ? Почему это тебя интересует, вдруг?

– Почему «вдруг»? Вообще всегда интересует. Вот кипяток, сейчас заварки налью, тебе крепко надо?

– Как всегда, – Настя с любопытством смотрела, как бестолково сновали над столом его руки.

– Как всегда? А это как? – он впервые посмотрел на неё и наткнулся на насмешливый взгляд.

– Дай-ка я сама сделаю, а то я чаю не получу ещё полчасика, – Настя взяла у него из рук заварник. – Что-то случилось?

– Да нет, собственно. Пока ничего, – Ларик замолчал, понимая, что язык и мозг ему сегодня плохо служат.

– Пока? А что может случиться? Вроде, в Багдаде всё спокойно? Или нет? – Настя положила пару оладушек, смазала их каймаком и спросила, чтобы разбавить затянувшуюся паузу: «Лео называет такие сливки каймаком, так их оренбург-

ские казаки называли, он где-то читал. Ты это знал?»

– Нет. Мне всё равно, как и кто эти сливки называет. Меня более важные вопросы интересуют, – он замолчал, ожидая её вопроса. – Тебе не интересно, что меня интересует?

– Не знаю даже. Но ты справишься, я думаю, с любым вопросом, – Настя аккуратно откусывала оладушку и запивала чаем. У Ларика явно вертелся вопрос на языке, но форы в разговоре она ему давать не хотела.

– Хватит, пусть сам расхлёбывает, ляпы свои, плохо, что бабушек нет. Начнет опять учить, что мне уже можно, что нельзя. Какой же он зануда, всё-таки. И чего кривлялся вчера, когда песню пел? Кураж он поймал, как Лео сказал. Кураж у него... – Настя аккуратно допила чай и встала из-за стола.

– Подожди. Настюшка, подожди. Ты сильно на меня обиделась?

– Нет.

– Разговаривать со мной не хочешь?

– Да.

– Значит сильно. Насть, я не хотел, случайно сорвался. Но ты тоже... могла бы и предупредить. А то, как обухом по голове.

– О чём я должна была тебя предупреждать?

– Насть, ну мы же не чужие люди ?

– Ты уверен?

– Насть, ты что, совсем замуж за него собралась?

– За кого?

– За Леона, за кого же ещё? За неотразимого нашего...

– Ты совсем, Ларик... с дуба рухнул? Да отпусти ты меня!

Что ты руку мне держишь?! Я тебе не та девица, с которой ты вчера целый вечер в обнимашки играл! Вот иди и выясняй с ней ваши отношения, а меня оставь, пожалуйста, в покое! – Настя вырвала руку из его пальцев, подумав, что так и до синяка недалеко.

– Настя, это всё получилось совсем слу-чай-но. Понимаешь?

– Ага. Понимаю. Как с Ленкой Подкорытовой? Как с той, у которой десять поросят и магнитофон там какой-то? Случайно, по пути буквально, из деревни Хотелово, до деревни Е.... – Настя чуть не поперхнулась, эти солёные, жареные на мате, прибаутки и частушки, которые в праздники озорно горланили на всю улицу подвыпившие селяне, сами по себе запоминались наизусть.

– Мне всё это не интересно, Ларик. Ты не обязан передо мной отчитываться. И, ради Бога, оставь в покое меня со своей дурацкой опекой. Я сама разберусь, как мне жить. Договорились?

– Настя. Ты не туда... понимаешь, я – взрослый мужик. Понимаешь, ты не туда.... А ты девчонка совсем. Ты не понимаешь, о чём ты говоришь. Мужики – это такое...

– Прекрати. Я уже не ребёнок. Я работаю и почти хорошо содержу себя. Я, конечно, вам всем столько должна и так

благодарна, что даже не знаю, когда я вас отблагодарю, но, пожалуйста, не надо. У тебя – своя жизнь, а у меня – своя. И хватит меня учить. Ты для меня не авторитет никакой. Точка. Мне пора, я очень опаздываю, придётся бежать теперь.

– Настя! Подожди... – но Настя уже и след простыл, калитка, громко стукнув о столб, выпустила её и звонко защёлкнулась на щеколду.

Единственное, что порадовало Ларика во всей этой истории: это, что он «с дуба-таки рухнул». Но всё остальное? Как же она его уязвила!

К слову, люди часто упрямо не хотят принимать к сведению, что каждый из нас в какой-то момент оказывается под пристальным, буквально с лупой, наблюдением. И люди совсем не дураки. И ты совсем не чемпион по маскировке на глазах у ближайших к тебе родных, друзей, соседей. Сколько угодно можно себя морально оправдывать, утешать, доказывать, но когда-то придётся отвечать по всем счетам совести. И стыдный или позорный грех свой придётся тебе нести до логического завершения: до покрытия твоего греха чьим-то великодушным прощением, до своего раскаяния перед кем-то, или до личной своей свалки, чтобы похоронить очередной грех среди прочей своей мерзости. Но он с тобой будет всегда, уроком для души или упрёком совести. Только так совершенствуемся мы.

И мир вместе с нами совершенствуется.

Или совсем не совершенствуется, а подталкивается всеми, и нами в том числе, – а может и «во-первых, именно нами» – в пропасть духовного хаоса.

– Ладно, Настюшка, ладно. Но я тоже упрямый уродился. Посмотрим ещё. Главное, что я с дуба рухнул!

Облупившаяся по углам штукатурка старой аркады на входе в парк восстанавливалась штукатурками в первозданной красоте, и речные вращающиеся воротики в парк были уже покрашены свежей краской. Как-то архаично, но мило это всё выглядело, старая купеческая Челяба, казалось, улыбнулась со старинной наивной открытки. Колесо обозрения возвышалось по-монгольски яркой разноцветной пестротой новых подвесных люлек где-то в конце центральной аллеи. Ларик глянул на часы, несмотря на обстоятельный телефонный разговор с Витьком, он успевал даже мороженое купить, чего ещё-то делать на этой вертушке? И сколько там придётся болтаться, пока все точки над «і» поставятся?

Мороженое было самое простое, брикет пломбира с двумя вафлями, правда продавщица сказала, что они с изюмом.

– Илларион, привет. Я думала, что опоздала, – Ларик сразу её и не узнал. Жанна была в тех самых, целую зарплату Ларикова отца стоивших, простроченных тёмно-синих штанах, которые он видел когда-то на Привозе и в лёгкой розовой трикотажной кофточке. На Привозе их называли почему-то футболками, и стоили они тоже хренову тучу денег. На

ногах у неё были легкие открытые с ремешками туфли, которых он и на Привозе не видел, а на голове клетчатая кепка с длинным козырьком. Ничего хипстерского в ней не было, перед ним стояла просто смелая и раскованная девчонка.

На неё оглядывались. Конечно, она резко выделялась из толпы сверстниц, одетых в основном в юбки, платья и сарафанчики, и на вкус Ларика, выглядела она гораздо лучше, чем вчера.

– Привет. На, угощайся, и пойдём, где тут билеты-то продают?

– Прямо возле колеса есть касса, вроде. Мы с девчонками там билеты покупали.

Возле кассы собралось немного народу, по мере опускания люльки, оттуда выходили уже «обозревшие» и входили в неё другие желающие, люльки двигались очень медленно, без остановки, все всё успевали. Жанна и Ларик сели напротив друг друга, «для равновесия», как сказал служитель, закрывший за ними цепочку ограждения

– Как вы доехали вчера?

– Нормально доехали. Тут ехать-то час. На нормальной машине – вообще полчаса.

– А какую машину ты считаешь нормальной?

– Нормальной? «Волга», «Москвич» и «Победа». «ЗИМ» ещё есть. Говорят, скоро начнут новую машину выпускать, «Жигули» какие-то. В Тольятти завод построили. По мне – так любая хороша, если купить можешь.

– А ты можешь? – Жанна склонила голову набок.

– Я – нет. Что ты глупые вопросы задаёшь? Отец, вроде, дождался очереди. На «Волгу» стоял. Но говорят, что их вот этими самыми «Жигулями» заменят, не хватает «Волг». Тебя это сильно интересует на самом деле?

– Я думала, что тебя это интересует?

– Нет. Поважнее дела есть, – Ларик с удовольствием слизывал мороженое, прохладно-сливочно ласкающее язык.

– Какие? – Жанна лениво разворачивала брикет.

– Ты же всё обо мне от отца знаешь. Чего повторяться?

– То есть, никаких таких особых планов у тебя нет, как я поняла?

– А что, нужны какие-то особые планы обязательно? – Ларик наблюдал, как загружались в люльки новые желающие

– Для настоящего мужчины – конечно, – Жанна, улыбнувшись, склонила голову к другому плечу.

– Ну, значит, я – не настоящий. Но я себя устраиваю так-то, в общем и целом, – колесо уже поднялось до середины окружающих площадку сосен.

– Так о чём ты собирался со мной поговорить? Отец буквально заинтригован: не руку ли и сердце ты мне сегодня собираешься предложить, то есть попросить, наоборот?

– Слушай, Жанна, давай мы эту тему развивать не будем. Мало ли чего хотят твои родители. Всё равно нам самим решать свою жизнь. Так?

– Ну не скажи. Это кому, как повезёт, – Жанна вниматель-

но рассматривала копошившихся внизу человечков. – Вот моему отцу все кажутся вон такими муравьями, как сейчас выглядят людишки внизу. Они ему такими и вблизи кажутся.

– И тебе тоже?

– Что «тоже»?

– Тебе люди тоже такими же муравьями кажутся?

– Иногда да. Но много и нормальных есть.

– А ты своему отцу какой кажешься? Он же тебя любит.

Что? Тоже муравей?

– В каком-то смысле и я. И ты. И мой брат. Он всех расставил на своём шахматном поле и собирается активно и удачно играть. Он сейчас в самой силе, как он говорит. Ставки высоки. И мы будем последними дураками и неудачниками, и даже сволочами, по его мнению, если не поможем ему в этом деле. На тебя он тоже рассчитывает.

– А мать твоя – тоже фигура на поле?

– А как же? Она – Ферзь! Ходит, как хочет.

– А он?

– А он? Почти как она, тоже, куда хочет, туда и ходит с её разрешения. Только на одну клеточку. Я же тебе уже объясняла тактику и стратегию. Если бы мать была мужиком... О-о-о, тогда бы – да! Тогда бы она нами подвигала. Кстати, ты ей очень понравился. А она тебе?

– А она мне – нет.

– Почему? Ты боишься её, как будущую тещу?

– Глупости. Причём тут тёща? Я к ней в зятя не собираюсь. Ты извини меня, конечно, Жанка, но у твоего отца этот пунктик напрасно в башке засел. Не на того он поставил.

– А ты понимаешь, что ты, хотел ты этого или не хотел, каким-то чёртом попал в орбиту его интересов, как говорят? Чем ты его так умаслил или потряс?

– Понятия не имею. Мне это не интересно. Давай, Жанна по-взрослому поговорим? Я совсем не хочу тебя обижать. Ты умная и даже остроумная девчонка, обращаешь на себя внимание. Эти пацаны, что вокруг тебя там сидели с мамашками своими, на тебя не только, как на дочку... как ты вчера сказала? Главнюка? – Ларик засмеялся, – смотрят. Они на тебя и как на девушку смотрят. Ты мне поверь. И ты – дочь своей матери. Всё у тебя будет тип-топ. И главнюк тоже будет, – Ларик усмехнулся, представив Жанну в роли её матери. Всё получалось органично.

– Ты полагаешь, что у тебя есть выбор, Илларион? Или, ты, может, думаешь, что он и у меня есть? – Жанна размахнувшись швырнула мороженое в крону пододвинувшейся к ним сосны.

– Жан, а если она на голову кому-нибудь упадёт?

– И чо?! Пойдёт и умоется. Подумаешь! Ни одной изюминки не попалось. А написано, что с изюмом. Прямо, как в жизни!

– Я не понимаю. Тебе на всё наплевать? – Ларик опять поймал в её лице ту жесткую усмешку, с которой она соби-

ралась дрессировать тогда своих рыцарей.

– Да не разоряйся ты. Я не самая последняя сволочь. За мной уже с десятков стоит. Подумаешь, мороженое в башку прилетело... Вот когда тебя самого, как эту мороженку швырнут куда подальше – вот это будет аттракцион. Хочешь попробовать? Папаша может.

– Ты меня пугаешь или предупреждаешь? Я не из пугливых, сразу говорю.

– Почему это?

– Потому что терять нечего, наверное.

– Да я вчера ещё поняла, что ты из непуганых. И чего мне тебя пугать? Я предупреждаю. Мы с тобой уже в одной связке считай, как гантель. Мне тебя даже жалко. И ты мне нравишься. Честное слово. Я бы даже смогла тебя полюбить со временем, – Жанна вся съёжилась, засунув ладошки между колен, и не смотрела на Ларика. – Если бы он опять не устроил бы какую-нибудь гадость мне.

– Кто?

– Отец, разумеется. Кто ещё-то мне может тут гадость подстроить?

– Гадость? Тебе? Он же тебя любит, гордится тобой. Правда ты при нём играешь роль придворного шута, которому всё позволено говорить, – Ларик уже не смотрел по сторонам, он смотрел только на Жанну, с той что-то происходило.

– Ничего ты не понимаешь, Илларион. Я же пытаюсь тебе объяснить, что у моего отца один бог – власть! Понима-

ешь? Только – власть! А всё остальное, в том числе и я – лишь инструменты для достижения определённых ступенек. По большому счёту, и мать попала в своё время на его удочку. Говорит, что влюблена в него была, как кошка. Её отец, дед мой, против него был. Но куда там! Если уж нам, девочкам, что-то втемяшится в голову, а при этом для тебя весь мир у твоих ног – кто удержит? – Жанна вздохнула.

– А у тебя что? Не так что ли? – Ларик усмехнулся.

– Нет. Я нарушила закон власти. Ослушалась. И для меня весь мир никогда не лежал у моих ног. По крайней мере с тех пор, как я научилась правильно понимать слова взрослых. Я однажды, когда мне было лет десять, наверное, подслушала его разговор с другом юности его, пьяный разговор, но сентиментальный и откровенный. Мой отец может быть сентиментальным, добрым и очень подкупающе откровенным. Но ты же знаешь, кому больше всего мстят? Правильно. Тем, кто больше всего слабостей твоих знает, и поэтому негатива и компромата на тебя имеет больше других. Дважды два – восемь в таких случаях.

– Он что, другу своему отомстил?

– Да, ещё как. Но дело сейчас не в его друге, а в мной подслушанном разговоре. Он меня убил. Наверное навсегда. Может, именно из-за этого я так попала.

– Ты о чём, вообще?

– Мой отец сказал тому, что иногда брезгует спать с моей матерью. Понимаешь? И что я – копия мать. И что только

в младенчестве, лысые, толстые и с двумя дырками посреди лица могут считаться красавицами. Я от этого никогда не избавлюсь. Моё лицо всегда при мне, и все его видят постоянно. Понимаешь? А тогда это было просто шоком, я уже в зеркало начинала смотреть на себя к тому времени, причёски делать себе из моих жиденьких волосёнок. Теперь я в зеркало не смотрю. Так проще.

– Жан, ты преувеличиваешь значение внешности. Она играет роль, кто спорит? Но не имеет решающего значения. Я свою точку зрения тебе вчера ещё сказал. Повторяться не буду. Ты никакая не уродка. Ты даже оригинально выглядишь сейчас. На тебя оборачиваются, и уж точно несколько ребят пожалели, что ты сейчас не одна.

– Даже, если бы и одна была, им ничего бы не светило. Поверь. Я знаю, о чём говорю.

– Но ты же вчера говорила, что были и смелые парни, как ты их назвала, не помню, офигительные?

– Офигяшки. Были. Офигительный был один.

– Ну так вот. Был же? И ещё будет. Ты, если честно, надумала, по-моему, свою проблему.

– Надумала?! Ладно, расскажу, – Жанна совсем сжалась в плечах и опустила голову. Панорама города, заводские трубы, градирни и мартены, построенные когда-то, и особенно в предвоенные годы пятилеток, дымившие всеми своими жерлами, ни её, ни Ларика совсем не интересовала.

– Я когда поняла, что не в зеркале моё... самое значитель-

ное. До этого-то же я себя принцессой всё представляла... Самые лучшие подарки, билеты, костюмы новогодние – всё самое лучшее. Что-то щёлкнуло во мне. Я в куклы играть перестала. Совсем. Неинтересно стало как-то. От нечего делать и чтобы никому на глаза особо не попадаться, я в библиотеке, после деда оставшейся, нашла себе уголок в кресле с лампой. Милое дело! Никто не видит, а ты путешествуешь, куда хочешь. У меня память всегда отличная была, и училась хорошо, сама по себе, без репетиторов, я в мать, она – в деда. В классе ко мне относились ну... с некоторым подхалимажем. И учителя, и одноклассники. С одной стороны – это даже удобно, никто не лезет особо, а с другой – тоскливо «до немогу». Общаться нормально всё равно хочется.

Однажды классный час был с чаепитием, что-то скучно стало, учительница и спросила, кто из нас какие стихи знает? Вот тут я и дала всем жару! Целый вечер стихи читала. Лермонтова и Есенина. Первое собрание сочинений Есенина тогда вышло. Голубой такой четырёх-томный Есенин. Произвела, короче.

И ещё я в шахматы играла, сама с собой, как дед. С детства все фигуры знала, у нас такой специальный шахматный столик был и книги по шахматам. Целая полка. Вот я и начала оттуда партии учить. Я думаю, что на первый разряд я точно тянула тогда, без дураков.

А тут в школе у нас соревнования по шахматам объявили, я никуда не записывалась. Не знаю почему. Наверное, всё

потому же. Но все пришли болеть за своих, и я тоже. От нашего класса один мальчик играл. Играть он не умел, фигуры переставлять умел, но, видимо, очень хотел уметь играть. Он проигрывал. А мне обидно стало за класс, да и его жалко стало, сидит, красный, как рак. А позиция – нормальная! Мат через три хода можно сделать легко и красиво, но это, конечно, не очевидно так сразу. Все болеют, переживают, дразнятся заранее, толкаются вокруг. Я ему потихоньку и стала подсказывать. За спиной его встала, наклонилась, как будто рассматриваю, и шепчу потихоньку. Никто не услышал. Всего три хода подсказала, четвёртый он и сам догадался. Выиграл. Прошел в следующий тур.

После школы он меня догнал, поблагодарил, хоть и стыдно ему было, но за класс зато не обидно же. Потом и спрашивает, в каком я кружке занимаюсь, ему тоже, мол, туда надо. Короче я его стала учить играть в шахматы, насколько сама уже могла. Тут я серьёзно начала всё изучать, смысл появился. А если ты – тренер, так уж будь любезен, как говориться. А сама играть я не лезла никуда. На соревнования меня было не вытащить ни за какие коврижки. Короче, второй тур областных соревнований он прошел, а на третьем срезался. Глупо срезался, не заметил явную подставу, говорил. Но он и тем был доволен.

Так и стали мы с ним играть в шахматы, даже после уроков оставались. Подружились. Потом гуляли в сквере около Дворца Пионеров, я стихи читала. Он мне про всякую фиг-

ню рассказывал. Я ему книги из своей библиотеки приносила почитать интересные. Он меня рисовать учил, он очень хорошо рисовал. Даже мой портрет нарисовал по памяти. Я там очень красивая получилась, рисунок я храню. Валерка, его Валерой звали, хотел в художественное училище поступать, готовился много. В Свердловск или в Пермь хотел ехать. Мечтал всё об этом. Рисовал много. Сидим в парке на скамейке, а он всё подряд рисует, я стихи читаю. Листья желтые собираю. Шахматы он так и забросил, не пошло у него это дело. Так два года и просидели рядом, прогуляли, прорисовали, пока кто-то из учителей на нас моим предкам не накапал. Нам уже семнадцать было. Но мы были совсем невинные желторотики. Дети. Но уже влюблённые друг в друга. Не знаю, насколько это было настоящим чувством, но мы скучали, когда нас родители на лето развозили в разные стороны, по вечерам, когда никто не слышит, перезванивались.

Дети. Смешные и наивные.

А потом в десятый класс пошли, ноябрь уже был. Холодно. Мы с ним иногда в какой-нибудь забегаловке сидели, пирожные ели и немного целовались. Незаметно чтобы было. Тут на нас и капнули, увидел кто-то. Отец в крик, мать не орала, но точно, что не приветствовала эту дружбу. За мной слежку установили, его сразу в другой класс, потом и в другую школу перевели.

Колесо спустилось вниз и Жанна смущенно улыбнулась: «Ну вот и всё. Приехали что ли?»

– Подожди, сиди, я ещё оплачу, покатаемся, куда спешить, – Ларик понимал, что в таком состоянии оставить её одну – это убить котёнка. Служитель понятиливо кивнул, спрятав синенькую в карман, что ему – жалко? Побольше бы таких парочек.

Немного подождав, сглотнув нервный комок, Жанна снова заговорила

– Если бы они тогда ничего не делали, возможно, мы и сами по себе разошлись бы как-то. Он бы уехал учиться, я, возможно, тоже. Хотя вряд ли бы меня куда-то отпустили, да и я сама с моей закомплексованной вконец психикой вряд ли бы решилась «на люди» показаться. А Валерка был свой, привычный. Я понимаю, что для родителей это самый «опасный» возраст. Ромео, блин, с Джульеттой.

Валерка, он в чём-то был абсолютно безбашенный романтик. Другое видение мира у него было. Может быть, поэтому он и считал меня красивой? – Жанна улыбнулась смущенно. – Так и говорил, что я – очень красивый человек. И ещё выиграло наше оскорблённое чувство собственного достоинства, на котором потоптались все, кому не лень. И обстоятельно так потоптались.

Короче, в один прекрасный момент мы с ним решили бежать. На Дальний Восток, чтобы подальше ото всех точно быть. Деньги дома у нас всегда лежали в одном месте. Ещё и копилку свою, забитую красными в основном бумажками я разбила. Валера тоже деньги у родителей отполовинил. Ну,

украли мы их, получается, что уж тут? Записки, дурачки написали. Но всё-таки нас не поймали сразу. Для отвода глаз мы уехали в Свердловск на автобусе сначала, а уж там сели на поезд. Следы замечали. Боня и Клайд доморощенные. Купили себе билеты в мягкий вагон, купе на двоих. Ну и всё. Я была очень счастливая, и он тоже. Мы чувствовали себя очень взрослыми и умными. Есть ходили в ресторан. Вот о чём думали? Хотя всё равно на нас эти, как их ...

– ...ориентировки?

– Да, ориентировки, разослали. Нас в Иркутске сняли с поезда. Допросили и на самолёте с сопровождением домой вернули. Вот и весь мой медовый месяц. Пять дней. В самолёте Валерка мне твердил, что никогда меня не оставит, и что ничего с нами сделать теперь они не могут. Мы же, как муж и жена, теперь. Смешной. Всё время за руку меня держал, чтобы я не боялась. А я и не боялась. Он же меня любил? В аэропорту нас в разные машины сразу рассадили... И больше... я его никогда не видела. Спустя два года узнала, что они уехали из Челябинска. Вроде в Пермь, – Жанна замолчала разглядывая появившийся снова рядом с ними рыжий ствол сосны с обломанными сухими сучьями.

– И что дальше?

– Что? Ничего. Я через несколько недель поняла, что Валерки в городе нет, иначе бы он обязательно бы нашёл меня. Я сама ничего не смогла узнать про него. Я есть отказывалась. Уши затыкала и глаза закрывала, если отец со мной

пытался говорить. Я его ненавидела. Через месяц меня начало тошнить. В больницу повезли, обследовать. Ну и обследовали – беременность и воспаление лёгких одновременно обнаружили. Я же часами после школы сидела на балконе, думала, что Валерка догадается меня там увидеть. А их уже в городе не было к тому времени.

Когда я оправилась от воспаления, аборт делать было поздно совсем. Чтобы правда не просочилась наружу, такая позорная для моего папочки правда, меня, когда живот стал заметным даже на моей пухлой фигуре, это в мае уже было, уехали в специальную какую-то больницу с мягкими стенами. Красивые мягкие с пупышками такими стены. Пупышки не отрывались, головой биться было не обо что. На окне за сеткой – решетка. Крики мои никто не слушал и не слышал. Честно говоря, я тогда о ребёнке, как о человечке, наверное и не очень думала. О себе больше думала, какая я несчастная. Снова стала от еды отказываться, чтобы сдохнуть там в этой тишине! Тогда меня стали кормить через зонд, это очень больно. Зато тогда у меня, наверное, была худенькая фигурка, – Жанна неуверенно посмотрела на Ларика. – Это ничего, что я так подробно? Натуралистично?

– Ничего. Валяй! – ему было даже страшно представить, что испытывала там такая же девчонка, как Настя сейчас. Семнадцать лет! – Что дальше было?

– Дальше? А всё просто. Я даже счёт дням не могла вести. Постоянно была в каком-то отупении. Помню, что очень

жарко стало, и в этой палате проветривали ночью, когда прохладно было, и меня уводили в другую такую же палату на это время. Стала есть. Подбавляли мне что-нибудь, наверняка, чтобы не кусалась и не орала. По ночам приезжали родители.

– Почему всё по ночам-то?

– Ну как почему? Чтобы меньше людей и их, и меня видел. Всякие фрукты привозили, продукты полезные для беременной, а я их топтала ногами. Привозить перестали. Просили, нет, у-мо-ля-ли меня вести себя «прилично», говорили, что и без этого я для семьи создала кучу проблем.

А однажды я очнулась в другом помещении. Окно, правда, было тоже с решеткой, но стены были обычными. Только мои руки и ноги были привязаны к кровати. В руки воткнуты иглы от капельниц. Живота моего огромного не было, только повязка утягивающая. Вот и всё.

– Как всё? А ребёнок?

– А его не было. Сказали, что он мертворождённый был.

– А труп отдали?

– Какой труп, Илларион? Ты, честное слово, не догоняешь. Во-первых, никто, я думаю, и не просил этот труп. Кому оно надо, если бы даже и был? А во-вторых, когда я лежала и ещё не совсем пришла в себя, после наркоза видимо, я слышала голоса, что роды прошли нормально. Понимаешь: «Роды прошли нормально»? Хотя, кому я говорю, что ты там можешь понимать?

– Ну и что, ну нормально? И что?

– А то, что когда ребёнок мертвый – это не нормальные роды. И он так у меня бился, маленький, в самый последний наш с ним день, который я ещё помнила. И на самом деле, куда они мертворождённых детей девают? Они же уже – дети?

– Не знаю. Отдают, всё-таки, я думаю.

– Вот и я ничего не знаю о своём ребёнке. Я его в последние дни уже так хотела! Он бы меня любил же? Всё надеялась, что Валерка что-нибудь придумает, найдёт меня... Не нашёл. А потом я им пообещала, что не буду вести себя, как дикая кошка, если они меня отвяжут. Через неделю я была дома. Меня сразу отправили в санаторий, на юг куда-то, с неплохой в принципе сопровождающей тёткой, медсестрой. Август был, я экзамены выпускные сдала прямо там, заочно. И в институт, на заочное тоже там поступила. Я что угодно тогда бы сдала! Я себя плохо помнила, но когда надо было, сосредоточивалась. Наверное у меня, как и у матери моей, нервы железные. И мне надо было срочно занять чем-нибудь мой мозг, чтобы не сойти с ума. Вот и всё. Там пробыла до ноября. В последние недели я уже одна гуляла вдоль берега. Октябрь был, море было холодным, топиться было страшно и очень холодно.

– А потом?

– Смотри, белочка на сосне! – Жанна старалась выглядеть бодрой и спокойной, но голос у неё дрожал.

– Ты пробовала хотя бы концы найти? Должны же быть хоть какие-то следы этого преступления?

– Один раз попробовала. Сделала несколько наводящих звонков, я так говорила, что как-будто бы это мать моя звонит. У нас с ней голоса одинаковые. Не находишь?

– Нет. Интонации совершенно разные. Только тембр похож.

– Ну вот. И там это поняли, наверное. В тот же вечер ко мне психиатра на дом привезли, он со мной долго говорил обо всяких комплексах и фобиях и посоветовал думать об институте, как о самом главном для меня вопросе на тот момент. Тогда я и решила экстерном всё сдать и закончить с этим образовательным вопросом. Сдала и закончила на два года раньше и с красным дипломом, которым мои родители очень гордятся.

Понимаешь? Где мой, никому не нужный, кроме меня, ребёнок, и где мой институт, всем нужный, кроме меня? Силы не равны.

А ты тут разглагольствуешь о том, что ты отчего-то там не согласен с моим отцом. Какие мелочи! И потом тебе же царство возможностей в приданое за мной предлагают. От такого нормальные люди не отказываются. А с ненормальными... чего с ними церемониться? Их практически же нет? И запомни, не стоит кусать того, кто может тебя сожрать целиком. Я это усвоила. Так я-то им ещё дочь прихожусь. А по тебе вообще катком проедут и даже не заметят, что ты

круче самого крутого яйца. Такие вот дела, Илларион Николаевич, – Жанна замолчала, а потом, чтобы развеять совсем уж мрачное представление об ожидающей их жизни, бодро проговорила:

– Смотри, ЧМЗ, как кочегарка, весь дым на центральную часть города сегодня тянет. Окна ночью придётся закрывать, у меня от него астма начинается какая-то. А у тебя – ничего?

– А я в деревне живу. Раньше тоже чувствовал. Слушай, Жанна, а если бы отыскался твой ребёнок? Что бы ты сейчас сделала?

– Сейчас? Сейчас я бы спокойно ушла из дома и сделала бы всё это предметом самых крутых сплетен. Я бы их уничтожила, не физически. Но морально точно бы уничтожила бы. Сейчас же совсем другое дело. Я совершеннолетняя, и не такая дурочка наивная, как была когда-то. И я работаю – я хороший специалист, во всяком случае точно таким стану, и очень быстро. Конечно, если им не пригрозить скандалом – сразу проиграешь. А так есть шанс выиграть это дело в обмен на независимость. Знаешь, чего они боятся больше всего?

– Чего?

– В глазах высшего начальства потерять авторитет. Это конец карьере. Обычно так. Проштрафившегося вроде и не изгоняют, но и никуда не пускают. Тупик. И это реально можно было бы им устроить, если, конечно, без них сможешь себя обеспечить. Я уже смогу.

– Ну вот. А чего же ты тут меня пугать вздумала? На всех

управа есть, оказывается.

– Ты испугался?

– Чего?

– Не чего, а кого. Ну, отца, или меня на худой конец?

– Нет.

– Если по его не будет, считай, что ты ему вызов бросил. Он же вознамерился «одним махом семерых». И передо мной хвостом повилать, ну, задобрить, чует же кошка, чьё мясо съела. И ещё одного лизоблюда, или, может даже соратника, приобрести. Вот ты говоришь, что тебе не за что держаться. Так? И ты свободен? И ты независим?

– Да. Так.

– А хор? Ты же зависим от него? Какая-никакая, а известность, деньги, премии и всё прочее. И так половина петь отказалась в этот раз. А если все откажутся? И что? Чем ты будешь заниматься? Понимаешь, они уже не захотели. Думаешь, дальше лучше будет?

– Они не петь не захотели, а холуями быть не захотели, с барской руки жрать. А я всё прояснить хотел, поэтому и пришел, чтобы не ссориться и мирно всё решить на будущее.

– А вокруг тебя не холуи? Все же прогибаются рано или поздно? Не там, так там.

– И твой отец прогибается?

– Разумеется. Ещё как! – Жанна желчно усмехнулась.

– Тогда в чём фишка? Я не понимаю. До генсека, что ли, лезть? Бесперспективно. На годы очередь стоит. И в чём то-

гда счастье? Быть на виду у всех? Зачем столько усилий? Если лезешь туда, чтобы «иметь» – так, ведь, всё надоедает рано или поздно и бессмысленно по определению. С собой в могилу не унесёшь, всё не попробуешь. И что в конце-то? Если главное – просто желание власти? И что? Командовать, править? Это на любителя, жребий с жерновом на шее и с гильотиной в конце. Сама говорила, косточки обсосут и выкинут, как у осетра.

Где-то читал, что у людей одержимых страстью власти, рано или поздно возникает моральная дилемма, что дальше? Ведь только эксклюзивчики остаются какие-нибудь, от чего уже совсем башку сносит: человечинки поест, с детишками любовью позаниматься, или ещё чего-нибудь... боёв гладиаторских. Помнишь, проходили древний Рим? Так он и загнулся именно на этом, на эксклюзивчиках. Всё рухнуло. А всё самое главное можно легко в этой гонке потерять.

– Что, например?

– Например, ребёнка. Они же тебя потеряли давно и навсегда? Или любовь?

– Там нет любви, там расчёт везде... и партийная дисциплина. Хотя, наверное, там есть и другие, только высоко отсюда и далеко. Были же идейные? – Жанна смотрела на дымы города тусклыми серыми глазами.

– Конечно, были. И что? Власть – это принципиально важно только для фигур мирового масштаба. И таких единицы. И не думаю, что они так вот корябаются наверх. Их волна

сама выносит, человеческая. Помнишь, о роли личности в истории?

– Помню. Проходили. Школьная тема, – Жанна по-прежнему сидела сгорбившись.

– Ну и посмотри, что получается. Сталина, гиганта политического, сначала отравили, как говорят, потом обосрали, Хрущева и подавно. Крупные осетры были. Твой отец – заштатный политик. Не вижу никакой объективной необходимости толкаться за власть. Я другого поля ягода. Я это и хотел донести вчера, но ошибся, не та обстановка была.

– Ты обиделся?

– За что? Никто ничего плохого мне не сделал. Я даже рад, что более отчетливо себя в будущем стал видеть.

– И кем же?

– Пока не знаю. Но жить хочу на воздухе. Вот за это я готов на многое. Жаль, что тебе не помог ничем. Ты хорошая девчонка, но мы разные слишком. Понимаешь?

– Понимаю. А та, в белом платье?

– Я не хочу с тобой о ней говорить. Это личное.

– Понятно. Ты очень хороший, Илларион. Но вынуждена предупредить, что помочь не смогу, ведь ты бросил перчатку моему отцу прямо в лоб! Это будет воспринято, как вызов.

– Ничего я ему не бросал. Просто не разрешаю посторонним топтаться на моей личной территории. Даже любимая женщина на ней будет иметь ограниченные полномочия. Для её же пользы. Так мне один мой заклятый друг когда-то ска-

зал. И правильно сказал. Как, впрочем, и я, буду иметь очень ограниченные полномочия на её территории. До этого я сам дошел. По аналогии.

– Я понимаю. Мне, правда, очень жаль, что я причина всего этого кошмара, который тебя ждёт.

– Не преувеличивай. Если мне удастся вдруг что-то выяснить про твоего ребёнка, это актуально, или не стоит даже пытаться?

– У кого?! – Жанна вся напряглась.

– Какая разница? Так одна сырая мысль проползла, но... совсем сырая. Ему сколько сейчас было бы, если бы жив был? Мальчик или девочка была, ты это хотя бы знаешь?

– Мальчик. Голоса говорили тогда, что мальчик был. А может быть, нарочно так сказали, чтобы совсем всё запутать? Но вряд ли. Они далеко от меня были. Эхо просто в комнате той было. Три. Три года. Только я даже даты его рождения точно не знаю. В конце июня – начале июля, может быть. От меня всё скрывают и медкарту, и выписки всякие из больницы. Ничего не держала в руках. Сказали, что всё случайно потеряли, когда из больницы в больницу возили. Бесполезно.

– Бесполезно пытаться? Или для тебя это безразлично уже?

– Я тебе всё отдам, и машину свою, и квартиру! Если ... – она вся вздернулась и просияла надеждой, – ...только я не верю, – вдруг тихо и безнадежно прошептала Жанна, сжав руки между колен.

Люлька колеса опустилась в самую нижнюю точку, Ларик подал руку Жанне, и они медленно пошли к выходу.

– Я тоже не особенно верю, если честно. Люди, которые такими делами занимаются, или в курсе таких дел, – прожженные твари. И результата какого-то можно достичь, если играть на их тварных инстинктах, только я пока игрок неважный.

– Откуда ты всё это знаешь, Илларион?

– У меня друзья хорошие и учителя по жизни тоже.

– В твоей деревне?

– Да. А что такого? Деревня раньше вообще была источником умных людей для России. Тут самое простое хозяйство требует от мужика универсальности и смекалки, как нигде. Самая лучшая почва, чтобы вырасти на ней гению. Тишина и нормальный труд. Человеческий. Может, будем когда-нибудь по пять дней только работать. И праздновать праздники по пять дней. Вот здорово будем жить!

– Мечтатель. Мне пора, и мне страшно, я не знаю, что сказать отцу.

– А ты правду скажи. Что любишь Валерку твоего, что мы друг другу совсем не подходим, что у меня есть девушка, в конце концов...

– Всё-таки, девушка?

– Ну, да. Как мне тебя найти, если что?

– Легко запомнить. Телефон пять четвёрок, а потом ещё пять нулей. Четыре, четыре и так далее. В сумме двадцать.

Запомнил?

– Запомнил. Ну что? Попрощаемся, Жанка?

– Попрощаемся, Илларион. Я скажу, что у тебя есть девушка. Хорошо? Я трушу, если честно.

– Хорошо. И не трусь, – Жанна прильнула к нему, обняв его, и зажмурила глаза.

– Наклонись ко мне, Илларион.

– Чего тебе? – Ларик наклонился, и Жанкины руки обхватили его за шею.

– Я бы смогла тебя полюбить. Прощай! – она крепко поцеловала его куда-то мимо губ, почти в нос.

– Прощай! – он отодвинул её от себя.

Но было поздно.

Настя медленно проходила мимо него, как в немом кино, глаза были удивлёнными и беспомощными, и голова её так же медленно разворачивалась к нему, пока девчонки, сокурсницы не подхватили её весело под руки и не потащили в парк, где им предстояло найти тенистую скамейку и прозянаться целых три часа, пока освободится препод. Расписание лекций перед сессией изменили.

От злости у Ларика три раза срывался каблук со стартера.

– Чёрт, чёрт, чёрт! Вот откуда она тут могла взяться? И как я забыл, что сессия у неё началась? Говорили же бабушки на прошлой неделе! Я же спрашивал её, куда она сегодня собирается? Ну, всё, полный пи*дец. Только я без тебя, Настюша, сегодня домой не уеду, скажу всё, как есть, не ду-

ра же ты, в конце-то концов? Мы же так просто, прощались тем более, – Ларик долго и безуспешно пытался себя успокоить. Настины глаза не допускали вольного толкования её отношения к нему. Ларик успешно перевёл это: «Это просто ох*еть, какой же я козёл в её глазах! И что теперь? Случайно опять?! Б*ять!!!»

Мотоцикл он оставил в закутке, около входа в институт, зашел в фойе посмотреть, какое у неё тут расписание на сегодня, у первого заочного филологического? Уточнил тут же у девчонок, сидевших стайкой, явно, что они все были не старше первого курса. Подтвердили, что сегодня у заочников установочные лекции до восьми вечера.

– И как это она домой собирается добираться? – Ларик попросил у этих же девчонок, с удовольствием тут же ставших для него, такого стильного парня, почти своими, листочек бумаги и карандаш, и написал: «Я тебя буду ждать до последнего. Мы у входа слева. И.» Сложил листок и, жирно написав, «Насте Родиной», воткнул в верхнюю щель рамы с расписанием. Не заметить записку было невозможно.

Времени до вечера был целый вагон. Достал из кармана листок с телефоном Ольги Павловны, в фойе института был телефон, двушка нашлась у девчонок, которые с большим энтузиазмом и удовольствием помогали этому разговорчивому красавчику с длинными, как у стилияг, волосами.

На звонок долго не отвечали. Наконец незнакомый голос произнёс: «Приёмная. Слушаю».

– Мне нужно срочно переговорить с Синицыной Ольгой Павловной. Моя фамилия Арсеничев. Она знает, – там тот-час суетливо сказали: «Одну минуточку, сейчас соединю, одну минуточку...»

– Ларик? Каким ветром? Не ожидала, что так быстро тебя услышу.

– Ольга, мне с тобой надо переговорить лично. Когда можно будет подойти?

– Как срочно?

– Ещё вчера.

– Ого! Не ожидала. Ты где?

– На Ленина, напротив Алого.

– Сейчас сможешь подойти?

– Смогу.

– Пропуск будет на вахте, я предупрежу. Паспорт с собой?

– Только права.

– Хорошо, предупрежу. Не задерживайся только. У меня совещание вечером.

Ларик, не торопясь, проехал вдоль площади, над которой возвышался огромный бронзовый Ленин, вспомнил, как с мальчишками бились об заклад, что это там за дверца в будке под постаментом? Но так ничего и не узнали, тайный там ход, или кладовка для веников и тряпок, которыми мыли полированный гранит перед праздниками.

– О чём я сейчас думаю? Бог ты мой! Идиот! Назвался

груздем – не виляй, как карась. Значит, версия одна – мне нужен компромат и хороший компромат, и абсолютно определённый. Заподозрит? Не. У неё фантазии не хватит. А я пообещаю все её заказы на нас устроить. На один-два концертика самых важных и съездим ещё, пацанов к школе готовить – всегда всем деньги нужны. Только не к Самгину, тьфу, тьфу, – Ларик мысленно поплевал через левое плечо. – Поговорю со Строгиным, просто попрошу, нормальный он мужик, поймёт. А потом... А потом будем думать. Меры безопасности? Это вопрос. Она может, – Ларик вспомнил её визгливое: «Тут тебе не клуб с обносками. Здесь власть!» – Ладно, Ольга Павловна, на каждую простоту довольно мудреца. А на каждую дуру-бабу – подлеца-молодца. Так что ли Строгин говорит? Авось прорвёмся, а Жанка? Жаль, что не умею я в шахи-маты играть, как Леон. Дрейфлю я чо-то.

Но, как часто бывает, особенно в молодости, наивная наглость и природное обаяние полдела выигрывают с порога. Фортуна Ларика не подвела. Просто лицо пришлось сделать в меру серьёзным, напряженно злым и... растерянным. Но он, всё-таки, был немного артист, и на кону стояла слишком веская причина.

Поговорить о деле Ольга Павловна вывела его во двор, подалее от родного кабинета, выкурить сигарету, якобы.

Разговор затянулся. Всё поняв, Ольга Павловна долго молчала, вспоминая что-то. Потом расслабилась и даже на-

чала улыбаться.

– И почему же ты так против, а Ларик? Невеста – хоть куда!

– Слушай, вот не начинай, а?

– Думаешь, что наркотиков не хватит?

– Нет, конечно. Я тут у одного спеца проконсультировался...

– У какого?

– У того у самого, у кого надо. Говорит, что это ерунда на самом деле, всё лечится, и её давно лечат. Не прокатит. У многих детки в этом дерьме уже замазаны и никого ничем не удивишь. Только это одно прокатит наверняка. И желательнее с фото. Это будет бомба. Кстати, и тебе это может понадобиться потом, для расчистки дороги. Не век же тебе с твоими мозгами в прислужницах ходить. Ты заметила, Первого у них не было? Значит небосвод там не без облаков. Я тебе ещё кое-что, возможно, подскажу в интересах твоей карьеры...

– Что?

– Не сейчас, чтобы бить наверняка, надо знать наверняка. Нельзя кусать того, кто тебя может целиком сожрать.

– А ты... опасен, как я погляжу.

– Ничего, сработаемся, Ольга Павловна. Ничего случайного в этом мире нет. Когда ждать?

– Ничего не обещаю. Тебя пригласили уже домой?

– Намекали.

– Понятно, сейчас для вида зайдём в кабинет, по дороге

будем обсуждать план развития нашего хора и оркестра. На втором этаже за нами наблюдает моя помощница и по совместительству доносчица. Так что дистанция, Ларик, дистанция. А то, что ты так многоходово мыслишь и умеешь извиняться за свинячье пьянство, мне нравится. Сработаемся. «Всё ко-о-ончено», – передразнила она его.

– Ну, а ты что хотела? Чтобы я тебя сильно обрадовал на глазах у Самгина? Ты, чего доброго, в пляс бы пустилась?

– Ну, уж нет! Не такая я слабонервная. Так, всё. Время не ждёт, сегодня, кстати, я увижу очень даже полезного человека в этом деле. Пойдём, мне пора.

Секретарша записала в записной книжке только одну фразу: «С Арсеничевым говорила сорок минут о расписании концертов. Спорили».

Генералы вообще не подозревают, как много важных дел в их жизни делают за их спиной их горничные и девицы, направляя иногда поток событий в совершенно непредсказуемом направлении.

Проводив Глеба домой, пообещав подумать ещё раз про требование Греча, Леон всё никак не мог отвязаться от тех мыслей, что возникли у него после разговора с Глебом, в ночной тишине дома.

Разговор не выходил из головы. Обычно сдержанный Глеб явно горячился, настаивая на возвращении.

– Неужели так плохо всё? По всем прогнозам рано панику сеять. Ну, шамкать начал? Ещё сто лет прошамкает. Вон какой репортаж состряпали о его роли и достижениях.

Мысли лениво перебирали события последних лет. Радиола «Эстония» в элегантном ореховом корпусе тихонько что-то говорила: «Казахстан гремел своими рекордами... мука появилась, в городах очереди в хлебные магазины исчезли... он из широких степей Казахстана... под его непосредственным... проложил там в сжатые сроки... железнодорожные пути... молодой, сильный... Малая земля... и вот уже какой рывок...»

– А у нас никаких очередей этих и в помине не было. На другой планете жили. Особенно после ЭТОГО, – Леон перевернулся на спину. На потолке трепыхались тени от трепещущих под ветерком листьев берёзки у окна. – Как она тогда сказала?... «Каждый порыв ветра, отблеск огня и волна – уникальны. Что уж о нас, человеках говорить?» Мда, ... о человеках... Неужели за гранью жизни есть нечто? Но письма-то реальны?!

Конец первой книги.

Продолжение следует.

Рисунки и обложка автора. Для оформления обложки книги использованы общедоступные шаблоны фона и шрифтов сайта <https://www.canva.com/design/DAEBXw8jC34/hYF1v3IjdONqXKhCHWYSLg/edit?category=tACZChfZug8>

Конкретные исторические события и факты взяты из открытых источников в интернете.